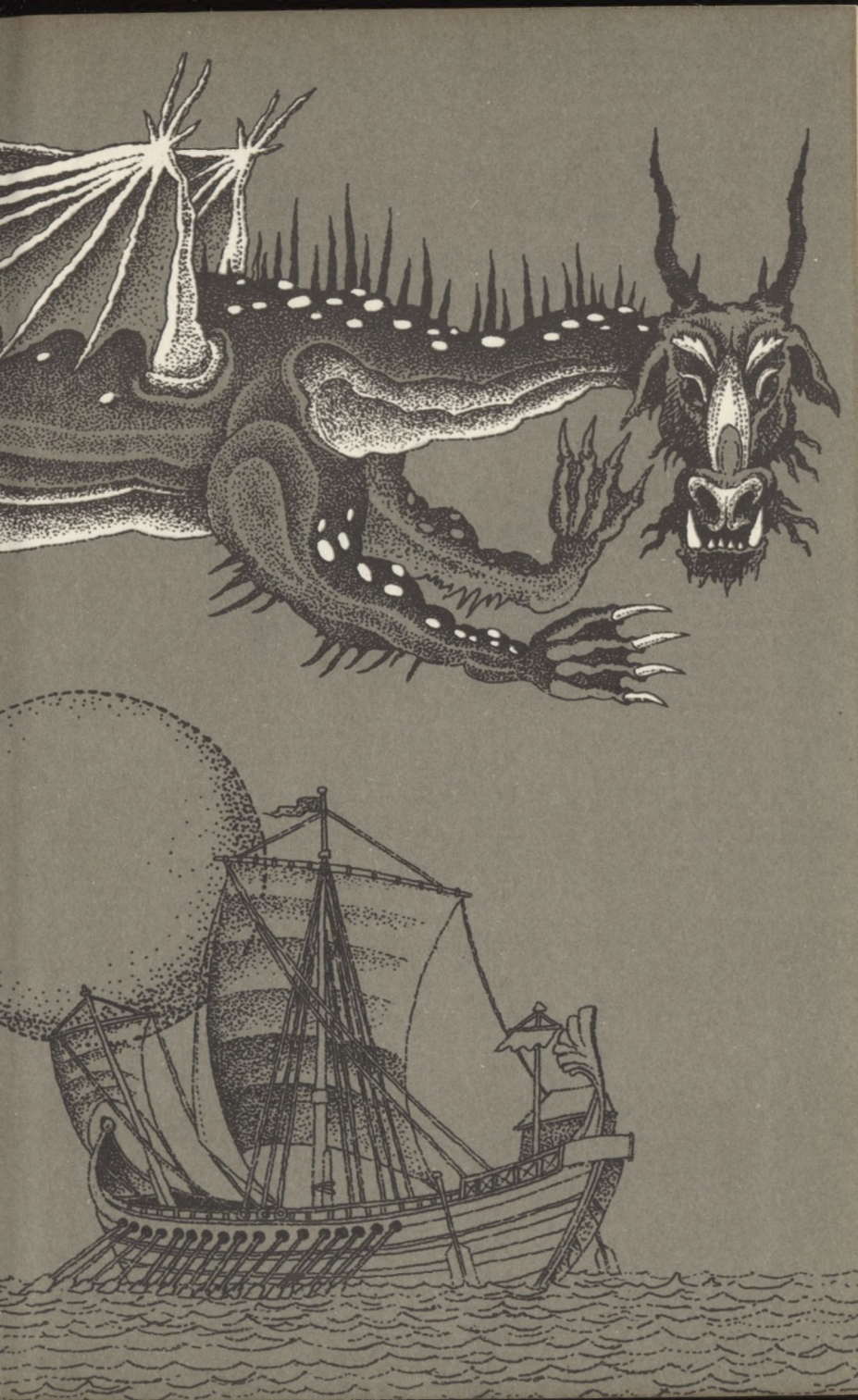

ЛИ
БРЭКЕТТ
Исчезнувшая Луна
ЛИ БРЭКЕТТ

ЛИ

БРЭКЕТТ

Исчезнувшая Луна

ЛИ

БРЭКЕТТ

Драгоценность Баса

Исчезновение венерианцев

Вуаль Астеллара

Исчезнувшая Луна

Венерианская колдунья

Женщина с Альтаира

Шеннеч Последний

Твиннер

Странные

Санкт-Петербург
«Северо-Запад»
1993

ББК 84.7 США
Б 87

Перевод с английского
Бориса Александрова
и
Геннадия Грэя

Брэкетт Ли
Б87 Исчезнувшая Луна: Повести/Пер. с англ. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — 476 с.
ISBN 5-8352-0253-9

Имя американской писательницы Ли Брэкетт уже известно российскому читателю по сериалу о Скэйте «Рыжая звезда».

Настоящее издание является сборником лучших повестей Ли Брэкетт, которые печатались в свое время в прекрасном американском журнале фантастики «Плэнет Сториз» (Planet Stories).

Перепечатка отдельных глав
и всего произведения в целом — запрещена.
Всякое коммерческое использование данного произведения
возможно исключительно с ведома издателя.

© Б. Александров, Г. Грэй, перевод, 1993
© С. Лемехов, иллюстрации, 1993
© «Северо-Запад», подготовка текста, оформление, 1993
® Северо-Запад Зарегистрированная торговая марка. Охраняется законом

ISBN 5-8352-0253-9

РАССКАЗЫ О МНОГИХ МИРАХ

Пожалуй, все началось много лет назад, когда маленькая Ли Брэкетт проводила лучшие годы своей жизни в странствиях по калифорнийской бухте, неподалеку от старенького деревенского домишки, воображая себя отважным пиратом.

И когда в руки этому предприимчивому сорванцу, как называли ее домашние, попалась книга Эдгара Райса Берроуза «Боги Марса», Ли с легкостью перенеслась в новый фантастический мир, на основе которого впоследствии создала свою собственную планету мрачных городов Лау-Канала и пустынных племен с их древней историей, полной тайн и загадок.

Позже родилась и Венера Ли. С Морем Утренних Опалов и Горами Белых Облаков. Это была только ее планета, не похожая ни на одну другую, целиком построенная ее воображением.

Лето 1940 и 1941 годов я провел в Калифорнии, где мы встретились с Ли. А по возвращении в Пенсильванию уже читал ее первые рассказы, отличавшиеся особым изяществом, увлекательностью и мастерски закрученными сюжетами.

Спустя еще пару лет в одном из журналов была опубликована ее самая большая повесть-сказка «Драгоценность Баса», которая произвела на меня впечатление необычного, нетрадиционного произведения. И хотя главные действующие лица — Маус и Сиран — вполне достоверные и земные, если так можно выразиться, люди, я был поражен очень зримо представленным образом чуждых ландшафтов и жуткой

мощью сотворенных ею андройдов, о которых я тоже писал. Помню, тогда я сказал себе, что эта девушка может писать.

Вскоре я прочел «Вуаль Астеллара». Мрачная, западающая в память история человека, приносящего свой народ в жертву любви к инопланетянке, и по сей день кажется мне очень сильной вещью. К тому же каждый раз, когда я перечитываю эту повесть, мне слышится угрюмый, незабываемый голос Генфри Богарта. Правда, Ли не соглашается с этим, но я-то знаю, что в свое время она была восхищена им. Надо сказать, что приглашением продюсера Говарда Хоукса для работы над сценарием фильма Богарта «Глубокий сон», в сотрудничестве с самим Уильямом Фолкнером, а также двумя последующими годами работы в Голливуде Ли целиком обязана выходу в свет именно этой своей повести.

Однако летом 1946 года весь кинобизнес вынужден был остановиться по причине профсоюзной забастовки, а Ли — снова вернуться на Марс и Венеру, к своей первой любви, научной фантастике. В конце этого года мы и поженились.

На этот раз она создала одного из самых знаменитых своих героев — грозного сына Земли, воспитанного на диком Меркурии, — Эрика Джона Старка. Его приключениям посвящена серия «Рыжая звезда», в том числе «Сага о Скэйте», и несколько других повестей. Но самой замечательной из них я считаю «Венерианскую колдунью», в которой борьба с демонической олигархией тщеславного дегенерировавшего рода, разыгравшаяся на великолепно созданном фоне местного колорита, приводит полудикого человека в удивительные глубины газообразного моря и где в финале автор сама неумолимо ведет своего героя к глубокому психологическому поражению, несмотря на выигранную им битву.

В самом деле, лейтмотивом многих повестей Ли звучит заранее обреченная на провал мечта сильного

человека, которая обращается в прах, лишь только становится достижима.

Такова неминуемая участь ее героев, начиная от раннего рассказа «Астеллар» и кончая Джимом Баквортом из исторической повести «Последователь свободного ветра»; они ищут что-то, чего никогда не могут найти, их победа и поражение сливаются воедино за последней строкой повестей «Исчезнувшая Луна» и «Шеннеч Последний». Этим она вызывает странную, совершенно особенную симпатию к ним.

Планеты, созданные Ли, все до одной, несут в себе самостоятельные черты, в их недрах сокрыта некая природная сила. Все они по-своему прекрасны, но вот Меркурию Брэкетт недостает обаяния Венеры и печали древнего Марса. Произошло это благодаря ныне устаревшим и опровергнутым догадкам астрономов, которые считали, что он всегда повернут одной стороной к Солнцу, а другой к космосу и у него есть сумеречный пояс, разделяющий планету на зоны дикой жары и смертельного холода, в котором только и возможно существование каких-нибудь жизненных форм. Поэтому у ее Меркурия нет красоты, нет истории, а только грубая сила. Его природа — главный злодей, заключивший хрупкую жизнь в крепость громадных гор, вознесшихся выше неба, насылающий на нее жестокие грозы и внезапные обвалы, осаждающий жаром и холодом, голодом и жаждой. Чем не подобие Ада!

Случилось так, что прежняя слава Марса совсем поблекла, и, перед тем как вернуться на вымышленную Землю, Ли написала последнюю и самую печальную из марсианских повестей — «Последние дни Шандакора». Мечтатели Шандакора, воскрешающие тени древних легенд, по сути являются зеркалом, отражающим настроение автора, покидающего свой удивительный мир, построенный в воображении в те

давние времена, когда девочка из калифорнийской бухты зачитывалась Берроузом.

Место действия рассказов «Женщина с Альтаира» и «Странные» — Земля на фоне внешней Вселенной, а главные герои — гости из других миров. Написаны они как бы с противоположных позиций, и если пленница с Альтаира поначалу вызывает симпатию, то «странные люди», с точки зрения обыкновенного земного жителя, вызывают лишь страх и удивление.

Один из ее научно-фантастических романов о Земле — «Долгое завтра»— по своему содержанию мог претендовать на место в ряду других классических произведений этой тематики. Он был написан под впечатлением от общения с народом Эмишь, населяющим деревенские окраины Огайо, где мы с Ли купили себе дом. Они живут себе своей простой, древней жизнью, ничуть не нуждаясь в достижениях современной цивилизации. Этот факт послужил отправной точкой к созданию романа о мире после атомной войны.

Прежде чем снова вернуться в Голливуд, за какие-то 18 месяцев Ли написала не только «Долгое завтра», но и еще два романа: «Тигр среди нас», по которому Алан Ледд поставил фильм, и «Око за око», впоследствии вошедший в телесериал из серии Джона Вейна, и еще три сценария: «Хатари» — об африканских джунглях, и вестерны — «Эль-Дорадо» и «Рио Лобо»; все это для своего прежнего продюсера Говарда Хоукса. Помню, в работе над «Эль-Дорадо» произошел небольшой конфликт: продюсер и звезда хотели повторить сцену из «Рио-Браво», а Ли не соглашалась. В конце концов она сказала: «Я знаю, когда перегибаю палку, так что черт с ней!»— и написала злополучную сцену.

Она работала на Голливуд много лет, а в перерывах писала научную фантастику. Один из ее последних сценариев был написан по роману Раймонда Чандлера «Затянувшееся прощание». А во время забастовки сценаристов Ли вернулась к Эрику Старку

и написала серию романов, охватывающих более широкую сферу, чем ее ранние рассказы о нем. «Рыжая звезда», «Собаки Скэйта» и «Грабители Скэйта» — это приключения ее любимого героя в новом громадном звездном мире, занявшем место прежних Марса и Венеры Ли Брэкетт.

Ли вообще была талантливым и трудолюбивым человеком. Сразу после школы она пошла преподавать плаванье и драматическое искусство, хотя, увы, должен заметить, что первое у нее получалось гораздо лучше второго. А летом 1949 года, когда мы с нашими давними друзьями — Г. Каттнером и К. Мур, более ранней супружеской парой писателей-фантастов, чем мы, ездили на Средний Запад, ее таланты были подвергнуты суровому испытанию. Мы до сих пор, например, вспоминаем, как там, в темноте ночи Айовы, ничего не подозревавший Генри столкнулся со слоном.

В 1950 году, вернувшись на Восток, мы купили фермерский домик, построенный аж в 1819 году, в миле от тихой деревушки Кинсмен, в Огайо. Дом пустовал много лет, электричества не было, а за водой нужно было идти к колодцу, выкопанному еще до Гражданской войны. И мы с энтузиазмом, присущим сейчас многим молодым, принялись восстанавливать эти развалины.

Трава вокруг дома была высотой примерно в ярд. И я помню, как, выглянув однажды в окно, обнаружил Ли самозабвенно размахивавшей косой, приобретенной у кого-то в деревне. Поскольку раньше она ею никогда не пользовалась, это было просто чудо, что она не отрезала себе ноги.

Но это было только начало. Мы изо всех сил старались соорудить человеческое жилище из раннеамериканской реликвии. Ли помогала мне выкатывать со двора огромные камни, настилать полы, прибивать к стенам панели и как-то раз даже залезла на крышу помочь прибить дранки.

Временами мы бродили по лесу, собирали землянику и ежевику. В такие вечера Ли выстраивала на столе в ряд кувшины с замечательными джемами и другими деликатесами. А на следующий день с раннего утра снова возвращалась к печатной машинке.

Единственным видом деятельности, на которую ее невозможно было уговорить, была охота, для чего я приобрел отличный карабин с телескопическим прицелом, универсально приспособленным для стрельбы по суркам. Их было целое множество, они рыли себе норы вокруг лужайки у нашего дома. А Ли завела себе привычку наблюдать за ними, когда отрывала глаза от печатной машинки. Они стали для нее почти домашними, и ясно, что мое замечательное ружье так ни разу и не использовалось.

В начале зимы 1956 года мы взяли отпуск на несколько недель для давно запланированной поездки в Египет, Персию и Средний Восток. Но прежде чем это сделать, нам пришлось выкапывать из промерзшей грязи посаженный прошлой весной пастернак. Казалось, что его невозможно сдвинуть с места, и я пошутил, мол, странная интродукция между Голливудом и Египтом, а Ли спокойно ответила: «Это хороший пастернак, и он будет храниться как полагается, прежде чем мы уедем».

Можно подумать, что между двумя загруженными работой писателями, живущими вместе и занимающимися обустройством дома, должны возникать трения. Мы оба знали, как тяжело писать, и с самого начала уважали рабочие привычки друг друга. Когда один из нас уходил в рабочий кабинет, все остальное просто не имело значения.

Меня иногда спрашивают, почему мы не пишем вместе. Конечно, за все эти годы случалось то, что я бы назвал неофициальным сотрудничеством, а совсем недавно мы впервые полноправно сотрудничали над повестью для антологии Харлана Эллисона «Последние опасные видения». Мы решили написать повесть

о наших самых любимых героях: у Ли это, конечно же, Старк, а у меня — персонажи приключений в далеком будущем, о которых я писал много лет назад в серии «Звездные короли». А назвали мы все это — «Старк и звездные короли». Когда мы приступили к работе, совершенно внезапно обнаружилось, что у нас абсолютно разные методы: я пишу конспект и разрабатываю его, и когда я спросил Ли, где ее конспект, она ответила, что его просто не существует: «Я просто начинаю с первой строки и иду дальше». Я был крайне удивлен; для меня это чудовищно трудный способ.

Мы никогда не читаем друг другу незаконченные вещи, чтобы случайно не сбить намеком, пусть даже очень хорошим. Потому что это грозит путаницей противоречивых элементов. Но когда Ли работала над «Последователем свободного ветра», ею было сделано исключение. Видите ли, Джим Вакворт, храбрый мулат, который, отправившись на Запад, стал прокладывать дороги и сделался одним из знаменитых людей, на самом деле был моим героем. Она опасалась, как бы меня не обидело что-нибудь из того, что она о нем напишет, и поэтому, закончив часть, каждый раз давала мне ее прочесть. Так что мне приходилось неустанно рецензировать: «Отлично! Продолжай в том же духе».

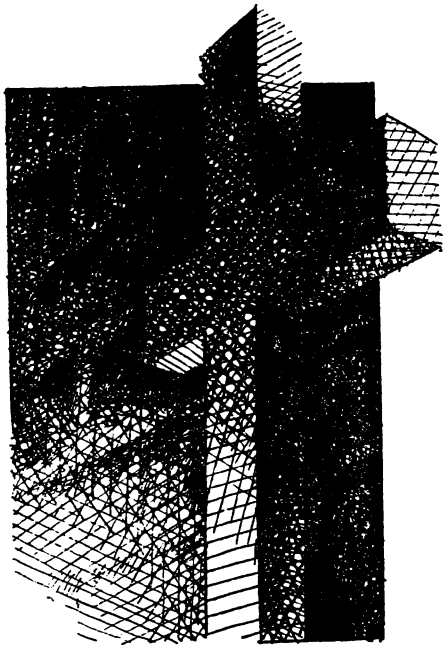
Писать более-менее профессионально я начал лет на десять раньше, чем Ли. Однако мне нашлось чему у нее поучиться. Обычно я заводился и уже не останавливался, поэтому часто выходили непродуманные страницы. Но наличие критика тут же в доме вскоре заставляло меня погасить пыл и возвратиться к тому, что было написано слишком небрежно и поспешно.

Ли, ко всему прочему, очень деликатный критик. Она искренне радовалась, если что-то получалось хорошо. А если какой-то рассказ оказывался посредственным, непроизвольно хмурила брови и начинала тщательно выбирать слова: что-то вроде того, что, мол, вот этот (второстепенный) герой очень хорош. И

ни слова о том, что все остальное ни к черту не годно. Для меня это означало идти и переписывать заново. После стольких лет изготовления конвейерной продукции для дешевых журналов это очень благотворно отразилось на моей работе. И я думаю, а многие согласятся со мной, что мои произведения приобретали все более качественный уровень.

За это и, по крайней мере, за миллион других вещей я благодарен Ли.

Эдмунд Гамильтон

Драгоценность

БАСА

Глава 1

Маус помешивала жаркое, весело шипевшее в маленьком железном котелке. Еды было маловато. Маус задумчиво фыркнула и сказала:

— Ты мог бы сперетъ кусок побольше. Теперь придется голодать до следующего городка.

— Ох-ох-о! — лениво вздохнул Сиран.

Глаза Маус потемнели от гнева.

— Нам есть нечего, а тебе, я вижу, на это наплевать!

Удобно расположившись возле большого замшелого камня, Сиран следил за Маус ленивыми глазами. Он любил наблюдать за ней. Она была маленькая, на голову ниже его, и худенькая, как девочка. За ее черными, вечно всклокоченными волосами ухаживал только ветер, а глазки ее — тоже черные — блестели, как две застывшие капли дегтя. Между ними, на переносице, краснело маленькое клеймо воровки. Тело девушки кое-как прикрывала видавшая виды малиновая туника, и торчащие из-под нее голые руки и ноги были такими же загорелыми, как и у самого Сирана.

Сиран ухмыльнулся, и стало видно, что во рту у него не хватает одного зуба, а на верхней губе четко обозначился старый, давно затянувшийся рубец.

— Еда? Зачем нам еда? — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты разжирела и обленилась.

Маус, весьма чувствительная к намекам насчет ее худобы, яростно прошипела что-то и швырнула в своего спутника деревянной тарелкой. Сиран пригнул косматую голову, позволив тарелке пролететь мимо, и, как ни в чем не бывало, тронул струны арфы,

лежавшей на его голых загорелых коленях. Арфа мягко замурлыкала.

Сирану было хорошо. Жар солнечных шаров, медленно плывущих в красноватом небе, навевал на него блаженную дремоту. После шума и толчеи рыночных площадей и пограничных городов глубокая тишина этого места казалась почти невероятной.

Они устроили привал на узкой гряде, идущей от Фригейских холмов вниз, в прибрежную равнину Атланты. Этот путь был короче, но ходили по нему только бродяги, вроде них. Слева от Сирана, далеко внизу, простиралось угрюмое горящее море, скрытое красноватым туманом. Направо, тоже далеко внизу, раскинулась Запретная Равнина, плоская, тянущаяся до самого края мира, выгнутого вверх, точно края блюдца. Там, где равнина поднималась к небесам, острые глаза Сирана различали огромный, блистающий золотом пик, чья вершина скрывалась в облаках.

Маус неожиданно спросила:

— Это она, Кири? Бет Вита, Гора Жизни?

Сиран извлек из арфы трепещущий звук.

— Она самая.

— Давай поедим, — предложила Маус.

— Боишься?

— Не хочешь ли ты прогнать меня? Может, ты думаешь, что клейменая воровка недостаточно хороша для тебя? Я не виновата, что родилась от таких родителей. Ты тоже имел бы клеймо на своей безобразной роже, но тебе повезло!

И она швырнула в него черпаком.

На этот раз Маус прицелилась лучше, и Сиран не успел уклониться. Черпак задел его по уху. Он сердито поймал его и бросил обратно. Маус отшатнулась, потеряла равновесие, упала, и вдруг из ее глаз покатились слезы.

— Боюсь?.. Конечно, боюсь! Я никогда еще не выходила из города. Кроме того...

Она перешла на шепот.

— Я все время вспоминаю рассказы о Басе Бессмертном, о его андроидах и о серых змеях, которые служат им, и о Камне Судьбы...

Сиран скорчил презрительную мину.

— Легенды, бабьи сказки. Ими только ребятишек пугать. А вот Камень Судьбы...

Огонек жадности мелькнул в его глазах.

— Камень Судьбы — это штука интересная. В нем скрыта такая сила, что владеющий ею человек может править миром.

Он взглянул на голую равнину.

— Может, когда-нибудь я проверю, правда ли это.

— Ох, Кири!

Сильными маленькими ладонями Маус стиснула его запястья.

— Не надо! Не ходи туда! Пока что из Запретной Равнины никто не вернулся!

— Вот именно — пока что!.. — Сиран ухмыльнулся. — Да ведь я не сейчас иду, Мауси. Сейчас я слишком голоден.

Она молча взяла его тарелку и положила в нее кусок мяса. Сиран отложил арфу и выпрямился — крепкий, мускулистый маленький человечек, слегка кривоногий, с добродушным грубоватым лицом, в желтой тунике, еще более оборванной, чем туника Маус.

Они сели. Сиран ел мясо руками.

Маус угрюмо вгрызалась в свою долю. Трапеза продолжалась в полном молчании. Поднялся ветер, раскидал в стороны солнечные шары и занялся исследованием Красного тумана над морем. Через некоторое время Маус сказала:

— Ты слышал, о чем говорят на рыночных площадях, Кири?

Он пожал плечами.

— Мало ли что болтают. Мне-то какое дело?

— Во всех пограничных деревнях говорят одно и то же. Люди, живущие на краю Запретной Равнины, исчезают иногда целыми городами.

— Один человек упал в звериную яму, — раздраженно прервал ее Сиран, — а через две недели сказали, что исчез целый город. Забудь об этом.

— Но подобное случалось и раньше, Кири, только очень давно...

— Очень давно на Равнине жили дикие племена. Они нападали на людей и убивали их, вот и все!

Сиран вытер руки о траву и недовольно добавил:

— Если ты будешь повторять нелепые слухи трусливых баб...

Он вовремя успел выхватить из ее рук тарелку. Маус свирепо смотрела на него и тяжело дышала. Сейчас она и вправду напоминала мышь, только мышь разъяренную, готовую к драке. И даже в этот момент в ее круглых черных глазах светился ум. Сиран засмеялся.

— Иди сюда.

Она сердито подошла. Он посадил ее рядом с собой, поцеловал и взял арфу.

Маус прислонилась головой к его плечу. Сиран вдруг почувствовал себя совершенно счастливым, и арфа его запела сама собой. Перед ним лежали дикие, нехоженые просторы, и нужно было как можно скорее оживить их музыкой, нежным потоком звуков, рожденных дрожащими струнами. Потом он запел. У него был прекрасный голос: чистый, точный, как новое лезвие, но мягкий. Он пел простую песню про двух любящих. Она ему нравилась.

Через некоторое время Маус потянулась, повернула его голову к себе и поцеловала рубец на его губе: ей надоело пение Сирана. Она больше не злилась. Сиран склонил голову. Глаза его были закрыты, но он почувствовал, как напряглось ее тело, и губы ее оторвались от его рта.

— Кири, смотри!

Он гневно откинул голову назад и открыл глаза. Гнев его тут же стих.

Свет, теплый, дружелюбный солнечный свет, который никогда не тускнел, не гас, вдруг как-то неуловимо изменился.

В небе над Бет Витой появилась тень.

Она росла и ширилась. Солнечные шары скрылись один за другим, тьма над Запретной Равниной тянулась к людям.

Маус и Сиран скорчились, вцепившись друг в друга, не разговаривая, не дыша.

Тревожный ветер, вздыхавший над ними, исчез. Долгие, томительные минуты тьма держала их в своих объятиях, потом солнечные шары загорелись снова, а тень ушла.

Сиран глубоко вздохнул. Его прошиб холодный пот, и, когда он сжал в своих руках ладони Маус, он почувствовал, что они тоже холодны, холодны, как смерть.

— Что это было, Кири?

— Не знаю.

Он встал и машинально, не отдавая себе отчета в том, что делает, закинул арфу за спину. Душу его пронзило странное чувство незащищенности, беспомощности, а залитая солнечным светом гордая гряда показалась ему слишком неуютным и даже зловещим местом. Он рывком поднял Маус. Никто из них не произнес ни слова. Глаза их наполнил ужас.

Вдруг Сиран замер, судорожно стиснул в руках котелок с жарким и уставился на что-то позади Маус. Потом он бросил котелок, заслонил девушку своей спиной и выдернул нож. Последнее, что он услышал, был дикий вопль Маус.

Но увидеть, что с ней случилось, он не успел. Какие-то существа, крепкие, молчаливые, ухмыляющиеся, влезли на гряду и окружили бродяг, держа наготове жезлы с опаловыми головками, похожими на крошечный солнечный шар. Эти твари были приземистыми — ростом не выше Маус, — но толстыми и мускулистыми. Серый звериный мех рос на них, как волосы на мужском теле, а на голове он переходил в грубую гриву. Проглядывавшая кожа была серой, морщинистой и шероховатой.

Их плоские, бессмысленные морды украшали звериные носы-пуговицы, во рту блестели острые, серые зубы, а кроваво-красные глаза не имели ни белков, ни зрачков.

Глаза были хуже всего.

Сиран взвыл и бросился на пришельцев с ножом. Один из серых зверей легко уклонился, подпрыгнул и коснулся жезлом затылка Сирана.

В голове певца вспыхнуло пламя, и тотчас наступила тьма, прорезанная криком Маус. Падая во мрак, он вспомнил: «Это — Калды, легендарные звери, служившие Басу Бессмертному и его андроидам, Калды, которые охраняют Запретную Равнину от людей».

Когда Сиран очнулся, оказалось, что он уже на ногах и куда-то идет. Судя по усталости, сковывающей его движения, шел он довольно давно, но когда начался этот поход и что ждет его впереди, он вспомнить не смог. Нож у него конфисковали, но арфа осталась при нем.

Маус шагала рядом. Её черные глаза угрюмо и недоверчиво сверкали сквозь спутанные, закрывающие лицо волосы.

Серые звери с жезлами в лапах окружали их плотной стеной.

Тут Сиран понял, что они идут по Запретной Равнине и зашли уже весьма далеко. Это открытие заставило его вздрогнуть. Он слегка придвинулся к Маус.

— Привет!

Она покосилась на него.

— Черт бы побрал тебя и твою злосчастную судьбу! Значит, все, что говорят в пограничных городах, — брехня, да?

— Я же и виноват! Вот уж совсем по-женски...

Он махнул рукой.

— Ну ладно! Теперь это не имеет значения. Важно, куда мы идем и зачем...

— Откуда мне... Погоди-ка, мы останавливаемся.

Калды жестами велели им стоять на месте. Один из них насторожился, словно услышал что-то вдалеке, хотя до Сирана не долетало ни звука. Затем Калд кивнул головой, и отряд двинулся снова, чуть изменив направление.

Минуты через две перед ними возник глубокий овраг. Если смотреть на Запретную Равнину с горной гряды, она казалась совершенно ровной, на самом деле ее пересекали многочисленные овраги. Весьма широкие и четко, словно мечом, прорезанные, они скрывались за выгнутым вверх горизонтом.

Сиран снова почувствовал неприятную тошноту: он понял, что их ведут к самой Бет Вите.

Старые легенды одна за другой тонут в потоке времени, но всегда находятся люди, которые помнят их и, чтобы заработать на жизнь, распевают на площадях старинные баллады о чудесах, случавшихся в прошлые века. Таков был и Сиран. Он знал множество древних легенд, но ему и в голову не приходило проверить, правду ли они говорили. Тем более — рассказы о Бет Вите. Ходить на Бет Виту человеку нельзя. Оно и понятно. Равнина, все еще называемая Запретной, надежно защищала таинственную гору, и никто не сомневался, что человек, забредший сюда, назад уже не вернется.

Голод, жажда, дикие звери или нечистая сила были тому причиной — только люди не возвращались, и это отпугивало желающих.

Кроме того, единственной причиной, толкающей смельчаков в поход на Бет Виту, были легенды о Камне Судьбы, а люди давным-давно утратили веру в него. Никто не видел ни Баса Бессмертного, который был богом и хранителем Камня, ни его слуг-андроидов, ни их рабов — Калдов.

Предполагалось, что очень давно люди видели их. Сначала, согласно легендам, Бас Бессмертный жил далеко — в зеленом мире, где только один солнечный шар, регулярно восходящий и заходящий, где небо то голубое, то черное с серебром и где горизонт заворачивается вниз. Все это было явной глупостью, но она веселила людей, и им нравилось слушать песни о таких чудесах.

Где-то на этой планете, зеленой с голубым небом, Бас нашел пылающий камень, который дал ему власть над жизнью, смертью и судьбой. Существовало множество сумбурных и противоречивых рассказов о вражде между Басом и обитателями этого смехотворного мира, где небо менялось так же часто, как настроение у капризной женщины. В конце концов Бас, как предполагают, собрал под власть Камня целую толпу своих приверженцев и через громадное

пространство перенес их в этот мир, где они теперь и живут.

Сиран заметил, что эти сказки особенно любят дети. Их воображение было еще достаточно глубоким, а вопиющих нелепостей этих песен они просто не замечали. Для детской аудитории Сиран готов был исполнять весь Древний Цикл.

Итак, после того, как Бас Бессмертный с помощью Камня Судьбы поселил всех этих людей в новом мире, он создал андроидов Кафра и Стьюда и привел откуда-то — может быть, из другого мира — Калдов. Начались войны, восстания, тяжелые сражения за власть между Басом и людьми, но благодаря Камню Бас всегда побеждал.

Из этого бездонного колодца Сиран и черпал материалы для своих баллад.

Но одна легенда сохранила свою первоначальную форму — сказания о Бет Вите, Горе Жизни, жилище Баса Бессмертного, его андроидов и Калдов. И где-то под Бет Витой находился Камень, обладание которым может подарить человеку вечную жизнь и власть над любым богом, в которого человек верит.

Несмотря на свой скептицизм, Сиран заигрывал с этой легендой. Похоже, теперь он идет, чтобы увидеть все своими глазами.

Он оглянулся на Калдов. Нет, таких тварей просто не может существовать в реальной жизни, их место в кошмарном сне, в бреду. Скептицизм его пошатнулся так сильно, что Сирану стало плохо. Он почувствовал себя как человек, который только что очнулся от жутких сновидений и обнаружил, что действительность ничуть не лучше.

Если Калды реальны, то реальны и андроиды, а значит, существует и Бас, и Камень Судьбы.

Сиран даже вспотел от возбуждения.

Маус неожиданно вздернула голову.

— Кири, слушай!

Откуда-то издалека донеслось ритмичное позвякивание металла и шарканье голых или обутых в сандалии ног.

Калды начали подгонять пленников жезлами. Горячая опаловая верхушка жезла один раз уже ударила Сирана, и больше он не желал встречаться с ней.

Возможно, сила, заключенная в этих огненных самоцветах, есть часть силы Камня Судьбы, спящего под Бет Витой.

Шарканье и звяканье стали громче. Вскоре путь конвою преградили два оврага, пересекающиеся друг с другом под прямым углом. Конвоиры и пленники остановились.

Уши Калдов нервно двигались.

Маус испуганно прижалась к Сирану и в страхе взглянула на дно оврага. Сиран тоже посмотрел туда.

К ним приближалось не менее сорока Калдов. Они шли двумя колоннами, с двух сторон охраняя длинную вереницу скованных железными цепями мужчин и женщин.

Пленники были прикованы так близко друг к другу, что это мешало им идти, и стоило кому-нибудь из них попытаться напасть на стражников — и вся шеренга рухнула бы на землю.

Маус ядовито заметила:

— Один человек попал в звериную яму, а через две недели сказали, что исчез целый город. Ха!

Сиран скривил губы.

— Продолжай, Мауси, сейчас это очень уместно.

Он хмуро взглянул на отряд рабов и добавил:

— Что, черт побери, все это значит? Чего они хотят от нас?

— Узнаешь, — отозвалась Маус. — Это твоя злосчастная судьба виновата. — Сиран замахнулся на нее. Маус испуганно отшатнулась.

К ним подошли два Калда и очень осторожно коснулись их кончиками жезлов. На этот раз они не хотели оглушать пленников, довольствуясь лишь легким оцепенением.

Сирана охватило бешенство, он хотел взбунтоваться, ударить стражника, но прикосновение жезла отбило у него всякую охоту двигаться. Как раз в это время к ним подошла колонна рабов.

Сирана затолкали в строй и надели на него ошейник. Перед ним стоял высокий рыжегривый человек. На спине его перекатывались тугие бугры мощных мышц. Веснушчатая, поросшая рыжими волосами кожа была скользкой от пота. Сиран, почти вплотную прижатый к нему, плотно сжал губы и, насколько мог, отвернул лицо.

Маус приковали за спиной Сирана. Она обхватила его талию. Он сжал ее руки.

Глава 2

Калды снова погнали рабов, подгоняя их жезлами. Толпа потянулась вниз, в овраг, все более углубляясь в Запретную Равнину.

Очень тихо, так, чтобы никто, кроме Сирана, не слышал, Маус прошептала:

— Застежки-то еле держатся. Я их в два счета открою.

Сиран снова сжал ее руки. С этой девчонкой не пропадешь!

Через некоторое время Маус спросила:

— Кири, а та тень... мы ее видели?

— Видели. — Он невольно вздрогнул.

— Что это было?

— Откуда я знаю? Ты лучше побереги дыхание. Похоже, что нам еще далеко идти.

Так оно и случилось. Они блуждали в лабиринте ущелий, прорезавших равнину, и ущелья эти становились все глубже. Сиран вдруг поймал себя на том, что все время поглядывает на солнца — сияют ли они еще? Зачем Маус напомнила ему о тени? Он никогда не был так близок к панике, как в тот момент на гряде.

Видимо, товарищи Сирана по несчастью шли в этой колонне очень давно. Рабы устали, но Калды подгоняли их, и лишь тогда, когда обессилевшие люди начали падать с ног, тормозя движение всего отряда, была объявлена передышка.

Они сделали привал в месте пересечения трех оврагов. Калды согнали пленников в плотный круг, так что людям приходилось сидеть на коленях друг у друга, а сами остались на страже. Их быстрые языки облизывали серые зубы, а опаловые наконечники стержней тускло мерцали в густом сумраке ущелья.

Сиран слегка выгнул спину, подставив Маус голову и плечи.

Руки ее быстро нашли скрытую длинными волосами застежку его ошейника. Она орудовала замечательной металлической брошкой, функции которой заключались не только в застегивании туники. Маус отлично владела этим инструментом.

Ее ошейник остался на месте, но Сиран знал, что Маус в любое время может его снять. Она сделала вид, что смертельно устала, склонила голову на плечо Сирана, словно ненароком укрыв его шею своими волосами, и под этой густой черной занавесью ее маленькие проворные руки принялись за дело.

Замок тихо щелкнул. Высокий рыжеволосый мужчина навалился на Сирана и еле слышно шепнул:

— Теперь меня.

Сиран выругался и попытался освободиться, но хотя рыжеволосый казался совсем обессиленным и голос его походил на тихий стон умирающего, сбросить его певцу не удалось.

— Я охотник. Я слышу дыхание кролика в норе. Я слышал, что сказала женщина. Освободи меня, не то я подниму шум...

Сиран покорно вздохнул, и Маус принялась за работу.

До предела измученные рабы не обращали на них никакого внимания. Угольщики, охотники, бондари, тощие оборванцы, отбросы пограничных деревень. Даже женщины здесь были неряшливы и грубы. Сиран задумался.

Человек, навалившийся на него сзади, до сих пор шел во главе колонны. Он был высок и жилист, как оголодавший дикий кот. Сейчас он сгорбился и уро-

нил голову на колени. Длинные лохмы ржаво-серого цвета ниспадали на его плечи.

Сиран подтолкнул его локтем.

— Эй! Только не подавай вида. Хочешь получить шанс?

Косматая голова чуть-чуть повернулась, ровно настолько, чтобы взглянуть на собеседника одним глазом. Сиран внезапно пожалел, что раскрыл рот. Бледный, почти белый глаз смотрел на него со странным нечеловеческим выражением. Таким глазом можно увидеть только бога или демона, а все то, что между ними, он попросту не заметит.

В своих многочисленных странствиях Сиран встречал разных отшельников. Обычно они ему даже нравились, но от этого его мутило.

Человек заговорил, и казалось, что голос его исходит не из горла, как у всех людей, а откуда-то из чрева:

— Нас поработили демоны. Только чистый может одолеть их. Ты чистый?

Сиран чуть не задохнулся.

— Как птенчик из гнезда, — ответил он, — только что вылупившийся птенчик, еще в скорлупе.

Холодный бледный глаз смотрел на него, не мигая.

Сиран превозмог жгучее бессознательное желание двинуть его как следует и сказал:

— Мы можем освободиться и, когда наступит время, сомнем Калдов.

— Только чистый может выступить против демонов.

Сиран состроил невинную улыбку. Рубец и дыра между зубами несколько портили эффект, но взгляд получился что надо — нежный и кроткий, как у ягненка.

— Ты поведешь нас, Отец, — проворковал он. — С твоей чистотой мы не можем проиграть.

Отшельник подумал и сказал:

— В таком случае я приказываю: дай мне фик.

Сиран недоуменно вытаращил глаза.

— Фик, — терпеливо повторил отшельник. — Фомку.

Сиран устало вздохнул и сказал:

— Маус, передай джентльмену отмычку.

— Не лучше ли мне сделать все самой? — обиженно спросила она.

Отшельник холодно взглянул на нее, наклонил голову и зажал руки в коленях.

Затем он повернулся к напарнику с другой стороны и побил рекорд времени, затраченного Маус, на добрую треть.

Сиран захохотал. Он лег на колени Маус, сотрясаясь в тихой истерике. Она яростно колотила его по спине и шее, но даже это не могло его остановить. Наконец он поднял голову, посмотрел слезящимися глазами на сердитое личико девушки и прикусил пальцы, чтобы снова не засмеяться.

Отшельник уже невозмутимо работал над следующим.

Калды ничего не заметили. Маус и отшельник работали чисто. Сиран снял арфу и взял несколько звучных аккордов. Калды повернули к нему свои красные глаза, но похоже, что музыка не внушила им никаких опасений.

Сиран успокоился и заиграл громче.

Под прикрытием звучавшей арфы он объяснил свой план большому рыжему охотнику. Тот кивнул и зашептался с соседом.

Сиран запел.

Самым уместным в данной ситуации он счел плач черных дикарей Киммерии, исполняемый у гроба вождя. Калды сидели, наслаждаясь отдыхом. Они не видели, как Сиран послал по кругу слово надежды.

Цивилизованные люди, вероятно, не смогли бы скрыть свою радость, но тут, в связке, находились пограничные жители, осторожные и замкнутые, как животные. Только по их глазам было заметно, что они все видели и все поняли.

Под прикрытием тесно сгрудившихся тел, длинных волос, склоненных голов и широких спин они принялись действовать заколками и пряжками, какие у них нашлись.

Сиран побежал. Он не думал, куда бежит, лишь бы уйти и увести с собой Маус. Потные тела сталкивались и дико орали во мраке. Сирана и Маус дважды сбивали с ног, но это не остановило их.

Наконец они выбрались на свободное пространство. Вверху снова разгорелся свет: сперва появились бледные слабые лучи, потом небо озарилось ярким сиянием. Они оказались на краю оврага, чье дно было утоптано тысячами босых ног. Не раздумывая, Сиран спустился вниз.

Вскоре Маус выбилась из сил и упала. Сиран рухнул рядом. Они лежали, тяжело дыша и вздрагивая, как охваченные паникой животные. Когда появился свет, Сиран слегка вскрикнул. Маус крепко прижалась к нему, как будто хотела раствориться в его теле. Ее била дрожь.

— Кири, — прошептала она, — что это?

Сиран прижал ее голову к своему плечу.

— Не знаю, милочка. Но теперь все в порядке. Оно ушло.

Уйти-то ушло, но может вернуться, ведь однажды уже так было. В следующий раз оно может и остаться.

Тьма и внезапный холод.

В памяти Сирана ожили старые, полузабытые легенды. Если Бас Бессмертный существует, и Камень Судьбы тоже, и Камень дает Басу власть над жизнью и смертью во всем мире... Что тогда?

Может, Басу надоел мир и он хочет уничтожить его?

Но здравый смысл упрямо твердил, что такого не может быть, потому что этого не может быть никогда, и Сиран слегка успокоился.

Но тот внезапный мрак!.. Он-то был, а значит, может и повториться.

Певец тряхнул головой и попытался поднять Маус, но тут его чуткий слух уловил звук шагов.

Сюда бежало несколько человек.

Спрятаться было негде. Сиран заслонил Маус своей спиной, притаился и стал ждать.

Первым появился охотник, за ним отшельник, прихрамывавший, как больной кот, а позади — кто-то

незнакомый. Все они выглядели слегка спятившими и, похоже, не собирались останавливаться.

— Эй! — крикнул Сиран.

Они замедлили ход, уставившись на Сирана пустыми, бессмысленными глазами. Сиран уже пришел в себя, а потому их растерянность разозлила его.

— Все уже прошло. Чего вы испугались? Все кончилось.

Вряд ли они заслуживали того, чтобы на них сердиться, но он был слишком зол.

— Что там с Калдами? Что вообще произошло?

Охотник нервно провел своей громадной ладонью по лицу и рыжей бороде.

— Там все спятили, есть убитые и раненые. Некоторые убежали, как и мы, остальных схватили снова.

Он дернул головой.

— Они идут сюда. Они охотятся за нами. Эти серые звери идут по запаху.

— Тогда надо бежать.

Сиран повернулся.

— Маус! Эй, Мауси! Встряхнись, милая. Теперь все в порядке.

Она вздрогнула и глубоко вздохнула.

Отшельник уставился на них безумными глазами.

— Это было предупреждение, — сказал он, — знамение суда, от которого спасется только чистый.

Он указал костлявым пальцем на Сирана.

— Я говорил тебе, что зло не может победить демонов!

Эта фраза задела Маус. Ее черные глаза вновь яростно вспыхнули. Она шагнула к отшельнику.

— Зло? Это мы-то зло?! Мы никогда и никому не сделали вреда, разве что брали немного еды или выпивки. Кроме того, кому бы, черт побери, говорить! Ты так ловко управился с отмычкой! Видать, у тебя была немалая практика...

Маус остановилась, чтобы перевести дух. Сиран взглянул в лицо отшельника, и у него свело живот. Он попытался остановить Маус, но та уже чувствовала себя лучше и вошла во вкус. Она пустилась в детальный анализ физических данных и происхож-

дения отшельника, а в изобретательности ей никто не мог отказать.

В конце концов Сиран зажал ей рот рукой — осторожно, чтобы не получилось хуже.

— Прекрасное выступление, — объявил он, — но нам пора убираться. Закончишь попозже.

Она начала лупить его пятками по голени, но тут же остановилась и испуганно сжалась. Она смотрела на отшельника. Сиран тоже взглянул на него и почувствовал, как мороз пробежал по его коже.

Отшельник же спокойно сказал:

— Ты закончила?

Его бледные глаза не отрывались от нее. В ледяном спокойствии его голоса не было ничего человеческого.

— Вы — зло. Вы — воры, и я это знаю, потому что сам был вором. Вы носите на себе грязь мира и не желаете очиститься.

Он двинулся к ним. Он даже не шагнул, только слегка качнулся в их сторону, но Сиран отступил.

— Я убил человека. Я совершил грех, поддался злобе, но теперь в душе моей мир и покой. О таком покое вы и мечтать не можете. А я убью снова, если понадобится, и без угрызений совести!

Никто не усомнился в его словах, никто не попытался, как прежде, посмеяться над ним. Он не запугивал, он просто констатировал факт, и устрашающее достоинство переполняло его. Сиран хмуро уставился в землю.

— Черт побери, — проворчал он, — мы извиняемся, Отец. Маус быстра на язык, и оба мы были напуганы. Она не имела в виду ничего плохого. Мы уважаем все людские пути.

Последовало холодное, тяжелое молчание. Затем тот, кто прибежал третьим, в возбуждении завопил:

— Бежим! Вы хотите, чтобы вас схватили снова?

Это был угловатый, весь состоящий из узлов, невысокий, сильный человек с седеющими волосами и темной, грубой кожей. На бедрах его болталась юбка из шкур, а из густой сети морщин на лице выглядывали маленькие карие глазки.

Охотник повернулся и пошел вниз по оврагу. Остальные молча направились за ним.

Сиран задумался. Ко всем их бедам прибавился еще и сумасшедший отшельник.

Он чувствовал холод между лопатками, и это ощущение не прошло, даже когда он вспотел от ходьбы.

Овраг, по-видимому, был основным путем, ведущим КУДА-ТО. Судя по всему, недавно здесь прошла большая толпа людей.

Об этом говорили и безжизненные тела, отброшенные в сторону и оставленные здесь на произвол судьбы.

Узловатый человек — охотник по имени Рэм — долго и бессмысленно осматривал эти безымянные трупы.

— Пока меня не было дома, — произнес он, — серые бестии увели мою жену и старшего сына.

Он угрюмо отвернулся от трупов.

Рэм и рыжий охотник взобрались на растрескавшиеся стены оврага, чтобы узнать, куда ведет их эта дорога.

Маус заикнулась было, что идти следует по Равнине, где их нельзя будет окружить, но охотники мрачно посмотрели на нее.

— Серые бестии идут по верху, — сообщили они, — по нашим флангам. Если мы выйдем наверх, им останется только посадить нас на цепь.

Сердце Сирана заколотилось.

— Иными словами, они пасут нас. Мы идем туда, куда они хотят, так что им нечего трудиться, окружая нас.

Охотник кивнул и с профессиональной сдержанностью заметил:

— Это они хорошо придумали.

— Да, хитро! — рявкнул Сиран. — Но я хотел бы знать, нет ли какой-нибудь другой дороги назад?

— Я в любом случае пойду туда, — заявил Рэм. — Моя жена и сын...

Сиран подумал о Камне Судьбы и даже обрадовался тому, что обратной дороги нет.

Они шли легко, не спеша. Сиран кусок за куском воссоздавал картину захвата рабов: шайка Калдов спокойно приходит в одинокую пограничную деревню, прочесывает лес и заросли кустарников, чтобы никто не смог скрыться. Куда они ведут людей и зачем — никто не знает.

Рыжий охотник замер на месте, остальные остановились за его спиной, инстинктивно сдерживая дыхание.

— Люди. Много, — прошептал охотник.

Его ладонь выразительно призвала к тишине.

По коже Сирана пробежали мурашки. Он взял руку Маус и крепко сжал ее. Отшельник засмеялся, тихо, как дуновение ветра.

— Суд, — прошептал он. — Идут великие.

Его бледные глаза загорелись.

— Гибель и разрушение, тень через весь мир, тьма и смерть.

Он по очереди оглядел всех, вскинул голову и снова беззвучно рассмеялся.

— Из всех нас только я о д и н не боюсь!

Они двинулись дальше, шагая медленно и бесшумно. Сиран оказался впереди, рядом с рыжим охотником.

Они дошли до зиявшей в стене расщелины. В десяти футах над ними расщелина превратилась в подземный туннель. Вход в этот туннель был хорошо укреплен. Перед расщелиной сидели два Калда и следили за своими разгоравшимися жезлами.

Пятерка беглецов остановилась. Калды не двинулись с места. Они облизывали губы и явно не спешили подойти к людям. Кроваво-красные глаза их радостно сверкали.

Сиран застонал.

— Вот оно. Будем ли мы храбрыми или только проворными?

Охотник сжал огромные кулаки. Рэм издал дикий звериный рык, бросился вперед и упал на колени перед чем-то, чего Сиран сначала не заметил.

У подножия утеса лежала женщина: смуглая, худая, не очень молодая, с простым добрым лицом.

Коренастый, широкоплечий мальчик лежал рядом с ней. На его шее краснел сильный ожог. И мальчик, и женщина были мертвы.

Сиран подумал, что женщина, вероятно, упала от изнеможения, а мальчик умер, защищая ее.

Рэм провел дрожавшей рукой по мертвым лицам. Его собственное лицо покрылось такой же мертвенной бледностью. Больше кричать он не стал. Он молча поднялся и бросился на ближайшего Калда.

Глава 3

Он кинулся вперед, как зверь, быстро и бездумно. Но Калд тоже оказался проворным. Он резко ткнул в Рэма жезлом, однако маленький загорелый человек бежал так быстро, что жезл не остановил его. Вероятно, он умер на середине прыжка, однако его тело успело врезаться в тяжелую тушу и сбить чудовище с ног.

Быстрым кошачьим прыжком Сиран ринулся вслед за Рэмом. Он слышал, как охотник позади него рычал и бил Калда голыми ногами. Сиран не видел второго Калда, он не замечал ничего, кроме мускулистой серой руки, пытавшейся вытащить жезл из-под тела Рэма. Отвратительно воняло горелой плотью.

Сиран перехватил серое запястье, вцепился в него другой рукой и принялся выкручивать. Кость треснула, но Сиран не удовлетворился этим. Вскоре лопнула плоть, и осколки серой кости вылезли наружу. Руки Сирана скользили в крови. Серая бестия раскрыла рот, но не издала ни звука. Сиран решил, что зверь немой.

Опаловый жезл достался победителю.

Серая лапа другого Калда протянулась к горлу Сирана, но тот ударил по ней жезлом. Она отдернулась, а Сиран воткнул блестящий наконечник в горло Калда.

Откуда-то издалека донесся голос Маус.

— Он готов, Кири, не пережаривай его.

Что ж, судя по запаху, она была права.

Сиран встал, посмотрел на жезл, который держал на отлете, и присвистнул.

Маус сказала:

— Хватит любоваться. Пошли. Охотник сказал, что слышит звон цепей.

Сиран оглянулся. Первый Калд с неестественно выгнутой, очевидно, сломанной шеей валялся у его ног. На нем лежал темнокожий коренастый мальчик. Охотник произнес:

— Я думаю, он был бы рад тому, что послужил дубиной для убийства Калда.

— Да, — согласился Сиран.

Он посмотрел на Маус. Она, казалось, была в полном здравии.

— А я-то думал, что женщины падают в обморок от подобного зрелища.

Маус фыркнула.

— Я родилась в Воровском квартале. Игрушками нам служили человеческие черепа: они куда дешевле мячей.

— Когда я в следующий раз задумаю жениться, — сказал Сиран, — я, пожалуй, наведу справки о своей невесте. Пошли.

Они спустились в туннель, уходящий под Запретную Равнину. Охотник, настороженный и чуткий, словно лесной зверь, шел впереди. Сиран замыкал шествие. У обоих в руках сверкали трофейные жезлы.

За все время схватки отшельник не проронил ни слова и даже пальцем не шевельнул, чтобы помочь своим спутникам.

В подземелье было очень темно, но не холодно, пожалуй, даже теплее, чем снаружи, и, по мере того как они спускались, становилось жарче.

Сиран услышал отдаленный грохот, как будто сотня, а может быть и тысяча, вооруженных людей изо всех сил колотит по щитам. Сотня невидимых глаз смотрела на него из темноты, чье-то бесшумное дыхание касалось его лица, кто-то молча ходил рядом с ним. Иногда до него доносились треск и скрип

металла, но откуда брались эти странные, тревожные звуки, Сиран понять не мог.

Они шагали по хорошей дороге, ведущей все глубже и глубже под землю. Впереди блеснул яркий свет. Охотник призвал к осторожности и замедлил ход. Бесшумные, как четыре призрака, они прошли через арку под чистые, голубые лучи, льющиеся откуда-то сверху. Они остановились на узком, отшлифованном человеческими руками выступе. По обе стороны от него шли природные грубые стены и нагромождение сталактитов. Над выступом в темноте виднелось высокое перекрытие арки, а впереди простиралось свободное пространство, в конце которого Сиран разглядел каменную стену.

Внизу темнела шахта, такая глубокая, что Сиран вытянул шею, пытаясь разглядеть дно. Яркий бело-голубой свет на дне освещал две трети высоты шахты.

Там в лучах ослепительного света работали люди. На такой глубине они казались не крупнее муравьев. Цепей на них не было, и стражей Сиран не видел. Но он тут же забыл и думать об этом. Все его внимание приковало чудовищное, немыслимое сооружение, поднимающееся со дна.

Блеск полированного металла, хитроумное переплетение конструкций, замысловатые опоры, перекрытия, непонятные отростки... В странном оцепенении Сиран уставился на него.

Башня еще не была закончена. Сиран не мог себе представить, для чего она, но ему вдруг стало страшно. Его пугали не чудовищные размеры сооружения, не загадочность металлической, ни на что не похожей конструкции. Его пугала эта вещь сама по себе.

Она дышала Властью. Ее переполняла Сила. Титан, растущий в темных недрах, готовый выйти наружу, схватить мир и играть с ним, как Маус играла с пустым черепом.

И Сиран понимал, что человеческий разум не в силах постигнуть это сверкающее чудовище, что навсегда, до конца времен, оно останется чуждым, враждебным тому миру, в котором он родился и вырос.

Рыжий охотник сказал просто:

— Я боюсь. Это пахнет западней.

Что-то подступило к самому горлу Сирана — возможно, это было его собственное сердце.

— Нравится нам или не нравится, приятель, но мы здесь, и не лучше ли нам убраться с глаз долой, пока этот закованный в кандалы отряд не наткнулся на нас?

В стороне, там, где черные тени скрывали ниши в стенах и каменные столбы сталактитов, наверное, будет спокойнее. Здесь был спуск на дно пещеры — головокружительный зигзаг выступов, висячих лестниц, ступеней.

Но спускаться пришлось бы на виду у обитателей пещеры.

Они шли по краю. Лицо Маус так побледнело, что клеймо между ее бровями казалось каплей крови.

Отшельник держался уверенно, как в собственном доме. Казалось, вид сияющего гиганта придает ему сил, наполняет энергией, которая страшным блеском светилась в его глазах.

Почему-то Сирану это не понравилось. До сих пор отшельник был невозмутимее мертвеца. После перебранки в овраге он не сказал своим спутникам ни слова.

Беглецы укрылись среди сталактитов. Сиран смотрел на выступ.

— Они охотятся по запаху? — прошептал он.

Охотник кивнул.

— Наверное, но теперь им нас не найти. Здесь слишком много запахов. Но как случилось, что те двое ждали нас у входа в туннель?

Сиран пожал плечами.

— Телепатия. Передача мысли. За морем каждый второй умеет делать это. А чем Калды хуже?

— Ты что же, думаешь, что у них человеческий мозг?

— Глупости. Не человеческий и не звериный, а все же они могут мыслить, это понятно.

— Так, значит, они и придумали эту штуку?

Охотник указал на шахту.

— Нет, — задумчиво протянул Сиран. — Это придумали не они...

— А кто же...

Охотник не закончил.

— Тихо! Сюда идут!

Сиран затаил дыхание, выглядывая одним глазом из-за сталактита. Из туннеля вышла группа серых конвоиров. За ними тянулся отряд пленников. Колонна прошла по карнизу и начала спускаться на дно пещеры. Лица людей хранили удивительную безмятежность.

Некоторые ошейники оставались пустыми, и отряд Калдов значительно поредел. Видимо, некоторые из них остались снаружи, чтобы выследить четырех удачливых беглецов.

Это означало, что назад хода нет.

Сирану пришла в голову идея. Когда последний в цепочке узников и стражи спустились и перевалили через край, он шепнул:

— Пошли. Спустимся следом за ними.

Маус испуганно взглянула на него. Он нетерпеливо пояснил:

— Они же не станут оглядываться, я надеюсь. А пока колонна спускается, никто не сможет подняться наверх. Но если ты лучше меня знаешь, как сойти с этого проклятого насеста, то давай выкладывай свои задумки.

У Маус никаких задумок не было, и охотник кивнул:

— Неплохо. Пошли.

Они стали спускаться, тихо, как настоящие демоны. Сказывались их воровские и охотничьи привычки: лист, упавший с дерева, не произвел бы больше шума, чем их шаги.

Глаза отшельника при всяком удобном случае поворачивались к сияющему монстру. Было ясно, что в его косматой голове созревала какая-то идея. Сиран подозревал, что разумней всего было бы скинуть отшельника с лестницы, но одно дело — ударить человека ножом в уличной драке, и совсем другое —

хладнокровно прикончить ничего не подозревающего старика.

Потом он торжественно клялся никогда не поддаваться неуместному гуманизму, но было уже поздно.

Никто их не видел. Калды и их рабы были слишком заняты опасным спуском, чтобы без толку глазеть по сторонам. Миновала беглецов и другая опасность: никто не шел следом за ними. Из предосторожности они пропустили колонну далеко вперед, сохраняя между собой и рабами почтительную дистанцию.

Казалось, этому нисхождению в ад не будет конца. Металлическое чудовище рядом с ними росло и росло. Оно было прекрасным. Глядя на него, Сиран и восхищался, и трепетал, и ненавидел одновременно.

Затем он заметил, что на этой махине работают люди, ползающие, как муравьи, по ее перекладинам и аркам.

Некоторые работали жезлами, не слишком отличавшимися от того, который держал Сиран. Они сваривали металл, и их силуэты маячили в искрах жаркого света.

Другие монтировали громадные металлические детали, поднимая их со дна пещеры на длинных веревках и аккуратно прилаживая на место. У Сирана захватило дух: он понял, что металл здесь весит не больше пара.

В любую минуту рабочие могли их заметить. Беглецы уже миновали две или три группы строителей, как вдруг один из сидящих на башне людей поднял голову и в упор взглянул на них.

Сиран принялся делать отчаянные знаки, однако человек не обращал на его жесты никакого внимания. Сиран вгляделся в его глаза и опустил руки.

— Он ничего не видит? — прошептала Маус. — Он слепой?

Человек снова вернулся к работе. Он искусно прилаживал мелкие детали к отверстиям основы. Такой работы Сиран нигде в своих странствиях не наблюдал.

— Нет. Он не видит только нас.

Охотник нервно облизал губы. Отшельник беззвучно засмеялся. Беглецы двинулись дальше.

На всем их пути вниз повторялось одно и то же: мужчины и женщины смотрели на них, но не видели. Вскоре им пришлось остановиться, чтобы дать отряду рабов уйти подальше. Неподалеку работала женщина. Она походила на изголодавшуюся кошку. Сквозь рваные лохмотья проглядывали тощие ребра, мучительная одышка искажала лицо, но глаза оставались пустыми.

Внезапно, не закончив движения, она съежилась, словно бурдюк, из которого вылилась вода, и упала в пропасть. Сиран понял, что она умерла до того, как соскользнула с балки.

Нечто подобное они увидели еще два раза.

Работавшие не обращали на смерть своих товарищей никакого внимания.

Маус смахнула капельки пота со лба и поглядела на Сирана.

— Хорошенькое местечко для медового месяца! Черт бы побрал тебя и твою злосчастную судьбу!

На этот раз у Сирана не возникло желания стукнуть Маус.

Последние ступени лестницы уходили под металлические навесы, в царство грохота и жары. Четверо соскользнули в густую тень между двумя навесами и скорчились за большой горой металлолома. Отсюда им было хорошо видно, что происходит с вновь прибывшим отрядом пленников.

Калды поставили рабов между массивными столбами из белого металла, на которых держалась вся уходящая ввысь башня. У подножия утеса лихорадочно метались огни. Загадочного вида светильник, укрепленный на брусьях, и разверстые пасти раскаленных печей заливали все окружающее жарким бело-голубым светом.

Никто из строителей не оглянулся на новую партию закованных в цепи рабов. Стражи здесь не было.

Конвоиры отошли в сторону и замерли в ожидании. Все они смотрели в одну точку, выкатив красные

глаза и оскалив серые зубы. Сиран проследил направление их взглядов и вдруг застыл.

Пот, струившийся по его телу, сразу стал холодным, как роса на жабьей спине.

Сначала ему показалось, что между столбами шел человек — высокий, стройный, плотно завернутый от макушки до пяток в белую металлическую сетку, сверкавшую, как речная гладь под солнцем.

Когда это существо подошло ближе, Сиран понял, что ошибался. Животный инстинкт почувствовал это раньше, чем мозг. Сирану хотелось зарычать, ощетиниться, поджать хвост и бежать.

Существо было бесполым. Темно-желтая кожа на его руках и лице казалась резиновой. Человеческое с виду лицо было слишком правильным, слишком совершенным, чтобы походить на живое. Бесцветные губы, отсутствие волос и ресниц лишь усиливали это впечатление.

Глаза его показались Сирану клубком холодных змей, взгляд их наполнял душу ужасом и отвращением. Эти глаза даже приблизительно не напоминали человеческие — черные, глубокие, непроницаемые, бессердечные, бездушные, ледяные.

Но мудрые. Такой мудрости людям никогда не достичь, никогда не исполниться такой холодной, всесокрушающей мощи. И старые. Собственно, обычных признаков возраста не существовало, но было нечто большее: безмолвное, таинственное дыхание древности.

Сиран понял, кто это. Он сочинял песни про это существо и пел их на переполненных народом рыночных площадях, в прокопченных дымом винных погребках. Он пугал им детей и заставлял хохочущих взрослых вздрагивать.

Но сейчас он не пел и не смеялся. Он смотрел на одного из андроидов Баса Бессмертного, на таинственное порождение Камня, ни телом, ни душой не связанное с человечеством.

Тогда Сиран догадался, чей разум сотворил вздымающееся рядом сверкающее чудовище, и отчетливо понял, что монстр этот есть само зло.

Андроид поднялся на платформу против отряда рабов и остановился там, где все могли его видеть. В правой руке он держал жезл из белого металла с шариком на конце. В ослепительном свете и жезл, и металлическая сетка, сидевшая на андроиде подобно футляру, засияли еще ярче.

Скованные люди подняли головы. Сиран увидел испуганный блеск в их глазах, услышал их тяжелое дыхание и звон цепей.

Калды сделали предупредительный жест своими жезлами, но люди не сводили глаз с андроида.

Внезапно он поднял жезл над головой.

Круглый наконечник жезла скрылся за балкой. Свет потускнел, а затем и совсем погас.

На секунду все окутала тьма, лишь из печей и горнов струился слабый свет. Затем из-за балки, скрывшей верхнюю часть жезла, брызнули яркие матовые лучи. Они залили все пространство между гигантскими столбами, и в туманном воздухе вскользнулись знамена ослепительного пламени.

Калды почтительно и благоговейно склонились, красные глаза их горели, как угли.

По толпе оборванных рабов пробежал трепет: так ветер волнует пшеничное поле. Раздались чьи-то истеричные вскрики, но вскоре все замолкло. Рабы, как завороженные, смотрели на жезл. Андроид не шевелился, не говорил, только стоял, вытянувшись, как серебряное копье.

Сиран встал. Он смутно сознавал, что Маус рядом с ним ловит воздух раскрытым ртом и не сводит глаз с молочных искр.

Рядом зашевелился еще кто-то, но Сиран не обратил на это внимания.

Ему хотелось подойти ближе к свету, он хотел видеть, откуда исходит этот свет. Кровь его заискрилась, забурлила.

Хотелось ему и убежать, но желание подойти пересиливало страх. Да и страх этот был почти приятным.

Он начал было перебираться через кучу металлолома, когда андроид вдруг заговорил — чистым, яс-

ным, зовущим голосом, в котором не было ничего угрожающего. Однако что-то остановило Сирана, что-то толкало его прочь от этого дурманящего, влекущего сияния.

Он понимал звук, он понимал настроение, он был восприимчив к ним, словно к музыке кормившей его арфы. Он понял все, что сказал андроид, вернее, все, чего он не сказал, и, поняв это, остановился, не в силах сделать и шага вперед.

В этом зовущем голосе не было эмоций, которые существуют с тех пор, как человек познал слово. Этот бесстрастный голос мог принадлежать лишь холодному, рассудочному существу, столь же чуждому роду человеческому, сколь чужда тьма солнечным лучам. Можно было проникнуть в мир его мыслей, можно было даже понять, о чем он думает, но непреодолимый страх охватит всякого, кто столкнется с этим чудовищным интеллектом, как охватывает ужас животных, столкнувшихся со страшной тайной огня.

— Спите, — говорил андроид, — и слушайте мой голос. Откройте свой мозг и слушайте.

Глава 4

Сквозь сверкающую радужную дымку Сиран наблюдал расслабленные, тупые лица рабов.

— Вы ничто. Вы никто. Вы существуете только для рабства, для работы, для повиновения. Вы слышите? Вы понимаете?

Строй потрепанных людей качнулся и слабо застонал. В этом стоне-вздохе слышалось только удивление и желание. Непослушными губами люди повторили эту литанию.

— Ваш мозг открыт моему мозгу. Вы услышите мои мысли и никогда не забудете их. Вы не будете чувствовать ни голода, ни жажды, ни усталости. Вы не будете нуждаться ни в отдыхе, ни в сне.

Снова литания. Сиран провел рукой по вспотевшему лицу. Помимо его воли свет и бездушный гипно-

тизирующий голос захватили его. Он прикусил пальцы, благодаря неведомых богов за то, что не видит источника света: он не смог бы противиться его лучам. Может, это тоже власть Камня Судьбы?

Резкий хруст привлек его внимание к куче обломков. Отшельник уже наполовину перебрался через нее, Маус двигалась следом за ним.

Сиран бросился следом, но споткнулся о железные обломки и не успел схватить Маус. В отчаянии он окликнул ее, но она ничего не слышала. Она жаждала света.

Сиран вскарабкался на кучу. Отшельник бежал на четвереньках, как огромный серый кот.

Малиновая туника Маус была вне досягаемости Сирана. Он схватил горсть мелких обломков и запустил их в спину девушке.

Она повернула голову и злобно оскалилась. Вряд ли Маус понимала, что хочет от нее Сиран, вряд ли она даже видела его. Движениями ее руководил свет. Отшельник страшно завизжал.

Громадная рука схватила Сирана за лодыжку и поволокла обратно. Он отбивался, размахивая жезлом, который все еще сжимал в руке. Вторая рука безжалостно схватила его запястье.

Рыжий охотник бесстрастно выдохнул:

— Пусть идет. Мы уходим.

— Маус, вернись, черт побери!

— Тебе не удержать ее. Пошли быстрее.

Сиран продолжал лягаться и отбиваться.

Точным, рассчитанным движением охотник ударил его в ухо, выхватил жезл из его ослабевшей руки и взвалил Сирана на свое широкое плечо.

Свет мало повлиял на охотника: он укрывался в более густой тени, чем остальные, и его полузвериные нервы были крепче, чем у Сирана. Обладая мудростью дикаря, он вовремя закрыл глаза.

Охотник обогнул кучу отходов и побежал в тень.

Окружающее вдруг отодвинулось от Сирана и подернулось туманной дымкой. Он слышал, как в диком обете поклонения визжал отшельник, как пронзительно вскрикнула Маус, чувствовал болезненную

дрожь, сотрясающую его тело, и грубый звериный запах тела охотника.

Он попытался двинуться, бежать, однако охотник крепко хлопнул его по пояснице и сбросил на землю.

Сирану показалось, что свет вернулся снова, но затем стало очень темно и тихо.

Охотник дохнул ему в ухо:

— Тихо! Не шевелись!

Но Сиран не смог бы пошевелиться, если бы даже захотел этого. Охотник положил на его лицо свою веснушчатую лапу. Сиран задыхался и таращил глаза.

Они лежали в темной нише. Верхний выступ отбрасывал на них черную тень, но впереди горел голубой свет.

Иногда он тускнел и мигал, однако потом вспыхивал с новой силой.

Высоко над их головами к потолку пещеры поднималось сверкающее металлическое чудовище. Оно росло, оно тянулось вверх с необыкновенной быстротой, и механизм внутри конструкции стал принимать форму: лабиринт изящных стержней и хрустальных призм, колесиков, балансиров и многих других деталей, названий которых Сиран не знал.

Затем он вспомнил о Маус, и все остальное потеряло всякое значение.

Охотник навалился на него, принуждая молчать. Голубые глаза Сирана горели. Он убил бы охотника, будь у него хоть какая-то возможность, но ее не было, и Сиран прекратил борьбу.

Рыжий гигант шепнул ему на ухо:

— Выгляни через край.

Он убрал руку. Сиран с величайшей осторожностью приподнял голову на несколько дюймов и выглянул.

Их ниша была приподнята над дном шахты. Внизу справа чернел вход в низкий туннель. Под ними гудели кузницы и мастерские, где скопились люди, словно муравьи после дождя. У входа в туннель стояли двое в сверкавших металлических футлярах — андроиды Баса Бессмертного.

Их чистые и ясные голоса долетали до убежища, где лежали Сиран и охотник.

— Не нашел?

— Не удалось, как мы и предполагали. Но все равно ничего не изменится.

— Ничего не изменится.

Один из нелюдей повернул голову и посмотрел черными непроницаемыми глазами на летевшего ввысь металлического гиганта.

— Если мы успеем закончить вовремя!

— Успеем, Кафр, — ответил другой. — Должны успеть.

Кафр сделал быстрый нетерпеливый жест.

— Нам нужны новые рабы! Этот человеческий скот очень хрупок. Они переутомляются и мрут.

— Калды...

— Они делают все, что могут. Только что прибыли еще две цепи. Но ведь этого мало! Я приказал зверям, чтобы они делали свои рейды как можно дальше, даже в города.

— Если люди нападут на нас до того, как мы закончим, это не поможет.

Кафр засмеялся — без радости, без иронии.

— Если они так далеко зайдут по следу Калдов, мы справимся с ними. А когда мы закончим работу, они будут порабощены.

Второй кивнул и не без раздражения заметил:

— Если мы закончим вовремя. Если же нет...

— Если не кончим, — заметил Кафр, — тогда ничто не будет иметь значения — ни они, ни мы, ни Бас Бессмертный.

Что-то вроде дрожи пробежало по его блестящему телу, но он откинул голову назад и снова громко рассмеялся.

— Мы закончим это, Стьюд! Мы единственные в мире, и ничто нас не может остановить. А это значит — конец скуке, рабству и плену. Когда этот мир будет в наших руках, нас ничто не остановит!

— Ничто! — прошептал Стьюд.

И андроиды ушли, исчезли в кипящем грохоте.

— О чем они говорили? — спросил охотник.

Сиран покачал головой. Глаза его смотрели отрешенно.

— Не знаю.

— Сдается мне, парень, плохи наши дела. Жареным пахнет.

— Ну и ладно, — равнодушно ответил Сиран. — Что случилось с Маус?

— Ее взяли с другими. Поверь мне, приятель, я сделал все, что мог, иначе взяли бы и тебя. Ей уже не поможешь.

— Она пошла на свет.

— Думаю, да. А я успел убежать.

Глаза Сирана заволокло туманом. Без особого интереса он спросил:

— Как мы ушли? Мне кажется, я видел яркий свет.

— Да, а затем он неожиданно погас, и я заторопился. Серые бестии выслеживают по запаху, но в этом котелке для жаркого запахов слишком много. Они потеряли нас, а когда свет снова вспыхнул, я увидел эту нишу и заполз в нее.

Он почесал бороду и взглянул вниз.

— Я думаю, у них и без нас дел хватает. Стоит ли беспокоиться из-за двоих удравших рабов... нет, из-за троих.

Он хихикнул.

— Отшельник тоже сбежал. Он хитер, ничего не скажешь: сидит в тени, а сам вопит, как обезьяна, о каком-то Откровении. Впрочем, может быть, они уже поймали его.

Сирану было плевать на отшельника.

— Порабощение, — произнес он задумчиво. — Если они приберут к рукам наш мир, их ничто не остановит.

Он оглядел пол шахты.

Стражи отсутствовали. Да и зачем стражи, когда у них есть Свет?

Двуногий скот слишком хрупок, но зато он не задается лишними вопросами и будет работать, пока не свалится замертво.

Мир в их руках. Ком глины, из которого можно слепить все, что угодно. Нет больше рыночных площадей, нет таверн, не звучат песни, исчезли маленькие люди, живущие собственной маленькой жизнью. Останутся только рабы с пустыми лицами. Пасти их будут серые звери с жезлами, а андроиды со своим Светом станут повелевать ими.

Сиран не знал, зачем андроидам понадобилась эта планета и что они будут с ней делать. Он понимал только, что все увиденное причиняет ему такую боль, какой он никогда не испытывал.

То, что он собирался делать, было безнадежным и безумным, но это его не беспокоило. Он думал только о том, что где-то в этом загоне для скота надрывается Маус с пустыми глазами и открытым для приказов мозгом. Очень скоро она, как та женщина на башне, исчерпает свои силы и умрет. Он резко повернулся к охотнику:

— Что ты сделаешь, если захочешь убить змею?

— Отрублю ей голову, конечно.

— Камень Судьбы, — прошептал Сиран, — власть над жизнью и смертью. Ты веришь в легенды?

Охотник пожал плечами.

— Я верю в свои руки. Они еще ни разу не подводили меня.

— Мне нужны твои руки. Я хочу разрушить одну легенду и создать другую.

— Они в твоем распоряжении, парень. Куда мы направляемся?

— Вниз, в тот туннель. Сдается мне, что он ведет к Бет Вите, к Басу Бессмертному и к Камню.

Словно соглашаясь с его словами, голубой свет, разлитый внутри, начал быстро тускнеть. В полутьме Сиран и охотник выскочили из ниши, спустились вниз и вошли в туннель.

Там было совсем темно. Кромешный мрак рассеивали лишь редкие голубые огоньки, мерцавшие по стенам. Не один час пробирались они в полной темноте, прежде чем это свечение немного усилилось. Подземелье выглядело совсем заброшенным.

Время от времени охотник останавливался и прислушивался. Когда Сиран раздраженно спросил, в чем дело, охотник ответил:

— По-моему, за нами кто-то идет, но может быть, это только кажется...

— Ну так ткни в него жезлом, если он подойдет слишком близко. Давай поторопимся!

Сиран не сомневался, что туннель вел прямо к Бет Вите. От волнения он почти перешел на бег, но тут охотник резко схватил его за плечо.

— Стой! Впереди какое-то движение.

Он пригнул Сирана к земле, и они поползли на коленях, держа жезлы наготове.

Легкий уклон туннеля привел их к развилке. Один рукав вел прямо, а другой резко поворачивал вверх, к поверхности земли.

Перед развилкой на камне сидели четыре Калда и играли во что-то костяшками человеческих пальцев. Сиран поднялся и на цыпочках заскользил вдоль стены. Охотник шел рядом.

Ни один камушек не зашуршал под их ногами. Калды были увлечены игрой и не ожидали никакой тревоги.

Казалось, опасность миновала, но тут за их спинами кто-то завыл, как рассерженный кот. Сиран быстро повернул голову и увидел отшельника с поднятыми руками и вздыбившимися волосами. Глаза его горели безумным огнем.

— Зло! — визжал он. — Вы — зло! Вы не верите Свету и слугам Света!

Похоже, он забыл, что совсем недавно называл Калдов демонами.

Серые звери вскочили, хватаясь за жезлы. Сиран яростно зарычал и бросился на них.

Все, что случилось потом, он запомнил плохо. Было много движения. Серые звери прыгали и размахивали жезлами, что-то ударило его в висок, из глаз посыпались искры. Он бился вслепую: кровавый туман застилал ему глаза. Отшельник не замолкал ни на секунду, его вопли о зле и Свете заглушали шум схватки. Охотник дрался, стиснув зубы, падал, под-

нимался и снова бросался в бой. Один раз Сирану удалось ткнуть жезлом прямо в кроваво-красный глаз.

Вскоре из глубины туннеля до них долетел гулкий топот многочисленных ног. Охотник лежал на земле без движения.

Сиран вдруг обнаружил, что бежит по проходу вверх, поскольку другой путь оказался забит Калдами.

Ему удалось убежать. Как — он не помнил. Возможно, инстинкт самосохранения сработал раньше, чем отряд Калдов появился на месте боя. К тому времени он с охотником успел расправиться с тремя чудовищами, а четвертый занимался отшельником. Как бы то ни было, Сиран сумел скрыться.

Когда он, задыхаясь и обливаясь потом, протиснулся сквозь отверстие наружу, он снова оказался в Запретной Равнине, и Бет Вита возвышалась над ним — громадный золотистый титан, уходивший в красное небо.

На осыпающихся каменистых склонах не росло ни одной травинки. Вокруг не было и признака чего-либо построенного руками — человеческими или иными. Высоко вверху, почти на вершине треугольного пика, виднелось квадратное отверстие с балконом-выступом, но кто мог знать — не ветры ли за миллионы лет усердных трудов выдолбили его?

Сиран стоял, широко расставив ноги, и изучал гору угрюмым, упрямым взглядом.

Теперь он полностью поверил в старую легенду. Где-то там, под золотистым пиком, находится Камень Судьбы и его хозяин-полубог.

Сиран помнил все: и детей этого полубога, и чудовище, которое они строили, и маленькую черноволосую Маус, которая умрет, если не помочь ей.

И очень много других людей умрет вслед за ней — весь привычный, обжитый, здоровый мир. Но первым делом следует позаботиться о Маус.

Теперь Сиран не чувствовал себя бардом. Более того — он не чувствовал себя принадлежащим к нормальному человеческому миру.

Он шел по чужой стране богов и демонов, где все напоминало кошмарный сон, и только Маус связывала его с той прежней жизнью, где мужчины и женщины сражаются, смеются и любят.

Он сжал губы и начал подниматься на крутой горный склон Бет Виты — крепкий, кривоногий, низкорослый мужчина в желтых лохмотьях, с загорелым выразительным лицом и забытой арфой за спиной.

Ветер свистел над Запретной Равниной и перекатывал в красном небе солнечные шары, а с вершины Бет Виты спускалась тьма.

На этот раз Сиран не испугался ее. Страх давно умер в его душе. Он вспомнил слова отшельника: «Суд. Идут Великие. Гибель и разрушение, тень через весь мир. Мрак и смерть». В его душе шевельнулось что-то забытое, далекое, но вскоре это ощущение исчезло. Он переступил через страх. Судьба надвигалась на Бет Виту, и он был лишь орудием судьбы.

Обманчивый блеск сланцев сбивал его с пути, камни срывались из-под его ног. Над Запретной Равниной царили ночь, холод и резкий, завывающий ветер. Вдалеке, над горизонтом, по небу растекалось красное сияние — отблеск моря, горевшего собственным огнем.

Сиран поднимался.

Солнечные шары гасли и вспыхивали вновь. Слабая рябь прерывистых лучей освещала пустошь жутким колдовским светом. Это мерцание было еще хуже, чем темнота, потому что напоминало последние биения умирающего сердца. Холод внутри Сирана был сильнее внешнего холода.

«Тень через весь мир, мрак и смерть».

Он поднимался на Бет Виту.

Глава 5

Камень был грубый и растрескавшийся, а Сирану и раньше приходилось лазать по горам. Он полз вверх сквозь холодные сумерки и пронзительный ветер, за-

вывавший и бивший его тем сильнее, чем выше он поднимался.

Этот подъем плохо сохранился в памяти Сирана. Запомнилось ему только то, что очень много времени спустя он добрался до балкона и обессиленный повалился на каменную площадку.

Все тело невыносимо болело, сердце металось в груди, как лошадь в загоне, но это его не тревожило. Балкон был сделан человеческими руками, а за ним открывался путь в глубину горы.

Небеса вновь озарились светом, но не таким как обычно, а слабым и холодным.

Когда Сиран смог встать, он вошел в квадратный проход — прорубленный в живом камне Бет Виты, Горы Жизни.

Туннель вел прямо. Он освещался из невидимого источника мягким опаловым светом.

Затем коридор повернул под прямым углом и продолжился спиральным скатом вниз.

От него отходили новые коридоры, ведущие на разные уровни, но Сиран не обращал на них внимания: они были темные, и пыль веков лежала на их полу.

Все ниже и ниже. Долгий, долгий путь.

Тишина. Глубокое, непотревоженное молчание смерти и вечный камень — темные титаны, которые молча, не радуясь и не проклиная, следили за маленьким, яростным, суетливым муравьем-человечишкой.

Затем склон превратился в широкий с высокими потолками коридор, глубоко уходящий в чрево горы. Он закончился золотой дверью в двенадцать футов высоты. Она была искусно гравирована и инкрустирована символами, о которых Сиран слышал только в легендах: Хан-Йаяхам-Михины — Змея, Круг и Крест, сияющие огнем драгоценных камней.

А вверху, тяжело нависая над обеими створками двери, темнел КРЕСТ АНСАТА, символ вечной жизни, вырезанный из матового черного камня.

Сиран вздрогнул и задохнулся. На долю секунды им овладел давно забытый человеческий страх, и все же он положил обе руки на дверь и распахнул ее.

Он попал в маленькую комнату, увешанную гобеленами и тускло освещенную тем же матовым светом, что и коридор. На гобеленах можно было рассмотреть едва различимые изображения людей, животных, сцены каких-то неведомых сражений. Что-то до боли знакомое чудилось Сирану в этих картинах, знакомое и в то же время пугающе-чуждое.

На полу лежал ковер из шкуры существа, о котором Сиран никогда не слышал, — что-то вроде гигантского темно-желтого кота с темной гривой и большими сверкающими клыками.

Сиран осторожно прошел по этому ковру и отдернул тяжелый занавес, скрывающий половину комнаты.

Сначала он увидел только тьму. Тьма эта не казалась ему безграничной: впереди угадывалась стена, и каким-то шестым чувством Сиран ощутил объем этой темной комнаты. Он очень осторожно шагнул внутрь, и вскоре глаза его различили бледное пятнышко света, похожее на маленькую жемчужину, играющую в чьих-то пальцах.

Цыган и вор, Сиран производил не больше шума, чем тонкая струйка дыма, поднимающаяся над костром. По неразличимым во тьме широким плоским ступеням он поднялся наверх, и жемчужный свет стал сильнее. Перед ним стояла мягко фосфоресцирующая изогнутая стена.

Коснувшись этой стены, он резко остановился и застыл, пытаясь разглядеть, что за этой плотной молочной завесой.

На ложе, укрытом мехами и пестрыми шелковыми шалями, спал мальчик. Свет окутывал его со всех сторон. Он лежал нагой, небрежно раскинувшись. Кожа его была белой, как молоко, чуть окрашенной палевой теплотой света.

Он крепко спал. Можно было подумать, что он мертв, но при дыхании грудь его чуть заметно взды-

малась. Голова мальчика была повернута к Сирану, рука подложена под щеку.

Густые кудрявые волосы, черные до синевы, падали ниже плеч на белый мех постели. Ногти на руках были в дюйм длиной.

Лицо казалось совсем мальчишеским, хорошее лицо, пожалуй даже красивое, с мягкими девичьими щеками и длинными темными ресницами.

Он выглядел спокойным, даже счастливым.

Чуть заметная улыбка озаряла его лицо. Мальчик улыбался своим счастливым видениям. И портило эту безмятежную картину что-то, чему Сиран не находил названия.

Тень. Нечто невидимое, неосязаемое, хрупкое, как протяжная нота пастушеского рожка, принесенная бродягой-ветром. Нечто неотвратимое, как смерть, готовая рухнуть скала. Сиран чувствовал это, и его нервы трепетали, как струны арфы.

И тут он увидел, что ложе, на котором спал мальчик, представляет собой КРЕСТ АНСАТА, вырезанный из черного камня.

Его перекладины тянулись из-под плеч спавшего, а виток окружал мальчишескую голову, как громадный нимб.

В ушах Сирана зазвучали отзвуки древних песен, шепот заклинателей, бормотание колдунов.

Бас Бессмертный всегда считался гигантом, под стать той горе, в которой он жил, и старым, поскольку бессмертие подразумевает долгие века жизни. Благоговение и страх проходили через эти легенды. В них чувствовалось детское желание сочинить сказку.

Но была и другая легенда — самая древняя, много древнее этих наивных рассказов.

Сиран, цыган и вор, носивший в себе музыку, как пьяница — вино, слышал ее в черных чащах Гипербореи, куда даже цыгане заходили редко. В этой легенде говорилось о Сияющем Юноше, пришедшем из Неведомого мира, который идет в красоте и силе, никогда не старится и несет в своем сердце такой мрак, какой человек и понять не может.

Сияющий Юноша из Неведомого мира. Спящий мальчик, окруженный живым светом.

Сиран завороженно смотрел на маленькую детскую фигурку. Он мог бы простоять здесь целую вечность, им овладело странное оцепенение, сердце его замерло, грудь тяжело вздымалась.

Наконец ему удалось стряхнуть с себя этот мрак, и он шагнул вперед, в свет.

Прозрачная опаловая стена не пропустила его. Думая о Маус, он сделал новую попытку, потом еще и еще, пока не убедился в тщетности своих усилий. Тогда он закричал.

Крик его разбился о светлую преграду и вернулся к нему гулким эхом, но спящий не шевельнулся, даже дыхание его осталось таким же ровным.

Сиран вновь вспомнил о Маус и в бессильном плаче упал на пол.

Вдруг стена исчезла.

Он не поверил своим глазам, он еще раз протянул руку, и рука его не встретила преграды. Тогда он бросился вперед, в темноту, и с размаху ударился о каменную перекладину креста. Вокруг него снова вспыхнул свет.

Только теперь свет изменился: он тускнел, мигал и переливался, как будто боролся за свою жизнь.

Как солнечные шары. Как небесный свет, несущий жизнь этому миру. Больное и бессильное сердце старика, последний взмах крыльев умирающей птицы...

Ужас охватил Сирана, колючим комком подкатил к его горлу, сдавил грудь, сковал тело мертвенным холодом. Сиран оглянулся...

Свет загорался, пульсировал и из последних сил пытался задушить его в своих объятиях, но время было упущено.

Сиран вновь почувствовал себя орудием судьбы, для которого настал назначенный час. Ему вспомнились слова андроидов: «Если мы закончим вовремя. Если не закончим, ничто не будет иметь значения».

Тень через весь мир, мрак и смерть.

Порабощенная Маус с пустыми глазами строит сияющее чудовище, которое по воле нечеловеческого разума станет уздой для мира.

Это не вязалось со здравым смыслом, однако было реальнее самой реальности. И ключ к этому запутанному лабиринту загадок был здесь — черноволосый мальчик, спящий на каменном кресте.

Сиран подошел ближе. Мальчик чуть заметно шевельнулся, и слегка нахмурился, словно уменьшение силы светлой стены обеспокоило его. Однако вскоре мальчик вздохнул, опять улыбнулся и глубже уткнул голову в сгиб руки.

— Бас, — сказал Сиран и не узнал своего голоса. — Лорд Бас!

Мальчик не слышал. Сиран окликнул его громче, затем положил руку на гладкое белое плечо и встряхнул — сначала осторожно, потом сильнее. Бас даже не моргнул.

Сиран потряс кулаками в воздухе и беззвучно выругался, затем почти инстинктивно присел на каменную платформу и взял в руки арфу.

Он ни на что не надеялся, просто игра на арфе была для Сирана так же естественна, как дыхание, и то, что скопилось у него на душе, изливалось наружу вместе с этими прекрасными звуками. Сейчас он даже не думал о музыке, он думал о Маус, но это было одно и то же.

Первые случайные аккорды зажурчали по стенам молочного света. Затем скорбь Сирана пробежала от его дрожавших пальцев к струнам, и он послал ее кружиться в неподвижном воздухе. Струны пели неистово и дико, но этот хаос звуков заставлял Сирана на время забыть свою боль.

Время исчезло, и сам он исчез вместе с ним. Остались только арфа, поющая погребальную песнь черноволосой Маус и миру, в котором она жила. Все остальное утратило смысл. Важно было только это.

Наконец не осталось ничего, чего бы арфа еще не оплакала. Последний аккорд канул в пустоту, и в зале остался только маленький человек в желтых

лохмотьях, молча скорчившийся у каменного креста, закрыв лицо руками.

Затем слабо и отдаленно, словно эхо другого — неведомого — мира, послышалось:

— Не опускай завесу, Марсали! Не...

Сиран насторожился. Губы мальчика шевелились. Лицо с закрытыми глазами исказилось в мольбе. Руки тянулись, пытаясь удержать что-то, ускользавшее как туман.

Темный туман. Туман снов. Он укрывал глаза мальчика даже в тот момент, когда они открылись.

Серые глаза, затуманенные сном. Затем туман сгустился в слезы...

Бас вскрикнул «Марсали!» так, словно сердце его должно было вот-вот разорваться. Он лежал неподвижно, устремив невидящие глаза на молочный свет. По щекам его бежали слезы.

— Лорд Бас, — тихо позвал Сиран.

— Проснулся, — прошептал мальчик. — Я опять проснулся. Музыка... арфа звучала. Я не хотел просыпаться! Боже, как...

Внезапно он сел. Ярость, слепая злоба на этом юношеском лице ошеломили Сирана, как грубый удар кулаком.

— Кто разбудил меня? Кто посмел разбудить меня?

Бежать было некуда. Стена света и память о Маус не давали ему двинуться с места. Сиран сказал:

— Это сделал *я*, лорд Бас. Это было необходимо.

Серые глаза мальчика медленно повернулись к пришельцу. Сердце Сирана дрогнуло и перестало биться. Откуда-то из-за пределов мира на него дохнул великий холод и обволок его крепче, чем молочный свет, тяжело и плотно, как могильная земля.

Лицо мальчика было круглым и гладким. Никаких теней, даже под щеками. Розовые девичьи губы, длинные темные ресницы, а под ними серые глаза, постаревшие от страданий, боли и возраста, превосходящего человеческое понимание, глаза, видевшие бесконечную вереницу рождений и смертей, сплош-

ным потоком следующих друг за другом, глаза, выглядывавшие из-за решетки личного ада, подобного которому никогда не создавалось для человека.

Сильная юношеская рука скользнула по меху и шелкам и что-то схватила. Сиран понял, что это смерть.

Вдруг он разозлился. Думая о Маус, он взял грубый рокочущий аккорд. Он изливал свою злобу в горьких, едких словах жаргона цыганских кварталов, а в это время Бас неумело вертел в руках оружие.

Его длинные ногти спасли жизнь Сирану: они мешали сжать пальцы, а тем временем яростная музыка сделала свое дело.

Бас прошептал:

— Ты любишь женщину.

Сиран утвердительно промычал что-то.

— Я тоже. Я сотворил женщину и поселил ее в свои сны. Ты же разбудил меня. Знаешь ли ты, что это значит?

— Может быть, я спас мир. Если легенда верна, то ты создал его и не имеешь права спать, когда он гибнет.

— Я построил и другой мир, человек, мир Марсали. Я не хочу оставлять его.

Он наклонился к Сирану.

— Я счастлив в том мире. Я там свой. И знаешь почему? Потому что он создан моими мечтами. Именно таким я хотел видеть его, и людей, и Марсали, и самого себя. Меня выгнали из одного мира, я построил другой, но он оказался таким же, как первый. Я не человек, я не принадлежу ни людям, ни миру, в котором они живут. И вот я научился спать и видеть сны.

Он снова лег. Он выглядел таким трогательно юным, когда длинные ресницы скрывали его глаза.

— Уходи. Пусть трещит твой маленький мир. Рано или поздно, он должен погибнуть. Что значат несколько витков жизни перед вечностью? Оставь меня.

Сиран снова тронул струны.

— Нет! Слушай...

Он рассказал Басу об отрядах рабов, об андроидах, о сверкающем чудовище в шахте, о тьме, взмахнувшей крылом над миром. Последнее привлекло внимание мальчика.

Он медленно сел.

— Тьма? Что ты говоришь? Как же ты добрался до меня без света?

Сиран рассказал.

— Камень Судьбы, — прошептал Бас Бессмертный.

Вдруг он засмеялся. Его смех звонко прокатился по темному залу, странный смех, полный ненависти и злого торжества.

Он прекратил смеяться так же неожиданно, как и начал, и вытянул руки на пестрых шелках. Длинные ногти сверкали, как ножи, глаза широко раскрылись — окна в глубокий ад, а голос стал тихим, как дыхание.

— Значит ли это, что я тоже умру?

Сиран скривил рот.

— Камень Судьбы...

Мальчик спрыгнул с ложа. Рука его взметнулась над какой-то потайной кнопкой, скрытой в плече каменного креста, и опаловая стена исчезла. В то же время все помещение залил яркий свет.

Бас Бессмертный сбежал по ступенькам.

Грациозный нагой черноволосый мальчик, бегущий в опаловом сиянии.

Сиран пошел следом.

Они вошли в полое сердце Бет Виты — широкое пирамидальное пространство, вырубленное в желтом камне. Бас остановился, и Сиран встал позади него.

Все пространство сверкало хрусталем: хрустальные стержни, экраны, сети. Сияющая спираль поднималась вверх, к шпилю, который, похоже, вонзался прямо в небо.

В кристалле пульсировал свет, переливаясь, как кровь в человеческих жилах.

Такого света Сиран еще не видел. Он сверкал всеми цветами радуги и в то же время был бесцвет-

ным, как родниковая вода. Он опалял глаза жаром, однако сам оставался холодным и чистым. Он бился и пульсировал. Он был живым.

Сиран спускался по хрустальному лабиринту все ниже и ниже, к его основанию.

Там, в самом центре, в средоточии сияющей паутины лежало нечто.

Тьма рассеялась так быстро, что Сирану показалось, будто с глаз его сорвали черную повязку. На мгновение Сиран ослеп, и только тогда услышал доносящийся отовсюду шепот движения.

Затем свет появился опять: яркая бесформенная заплата на черном бархате.

Свет загорался, тускнел и вспыхивал снова. Оранжевый луч скользнул по мальчишеской фигурке, отразился от хрустальной паутины и ударил в глаза Баса, так что они засверкали, словно глаза зверя в темной пещере.

Искры адского огня на лице мальчика, замершего перед Камнем Судьбы.

Камень был не больше человеческого сердца. Он тихо пульсировал от переполнявшей его энергии. Даже умирая, он не лишился этой силы. Власть построить мир или уничтожить его. Эта энергия родилась не на планете Сирана, она не могла появиться на планете, это было перворожденное Яйцо, созревшее в чреве самого Космоса.

Лежа в своей хрустальной паутине, Камень боролся за жизнь. Он был подобен вынутому из человеческого тела сердцу — еще живому, еще трепещущему. Пламя мерцало и разгоралось в нем, и лучи его плясали в гранях хрустального лабиринта.

Сиран знал, что солнечные диски, освещающие его мир, пульсируют и мерцают в такт этому затухающему биению Камня.

— Он кончается, — прошептал Бас.

Не зная почему, Сиран коснулся струн арфы, и они задрожали.

— Значит, легенды правы? Камень Судьбы хранит жизнь мира?

— Да. Он дал ему свет и тепло, а до этого дал энергию Кораблю, который через бездны космоса доставил меня сюда, с третьей планеты нашего Солнца на десятую. Он закрыл бреши в коре планеты и пустил в ход машины, наполнившие воздухом полую сердцевину внутри нее. Это была моя сила. Она построила мой мир, где меня должны были любить и почитать, где должны были поклоняться мне!

Он горько засмеялся.

— Я был ребенком. После стольких веков жизни я все еще ребенок, увлеченный своими игрушками.

Голос его — чистый и нежный голос мальчика — зазвучал громче и уверенней. Бас обращался не к Сирану и даже не к самому себе. Он разговаривал с Судьбой, он проклинал ее.

— Однажды утром я пошел погулять. Больше мне нечего было делать. Я был сыном рыбака, бродил по зеленым холмам Атлантиды над океаном. И я был доволен: я сын рыбака, со временем сам стану рыбаком и у меня будут свои сыновья. И вот надо же было тому случиться, с неба упал метеорит. Был страшный удар грома, ослепительная молния, а затем наступила тьма. Когда я очнулся, я стал богом. Я вынул Камень Судьбы из его разбитой раковины. Свет его горел во мне, и я почувствовал себя богом, и я был счастлив. Я ничего не знал тогда. Я был слишком молод, чтобы быть богом по-настоящему. Мальчик, который никогда не вырастет. Мальчик, который хочет играть со сверстниками, но не может. Мальчик, мечтавший стать взрослым, отрастить бороду, иметь мужской голос, найти любовь женщины. Первое возбуждение миновало, и наступил ад. И что всего хуже, мозг и сердце выросли, а тело — нет. И стали говорить, что я не бог, а урод. Жрецы Дагона во всех храмах Атлантиды выступили против меня, и я бежал. В ту пору воды Потопа еще не скрыли Землю, и я скитался по ней, неся с собой свой Камень. Иногда я правил несколько столетий, меня почитали как бога и как царя, но всегда дело кончалось тем, что уставший от моей власти народ восставал. Люди

ненавидели меня за то, что я жил вечно и не старел. Мужчину они приняли бы, но не мальчишку. Говорить с ними я не мог — мой отточенный многими веками разум намного превосходил их жалкий человеческий умишко, я был слишком стар для них. Но не мог я и развлекаться, так, как это делают мужчины, — тут я оказывался слишком молодым.

Чем больше он говорил, тем шире раскрывалась перед Сираном картина того ада, в котором оказался этот мальчик-бог.

— Итак, я стал их ненавидеть, и, когда они выгоняли меня, я, пользуясь силой Камня, уничтожал их. Я знаю, что случилось в городах Гоби, Ангиора и в храмах Майарана! Чем больше народ боялся меня, тем сильнее ненавидел, и я остался совсем один. Никто никогда не был более одиноким, чем я. И тогда в сердце мертвой планеты я построил свой собственный мир. Но в конце концов и он не оправдал моих надежд, потому что его населяли люди, а я не был человеком. Я сотворил андроидов, уродов, подобных мне, и поставил их между собой и моим народом. Им можно было доверять: я сделал их своими руками. А в мире моих грез я основал свое третье царство. Но теперь сила Камня Судьбы подходит к концу. Огонь, горящий в нем, пожирает его изнутри. Мир, которым он правил, умрет. А что будет со мной? Буду ли я жить, когда мое тело замерзнет в холодном мраке?

Наступила тишина. Пульсирующее биение света в хрустальных стержнях. Сердце мира на смертном ложе.

С хрустальным звоном арфа Сирана упала на пол.

Сиран сказал:

— Бас, теперь я понимаю, что за чудовище строят андроиды в шахте! Они знают, что камень умрет, и хотят иметь собственную энергию, чтобы захватить мир. Не позволяй им этого, Бас! Ты привез нас сюда. Мы — твой народ. Ты не можешь позволить андроидам захватить нас.

Мальчик засмеялся — тихо и горько.

— Какое мне дело до твоего мира? Я хочу только одного — спать.

Он вздохнул и обернулся, ожидая увидеть за своей спиной привычное ложе каменного креста.

Глава 6

— Подожди...

Сиран ударил по струнам.

В музыке арфы слышался крик всего человечества. Маленькие люди, потерянные, испуганные, умоляющие о помощи. Голос не мог сказать того, что говорила арфа. Она была душою Сирана, душою, стонущей от нестерпимой боли.

— Ты когда-то был человеком, ты был молод, ты смеялся и ссорился, ел и спал, и ты был свободен. Мы просим только этого, именно этого. Вспомни Баса, сына рыбака, и помоги нам!

Серые глаза настороженно взглянули на него.

— Но разве смогу я помочь вам?

— В Камне еще осталась какая-то сила. А андроиды — твои создания. Ты сделал их, ты можешь и разрушить их. Сделай это раньше, чем они закончат свою постройку. Судя по их словам, с ее помощью они собираются уничтожить тебя.

Бас засмеялся и горько вздохнул:

— Они возьмут энергию из гравитационной силы планеты и передадут ее тем же способом. И это не остановится до тех пор, пока планета не перестанет вращаться. Если они кончат свое строительство вовремя, мир будет жить. Если нет... — Он пожал плечами. — Какая разница?

— Итак, — прошептал Сиран, — у нас есть выбор: быстрая смерть или медленная, рабами нам умереть или свободными...

Его голос поднялся до крика:

— Бог! Нет, ты не бог! Ты самовлюбленный мальчишка, надувшийся в углу от обиды. Ладно, убирайся к своей Марсали, а я сыграю роль бога!

Он поднял арфу.

— Я сыграю роль бога и выкину андроидов оттуда!

Он размахнулся, чтобы ударить по хрустальной паутине. И тут, по слепой случайности, свет загорелся снова.

Они застыли, не в силах вынести это опаловое сияние.

Затем их глаза повернулись к хрустальной паутине.

Камень Судьбы все еще трепетал, как умирающее сердце, а хрустальные стержни уже потускнели.

— Поздно, — прошептал Сиран. — Они закончили.

Струны чуть слышно звякнули под его озябшими пальцами.

Вибрация. Сиран почувствовал ее в кристалле. Она была похожа на далекое жужжание насекомых.

— Что это?

Уши мальчика слышали хуже, чем у Сирана. Но вот он улыбнулся и сказал:

— Так вот что они хотят сделать. Вибрация превратит Бет Виту в облако пыли, а вместе с ней и меня. Они уверены, что я еще сплю.

Он пожал плечами.

— Впрочем, какая разница — сплю я или нет. Так или иначе, меня ждет смерть.

Сиран повесил арфу за спину. Представление кончено.

— Отсюда есть путь в шахту? Где он?

Бас указал нужное направление. Сиран собрался уходить.

— Куда ты? — спросил Бас.

— Назад, к Маус, — просто ответил Сиран. — Умереть с ней.

Хрустальный лабиринт тихо жужжал.

— Я хотел бы снова увидеть Марсали.

Сиран остановился и равнодушно бросил через плечо:

— Смерть Камня означает и твою смерть?

— Нет. Взорвавшись у моих ног, он изменит клеточную структуру моего тела. Я не завишу от Камня, как андроиды не зависят от чана с культурой, в котором они выросли.

— А будут ли работать другие источники энергии, когда Камень умрет?

— Да. Даже лучевая стена, защищающая и питающая мое тело, пока я сплю, никуда не исчезнет. Энергия Камня передавалась в нее и в солнечные шары. Это не механическая передача.

Сиран мягко сказал:

— Ты любишь эту Марсали? Ты счастлив в том мире снов, который ты создал? Ты можешь уйти туда?

— Да, — прошептал Бас.

— Тогда помоги нам уничтожить андроидов. Отдай нам наш мир, а мы отдадим тебе твой. Если не получится — что ж, нам нечего терять.

Последовало долгое молчание. Хрустальная паутина уже не жужжала, а пронзительно, тонко звенела: казалось, что такие звуки может издавать лишь сама Смерть. Камень Судьбы забился, как грудка умирающей птицы.

Серые глаза мальчика затуманились. Можно было подумать, что он засыпает. Затем он улыбнулся смущенной радостной улыбкой, как улыбался в тот миг, когда Сиран увидел его спящим на каменном кресте.

— Марсали, — прошептал он.

Он шагнул вперед и протянул руки через хрустальную паутину. Длинные ногти подцепили Камень Судьбы и укрыли его в ладонях.

— Пошли, человек, — сказал Бас Бессмертный.

Сиран ничего не ответил. Он смотрел на Баса. Глаза его увлажнились. Он поднял забытую арфу и ударил по струнам.

Громовые аккорды вызвали ответную музыку в хрустальном лабиринте. Эта музыка затопила слабый шепот смерти. Затем, не выдержав мощного резонанса, хрупкие сверкающие стержни треснули и упали, рассыпав по залу легкий звон далеких колокольчиков. Сиран повернулся и пошел по проходу вниз, к

шахте. За ним шел черноволосый мальчик с Камнем Судьбы в руках.

Они дошли до развилки, где Сиран и охотник сражались с Калдами. Здесь по-прежнему сидели на страже четыре серых зверя.

Сиран выхватил из-за пояса жезл. Калды вскочили, и казалось, кровавая схватка сейчас повторится, но Бас остановил своего спутника:

— Подожди.

Он шагнул вперед. Калды смотрели на него своими красными глазами и нервно подвывали. Мрачный взгляд мальчика вспыхнул.

Звери задрожали, съежились от страха и упали ниц.

— Они телепаты, — сказал Бас Сирану, — и повинуются более сильному мозгу. Андроиды знают это. Калды поставлены здесь не для того, чтобы задержать меня, — этого они не смогут. Они должны лишь предупредить андроидов о моем появлении.

Сиран вздрогнул.

— Значит, нас ждут.

Они прошли по длинному туннелю и остановились на дне шахты. Там стояла странная тишина. Огонь в горнах умер, не гремели молоты, никто не суетился вокруг механизмов. Только слепящий свет и великое безмолвие. Больше — ничего.

Металлическое чудовище поднялось из шахты. Оно было полностью готово к действию. Хитроумная путаница решеток и балансиров в его брюхе питалась энергией, поступающей в машину из ядра планеты. Чудовище напоминало громадного паука, раскинувшего свои невидимые сети, чтобы опутать ими мир и высосать его словно муху.

Из-за экранированных навесов и машин выступила армия Калдов. Разумеется, андроиды не возлагали на нее особых надежд. Они хотели только провести разведку боем, проверить, не растерял ли Бас свои силы за века глубокого сна. Но Бас не ослабел.

Калды посмотрели на Камень Судьбы, потом в серые глаза Баса, раболепно склонились и, повизгивая, легли ничком.

— Мозг андроидов закрыт для меня, — прошептал Бас, — но я все-таки чувствую, что они не дремлют и готовят какую-то ловушку.

Глаза его закрылись, юношеское лицо застыло в сосредоточенном размышлении.

— Они не хотят, чтобы я понял их планы, но я гораздо старше их, мой мозг веками оттачивал свои способности, и у меня есть энергия Камня. Я вижу контрольную панель, с которой идет управление их машиной.

Не открывая глаз, он бросился вперед.

Похоже, он видел и с закрытыми глазами.

Из-за навесов и остывших кузниц стали выходить люди. Бессмысленные лица, пустые глаза. Рабы встали стеной перед Басом.

— Маус! — закричал Сиран.

Она была здесь. Точнее, здесь было ее тело, худое, напряженное, кое-как прикрытое малиновой туникой.

Растрепанные черные волосы густой гривой окружали маленькое осунувшееся загорелое лицо. Но, заглянув в ее пустые черные глаза, Сиран не узнал прежней Маус.

— Маус! — прошептал Сиран.

Плотной массой бесчувственных мускулистых тел рабы столпились вокруг Баса и Сирана.

— Ты не можешь освободить их, Бас?

— Пока нет. Потом.

— А нельзя поступить с ними, как с Калдами?

— Андроиды управляют их мозгом. Если я буду бороться с этим контролем, люди либо умрут, либо станут идиотами. Сейчас не время.

На лице Баса выступил пот.

— Я должен пройти, но мне не хотелось бы убивать их.

— Нет, — хрипло выдавил Сиран, глядя на Маус.

— Но это может случиться, если... Постой! Я могу пропустить энергию Камня через свой собственный мозг, поскольку между ними есть родство. А ты приготовься играть. Андроиды не смогут бороться против музыки: они никогда не предполагали, что опасность может подстерегать их здесь. Может

быть, мне удастся приоткрыть мозг рабов настолько, чтобы ты разбудил их своей арфой, как разбудил меня.

Мучительная дрожь прошла по телу мальчика.

— Уведи их, Сиран, как можно дальше, иначе многие из них погибнут. Торопись!

Бас поднял Камень Судьбы в сложенных ладонях и поднес ко лбу, а Сиран взял в руки арфу. Начиная играть, он смотрел на Маус. Музыка шла легко, в ней звучала мольба и обещание спасения. Вместе с песней он вручал Маус свое сердце.

Звуки музыки вызвали в плотной человеческой массе легкую дрожь, подобно тому, как ветер рождает рябь на поверхности воды. Сначала рабы не слышали песни, но вскоре толпа всколыхнулась, вздохнула разом, и сквозь погруженные во тьму души пронесся солнечный луч, надежда, воспоминание о высоком небе над холмами, о смехе, о доме, о любви.

Струны арфы зазвенели совсем тихо, и люди подались вперед, жадно ловя эти еле слышные звуки. Сиран начал медленно отступать, и толпа потянулась следом. Он шел осторожно, с долгими передышками, пока вся масса тел не хлынула за ним, подобно неудержимому водному потоку.

Стройное юношеское тело Баса быстро скользнуло в освободившийся проход.

Сиран уловил взгляд Маус прежде, чем она затерялась среди других рабов. Девушка пронзительно вскрикнула, сама не понимая, почему она это делает.

Если Бас погибнет, если Бас потерпит поражение, Маус никогда не узнает, что вызвало у нее этот крик.

Сиран увел истощенных рабов так далеко, как только мог, и перестал играть. Люди безвольно остановились и теперь стояли, переминаясь с ноги на ногу, словно неразумный скот, глядя внутрь себя, ловя обрывки своих неясных, кошмарных сновидений.

Сиран в отчаянии оставил их там и побежал по опустевшему каменному дну.

Он бежал в том направлении, куда только что ушел Бас. Он торопился, но, словно в страшном сне, не мог сдвинуться с места. Сиял свет, металлическое чудовище вздыхало и шуршало над его головой, но никаких других звуков не было, и никакого движения, кроме движения Сирана, не замечалось.

Вдруг свет погас.

Сиран споткнулся, больно ударился о невидимый столб и упал. Несколько секунд он испуганно барахтался в груде металла, пока наконец не увидел вдали свет, тот самый свет, молочный свет, который притягивал человеческий разум и держал его, словно цепями. Сиран подполз ближе.

На каменном постаменте возвышалась контрольная панель — циферблаты, датчики, кнопки непонятного Сирану назначения. Перед ней стояли андроиды. Один склонился над панелью, его желтые руки осторожно передвигали ручки настройки. Другой стоял рядом и держал жезл. Металлический шарик на верхушке жезла был открыт, и из него выплескивалось в темноту молочно-белое пламя.

Прикрыв глаза, Сиран притаился за столбами. Даже теперь ему хотелось пойти на этот свет и стать его рабом.

Андроид с жезлом резко сказал:

— Неужели ты не можешь найти длину волны? Теперь он уже, вероятно, умер.

Наклонившийся над приборами андроид выпрямился. Яркий свет вспыхнул на его металлическом футляре. Черные бездонные глаза казались воплощением самого Зла, они ничем не напоминали человеческие.

— Нашел, — бесстрастно сказал он.

Яростный свет из жезла заструился с новой силой.

Сиран едва дышал. Источник света, каков бы он ни был, являлся частью Камня Судьбы. Длина волны ничего не означала для Сирана, но подсознательно

он понял, что Камню грозит серьезная опасность. Камню, а значит, и Басу.

Андроид коснулся жезла. Свет умер, задохнулся, и металлический шарик закрылся.

— Если в Камне осталась хоть какая-нибудь энергия, — злорадно прошептал андроид, — наша энергетическая волна неизбежно взорвет его субатомный резерв и заодно Баса Бессмертного!

Наступила тишина, мертвое безмолвие.

Затем в угольном мраке мрачной шахты появился свет.

Приближаясь, он становился ярче, и неясная тень, плывущая следом за ним, постепенно превратилась в голову и плечи Баса Бессмертного.

— Сильнее! Торопись! — зашептал андроид.

Желтая рука, неуловимо сдвинувшись, сделала быструю поправку. Камень Судьбы загорелся ярче. Неожиданно он словно взорвался светом, вспыхнув ослепительным солнечным шаром. Яростные, жаркие лучи пронзили кромешную тьму.

— Больше, — настаивал андроид.

Камень залил всю шахту пульсирующим смертельно ярким светом.

Бас остановился, взглянул на платформу и усмехнулся. Серые глаза прекрасного в своей невинной юности нагого мальчика затуманились.

Словно боевой снаряд, швырнул он на помост Камень Судьбы.

Свет. Взрыв света, без звука, без ударной волны. Ослепительная вспышка.

Сиран упал вниз лицом и отполз за тяжелый каменный столб. Потекли долгие, томительные минуты. Наконец он решился поднять голову.

Свет лился сверху, а Бас стоял на платформе рядом с двумя глыбами бездушных искусственных людей.

Плоть андроидов безобразно коробилась, изгибалась и чернела от излучения, как кожа в огне.

— Бедные уродцы, — тихо произнес Бас. — Они, как и я, не нашли в этой Вселенной своего уголка.

Поэтому они тоже грезили, только их грезы были наполнены ненавистью.

Он наклонился и поднял с земли круглый черный камень, в котором было не больше жизни и света, чем в обычном, хорошо обкатанном водой голыше.

Бас печально вздохнул, с нежностью перекатил его с ладони на ладонь и уронил.

— Если бы у них было время получше изучить свою машину, я никогда бы не смог добраться до них живым.

Он поглядел на Сирана, растерянно стоявшего внизу рядом со столбом.

— Только благодаря тебе, человек, им не хватило времени на это. Не хватило, быть может, нескольких секунд.

Он взмахнул жезлом.

— Неси это, а я освобожу твою Маус.

Глава 7

Много часов спустя Маус, Сиран и Бас Бессмертный стояли в опаловом свете большой комнаты КРЕСТА АНСАТА. Человеческому миру уже ничто не угрожало.

Бас объяснил людям, как управлять построенной андроидами центробежной энергетической установкой.

Освобожденные рабы через Запретную Равнину разошлись по домам. Отныне она перестала быть запретной. Калдов милосердно погрузили в глубокий сон, сон без пробуждения. Мир стал свободным, и за все добро и зло, что будут твориться в нем, отвечало теперь само человечество.

Маус нежно прижалась к Сирану, он обнял ее худые плечи, и малиновые лохмотья смешались с желтыми.

Бас улыбнулся им обоим.

— Теперь, — сказал он, — я могу быть счастлив, пока планета не умрет сама.

— Ты не хочешь остаться с нами? Наша благодарность, наша любовь...

— Уйдут со следующими поколениями. Нет, маленький человек. Я построил свой собственный мир, мир, где мне всегда будут рады. И я буду счастлив в нем больше, чем вы в своем, потому что это *мой* мир. Там нет ни раздоров, ни зла, ни страданий, прекрасный мир для меня и Марсали.

Его окружило сияние. Когда-нибудь Сиран споет об этой минуте, пусть он и не понял происходящего до конца.

— Я не завидую вам, — улыбаясь, прошептал Бас. — А вы когда-нибудь подумаете обо мне и позавидуете.

Он повернулся, легко прошел по широкому каменному полу и поднялся по ступеням к ложу. Сиран тронул струны арфы. Он послал музыку к высокому своду, наполнил пространство в скале звенящей мелодией.

Он запел ту песню, которую пел для Маус на гребне над горящим морем, простую песню о двух влюбленных. Бас лег на свое ложе — тяжелый каменный крест, укрытый мехами и разноцветными шелковыми шалями.

На прощанье он еще раз с улыбкой оглянулся на Сирана и Маус. Нежная белая рука его приветливо помахала им и опустилась на черный камень.

Молочный свет окутал платформу. Он шел волнами, кружился, становился все плотнее и плотнее и, наконец, превратился в стену теплого жемчужного цвета. Еще с минуту люди могли разглядеть сквозь нее черноволосую голову Баса, лежавшую на сгибе руки, его тело, раскинувшееся с небрежной угловатой грацией. Но вскоре прочная стена живых лучей скрыла от них фигурку бывшего повелителя Камня Судьбы.

Туннель в шахту был заделан. Маус и Сиран вышли в золоченые двери и плотно закрыли их. Пока мир жив, эти двери не должны открыться снова.

Затем они обнялись и поцеловали друг друга.

Крепкие загорелые руки, сжимающие юное гибкое тело, смешавшееся дыхание, губы, согретые жизнью. Безрассудство и страсть, пустые желудки, арфа, которая поет на переполненных народом рыночных площадях, а над головой, вместо крыши, огромное, всем открытое небо.

И Сиран не завидовал черноволосому мальчику, грезившему на каменном кресте.

Исчезновение
ВЕНЕРИАНЦЕВ

Глава 1

Ветер дул ровно, не усиливаясь, не налетая внезапными шквалами, и силы его хватало ровно настолько, чтобы еле-еле наполнять паруса обшарпанной скорлупки и неспеша гнать ее по тихим морским волнам. Мэтт Харкер лежал у румпеля, считал струйки пота, скатывавшиеся по его голому телу, и угрюмыми тусклыми глазами поглядывал в темно-индиговые небеса. Из последних сил он сдерживал бессильную злобу, что поднималась в его горле, как горькая отрыжка.

Море — венерианская жена Рури Маклерена называла его Морем Утренних Опалов — черное, пронизанное яркими подводными огоньками, чуть слышно плескалось у борта корабля. Небо низко нависало над ним. Толстое облачное одеяние Венеры навсегда укрыло Солнце от изгнанников-землян, и теперь они почти забыли, как выглядит великое дневное светило. На горизонте синий мрак рассеялся, и узкая светлая полоска протянулась там, где небо сливалось с морем. Две тысячи восемьсот человек, экипажи двенадцати кораблей, они чувствовали себя безнадежно заплутавшими на долгом пути между рождением и смертью.

Мэтт Харкер глянул на парус, затем на кормовой фонарь идущего впереди корабля. В туманном сиянии, которое не угасает на Венере даже ночью, было отчетливо видно его лицо, изможденное, осунувшееся, покрытое морщинами и шрамами той жизни, когда желаешь и не имеешь, умираешь, но не бываешь мертвым. Харкер был тощим, жилистым, невысоким человеком со змеиной уверенностью в движениях.

Кто-то осторожно пробрался к нему, обходя спящих, чьи тела устилали всю палубу. Харкер равнодушно кивнул подошедшему:

— Привет, Рури.

— Привет, — ответил Рури Маклерен и сел.

Он был молод, наверное вдвое моложе Харкера.

На его лице, очень усталом, все еще светилась надежда. Некоторое время он сидел, ничего не говоря и ни на что не глядя, а затем спросил:

— Ради Бога, скажи, Мэтт, насколько нас еще хватит?

— Экая важность, парень! Что, терпение лопается?

— Не знаю. Возможно. Когда мы где-нибудь остановимся?

— Когда найдем место, где можно остановиться.

— А есть такое место? По-моему, судьба преследует нас с самого моего рождения. Вечно что-нибудь да не так. То набеги туземцев, то лихорадка, то скверная земля... Нет нам покоя. Но должно же это когда-нибудь кончиться? Можно ли выжить в таких условиях?

— Я предупреждал тебя: не заводи малыша! — заметил Харкер.

— При чем тут мой ребенок?

— Ты начал беспокоиться. Малыша еще нет, а ты уже тревожишься.

— Конечно, тревожусь.

Маклерен обхватил голову руками и выругался. Харкер понимал, что его сосед с трудом удерживается от крика.

— Да, я не хочу, чтобы с моей женой и малышом случилось то же, что с твоими. У нас на борту лихорадка.

На минуту глаза Харкера стали похожими на раскаленные угли. Затем он взглянул на парус и сказал:

— Может быть, смерть — это лучший выход для них.

— Нельзя так говорить.

— Но это правда. Вот ты спрашиваешь меня, когда мы остановимся. Может быть, никогда. И не надо распускать нюни. Я подозревал это очень давно. Ты еще не родился, а я уже видел, как наше первое поселение было сожжено Облачным народом и моих родителей распяли в их собственном винограднике. Я был там, когда началось переселение в Страну Обетованную, обратно на Землю, и я все еще жду обещанного.

Мышцы на лице Харкера натянулись, как проволочные узлы, но голос остался пугающе спокойным.

— Для твоей жены и малыша лучше было бы умереть сейчас, пока Вики еще молода и надеется на лучшее, а ребенок не успел открыть глаза.

На рассвете Сэм, высоченный негр, несколько успокоил Харкера. Он тихонько запел что-то печальное, медленное, как ветер, и бесконечно красивое. Харкер проклял его и снова свернулся клубком, пытаясь уснуть, но песня осталась с ним.

«О, я смотрел на Иордан, и то, что я увидел, пришло, чтобы унести меня домой...»

Наконец Харкер уснул. Во сне он стонал и вертелся, а потом начал кричать. Люди вокруг проснулись и с интересом наблюдали за ним: днем Харкер был одиноким волком, его вечная злоба и холодный взгляд жестоких глаз не располагали к общению, и, если время от времени он бредил во сне, никто не хотел и пальцем пошевелить, чтобы помочь ему.

Люди с любопытством заглядывали в душу Харкера, но вмешиваться в его дела не собирались.

Харкер же ни о чем не беспокоился. Он снова играл в снегу. Ему было семь лет.

Сугробы были белыми и высокими, а над ними висело небо, такое голубое и чистое, что иногда он даже задумывался, не моет ли Бог небеса каждую неделю, как мама — пол на кухне. Солнце сияло, оно походило на большую золотую монету, и снег блестел в его лучах, как мириады крошечных бриллиантов. Харкер протянул руку к солнцу, морозный воздух

гладил его лицо чистыми ладонями, и мальчик смеялся.

А затем все исчезло.

— Гляньте-ка, — сказал кто-то, — он плачет.

— Ревет, как маленький. Вы только послушайте.

— Эй, — сказал первый смущенно, — может, разбудим его?

— Ну его к черту, старого слюнтяя. Эй, послушай-ка...

— Папа, — прошептал Харкер, — я хочу домой.

Пришла заря, похожая на молочный огонь, просеянный через слои жемчужно-серых облаков. Сквозь сон Харкер слышал неопределенные крики. Ночь не принесла ему отдыха, и веки его упорно смыкались. Крик постепенно прояснялся и наконец стал словом «Земля!», повторяемым снова и снова. Харкер заставил себя проснуться и встал.

В тумане морские волны блестели палевыми переливами. Стаи маленьких драконов с блестящей, как драгоценные камни, чешуей поднялись с дрейфующих повсюду травяных островов, выгнули шеи и захлопали крыльями.

Впереди маячил длинный низкий холмик грязной земли среди болот. За ним к облакам поднимался гранитный утес, широкий эскарп, стоящий, как стена. На него с надеждой воззрились десятки изгнанников.

Харкер обнаружил, что рядом с ним стоит Рури Маклерен, в обнимку с Вики — своей женой. Вики была одной из немногих венерианок, вышедших замуж в земной колонии. Как всякую уроженку Венеры, ее отличала чистая белая кожа, блестящие серебряные волосы, яркие красные губы. Глаза ее были изменчивы, как море, и полны скрытой жизни. Сейчас у них появился особый взгляд, какой бывает у женщин, готовых к творению.

Харкер оглянулся.

— Земля, — сказал Маклерен.

— Грязь, — ответил Харкер, — болото, лихорадка. Это похоже на все остальное.

— Мы можем остановиться здесь хотя бы ненадолго? — спросила Вики.

Харкер пожал плечами.

— Это уж решит Гиббанс.

Он хотел спросить, какая, к чертям, разница, где родится ребенок, но придержал язык и отвернулся. На досках лежали три тела, завернутые в рваные одеяла. Харкер криво улыбнулся.

— Мы, вероятно, остановимся, чтобы похоронить их. Это займет мало времени.

Он взглянул в лицо Маклерена. В нем уже не осталось никакой надежды, оно было мертвое, как у всех переселенцев на Венере.

Гиббанс созвал старейшин своего корабля — вождей, бойцов, охотников и моряков, толстокожих людей, которые служили броней мягкому телу колонии. Среди созванных были и Харкер с Маклереном. Маклерен еще не вошел в возраст, но у него имелись качества природного руководителя.

Гиббанс был стар — печальный, сжигаемый внутренним пламенем вождь пяти тысяч колонистов, приехавших с Земли, чтобы начать новую жизнь на новом месте. Трагедии, отчаяние и измены, которых он повидал на своем веку немало, жестоко отразились на нем, но голову он держал все еще высоко.

Иногда Харкер восхищался им, а иногда и проклинал его нелепый, романтический энтузиазм.

Началась неизбежная дискуссия о том, попытаться ли основать поселок на этом грязном плоскогорье или продолжать путь по бесконечным не обозначенным на картах морям.

Харкер нетерпеливо выкрикнул:

— Черт побери, посмотрим на месте. Вспомните прошлый раз, вспомните позапрошлый и прекратите скулеж.

Сэм, черный гигант, спокойно ответил:

— Люди страшно устали. Человеку нужно где-то укорениться. Если мы не обнаружим землю, очень скоро начнутся неприятности.

— Ну, так иди! Посмотрим, что ты тут найдешь! — парировал Харкер.

Гиббанс тяжело вздохнул:

— Он прав. У нас истерия, лихорадка, дизентерия и скука, а скука — хуже всего.

— Я голосую за поселение, — сказал Маклерен.

Харкер засмеялся и, выглянув из кабины, посмотрел на утесы. Серый гранит, похоже, поднимался прямо из болота. Харкер пытался разглядеть его вершину, но облака плотно укрывали ее от любопытных взоров. Темные глаза его сузились.

Старейшины еще продолжали свой жаркий спор, а Харкер уже не слышал их. Неожиданная мысль пришла ему в голову. Внезапно обернувшись к собранию, он сказал:

— Сэр, я прошу разрешения посмотреть, что на вершине этих утесов.

Все замолкли. Гиббанс задумчиво произнес:

— Такие плато встречались нам часто. Мы потеряли слишком много людей, выясняя, обитаемые ли они.

— Но ведь сейчас может и повезти! Наш первый поселок, как вы помните, стоял на высоком плато. Чистый воздух, хорошая земля, никакой лихорадки.

— Я помню, — кивнул Гиббанс.

Он помолчал, а затем бросил проницательный взгляд на Харкера.

— Я знаю тебя, Мэтт. Возможно, мы произведем разведку.

Харкер ухмыльнулся.

— В любом случае вы не много потеряете. Я больше не имею здесь никакого влияния.

Он шагнул к двери.

— Дайте мне три недели. Надеюсь, вам не слишком надоело болтаться по морю в этом корыте? Потерпите еще немного, может быть, я принесу добрую весть.

— Я пойду с тобой, Мэтт, — сказал Маклерен.

Харкер поглядел ему в глаза.

— Тебе лучше остаться с Вики.

— Если наверху хорошая земля, а с тобой что-нибудь случится и ты не сможешь сообщить нам...

— Или, быть может, не сочту нужным вернуться?

— Я этого не говорил. Возможно, мы оба не вернемся. Но вдвоем лучше, чем одному.

Харкер улыбнулся загадочной и не слишком приятной улыбкой. Гиббанс повернулся к нему:

— Он прав, Мэтт.

Харкер пожал плечами. Тут встал Сэм.

— Двое — хорошо, — заявил он, — а трое — лучше.

Он обратился к Гиббансу.

— Здесь нас почти пятьсот человек, сэр. Если наверху новая страна, мы обязаны разделить тяжесть ее розысков.

Гиббанс кивнул. Харкер усмехнулся.

— Ты спятил, Сэм. Зачем тебе карабкаться туда, где, может, и нет ничего?

Сэм улыбнулся. На блестящем от пота черном лице его зубы казались невероятно белыми.

— Что ж, моему народу не привыкать к таким вещам, Мэтт. Карабканья много, а места нет.

Они приготовились к походу и легли спать. Маклерен простился с Вики. Она поняла, почему он хочет идти, поцеловала его и сказала просто:

— Береги себя.

— Я вернусь до того, как он родится, — сказал Маклерен.

На рассвете они вышли, взяв с собой сушеной рыбы и порошок из водорослей.

У них были длинные ножи и веревки для подъема. Они уже давно лишились боеприпасов для своих бластеров, а чтобы изготовить новые, не хватало оборудования. Все были мастерами по части метания копий, и поэтому каждый нес за спиной короткое копье.

Лил дождь, когда разведчики, глубоко погрузившись в густой туман, пересекали грязную низину. Харкер вел их через пояс болот. Он прекрасно знал, как быстро умеют нападать растения, когда их мучит голод: такой же голод, как и у всякого живого существа. Венера представляла собой громадную оранжерею, и растения развивались здесь в столь же различных формах, как развивались рептилии или

млекопитающие. Дети в колонии с малых лет приучились не трогать яркие цветочные бутоны, потому что цветы тоже часто кусались.

Болото было узкое, и они благополучно перешли его. Неподалеку закричал большой болотный дракон, но это был ночной охотник, а сейчас он чувствовал себя слишком сонным, чтобы гнаться за путешественниками. Наконец Харкер встал на твердую землю и осмотрел утес.

Скала была обрызгана жирной грязью и изрублена эрозией. То тут, то там виднелись полосы сланца и плиты, которые, казалось, могли упасть при малейшем прикосновении. Но Харкер кивнул.

— Можно лезть, — сказал он. — Вопрос в том, какой он высоты.

Сэм хмыкнул.

— Высок, как лестница до Золотого города. Все ли мы идем с чистой совестью? Бремя греха нельзя нести так далеко.

Рури Маклерен взглянул на Харкера.

— Ладно, — сказал тот, — исповедуюсь перед вами. Мне все равно, есть наверху земля или нет. Я хотел только одного: уйти к чертям с этого проклятого судна, пока совсем не спятил. Вот и весь мой грех.

Маклерен кивнул. Он, похоже, не удивился.

— Что ж, пора в путь.

На второй день утром разведчики поднялись к облакам. Они ползли вверх сквозь молочный туман, полужидкий, горячий, невыносимый. Они карабкались так еще два дня.

Первые две ночи Сэм пел во время своей вахты, когда они отдыхали на каком-нибудь выступе, но потом он тоже устал.

Маклерен начал выдыхаться, хотя не признавался в этом. Мэтт Харкер стал еще более молчаливым и хмурым, если это вообще было возможно. Ничто вокруг них не менялось.

Облака продолжали скрывать вершину утеса. Во время одной остановки Маклерен устало прохрипел:

— Будет ли когда-нибудь конец этим утесам?

Кожа его пожелтела, глаза горели лихорадочным блеском.

— Они, наверное, выходят за пределы атмосферы, — отозвался Харкер.

На него тоже напала лихорадка. Притаившись в его костях, она долго ждала удобного момента, чтобы выйти наружу, овладеть всем телом, а затем отступить снова. Но иногда она не отступала, и через десять дней в этом уже не было нужды.

— А тебе наплевать, куда мы в конце концов залезем? — спросил Маклерен.

— Я не уговаривал тебя идти.

— Заткнись!

Маклерен потянулся к горлу Харкера.

Харкер очень осторожно и аккуратно оттолкнул его. Маклерен согнулся, обхватил руками голову и заплакал. Сэм отошел, покачивая головой, а через некоторое время начал напевать:

— «Ох, никто не знает моей беды...»

Харкер собирался с силами. В ушах у него звенело, тело дрожало, но выдержать вес Маклерена он еще мог. Они стали подниматься по ступеням выступа. Ступени были широкими, так что затруднений разведчики не испытывали. Но примерно через двести футов выступ пошел вниз. Над этим провалом нависала выпуклая стена утеса, взобраться на которую смогла бы только муха.

Мужчины остановились. Харкер неторопливо выругался. Его тоже жестоко трепала лихорадка. Сэм закрыл глаза и улыбнулся.

— Наверху Золотой Город. Туда я и войду.

Он спустился по снижавшемуся выступу к ребру и исчез, обогнув его. Харкер бешено засмеялся. Маклерен освободился от поддержки Харкера и отправился за Сэмом.

Харкер пожал плечами и последовал за ними.

За ребром выступ начисто стерся. Они остановились. Сзади их запирали облака пара, а впереди

возвышалась гранитная стена, увешанная толстыми мясистыми ползучими растениями. Это был тупик.

— Ну? — сказал Харкер.

Маклерен сел. Он не вскрикнул, ничего не сказал, просто сел. Сэм стоял, опустив руки, склонив голову. Харкер произнес:

— Кто тут говорил о Земле Обетованной? Венера — это колесо шулерской рулетки, на нем нельзя выиграть.

И тут он заметил, что воздух уже не такой горячий, как был раньше. Сначала он подумал, что его знобит от лихорадки, но нет — струя воздуха поднималась и взъерошивала его волосы.

Она имела чистый прохладный запах. Она пробивалась из-под ползучей растительности.

Харкер начал резать стебли ножом и обнаружил вход в пещеру — зазубренное отверстие, промытое в гладком дне того, что, вероятно, когда-то было рекой.

— Эта тяга идет с вершины плато, — сказал Харкер. — Видимо, там дует ветер.

У Маклерена и Сэма медленно и робко стала появляться надежда. Все трое, не произнеся ни слова, вошли в туннель.

Глава 2

Чистый воздух действовал как тонизирующее средство, а надежда пришпоривала их.

Туннель начал резко подниматься.

Теперь Харкер слышал вдали низкое грохочущее бормотание воды. Похоже, там текла подземная река. Разведчиков окружала глубокая тьма, но камень под ногами был гладким и ровным, и поэтому шли они быстро.

— Что-то светится впереди, — сказал Сэм.

— Угу, — ответил Харкер, — вроде фосфоресценции. Не нравится мне эта река. Она может остановить нас.

Разведчики молча зашагали дальше. Свет впереди усилился, воздух стал более влажным. На стенах появились пятна фосфоресцирующего лишайника, испускающие болезненное, лихорадочное сияние. Шум воды стал громче.

На реку они наткнулись неожиданно.

Она текла поперек туннеля по широкому каналу, прорытому глубоко в камне.

Уровень воды находился ниже прежнего русла потока, поэтому туннель оставался сухим. Река была широкая, медлительная и величественная. На потолке и стенах лишайники блестели. Тусклый свет их красок отражался в воде.

Над водой чернела вырубленная в скале широкая, уходящая ввысь труба. Холодный воздух дул из нее с ураганной силой. Большая часть тяги рассеивалась в главном речном туннеле. Харкер решил, что на поверхности имеется какое-то скалистое образование, которое направляет ветер вниз. Труба была совершенно недоступна.

— Я думаю, — сказал Харкер, — что мы пойдем вверх по течению, по краю.

Камень был довольно сильно изъеден эрозией. На разных уровнях торчали широкие выступы.

Маклерен сказал:

— Что если эта речка идет не с поверхности? Что если она начинается от подземного источника?

— Тогда мы сломаем шеи, — ответил Харкер. — Пошли.

Они двинулись. Через некоторое время в воде появились золотистые существа.

Увидев людей, они замерли, а затем поплыли снова.

Они были не очень крупные — примерно, с двенадцатилетнего ребенка. Тела их походили на человеческие, но плавали они с помощью перепонок. Кожа их сияла тем же бледно-золотистым цветом, что и лишайники на стенах, черные глаза не имели век. Лица же... Харкер просто не знал, с чем их сравнить, смутно вспоминая золотые одуванчики, которые росли на летних земных лужайках. Головы и лица Пловцов походили на эти одуванчики, и могли двигаться са-

мостоятельно, словно были не только декоративными, но и сенсорными органами.

— О господи! — воскликнул Харкер. — Кто они?

— Они похожи на цветы, — сказал Маклерен.

— А по-моему, вроде рыб, — отозвался Сэм.

— Держу пари, что они и то, и другое. Это, скорее всего, плэнни* из амфибий. Видал я в болотах разные диковинки, но им далеко до этих. Вы только посмотрите! У них человеческий взгляд!

— Они и по виду почти как люди.

Маклерен вздрогнул.

— Я бы предпочел, чтобы они не смотрели на меня.

— Пусть себе смотрят, — махнул рукой Сэм. — Меня это не тревожит...

Существа стали приближаться, без усилий двигаясь против течения. Некоторые начали карабкаться на низкий выступ, возвышающийся за спинами людей. Они были проворны и грациозны, но чувствовалось в них что-то неприятно детское. На сушу выбралось пятнадцать или двадцать Пловцов, напомнивших Харкеру банду озорных ребятишек, только озорство их было бездумно-злобным.

Харкер приказал своим товарищам отступать, а сам приготовил нож и сжал в правой руке короткое копье.

Шум реки изменился, канал расширился, и Харкер увидел, что туннель впереди заканчивается широкой темной пещерой — там река превращалась в озеро и медленно переливалась через низкую и широкую каменную губу. В озере резвились сотни золотистых Пловцов. Они тут же присоединились к своим товарищам, смыкая кольцо вокруг троих людей.

— Мне это дело не нравится, — проворчал Маклерен. — Чего доброго, они сейчас устроят шум.

Так и случилось. Под сводами пещеры раздалось пронзительное хихиканье. Существа, сверкая глазами, стремительно плыли вдоль выступа, высовывались из воды, хватали людей за лодыжки и смеялись. У Харкера свело внутренности.

---

* Колонисты сократили «растение-животное» (плэнт-энимал — *англ.*) в «плэнимал», а потом просто «плэнни».

Маклерен орал и лягался, острые, как иглы, когти впились в его лодыжку. Сэм ударил копьем в мягкую, бескостную золотистую грудь. Легкое перепончатое тело взлетело в воздух, разбрызгивая зловонную, зеленоватую кровь. Действуя копьем, точно бейсбольной битой, Харкер столкнул двух чудовищ обратно в воду, потом сшиб с выступа еще двух — они были, на удивление, легкими — и закричал:

— Давайте наверх, на высокий выступ! Надеюсь, туда они не залезут!

Он протолкнул Маклерена вперед, помог Сэму отбиваться от наступавших сзади, и все трое устремились по крошившейся под ногами тропе. Маклерен добрался до самого верха и швырял камни в атаковавших. По потолку пещеры бежала большая трещина — шрам, оставшийся после какого-то древнего землетрясения. Здесь начинался небольшой уклон.

— О'кей, — проорал Харкер. — Мы под самым потолком. Сюда им не забраться.

Плэнни прекрасно плавали, но по камням они ползали плохо. Они отчаянно цеплялись за выступы, соскальзывали обратно и угрюмо возвращались в воду. Наконец маленькие монстры ухватились за тело своего товарища, убитого копьем Сэма, и стали пожирать его, злобно ссорясь из-за каждого куска.

Маклерена вырвало. Харкер тоже чувствовал себя не слишком благополучно. Сэм помог Маклерену перевязать кровоточащую ногу.

Высокий выступ, на который они забрались, огибал стену большого озера. Здесь было холоднее и суше, но совершенно темно, потому что лишайники исчезли. Харкер крикнул, и эхо его голоса вернулось не скоро: пещера оказалась куда более обширной, чем они думали.

Внизу, в черной воде, золотые тела кометами прочерчивали темноту, поспешно направляясь в неизвестное. Харкер осторожно ощупывал дорогу. Кожа его шевелилась от предчувствия опасности, от ощущения чего-то невидимого, незнакомого и злобного.

— Я что-то слышу, — сказал Сэм.

Они замерли. В воздухе разлился слабый запах чего-то пряного, сладкого, гниющего. Откуда-то спереди доносился мягкий шорох. Харкер решил, что там входное отверстие для воды. Но Сэм имел в виду не это. Он обратил внимание на странный сухой хруст, шедший отовсюду. Черная поверхность озера была теперь усеяна фосфоресцирующими пятнами. Они быстро росли, сближались и вскоре превратились в сплошной ковер из цветов — голубых, золотых и пурпурных, а на цветах сидели сверкающие Пловцы.

— Боже мой! — тихо произнес Харкер. — Какого же они роста?

— По крайней мере втрое больше меня, — сказал Сэм. — Те, маленькие, были детьми, а это их папы. О Господи!

Пловцы были очень похожи на тех, что атаковали разведчиков, и отличались от них только размерами. Но громоздкими они не казались. Их гибкие, легкие тела были великолепны. Их мембраны развернулись в большие сияющие крылья, на каждом острие которых горел огонек. Золотые головы-одуванчики тоже изменились: они отбросили лепестки. Головы взрослых Пловцов увенчивала спираль из водорослей, имевших мерзкую, ядовитую красоту грибов. Лица же чудовищ были человеческими.

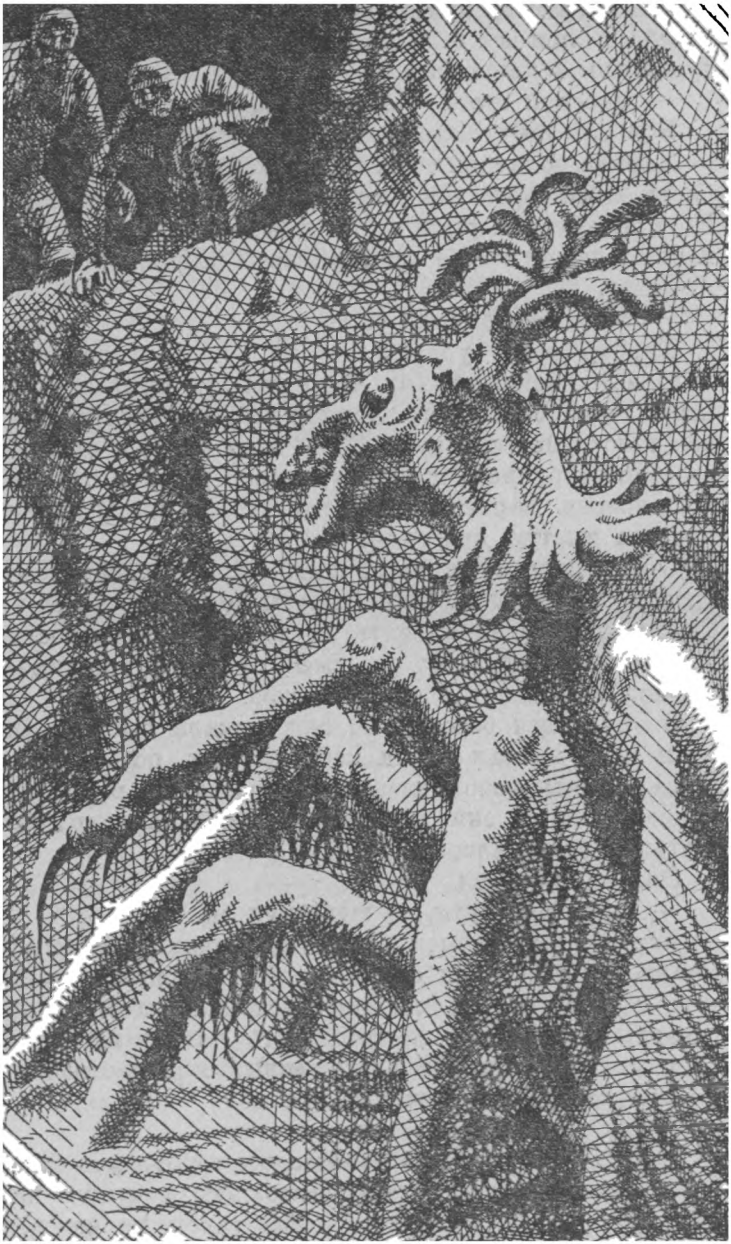
С детских лет Харкер ни разу не чувствовал такого смертельно леденящего душу ужаса, который его охватил сейчас.

Поля пылающих цветов собрались у основания утеса. Внезапно золотые гиганты мелодично вскрикнули, а вода покрылась пеной: тысячи похожих на цветы тел всплыли и полезли на утес, переваливаясь на отвратительных паучьих ногах. Вряд ли они представляли серьезную опасность, но Харкер сказал:

— Давайте, к чертям, отсюда!

Он побежал по выступу. Двое других последовали за ним.

Теперь от наступающей армии шел слабый свет. Цветы-собаки быстро поднимались вверх, а их хозяева плавали внизу, следя за ними.

Выступ пошел вниз. Харкер пронесся по нему, как стрела. Уклон вел в туннель, к истоку реки. Короткий туннель, и в конце его...

— Дневной свет! — заорал Харкер.

Больная нога Маклерена подвернулась, и он упал.

Харкер подхватил его. Они находились на нижней части ската. Снизу к ним карабкались цветы-звери. Нога Маклерена распухла и побелела: видимо, когти плэнни несли в себе яд. Маклерен вырвался из рук Харкера.

— Беги! — крикнул он.

Харкер резко ударил его по голове и потащил дальше, но вскоре понял, что ничего не выйдет: Маклерен весил больше его. Харкер толкнул бесчувственное тело в мощные руки Сэма, негр кивнул, схватил взрослого крупного мужчину, словно ребенка, и побежал вперед. Харкер увидел, что первые цветы поднялись на выступ, преградив ему путь.

Сэм перепрыгнул через них. Их оказалось всего трое, и они были невелики. Цветы бросились вслед за Сэмом, Харкер начал бить их копьем, острой костяной ручкой ножа, но на смену убитым хищникам спешил целый поток новых цветов.

Он бросился бежать, но они бежали быстрее. Он то и дело пускал в ход копье и нож, потом снова бежал, опять поворачивался и сражался, и к тому времени, когда они достигли туннеля, Харкер уже шатался от усталости.

Сэм остановился.

— Здесь нет пути, — выдохнул он.

Перед ними шумел огромный, мощный водопад. Скала, с которой он срывался, была слишком высокой, а сила потока слишком большой, чтобы даже гиганты-плэнни могли преодолеть такую преграду. Сверху лился дневной свет, теплый и приветливый, но совершенно недоступный для них.

Тупик.

И тут Харкер увидел изъеденную трубу, чуть больше канализационной, давно высохшую, ведущую наверх, к проходу. Она была очень узкой, но человек

среднего телосложения мог, постаравшись, пролезть в нее. Надежда казалась чертовски малой, но...

Продолжая отбиваться от обступивших его цветов, Харкер указал на трубу.

— Лезь первым, — крикнул отбивавшийся Сэм.

Харкер повиновался, помогая тяжело дышавшему Маклерену залезть следом. Сэм размахивал своим копьем, точно горящей головней, охраняя тыл и дюйм за дюймом вползая в трубу.

Он почти добрался до безопасного насеста и вдруг остановился. Его громадная грудь вздымалась тяжело, словно кузнечные мехи, руки поднимались и опускались, как брусья полированного эбенового дерева. Харкер окликнул его и поторопил: он и Маклерен уже почти достигли вершины.

Сэм засмеялся:

— Как я пролезу в эту норку?

— Иди скорее, дурак!

— Сэм, поспеши. Я почти кончился.

— Сэм, черт бы тебя побрал!

— Ползи сам, Харкер, и тащи за собой этого дохляка, а настоящий мужчина, вроде меня, в такую дыру не пролезет. Я, пожалуй, останусь здесь.

Он немного помолчал, а потом с яростью добавил:

— Торопись же, пока они не уволокли тебя обратно!

Сэм был прав, и Харкеру пришлось покориться его правоте. И он вновь принялся протаскивать Маклерена сквозь узкое отверстие.

Маклерен очень ослаб и почти не помогал ему, но он был худым и узкокостным, и Харкер вытолкнул его наружу. Он покатился по склону, покрытому зеленой травой, какой никто еще не видел на Венере. Вытолкнув Маклерена, Харкер стал протискиваться следом, стараясь не оглядываться на Сэма.

Негр запел о славе Господнего прихода.

Харкер просунул голову обратно в темноту.

— Сэм!

— Ага! — чуть слышно ответили ему.

— Здесь хорошая земля, Сэм.

— Угу.

— Сэм, мы найдем способ...

Из трубы донеслось пение. Звук становился все слабее: видимо, Сэм пошел в глубь пещеры. Вскоре слова перестали различаться, но смысл песни сохранился в интонации. Мэтт Харкер спрятал лицо в зеленую траву, но и тут голос Сэма преследовал его.

Яркие солнечные лучи позолотили облака. Звенящую тишину нарушали только редкие птичьи трели. Птицы. Харкер перевернулся вверх лицом и медленно сел. Он чувствовал себя усталым и избитым. Сердце его грызли боль и стыд, а старая темная злоба смертельным кольцом стянула его душу.

Перед ними раскинулся длинный, покрытый травой склон, нисходивший к реке, которая живописным изгибом уходила за гранитный отрог. Под холмом расстилалась широкая равнина, а дальше темнел уходящий под небеса лес. Казалось, что гигантские деревья медленно плыли в тягучем тумане. Их темные ветви были развернуты, как крылья, и усыпаны цветами. Холодный сухой воздух ничем не напоминал гнилостные испарения болот. Пышная трава бурно росла на твердой, не расползавшейся под ногами земле.

Рури Маклерен застонал, и Харкер обернулся. Нога Маклерена выглядела скверно, а сам он пребывал в полубессознательном состоянии. Кожа покраснела и начала шелушиться.

Харкер тихонько выругался, не зная, чем помочь раненому.

Он опять взглянул на равнину и тут увидел девушку. Он не заметил, откуда она возникла, может из-за кустов, которые в изобилии росли на склоне. Видимо, она сидела там довольно долго и следила за ними. Она и сейчас внимательно изучала незнакомцев, стоя совершенно неподвижно футах в сорока от них. Громадная алая бабочка сидела на ее плече, помахивая опахалами крыльев.

Девушка казалась скорее девочкой. Ее нагое тело было маленьким, стройным и совершенным, а белая кожа несколько отливала зеленым. Внимание Харкера привлекли короткие кудрявые волосы глубокого синего цвета и глаза — тоже синие и очень странные.

Харкер смотрел на нее, она на него, и оба не двигались с места. Блестящая птица слетела вниз и на мгновение задержалась возле губ девушки, целуя ее своим клювом. Девушка коснулась птицы, улыбнулась, но не отвела взгляда от Харкера.

Харкер медленно встал и сказал:

— Привет.

Девушка не шевельнулась, не произнесла ни звука, но неожиданно пара громадных птиц, черных, как смертный грех, с орлиными клювами и когтями, ринулась к голове Харкера и закружилась вокруг нее.

Харкер снова уселся на землю.

Странные глаза девушки отвернулись от него к трещине в холме, откуда он выбрался.

Губы ее не двигались, но голос — или что-то вроде этого — ясно прозвучал в голове Харкера:

— Ты пришел из... Оттуда.

В слове «оттуда» чувствовалась дрожь.

— Да, — ответил Харкер. — Телепатия?

— Но ты не...

В мозгу Харкера возник образ золотых Пловцов. Изображение можно было узнать, но страх и ненависть смели с него всю красоту, оставив только ужас.

— Нет, — сказал Харкер.

Он объяснил все насчет себя и Маклерена. Он сказал и о Сэме. Он знал, что она внимательно прослушивает его мозг, проверяя правдивость его слов, но это его не тревожило.

— Мой друг ранен, — сказал он. — Нам нужны пища и кров.

Ответа не было. Девушка снова принялась разглядывать Харкера, его лицо, форму и структуру тела, волосы и, наконец, глаза.

Его еще никогда не осматривали таким образом. Он вызывающе ухмыльнулся, изо всех сил пытаясь показать, что ему глубоко наплевать на этот бесцеремонный осмотр.

— Милочка, — заявил он, — ты потрясающа. Кто ты — животное, минерал или растение?

Она удивленно качнула маленькой круглой головкой и вернула ему его же вопрос. Харкер рассмеялся.

Она улыбнулась, и в ее глазах засверкали искорки. Харкер встал и шагнул к ней. Птицы тут же вернули его обратно. Девушка насмешливо улыбнулась.

— Иди, — сказала она и отвернулась от него.

Харкер нахмурился и с дружеской улыбкой склонился над Маклереном.

Ему удалось поставить парня на ноги, а затем взвалить к себе на плечи. Он зашатался под нелегким грузом. Маклерен отчетливо произнес:

— Я вернусь до того, как он родится.

Харкер выждал момент и, когда девушка сделала первый шаг, пошел следом, сохраняя дистанцию. Две черные птицы неотступно следовали за ним.

Они шагали по густой траве равнины по направлению к лесу. Теперь небо окрасилось в кровавый цвет. Легкий ветерок играл волосами девушки, Мэтт Харкер видел, что ее короткие кудрявые пряди были широкими, как синие лепестки.

Глава 3

Путь по лесу продолжался долго. Вершина плато оказалась в форме чаши, защищенной окружавшими ее утесами. Харкер, вспомнив об их первом поселке многолетней давности, решил, что это место неизмеримо лучше. Оно предстало перед ним, как видение из чудесного сна, — Обетованная Земля.

Прохлада и чистота, царящие вокруг, снимали тяжесть с легких Харкера, с его сердца и уставшего тела.

Однако омолаживающий воздух не уменьшил веса Маклерена.

— Отдохнем, — предложил Харкер.

Он сел, осторожно свалив Маклерена на траву. Девушка остановилась и сделала несколько шагов назад, внимательно глядя на Харкера, который дышал, как загнанная лошадь. Он ухмыльнулся.

— Я выдохся, — сказал он. — Слишком тяжелая работа для человека моих лет. Не могла бы ты позвать кого-нибудь, чтобы помочь мне нести его?

Она снова уставилась на него в очаровательном недоумении. Спускалась ночь, светло-индиговая, куда более светлая, чем на уровне моря. Глаза девушки странно сверкали в темноте.

— Зачем ты это делал? — спросила она.

— Что делал?

— Нес это.

Под «этим» она, по всей видимости, подразумевала Маклерена. Харкер неожиданно понял, что между ним и девушкой — пропасть и все объяснения будут напрасны.

— Он мой друг. Он... Я должен...

Она изучила его мысли, а затем покачала головой.

— Я не понимаю. Это испорченное...

Ее мысль-образ был комбинацией из понятий: «сломано, кончено, бесполезно».

— Зачем это нести?

— Маклерен не «это». Он человек, как и я. Он мой друг. Он болен, и я должен ему помочь.

— Не понимаю.

И она дала понять Харкеру, что он волен заниматься любыми глупостями, но ее это не касается.

Потом она снова тронулась в путь, не обращая внимания на просьбу Харкера подождать.

Харкер через силу поднял Маклерена и снова зашагал. Эх, кабы Сэм был здесь!

Он тут же пожалел, что подумал о Сэме, и от души пожелал, чтобы Сэм умер быстро, до того... До чего? «Боже, уже темно, мне страшно, я скоро надорвусь от такой тяжести, а эта ведьма идет себе передо мной в синем тумане...»

«Ведьма», однако, была великолепно сложена и очаровательна, как луч лунного света, как чашечка цветка, полного душистого нектара тайны и неизвестности. Сердце Харкера, помимо его воли, начало биться сильнее.

Они двигались в ароматной тени деревьев.

Лес был открытым, с широкими мшистыми холмами и большими полянами. Под ногами повсюду росли цветы, но не было ни кустарников, ни папоротников. Вдруг девушка остановилась и подняла руку. Цветущая ветка, до которой она не могла дотянуться, сама наклонилась к ее лицу. Девушка сорвала большой цветок и воткнула его в волосы. Затем она повернулась и улыбнулась Харкеру. Он вздрогнул.

— Как ты это делаешь?

Она растерялась.

— Ты имеешь в виду ветку? Ах, это!

Она засмеялась. Это был первый звук, который она издала, и он пронизал Харкера, как теплое серебро.

— Я просто подумала, что хочу сорвать цветок, и ветка наклонилась.

Телепортация, телекинетическая энергия — кажется, в книгах это называлось так. На Земле кое-что знали об этом явлении, но в колонии было не до чтения даже собственной скудной библиотеки. Существовала какая-то религиозная секта, которая заставляла розы склоняться им в руки. Древняя мудрость гласила, что библейские чудеса совершались с помощью могучей душевной энергии. Очень просто. Ну да.

Харкер невольно подумал, не может ли девушка сделать такое и с ним. Но ведь его мозг принадлежит только ему. Или нет?

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она издала прозрачную трель. Харкер попытался просвистеть нечто подобное, но у него ничего не вышло. «Что-то вроде музыкального языка», — сообразил он. Это выглядело так, словно она — и ее народ — подражали птицам.

— Я буду звать тебя Бутоном, — сказал он. — Самостоятельный Бутон. Только ты этого не понимаешь.

Она приняла образ, рожденный в его мозгу, и вернула обратно: яркий огонь в густой бахроме лучей, цветы в китайской вазе его матери. Девушка снова засмеялась, отослала своих черных птиц и пошла по лесу, напевая, как иволга. Ей ответили другие голоса, и вдруг между деревьями появился ее народ.

Все они были похожи на нее: мужчины — стройные и хрупкие, как дети, и женщины — нежные, словно цветы. Харкер насчитал более сотни голых, смеющихся, любопытных созданий. То, что Харкер назвал лепестками, растущими на их головах, были всех цветов — от кроваво-красного до снежно-белого.

Они непрерывно выводили долгие трели. Видимо, Бутон рассказала им, как она нашла Харкера и Маклерена. Вся толпа медленно шла по лесу и наконец остановилась на громадной поляне, где росли только отдельные деревья.

Здесь же журчал источник, образовавший маленькое озеро, а затем поток исчезал за папоротником.

Маленький народ все подходил, и теперь Харкер видел, что все они молоды, и младшие — совсем крошечные — отличаются от старших только размерами.

Стариков среди них не было. Не увидел он и больных, пораженных тяжелыми недугами. Харкера, изнемогавшего от усталости и чувствовавшего близкий приступ лихорадки, это не подбодрило.

Он посадил Маклерена к источнику. Захлебываясь, как животное, Маклерен пил и вымочил себе голову и плечи. Лесные люди стояли кругом и молча наблюдали за ними. Харкер почувствовал себя так неловко, словно он рыгнул в церкви. Он умыл Маклерена, помог ему напиться и осмотрел его ногу.

Нужен был свет и огонь.

Вокруг источника было много сушняка, а в камнях — сухой мох. Харкер собрал кучу сухих веток. Лесной народец наблюдал за ним. Их долгие сияющие взгляды действовали Харкеру на нервы. Руки его тряслись так, что он высек искру лишь с четвертой попытки.

Крошечный огонек заставил молчаливые ряды зашевелиться. Харкер стал раздувать огонь. Язычок пламени, сначала маленький, трепещущий и бледный, набрал силу, вырос, затрещал. Харкер увидел полные ужаса глаза лесных людей. Раздался испуганный визг, и все исчезли, как сухие листья, унесенные ветром.

Харкер достал нож. Лес был теперь тих, но не спокоен. Кожа подергивалась на спине и на затылке Харкера, стягивала скулы. Не обращая на это внимания, Харкер поводил лезвием над пламенем.

Маклерен молча смотрел на него. Харкер улыбнулся:

— Все будет в порядке, Рури.

Он осторожно нажал определенную точку на его челюсти. Тело Маклерена вздрогнуло и обмякло. Харкер вытянул вздувшуюся ногу Маклерена и принялся за работу.

* * *

Снова наступило утро. Харкер лежал у источника на прохладной траве. Угли его костра серели и гасли. Он чувствовал себя отдохнувшим, лихорадка, похоже, оставила его. Воздух был словно вино.

Он перекатился на спину. Дул ветер, живой и сильный, щекоча его ноздри каким-то необычным запахом. Деревья шумно веселились и чуть не кричали от радости. Харкер глубоко вздохнул и вдруг осознал, что облака были высоко, выше, чем это бывает на Венере. Ветер разгонял их, и дневной свет был таким же ярким, как...

Харкер вскочил. Кровь в нем бурлила, слепила глаза. Он бросился к высокому дереву и полез по его ветвям, пока не добрался до самой верхушки.

Под ним расстилалась чаша долины, зеленая, богатая, привлекательная. Вокруг нее поднимались серые гранитные утесы.

Они вздымались туда, где гулял ветер, а за ними далеко-далеко виднелись горы, уходившие в небо.

На горах сквозь туман облаков белел снег, холодный, ослепительно чистый, и, пока Харкер смотрел на него, там мелькнул какой-то отблеск и исчез так быстро, что Харкер увидел его скорее сердцем, нежели глазами.

Солнечный свет. Снежные поля и над ними солнце.

Он не сразу спустился вниз, в тишину поляны. Он стоял на ветке, не двигаясь, и увидел то, чего не видел раньше. Тогда он спустился.

Рури Маклерен исчез. Оба рюкзака, один с пищей, другой с веревками, перевязочными материалами, кремнем и кресалом, тоже испарились, а с ними и копье. Ощупав бедро, Харкер не нашел ничего, кроме голого тела. И нож, и даже штаны были с него сняты.

Стройное восхитительное тело выступило из тени деревьев. Громадный белый цветок светился в синих кудрях. Сияющие глаза насмешливо смотрели на Харкера, Бутон улыбалась.

Мэтт Харкер не спеша подошел к ней. Его крепкое лицо ничего не выражало. Он старался, чтобы и мозг его тоже ничего не выражал.

— Где мой друг?

— В Финальном месте.

Она неопределенно кивнула в направлении утесов, откуда пришли сюда земляне. Ее мысль-образ продемонстрировала Харкеру нечто среднее между кучей мусора и кладбищем. И совершенно отчетливо чувствовалось, что ей очень досадно тратить время на такие пустяки.

— Вы его... Он еще жив?

— Оно было живое, когда мы положили его там. Все в порядке. Оно будет ждать, пока не остановится, как все мы.

— Зачем вы его...

— Оно уродливое. — Бутон пожала плечами. — Оно сломанное.

Она подняла руки и закинула голову.

Трепет наслаждения прошел по ее телу.

Она снова улыбнулась Харкеру.

Он попытался скрыть свою злость и, не торопясь, отправился к утесам. Он шел мимо куста с желтыми цветами и колючими ветками. Внезапно ветка согнулась и хлестнула его по животу. Он резко остановился, согнулся и услышал смех Бутона.

Когда он распрямился, девушка уже стояла перед ним.

— Красное, — сказала она удивленно.

Бутон дотронулась заостренными пальцами до царапины, оставленной колючками. Ее, казалось, воз-

буждали и разочаровывали цвет и ощущение его крови. Ее пальцы двигались, ощупывая его мышцы, кожу и темные волосы на груди. Пальцы прошлись и по его шее, по краю подбородка, коснулись лица, век, темных бровей. К нему проник шепот из ее мозга.

— Что ты такое?

Харкер медленно обнял ее. Ее тело холодно и странно скользило под его ладонями и посылало Харкеру неописуемый трепет полуудовлетворения, полуотвращения.

Он склонил голову. Глаза ее стали глубокими, как озера синего огня. Он нашел ее губы. Они тоже были холодными и странными, как все ее тело, податливое, с пряным запахом, и тем же самым ароматом вдруг пахнуло от ее курчавых лепестков.

Харкер увидел движение в лесу, радужные пятна украшенных лепестками голов. Бутон отошла от Харкера, взяла его за руку и повела к далекой реке, к мирным зарослям папоротника, растущего на ее берегах.

Взглянув вверх, Харкер увидел, что две черные птицы по-прежнему сопровождают их.

— Кто же ты? Растение, цветок вроде этого?

Он указал на белый бутон на ее голове.

— А ты кто? Зверь, одетый в мех? Клыкастый хищник, вылезший из своей норы?

Они засмеялись. Небо над их головами было цвета чистой овечьей шерсти. Теплая земля и смятый папоротник широко расстилались под ними.

— Куда ведет эта дорога? — спросил Харкер.

— На границу. — Она указала на край долины. — Я думаю, она идет вниз, к морю. Когда-то мы туда спускались, но это было очень давно. Теперь мы не хотим туда ходить, да и звери делают путь опасным.

— Да, конечно, — согласился Харкер.

Он поцеловал ее во впадину под подбородком.

— А что случается, если приходят звери?

Бутон засмеялась. Прежде чем Харкер успел шевельнуться, он оказался туго спеленутым вьющимися

растениями и папоротником, а черные птицы кричали и щелками острыми клювами над его лицом.

— Вот что случается, — сказала Бутон. — Она дернула папоротник. — Наши кузены понимают нас даже лучше, чем птицы.

Харкер вспотел, хотя был уже освобожден. Потом он спросил:

— А те создания в подземном озере тоже ваши кузены?

Бутон с негодованием оттолкнула его мысль: так отталкивают ладонями упругий мяч.

— Нет. Существует старая легенда, что эта долина когда-то была озером и в нем жили Пловцы. Они полностью отличались от нас. Мы пришли из высоких ущелий, там теперь только голые скалы. Это было очень давно. Когда озеро начало уменьшаться, нас стало больше и мы решили спуститься вниз. Потом было орошение, и мы прогнали Пловцов в черное озеро. Они пытались и сейчас пытаются выйти оттуда, вернуться к свету, но не могут. Иногда они посылают нам свои мысли. Они... Нет, я не хочу больше рассказывать о них.

— Как вы будете сражаться с ними, если они выйдут? — небрежно спросил Харкер. — Тоже птицы и растения?

Бутон помедлила с ответом, потом сказала:

— Я покажу тебе один способ.

Она закрыла ему глаза рукой. Сначала было только темно, затем стали формироваться образы — люди, его собственный народ, видимый, как отражение в тусклом кривом зеркале, но узнать его было можно. Люди хлынули в долины через трещины в утесах, и тут же каждое дерево, каждый кустик и стебелек травы наклонились к ним. Люди боролись, размахивали ножами, делали успехи, но продвигались вперед медленно. Затем через равнину потянулся туман, тонкий, плывущий в воздухе белый занавес. Он подходил все ближе, гонимый собственной силой, а не ветром. Харкер увидел, что это пушистые семена чертополоха. Пух садился на людей.

Он сыпался бесконечно и неторопливо, постепенно обволакивая человеческие фигуры. Люди корчились, кричали от боли и страха, отбивались, но тщетно.

Потом белый пух опал на землю. Тела людей были покрыты крошечными зелеными ростками, которые высасывали человеческую плоть и быстро росли.

Через эти образы пробилась беззвучная речь Бутон:

— Я видела некоторые твои мысли, когда выходила из пещеры. Я не могла их понять, но видела, как на наших равнинах режется бороздами земля, вырубаются наши деревья, и все делается отвратительным. Если твой народ придет сюда, нам придется уйти, а долина принадлежит нам.

Мэтт Харкер старательно вникал в мысли девушки, однако своими собственными соображениями он делиться с нею не спешил.

— Но раньше эта земля принадлежала Пловцам.

— Они не могли удержать ее, а мы можем.

— Зачем ты спасла меня, Бутон? Чего ты от меня хочешь?

— Ты безопасен. Ты чужой. Я хотела играть с тобой.

— Любовь, Бутон?

Его пальцы ощупали широкий гладкий камень в корнях папоротника.

— Любовь? Что это?

— Это — завтра и послезавтра. Это надежда, счастье и боль, полнота чувств, самоотверженность. Это цепь, которая привязывает тебя к жизни и придает ей ценность. Понимаешь?

— Нет. Я расту, беру нужное от земли и солнца, играю с друзьями, с птицами, с ветром, с цветами. Затем приходит время, когда во мне созревают семена, а затем я ухожу в Финальное место и жду. Вот и все. Только это я и понимаю.

Он посмотрел ей в глаза. Дрожь прошла по его телу.

— У тебя нет души, Бутон. В этом главное различие между нами. Ты живая, но души у тебя нет.

Теперь ему было не трудно осуществить свой план. Но сделать это нужно было очень быстро. Сделать то,

что могло хоть как-то оправдать смерть Сэма, то, что Бутон могла прочитать в его мыслях, но не могла предупредить, потому что ей никогда не понять мысль об убийстве...

Глава 4

Черные птицы спикировали на Харкера, но руководящий их волей мозг перестал подавать сигналы, и птицы в растерянности прекратили атаку.

Папоротники и вьюнки качнулись было, однако тут же замерли опять. Птицы, тяжело взмахивая крыльями, улетели прочь.

Мэтт Харкер встал, не глядя на то, что лежало у его ног.

Он знал, что у него еще есть немного времени. Возможно, цветочный народ не сразу заметит отсутствие девушки. Возможно, они не станут следить за его мыслями: всем известно, что он — всего лишь новая игрушка Бутона. Возможно...

Мэтт побежал к утесам, туда, где находилось Финальное место. Он старался держаться открытых пространств и по возможности избегать зарослей.

Он уже подбегал к месту назначения, когда понял, что его заметили. Птицы вернулись, и их огромные, черные крылья оглушительно хлопали над самой его головой. Он поднял сухую ветвь, чтобы отбиваться от них, но она рассыпалась в его руке. Телекинез, силы мысли — вот их преимущество. Когда-то Харкер читал, что, имея известный навык, можно никогда не проигрывать в кости: кубики будут падать так, как ты захочешь. Хотел бы он сейчас вообразить себя бластером.

Изогнутые клювы рвали его руки. Он схватил одну птицу за шею и придушил ее.

Вторая закричала, и на этот раз Харкеру не так повезло: пока он убивал птицу, ее когти разорвали ему щеку. Он снова побежал.

Кусты хищно тянулись к нему, вьющиеся стебли, как змеи, переплетались на его пути. Каждая зеленая травинка резала его обнаженные ноги, словно остро отточенным ножом. Но он уже добежал до утесов, и теперь перед ним расстилалась голая каменистая площадка.

Принюхавшись, он понял, что близок к Финальному месту. Легкий аромат увядающих цветов, переживших свой расцвет, а под ним — мертвый, кислый запах гниения. Он громко окликнул Маклерена, с ужасом думая, что может не получить ответа, и едва поверил своим ушам, когда услышал слабый голос товарища.

Он быстро зашагал на звук. Маленький вьюн оплел его ноги и потянул вниз. Харкер вырвал растение с корнем. Оглянувшись через плечо, он увидел тонкую белую вуаль, маленькое пятнышко вдалеке. Оно плыло к нему.

Он дошел до Финального места. Это был каньон, довольно глубокий, с высокими отвесными стенами, напоминающий широкий колодец. На дне его виднелись тела, сваленные в сухую рыхлую кучу, бесцветные тела-цветы, увядшие, серые.

Рури Маклерен лежал на этой куче, видимо, невредимый. Два рюкзака и оружие лежали рядом с ним. В разных местах сидели, лежали и слабо ползали те, кто, по выражению Бутона, ждал остановки.

Здесь копошились старые, увядшие, поврежденные или некрасивые. Здесь их уродство не могло оскорблять. Похоже, что умственно они уже умерли. Они не обращали внимания на людей, ни на своих собратьев, но слепые жизненные силы еще сохранялись в них. Так цветет обреченная на смерть герань, чей срезанный стебель уже засох.

— Мэтт! — выдавил Маклерен. — О Господи, Мэтт, как я рад тебя видеть!

— С тобой все в порядке?

— Да. Даже нога почти прошла. Ты можешь вытащить меня отсюда?

— Бросай рюкзаки.

Маклерен повиновался. Он заметил возбужденное состояние Харкера и по его окровавленному лицу

понял, что затевается что-то скверное. Поднимая Маклерена вверх, Харкер вкратце объяснил ему положение дел. Белый туман был уже очень близко.

— Ты можешь идти? — спросил Харкер.

Маклерен взглянул на наплывавшее облако.

— И даже бежать. Побегу так, что черти не остановят.

Харкер подал ему веревку.

— Беги на ту сторону каньона.

Он помог Маклерену надеть рюкзак.

— Остановишься точно напротив меня. Понятно? Стой там с веревкой и придерживайся голых камней.

Маклерен побежал. Он сильно хромал, лицо его исказилось от боли. Харкер выругался. Облако было уже так близко, что Харкер видел миллионы крошечных семян, плывших в своих шелковых волокнах, повинуясь приказу цветочного народа. Он пожал плечами и начал наматывать бинты и пучки сухой травы на костяной наконечник вновь обретенного копья. Край облака уже навис над ним, когда он высек искру, зажег свой импровизированный факел и прыгнул вниз на кучу мертвых цветочных созданий.

Предательская рыхлая куча мешала ему двигаться вперед. Он ткнул факелом в мертвые тела и сухая увядшая субстанция вспыхнула. Он погнал пламя к дальней стене и быстро обернулся. Даже когда огонь охватил их, умиравшие создания не шевельнулись. Края облака вспыхнули, начали сжиматься и вскоре оно исчезло в клубах дыма.

— Рури! — заорал Харкер.

Долгую минуту он стоял, задыхаясь и кашляя в густом дыму, чувствуя, как наступающий жар опаляет его кожу. Затем, когда Харкер почти отчаялся, над ним показалось залитое потом лицо Маклерена и вниз зазмеилась веревка. Языки пламени злобно лизали спину Харкера, пока он по-обезьяньи карабкался на стену.

Они отошли повыше и двинулись по скалистому грунту, время от времени срезая преграждающие путь кустарники и вьюны.

Маклерен, не привыкший к виду оживших растений, вздрогнул.

— Это просто немыслимо, — сказал он. — Как они это делают?

— Насколько я понял, они кровные родственники растениям. Давай отдохнем здесь минутку.

Маклерен благодарно взглянул на него и улегся на камни. Сквозь тугую повязку там, где Харкер обрезал рану Маклерену, сочилась кровь. Харкер повернулся к долине.

Цветочный народ растянулся длинным полумесяцем. Их яркие многоцветные головы ясно виднелись на фоне зеленой равнины.

Харкер догадался, что они сторожат проход.

Он понял: сейчас они знают все, что происходит в его мозгу, так же, как знала это Бутон. Новая форма коллективизма — один мозг для всех и все для одного. Даже если бы Маклерен был здоров, никаких шансов на спасение у людей не оставалось.

Там не проскочит и мышь.

«Интересно, — подумал Харкер, — скоро ли придет следующее облако?»

— Что будем делать, Мэтт? Есть ли какой-нибудь способ уйти отсюда?

Маклерен думал не о себе. Он смотрел на долину, как Люцифер, жаждущий Рая, и думал о Вики. Даже не о самой Вики, а о Вики как о символе тридцати восьми сотен венерианских скитальцев.

— Не знаю, — пожал плечами Харкер. — Проход недоступен, пещеры тоже. Эй! Помнишь, как мы отгоняли тех чудищ на реке и как ты чуть не упал, швыряя камни? Там был разлом прямо над краем озера, трещина от землетрясения. Если мы доберемся до нее сверху и как следует встряхнем...

Прошла минута, прежде чем до Маклерена дошло. Он широко раскрыл глаза.

— Оползень запрудит озеро...

— Вода поднимется достаточно высоко. Пловцы выскочат...

Горящими глазами Харкер смотрел на головы-цветы, пестрящие внизу.

— Но если долину затопит, Мэтт, и Пловцы вылезут наружу, что останется здесь для нашего народа?

— Думаю, оползень будет не столь уж велик. С обеих сторон разлома — крепкий камень.

Харкер внимательно осмотрел дно долины.

— Видишь эти склоны? Даже если оползень и не уйдет сам собой, небольшой подкоп высушит дно ниже прохода. Нам останется только сделать новый берег.

— Может, и так. — Маклерен кивнул. —Но ведь Пловцы останутся. Я не думаю, что они намного добрее тех крошек.

По его тону можно было предположить, что он более склонен сражаться с народом Бутона.

Рот Харкера медленно скривился в усмешке.

— Пловцы — водяные создания, Рури. Они амфибии, живут под землей, в полной темноте, и один Бог знает, как давно они там поселились. Ты знаешь, что случается с червями, когда их вытаскивают на свет? Ты знаешь, что бывает с грибами, растущими в темноте?

Он почти благоговейно провел пальцами по своей коже.

— Ты ничего не заметил на себе, Рури? Впрочем, ты был слишком занят.

Маклерен изумился. Он тер свою кожу, морщился и снова тер, ощупывая белые полосы, которые тут же исчезали.

— Загар, — сказал он удивленно. — О Боже! Солнечный загар, даже ожог!

Харкер встал.

— Давай пойдем и посмотрим.

Головы-цветы внизу задвигались.

— Им не нравится эта мысль, Рури. Видимо, наша идея вполне осуществима и они это знают.

Маклерен встал, опираясь на копье, как на трость.

— Мэтт, они не дадут нам уйти.

Харкер нахмурился.

— Бутон говорила, что есть и другие способы уничтожения... Но не оставаться же нам здесь?

Они снова полезли вверх, очень медленно, щадя раны Маклерена. Харкер пытался угадать — далеко ли от них подземная пещера? Река была хорошим проводником, а скалы почти не имели растительности.

Харкер внимательно следил за цветочным народом, но ничего угрожающего из долины не появлялось.

Скалы резко изменились. Древние землетрясения оставили на них свои следы: извилистые трещины, огромные гранитные плиты, грозно нависшие над пропастью и готовые упасть в темноту.

Харкер остановился.

— Вот оно. Послушай, Рури. Я хочу отослать тебя отсюда: здесь слишком опасно.

— Мэтт, я...

— Заткнись. Один из нас должен остаться в живых и вернуться на корабль. Большой спешки нет, дня через три-четыре ты будешь способен к путешествию. Ты...

— А почему я? Ты лучше всех ходишь по горам...

— Ты женат, — коротко ответил Харкер. — Чтобы скинуть вниз эту пару больших плит, хватит и одного человека. Они практически уже готовы упасть под собственным весом. Может быть, я выберусь благополучно. Но ведь глупо рисковать обоим, не так ли?

— Угу. Но, Мэтт...

— Послушай, мальчик, я знаю, что делаю.

Голос Харкера стал необычно мягким.

— Передашь мой привет Вики и...

Он вдруг вскрикнул от резкой боли.

Недоверчиво опустив глаза, Харкер увидел, что его тело покрыто маленькими огоньками, слабыми, мерцавшими, исчезавшими, но оставлявшими глубокие ожоги. Огоньки плясали и на Маклерене. Они уставились друг на друга.

Ужас беспомощности охватил Харкера.

Опять телекинез. Люди-цветы повернули против них его же собственное оружие.

Они видели огонь и его действие, воссоздали этот процесс в мозгу, сосредоточились сообща и выпустили мысленную силу всей колонии на двоих людей. Он давно понял, почему они ухватили мысль о солнечном ожоге и применили его буквально.

Огонь, самовозгорание. Это очень просто, надо только знать, как... Тут было что-то от Неопалимой Купины...

Атака возобновилась с новой силой. О Боже, как больно! Маклерен закричал. Его набедренная повязка и бинты начали тлеть.

«Господи, что же делать, скажи мне скорее, что делать? — лихорадочно думал Харкер. — Цветочный народ фокусируется на нас через наш мозг, через наш сознательный разум. Возможно, что до подсознания они доберутся не так легко. Значит... значит, надо, чтобы Рури лишился сознания, упал в обморок...»

Опять пламя, ожог, страшная боль.

«Сейчас они прочтут мою мысль и задержат меня...»

Без предупреждения Харкер сильно ударил Маклерена в челюсть и оттащил его к прочным камням. Он сделал все это с поразительной силой и скоростью. Самому ему спасаться некогда, да скоро и вообще не понадобится.

Не сводя глаз с Маклерена, он отошел футов на сто. Третья атака была очень болезненной, настолько болезненной, что Харкер чуть не упал. Но Рури Маклерен не был задет ею.

Харкер улыбнулся, последний раз взглянул на бесчувственное тело товарища и бросился к искореженным гранитным плитам на утесах. Движение его было рассчитано так точно, что тело неслось вперед автоматически, не останавливаясь даже тогда, когда огоньки начали разгораться, оставляя на коже огромные, бурые пятна ожогов. Он столкнул вниз зазубренный гигантский камень, и удар этого валуна высвободил следующий. Харкер наткнулся на третий, ле-

жавший на скользком глинистом ложе, и с нечеловеческой силой сбросил его в пропасть.

Харкер упал. Мир растворился в дрожавшем, ревущем хаосе, подернулся яркой вуалью пламени и клубами удушливого дыма. Последнее, что мелькнуло перед угасающим взором Мэтта Харкера, было высокой, укутанной снегом горой, уходящей в ясное небо.

Настала ночь. Рури Маклерен лежал на выступавшем над долиной карнизе. Долина под ним потерялась в индиговых тенях, но шум воды — стремительной, бурной, злой — давал представление о том, что там происходит.

В долину хлынула новая жизнь. Она поднималась на гребнях бурлившей воды, горела золотом в синеве ночи: сверкающие гиганты возвращались на родину, чтобы отомстить. Огромные пятна радужного сияния покрывали воду — цветы-собаки вышли на охоту. Между ними, крутясь и подпрыгивая в смертельной игре, неслись малыши Пловцов.

Маклерен следил за их последней охотой. Он всю ночь наблюдал, как золотые титаны требуют расплаты за века темноты. С восходом солнца цветочного народа не существовало. А днем он увидел, как умирали Пловцы.

Река, повернув обратно, отрезала их от пещер. На землю лился яркий солнечный свет.

Сначала Пловцы с патетической радостью приветствовали его, но вскоре они все поняли.

Маклерен отвернулся. Он отдыхал и ждал, когда исполнится предсказание Харкера, плотина размоется и вода вернется в свое прежнее русло.

Когда он нашел проход, долина уже просохла.

Он оглянулся на горы, вдохнул сладкий ветер и почувствовал великий стыд за то, что он жив и может дышать.

Он оглянулся назад — на пещеры, где умер Сэм, и на утесы, где он похоронил то, что осталось от Мэтта Харкера.

Ему казалось, что он должен что-то сказать, но слова не приходили, только грудь его была переполнена и тяжело вздымалась.

Он молча повернулся к каменному проходу, к Морю Утренних Опалов, к тридцати восьми сотням странников, которые нашли дом.

Вуаль

АСТЕЛЛАРА

ПРОЛОГ

Чуть больше года назад — по условному Солнечному Времени — у штаб-квартиры Управления Межзвездного Пространства на Марсе упала почтовая ракета.

В ней была обнаружена рукопись, рассказывавшая о такой удивительной и ужасной истории, что трудно было поверить, как человек в здравом уме мог оказаться виновным в подобных преступлениях.

Однако после года тщательного расследования рассказ был признан подлинным и теперь УМП разрешило опубликовать рукопись дословно, в том виде, в каком она была изъята из разбившейся ракеты.

Вуаль — свет, который появлялся неизвестно откуда, чтобы поглощать корабли, — исчезла. Все космолетчики Солнечной системы, бродяги, торговцы и капитаны роскошных лайнеров вздохнули с облегчением: вуаль — одно из порождений Чуждого Далена — уже не угрожала их безопасности.

Теперь же мы знаем ее истинное наименование: Вуаль Астеллара.

Знаем мы и место ее происхождения: мир, выброшенный из пространства и времени.

Нам известно, почему она возникла: об этом повествует рассказ, принесенный почтовой ракетой, — вопль бьющейся в агонии человеческой души; и, наконец, мы знаем, как была разрушена Вуаль.

Глава 1
ТРУП НА БЕРЕГУ КАНАЛА

В доме мадам Кэнс, что на Лау-Канале Джеккарты случился скандал. Какой-то маленький марсианин съел слишком много фила, и, чтобы умерить его аппетит, пришлось прибегнуть к помощи кастетов с шипами — весьма популярного в здешних краях оружия. Маленькому марсианину выбили последний пищевой клапан.

То, что осталось от незадачливого чревоугодника, выбросили на каменную набережную, и труп его плюхнулся прямо к моим ногам. Видимо, поэтому я и остановился, чуть не споткнувшись об него; остановился, а затем вгляделся.

Тонкий красный луч солнца падал с чистого зеленого неба. За городскими стенами в пустыне сухо шуршал красный песок, красно-коричневая вода медленно и угрюмо струилась по каналу. Но самое красное пятно в этой багровой палитре растекалось вокруг разорванного горла лежащего на спине марсианина.

Он был мертв. В его широко раскрытых глазах потухал последний зеленый огонек, и он был мертв.

Я стоял над ним, — не знаю, долго ли.

Времени не существовало. Солнечный свет померк, фигуры прохожих укрыла какая-то дымка, звуки угасли, исчезло все, все, кроме безжизненного лица, глядевшего на меня: зеленые глаза, застывший оскал белых зубов.

Я не знал его. Живя, он оставался всего лишь марсианским ничтожеством. Умерев, он стал просто мясом.

Марсианская падаль, не более того.

Времени не существовало. Только мертвое улыбающееся лицо.

Затем что-то коснулось меня. Чья мысль вспыхнула в моей голове и притянула к себе мое сознание, как магнит притягивает стальные опилки? Болезненный ужас, страх и сострадание, такое глубокое, что

оно потрясло мое сердце. Слова — не произнесенные, но рожденные в виде образов — всплыли в моем мозгу.

«О, подобно Люциферу, взывающий к Небесам, — прогремело во мне. — Какие у него глаза! О Темный Ангел, какие у него глаза!»

Речь шла о моих глазах, и я закрыл их. Холодный пот выступил у меня на лбу, я пошатнулся, затем мир снова собрался в фокус. Солнце, песок, шум, вонь и толпа, грохот ракет в космопорту, в двух марсианских милях отсюда, — все было в фокусе.

Я открыл глаза и увидел девушку. Она стояла как раз позади мертвеца, почти касаясь его. С ней был молодой парень. На него я не обратил внимания, он значения не имел. Ничто не имело значения, кроме девушки. На ней было голубое платье, и она смотрела на меня дымчато-серыми глазами. Лицо ее казалось белым, как голая кость.

Солнце, шум и люди снова ушли, оставив меня наедине с ней. Я чувствовал, как медальон под моей черной одеждой космолетчика жжет меня, а сердце мое вот-вот перестанет биться.

«Мисси», — подумал я.

«Похож на Люцифера, но Люцифера, ставшего святым», — пришла ко мне ее мысль.

И тут я расхохотался. Мир снова вернулся на место, тяжелый и осязаемый. И посреди этого мира крепко и устойчиво стоял я.

Мисси — вот глупости! Мисси давно умерла.

Меня сбили с толку рыжие волосы, те же темно-рыжие волосы, длинные и тяжелые, как конская грива, завивавшиеся на белой шее, и такие же, как у Мисси, дымчато-серые глаза и еще что-то — веснушки, манера кривить рот, как бы для того чтобы удержать улыбку.

А во всем остальном ей до Мисси было куда как далеко.

Она была выше и шире в кости. Жизнь нередко била ее, следы этих ударов скрыть невозможно. У Мисси никогда не было такого усталого, угрюмого

взгляда. Не знаю, может быть, она и развила в себе такой упрямый и несгибаемый характер, как у девушки, стоявшей передо мной; но тогда я не умел читать мысли.

У этой девушки, смотревшей на меня, было множество мыслей, и вряд ли она хотела, чтобы о них знали. Особенно об одной из них — все время ускользавшей от меня и потому чрезвычайно раздражающей.

— Детишки! Чего ради вы сюда явились? — спросил я.

Мне ответил молодой человек. Он был очень похож на нее — прямой, простой, более грубый внутри, чем снаружи, мальчик, знающий, как нагрубить и как ввязаться в драку.

Сейчас он был болен, зол и немного напуган.

— Мы думали, что днем это безопасно, — сказал он.

— В этой дыре день или ночь — все одинаково. Я ухожу.

Девушка, не двигаясь, все еще смотрела на меня, не понимая, что делает.

«Седые волосы, — думала она, — а ведь он не старый, не старше Брэда, несмотря на морщины. Они от переживаний, а не от возраста».

— Вы с «Королевы Юпитера», не так ли? — спросил я их.

Я знал, что они оттуда. «Королева» была сейчас единственным кораблем в Джеккарте. Я спросил потому только, что она напоминала Мисси. Но Мисси давным-давно умерла.

Молодой человек, которого она в мыслях называла Брэдом, ответил:

— Да, мы с Юпитера, из колоний.

Он мягко потянул девушку.

— Пошли, Вирджи. Нам лучше вернуться на корабль.

Я был покрыт потом, холодным потом, холоднее, чем труп у моих ног.

— Да, — сказал я, — возвращайтесь на корабль, там безопаснее.

Девушка не шевельнулась, не отвела от меня глаз. Она все еще думала обо мне, страх ее почти прошел, уступив место состраданию.

«У него глаза горят, — думала она. — Какого они цвета? В сущности, никакого, просто темные, холодные и горящие. Они видят ужас и небо...»

Я позволил ей смотреть мне в глаза.

Через некоторое время она покраснела, а я улыбнулся. Она злилась, но не могла отвести глаз: я не отпускал ее и улыбался, пока молодой человек не потянул ее снова, уже настойчивей.

— Пошли, Вирджи.

Я освободил ее, и она повернулась с угловатой грацией жеребенка. Тут дыхание мое перехватило, точно от удара в живот: ее манера держать голову...

Неожиданно для самой себя, она оглянулась.

— Вы мне кого-то напоминаете, — сказала она. — Вы тоже с «Королевы Юпитера»?

Голос ее был похож на голос Мисси, может он звучал глубже, более гортанно, но все равно похоже.

— Угу. Космолетчик первого класса.

— Тогда, значит, я там и видела вас.

Она рассеянно повертела обручальное кольцо на пальце.

— Как вас зовут?

— Гаут. Дж. Гаут.

— Джей Гаут, — повторила она. — Странное имя. Хотя ничего необычного в нем нет. Странно, что оно меня так заинтересовало.

— Пошли, Вирджи, — сердито сказал Брэд.

Я не оказал ей никакой помощи. Я смотрел на нее до тех пор, пока она не стала малиновой и не отвернулась. Я читал ее мысли. Они стоили того.

Она и Брэд, прижавшись друг к другу, пошли к космопорту на «Королеву Юпитера», а я перешагнул через мертвого марсианина.

Серые тени наползли на его лицо. Зеленые глаза остекленели и уже ввалились, кровь на камнях потемнела. Еще один труп.

Я засмеялся, подсунул свой черный сапог под изгиб спины и скинул труп в угрюмую красно-коричневую воду. Засмеялся я тому, что моя собственная кровь еще горяча и сердце бьется даже сильнее, чем мне того хотелось бы.

Он умер, и я выкинул его из головы.

Я улыбнулся всплеску и разбежавшимся по глади воды кругам. «Она ошиблась, — подумал я. — Не Джей, просто Дж. Я — Иуда»*.

Надо было убить время, примерно десять марсианских часов, оставшихся до взлета «Королевы Юпитера». Я направился к столикам мадам Кэнс. Она нашла для меня немного особого брэнди из пустынного кактуса и венерианскую девушку со шкуркой цвета полированного изумруда и золотыми глазами.

Девушка танцевала для меня, а танцевать она умела. Я очень неплохо провел эти десять часов, особенно если учесть, что дело происходило в джек-картском кабаке.

Мисси, мертвый марсианин и девушка по имени Вирджи ушли на дно моего подсознания, где им полагалось быть, и даже ряби не оставили. Это как старая рана: если ее растревожить, она немного поболит, но недолго, да и сама-то боль привычная, на нее не стоит обращать внимание.

Все меняется. Прикованные к планете люди отгораживаются от внешнего мира четырьмя стенами своих представлений, правил, выдуманных условностей и думают, что в этой каморке они спасутся.

Но космос огромен, существуют другие миры и другие пути. Их можно узнать. Их можно узнать любому. Попробуйте и увидите.

Я прикончил огненный зеленый брэнди, заполнил ложбинку между грудями венерианской танцовщицы марсианскими серебряными монетами, поцеловал девушку и, унося с собой слабый привкус рыбы на губах, отправился обратно к космопорту.

---

* «Иуда» в английском пишется через «дж» и звучит «джюда». (*Примеч. пер.*)

Я не спешил. Стояла ночь. Слабый холодный ветер шелестел в дюнах, вычерненных густыми тенями и посеребренных лучами плывущих над самой головой лун. Я видел, как моя аура сияла бледным золотом на фоне этого серебра.

Меня охватило волнение. Впереди показалась «Королева Юпитера», но единственное, что в этой связи пришло мне в голову, это то, что очень скоро моя работа закончится и мне заплатят.

Я потянулся от удовольствия, о котором вы ничего не знаете, — от удовольствия быть живым.

На залитой лунным светом пустыне в миле от космопорта никого не было. Из-за разрушенной башни, которая, вероятно, служила маяком в те времена, когда пустыня была морем, вышел Гэлери.

Гэлери был королем щупачей в этой богоспасаемой дыре. Сейчас он был зол, умеренно пьян, а органы его экстрасенсорного восприятия дрожали от напряжения, как чувствительная диафрагма. Я знал, что он может увидеть мою ауру, но очень смутно и не глазами, и все же он умудрился увидеть ее в первую же нашу встречу на Венере, когда я нанимался на борт «Королевы Юпитера».

Такие люди иногда встречаются среди кельтской и романской рас на Земле, среди марсиан и в некоторых племенах Венеры. Экстрасенсорное восприятие у них врожденное.

По большей части оно не разработано, но, может быть, оно и к лучшему.

Во всяком случае меня такое положение дел устраивало. Гэлери был на четыре дюйма выше меня и фунтов на тридцать тяжелее, а недавняя порция виски сделала его проворным, упорным и опасным. И кулаки у него были здоровенные.

— Ты не человек, — мягко сказал он.

Он улыбался. Можно было подумать, что он очень любит меня. Пот делал его лицо похожим на полированное дерево.

— Нет, Гэлери, — ответил я, — ни в коей мере, и уже давно.

Он слегка качнулся на согнутых коленях.

Я увидел его глаза. Лунный свет смыл их голубизну, оставив только страх, твердость и блеск.

Голос его был все еще мягкий и певучий.

— Кто же ты тогда и зачем тебе корабль?

— Корабль мне ни к чему, Гэлери, мне нужны только люди на нем. А кто я — не все ли равно?

— Все равно, — согласился он, — потому что сейчас я тебя прикончу.

Я беззвучно засмеялся. Он медленно кивнул своей черной головой.

— Пожалуйста, скаль зубы, если хочешь. Скоро твой обглоданный череп будет вечно скалиться в эти небеса.

Он разжал кулаки. Я увидел в каждой его ладони по серебряному кресту.

— Нет, Гэлери, — ласково сказал я, — ты, вероятно, считаешь меня вампиром, но я не из этой породы.

Он снова сжал распятия и медленно пошел вперед. Я слышал хруст его сапог по песку. Я не двигался.

— Ты не можешь убить меня, Гэлери.

Он не остановился и ничего не сказал.

Пот стекал по его лицу. Он боялся, но не останавливался.

— Ты умрешь здесь, Гэлери, и без священника.

Он не остановился.

— Иди в город, Гэлери, спрячься, пока «Королева» не стартует. Ты спасешь свою жизнь. Неужели ты так сильно любишь других, что готов умереть за них?

Он остановился и нахмурился, как сбитый с толку мальчишка. Эта мысль была новой для него.

«При чем тут любовь? Они — люди».

Он снова двинулся ко мне, и я широко раскрыл глаза.

— Гэлери!..

Он подошел достаточно близко, чтобы я почувствовал запах виски. Я посмотрел ему в лицо, поймал его взгляд и задержал его. Он остановился, медленно подтягивая внезапно налившиеся свинцом ноги.

Я держал его глазами, я слышал его мысли.

Они оставались теми же. Они никогда не менялись.

Он поднял кулаки, но так медленно, словно в каждом из них было по человеку.

Губы его отвисли, так что я видел влажный блеск его зубов, слышал, как сквозь них вырывается хриплое, тяжелое дыхание.

Я улыбнулся, продолжая удерживать его глаза своими.

Он опустился на колени. Дюйм за дюймом, борясь со мной, он опустился. Крупный мужчина с потным лицом и голубыми глазами, которые не могли оторваться от моих глаз.

Руки его разжались. Серебряные кресты упали и теперь блестели на буром ночном песке.

Его голова опустилась, жилы на шее вздулись и дергались. Внезапно он упал на бок и застыл в неподвижности.

— Ты остановил мое сердце, — прошептал он.

Это единственный способ. Они чувствуют нас квазиактивно, и даже психохирургия тут не поможет. К тому же обычно нет времени.

Теперь он не мог дышать, но мог говорить. Я слышал его мысли. Я поднял распятия и сомкнул его пальцы на них.

Ему удалось чуть-чуть повернуть голову и взглянуть на меня. Он пытался заговорить, и я ответил на его мысли:

— Гэлери, я отведу «Королеву» в Вуаль.

Его глаза широко раскрылись и застыли.

Его последней мыслью было:

«Вот уж никогда не думал!..»

Я оттащил безжизненное тело в развалины башни, где его, вероятно, не скоро найдут, и снова направился в космопорт, но на полпути остановился.

Он опять уронил кресты. Они лежали на тропе под лунным светом, и я поднял их и хотел уже забросить подальше в рыхлый песок.

Но я не сделал этого. Я стоял и держал их. Они вовсе не жгли мою плоть. Я засмеялся.

Да, я смеялся. Но смотреть на них я не мог.

Я вернулся к башне, положил Гэлери на спину, скрестив ему руки на груди, и закрыл покойнику глаза. Распятия я положил на его веки и ушел, на этот раз окончательно.

Ширана сказала однажды, что понять человеческий мозг невозможно, как бы тщательно ты его ни изучал. Иногда его посещает страдание. Чувствуешь себя прекрасно, все идет отлично, и вдруг в мозгу открывается какая-то дверца — и начинаешь вспоминать.

Это бывает не часто, и обычно успеваешь быстро захлопнуть дверцу. Но все равно Флэйк единственный из нас, кто до сих пор может похвастаться черными волосами. Вот, правда, души у него нет...

Итак, я захлопнул дверцу перед Гэлери и его крестами, а через полчаса «Королева» стартовала к юпитерианским колониям, где она никогда не совершит посадку.

Глава 2
ПУТЕШЕСТВИЕ К СМЕРТИ

Все шло спокойно, пока мы не пересекли окраину Пояса Астероидов. Я следил за мыслями экипажа и знал, что Гэлери никому не говорил обо мне. Кто станет рассказывать людям, что от парня на соседней койке исходит желтое свечение и что он не человек? Влезешь в смирительную рубашку, только и всего. Тем более когда речь идет о вещах, которые только чувствуешь, но не видишь, — вроде электричества.

Когда внутри Пояса мы попали в опасную зону, командование расставило караулы у выходных люков на пассажирских палубах, и я был назначен в один из них. Я стал подниматься на свое место.

На последней ступеньке трапа я кожей почувствовал первую, еще слабую реакцию. Аура моя заблестела и начала пульсировать.

Я подошел к люку номер два и сел.

На пассажирской палубе мне побывать еще не доводилось.

«Королева Юпитера» была старым торговым кораблем, переделанным для перевозок в глубоком космосе. Он держался в пространстве, и это все, что от него требовалось. На нем был большой груз продуктов, семян, одежды, фермерского оборудования и около пятисот семей, переселявшихся в юпитерианские колонии.

Я вспомнил, как впервые увидел Юпитер.

Тогда еще ни один человек с Земли не видел его. Это было очень давно.

Теперь на палубе не протолкнуться: мужчины, женщины, дети, прислуга, тюки, узлы, чего тут только нет. Марсиане, венерианцы, земляне — все сгрудились, шумят, толкутся... Из-за жары и скученности в воздухе стоит тяжелый запах.

Мою кожу пощипывало. Аура стала ярче.

Я увидел девушку по имени Вирджи с густыми рыжими волосами и такой знакомой манерой двигаться. Она и ее муж нянчились с крепким зеленоглазым марсианским младенцем, в то время как его мать пыталась уснуть. Обоих супругов волновала одна и та же мысль:

«Может быть, когда-нибудь у нас будет свой».

Я подумал, что Мисси точно так же смотрела бы на нашего малыша, если бы он у нас был.

Моя аура пульсировала и пылала.

Я наблюдал, как сверкали маленькие, еще далекие от корабля миры: от мелких камешков до обитаемых планетоидов, блестящих с освещенной солнцем стороны и черных, как космос, с теневой.

Люди столпились у экранов, и я увидел старика, стоявшего рядом со мной.

Долгие годы, проведенные в космосе, оставили неизгладимый след на его манере держаться, на линиях жесткого лица. И когда он смотрел на Пояс, глаза его горели, как у голодной собаки.

Это был старый космолетчик, не забывший ни одного из своих многочисленных полетов.

Затем появилась Вирджи с младенцем на руках. Брэд неотлучно следовал за ней. Она стояла спиной ко мне.

— Просто чудо, — тихо сказала она. — Ох, Брэд, ты только посмотри!

— Чудо, и смертельное, — усмехнулся про себя старый космолетчик.

Он огляделся вокруг и улыбнулся Вирджи.

— Это ваше первое путешествие?

— Да, первое для нас обоих. Может, мы чересчур таращим глаза на все, но это так необычно.

Она беспомощно развела одной рукой.

— Я понимаю. Для этого нет слов.

Он опять повернулся к экрану. Его лицо и голос ничего не выражали, но я читал его мысли.

«Лет пятьдесят тому назад мне случалось оставлять весь корабельный груз в первом попавшемся поселении. Нас было десять человек. Остался только я».

— До появления дефлекторов Рассона Пояс был опасен, — сказал Брэд.

— Пояс получил только три дефлектора, — тихо сказал старик.

Вирджи подняла рыжую голову.

— Значит...

Старик не слышал ее. Его мысли были далеко.

— Шесть лучших людей космоса, а потом, одиннадцать лет назад, мой сын, — сказал он, ни к кому не обращаясь.

Женщина, стоявшая рядом с ним, повернула голову. Я увидел ее наполненные ужасом глаза и беспомощно онемевшие губы.

— Вуаль? — прошептала она. — Вы ее имеете в виду?

Старик попытался заставить ее замолчать, но вмешалась Вирджи.

— Что такое Вуаль? Я слышала о ней, но очень неопределенно.

Марсианский бэби занялся серебряной цепочкой, висевшей на шее Вирджи. Мне эта цепочка показалась знакомой. Вероятно, она была на Вирджи в первую нашу встречу. Моя аура пылала жарким золотистым светом.

Женщина отошла, и ее слова прозвучали уже издали, как приглушенное эхо:

— Никто не знает. Ее нельзя найти, выследить или вообще определить. Мой брат, космолетчик, видел ее однажды, издали. Она появляется неизвестно откуда и поглощает корабли. Потом свет ее тускнеет, а корабль исчезает. Мой брат видел ее здесь, возле Пояса...

— Она может быть как здесь, так и в любом другом месте, — резко сказал старик. — Она берет корабли и в глубоком космосе, и на земной орбите. Так что причин бояться нет.

Аура горела вокруг меня, как облако золотого сияния.

Зеленоглазый марсианчик внезапно выдернул цепочку и с ликованием поднял ее кверху.

То, что висело на ней и раньше было спрятано под платьем Вирджи, теперь медленно кружилось, притягивая мои глаза.

Видимо, я издал какой-то звук, потому что Вирджи обернулась и увидела меня. Я не знаю, что она подумала. Я долгое время ничего не соображал, только чувствовал озноб, словно холодный черный космос каким-то образом прошел сквозь экран и коснулся меня.

Блестящая вещь крутилась на серебряной цепочке, и марсианчик следил за ней, и я тоже.

Затем настала тьма, и я стоял в ней, неподвижный и холодный.

Голос Вирджи пробился сквозь мрак, спокойный, обыкновенный, словно ничего не случилось.

— Я вспомнила, на кого вы похожи, мистер Гаут. Боюсь, что я была невежлива в тот день на Марсе, но меня ошеломило сходство. Смотрите.

В мою темную ледяную оболочку вошел белый предмет: крепкая белая рука с покрасневшими от работы суставами держала что-то на ладони, что-то,

что горело чистым, странным собственным светом. Голос продолжал все так же спокойно:

— Это старинный медальон, мистер Гаут. Ему больше трехсот лет. Он принадлежал моей далекой прабабке, и семья хранила его с тех пор. Это, в сущности, любовная история. Прабабушка вышла замуж за молодого космолетчика. В те времена космические полеты были еще очень опасными, этот молодой человек любил космос так же сильно, как свою жену. Его звали Стивен Вэнс. Здесь его портрет. Поэтому я и подумала, что где-то видела вас, и спросила о вашем имени. Сходство потрясающее, вы не находите?

— Да, — подтвердил я.

— А эта девушка — его жена и, конечно, первоначальная владелица медальона. Муж звал ее Мисси. Это имя выгравировано на обороте медальона. И вот ему представилась возможность сделать первый перелет с Марса на Юпитер, и Мисси знала, что какая-то часть его умрет, если он не полетит, и она отпустила его. Он даже не знал, что на свет должен появиться ребенок, которого они очень ждали: она ему не сказала, потому что он бы отказался от полета. Стивен заказал два медальона, совершенно одинаковые. Он сказал ей, что медальоны будут связью между ними, которую никто не разрушит. Что бы ни случилось, он вернется к ней. Он улетел на Юпитер и не вернулся. Его корабль также не нашли. Но Мисси носила медальон и молилась. Умирая, она отдала его своей дочери. И это стало семейной традицией, поэтому теперь он у меня.

Голос ее вдруг стал тягучим, сонным и даже как будто слегка удивленным. Рука с медальоном медленно опустилась. Вокруг меня установилось великое спокойствие, великий мир.

Я закрыл лицо руками. Я старался что-то сказать, сказать те слова, которые я говорил много лет назад, но эти слова все никак не приходили. Они исчезают, когда попадаешь ТУДА.

Я опустил руки и снова смог видеть. Я не тронул медальона на своей шее. Я чувствовал его на груди, как опаляющий холод космоса.

Вирджи лежала у моих ног. Она все еще держала ребенка на сгибе руки. Его круглое коричневое личико было повернуто к ней. Брэд лежал рядом, обхватив рукой жену и чужого ребенка.

Медальон покоился на округлой груди Вирджи, открытый, изображением вверх, и медленно поднимался и опускался в такт ее дыханию.

Они не страдали. Не забывайте этого.

Они просто ничего не подозревали. Они спали и видели счастливые сны. Пожалуйста, помните это!

Никто из них не страдал и не боялся.

Я стоял один на палубе этого молчаливого корабля. На экранах не было ни звезд, ни маленьких планеток Пояса Астероидов. Была лишь вуаль света, плотно обернувшая корабль, мягкая сетка из зеленых, пурпурных, золотых и синих витков, прикрепленных ярко-алыми нитями к блестящей основе, не имеющей никакого цвета.

Как всегда, электрическое освещение потускнело. Люди спали на широкой поверхности палубы. Я слышал их медленное, спокойное дыхание. Моя аура горела, как золотое облако, и внутри нее тело пульсировало жизнью.

Я посмотрел вниз, на медальон, на лицо Мисси. Если бы ты сказала мне! О Мисси, если бы ты мне сказала, я мог бы спастись!

Рыжие волосы Вирджи тяжело лежали на белой шее. Дымчато-серые глаза, полузакрытые, спящие. Волосы Мисси. Глаза Мисси.

Моя. Часть моей плоти, часть моей кости, часть моей крови, часть жизни, которая все еще билась и трепетала во мне.

Триста лет.

О, если бы я мог хотя бы молиться!

Я встал возле Вирджи на колени и протянул руку. Золотой свет вышел из плоти и закрыл ее лицо. Я

убрал руку и медленно встал, гораздо медленнее, чем падал умирающий Гэлери.

Сияние Вуали прошло через весь корабль, через воздух, через каждый атом дерева и металла. Я двигался, сверкающий золотом, живой и молодой, в молчавшем, спавшем мире.

Триста лет, и Мисси мертва, а ее медальон вернулся обратно.

Не так ли чувствовал себя Иуда, когда веревка оборвала его жизнь?

Но Иуда умер.

Я шел в тишине, завернутый в свое золотое облако, и биение моего сердца сотрясало меня, словно удары кулака. Сильное сердце, молодое, сильное сердце.

Корабль медленно отклонялся от своей дуги свободного падения на Юпитер. Вспомогательные механизмы для Пояса еще не включились. Вуаль сомкнулась вокруг корпуса и легко потянула его.

Это и было приложением силы воли. Телепортация, энергия мозга и мысли, усиленная Х-кристаллами и направляемая как по радиолучу. Высвобождение энергии между силой мысли и силой гравитации дает свет, тот самый видимый свет, который космолетчики называют Вуалью. Гипнотический сон-вуаль посылается тем же путем, через Х-кристаллы, на Астелларе.

Ширана говорила, что это очень просто, детская забава в ее пространственно-временной среде. Требуется только фокусирующая точка для наводки, а уж ее особая вибрация ведет как факел в пустоте, как аура вокруг плоти человека, который омылся в Облаке.

Коза Иуды ведет корабль на бойню.

Я шел в своем золотом свечении. Едва уловимая энергия наслаждения пощипывала и грела мою кожу. Я шел домой.

И Мисси еще жива. Прошло триста лет, и она жива. Ее и моя кровь живут в девушке по имени Вирджи.

А я помимо своей воли веду ее на Астеллар, в мир другого измерения.

Наверное, это и остановило поток, льющийся через мою кожу, разбудило меня спустя половину вечности. Моя аура побледнела до обычного состояния. Я услышал слабое звяканье металла о камень: «Королева Юпитера» совершила свою последнюю посадку. Я был дома.

Я сел на край моей койки. Не знаю, долго ли я сидел. Я опустил голову на сжатые кулаки, а затем раскрыл их. Мой собственный медальон выскользнул из перепачканных кровью ладоней. Я встал и через тишину, через грубый, безличный электрический свет пошел к люку и выбрался наружу.

«Королева Юпитера» лежала в округлой каменной колыбели. За вершиной ската закрылись двери, и последнее эхо воздушных насосов угасло под низкой крышей пещеры.

Камень был прозрачный, бледно-зеленый, резной и полированный. От его красоты захватывало дух, сколько бы раз вы на него ни смотрели.

Астеллар — маленький мир, вполовину меньше Весты. Со стороны он выглядит лишь глыбой черного шлака, на которой нечего делать космическим рудокопам, ищущим полезные ископаемые. При желании можно так искривить свет вокруг него, что планету не обнаружит и самый лучший телескоп, и та же сила мысли, которая создает Вуаль, может, если понадобится, перенести Астеллар на новое место.

Поскольку движение через Пояс растет довольно медленно, Астеллар передвигается не часто. В том нет необходимости.

Я прошел через пещеру, наполненную бледно-зеленым светом. Передо мной вырос широкий трап, взметнувшийся вверх подобно взмаху ангельского крыла. Флэйк ждал меня у трапа, вытянувшись в слабом золоте собственной ауры.

— Привет, Стив, — сказал он и взглянул на «Королеву Юпитера» своими странными серыми глазами. Черные волосы, потемневшая и загрубевшая в космосе кожа. Глаза, как бледные пятна лунного света, слабо блестевшие, бездушные.

Я знал Флэйка еще до того, как он стал одним из нас, и даже тогда догадывался, что в нем еще меньше человеческого, чем в астелларцах.

— Хороший рейс, Стив? — спросил он.

— Угу.

Я попытался пройти мимо, но он схватил меня за руку.

— Эй, тебя что-то гложет?

— Ничего.

Я оттолкнул его. Он улыбнулся и загородил мне дорогу. Это был крупный мужчина, вроде Гэлери, только много крепче, и мозг его мог встретиться с моим на равных.

— Не отвертишься, Стив. Что-то... Эй!

Он резко дернул вверх мой подбородок, глаза его сузились.

— Что это? Слезы?

Он с минуту смотрел на меня разинув рот, а затем захохотал. Я ударил его.

Глава 3
ПЛАТА ЗА ЗЛО

Флэйк неуклюже упал на прозрачный камень. Я прошел мимо него по изгибу трапа. Я шел быстро, но было уже поздно.

Позади меня открылись люки «Королевы Юпитера».

Как Гэлери на марсианском песке, я остановился, медленно подтягивая отяжелевшие ноги. Я не хотел этого. Я не хотел поворачиваться, но ничего не мог с собой поделать. Мое тело повернулось само.

Флэйк уже поднялся на ноги, прислонился к резной зеленой стене и смотрел на меня.

Кровь из разбитой губы капала на его подбородок. Он достал платок и прижал его ко рту, но глаза его не покидали меня, бледные, спокойные, горящие. Золотая аура собралась нимбом вокруг его черной головы, как на изображении святого.

Перед ним зияли открытые люки корабля. Из них выходили люди. Они шли спокойно, без спешки, они построились в колонну и ступали по зеленому прозрачному трапу, отбрасывая блики на прозрачный пол. Шаги их были легки, дыхание глубоко и резко, полузакрытые глаза не видели ничего вокруг.

Вверх по извивавшейся ленте бледно-зеленого камня, мимо Флэйка, мимо меня, вперед, в холл. Они не видели ничего, кроме своих снов. Они чуть заметно улыбались. Они были счастливы и не знали страха.

Вирджи все еще держала ребенка, спавшего на ее руках, и Брэд шагал рядом.

Медальон на ее груди перевернулся, спрятал изображение и показывал мне только свою серебряную изнанку.

Я внимательно рассматривал эту вереницу сомнамбул. Холл перед трапом был вырезан из молочно-белого хрусталя, инкрустированного металлом, привезенным из другого измерения, радиоактивным металлом, который наполнял хрустальные стены и воздух мягким туманным огнем.

Они медленно вошли в вуаль тумана и огня и исчезли.

Флэйк мягко окликнул меня:

— Стив!

Я обернулся. Воздух слегка дрожал, и контуры предметов терялись в нем, но желтый свет его ауры я видел отчетливо. Видел я и тяжелый, темный силуэт Флэйка, угрюмо черневший на фоне бледно-зеленого камня.

Он не двинулся с места. Он не спускал с меня своих холодных серых глаз.

Я понял, что Флэйк прочел мои мысли.

Он заговорил, с трудом шевеля распухшими губами:

— Ты думаешь об этой девушке, Стив. Ты не хочешь снова идти в Облако. Ты вообразил, что можешь найти какой-то способ спасти ее. Но такого способа нет, да ты и не спас бы ее, даже если бы мог. А в Облако, Стиви, тебе пойти придется. Через двенадцать часов, когда настанет время, ты пойдешь туда вместе с нами. И знаешь почему?

Его голос становился все мягче, все ласковей, но едкая насмешка пряталась за этим напускным добродушием.

— Потому что ты не хочешь умирать, Стиви, как и все мы — грешные. Даже я, я — Флэйк, парень, никогда не имевший души, я тоже боюсь смерти. Я всегда верил — не в Бога, нет — только в себя самого, и я люблю жизнь. Но иногда я смотрю на труп, лежащий на какой-нибудь грязной человеческой улице, и от всего сердца проклинаю его за то, что ему уже нечего бояться. Ты пойдешь в Облако, потому что только оно дает тебе жизнь. А о рыжеволосой девушке ты и не вспомнишь, Стиви. Да будь там сама Мисси, ты и пальцем бы не пошевелил ради нее, потому что ты боишься. Мы больше не люди, Стив. Мы ушли дальше их. Мы грешили, а здесь, в этом измерении, нет даже такого слова. Однако верим мы или не верим — мы в первую очередь боимся умереть, Стиви, мы очень не хотим умирать!

Его слова напугали меня. Они так врезались в мое сознание, что, даже увидев Ширану, я не смог забыть о них.

— Я нашла новое измерение, Стиви, — лениво сказала Ширана, — маленькое такое, между Восьмым и Девятым. Оно настолько крошечное, что мы сначала пропустили его. Придется после Облака исследовать эту находку. — И она повела меня в нашу любимую комнату.

Комната была вырублена в кристалле таком черном, что, войдя внутрь, ты чувствовал себя висящим в межзвездном пространстве, а если долго-долго вглядываться в глубокую черноту стен, то перед глазами возникали призраки далеких туманностей и галактик.

— Долго еще ждать? — спросил я ее.

— Час, всего лишь час. Бедный Стиви. Скоро ты все забудешь...

Волны ее мозга нежно коснулись моего сознания, — такой нежности никогда не добиться грубым человеческим рукам. Она долго ласкала меня, стирая из моих мыслей жар и боль. Не шевелясь, я лежал

на мягком, как облако, ложе в темноте. Я видел мерцавший свет Шираны.

Не знаю, как описать Ширану. Она очень похожа на человека, очень, но какое-то различие есть, почти неуловимое для глаза, но все же весьма существенное.

Но если не углубляться в такие тонкости, то она хорошая девчонка, красивая, — да нет, даже прекрасная, изумительно прекрасная.

Она и ее раса не нуждались в одежде.

Их ленивые волнистые тела покрывал не мех, не перья, не чешуя, но что-то среднее между всем этим, блестящее, переливающееся, прихотливо меняющее свои цвета, сверкающее порой такими оттенками, которые никогда не видел человеческий глаз.

Сейчас в темноте аура Шираны светилась, как теплая жемчужина. Я видел ее лицо — странные остроконечные треугольные кости, покрытые кожей, более мягкой, чем птичий пух. Мертвенно-черные бездонные глаза. Хохолок из изящных усиков-антенн, увенчанных крошечными шариками света, горевшего, как бриллианты.

Ее мысли нежно обволакивали меня.

«Не печалься, Стиви, — думала она. — Все устроено. Девушка пойдет последней, а ты войдешь в Облако первым, так что даже самая малая ее вибрация не коснется тебя».

— Но она коснется кого-нибудь другого, Ширана, — простонал я. — А это не менее страшно... Она все равно что моя дочь.

Ширана терпеливо ответила вслух:

— Но она тебе не дочь. Твоя дочь родилась триста лет назад. Триста лет — это для твоего тела, поскольку здесь нет счета времени. В каждом измерении время различно.

Да, я помню эти чудные годы. Стены измерений не помеха для мысли. Лежишь под Х-кристаллом и наблюдаешь их пульс из тумана черных глубин. Сознание высасывается и проецируется вдоль тугого луча тщательно выбранной вибрации, и вот ты уже в другом пространстве, в другом времени.

Можно взять любое тело и радоваться ему, пока не надоест. Можно пролетать между планетами, между солнцами, между галактиками, стоит только подумать об этом. Можно видеть вещи, делать вещи, вкусить такой опыт, для которого все языки нашего пространства-времени не подберут подходящих слов.

Ширана и я много путешествовали, многое повидали, многое попробовали, а Вселенная бесконечна.

— Я не могу не печалиться, Ширана. Я и хотел бы развеселиться, но ничего не могу с собой поделать. Я снова человек, снова простой парень Стив Вэнс из Беверли-Хиллз, Калифорния, на планете Земля. Я не могу уничтожить свои воспоминания.

У меня сжалось горло. Я покрылся холодным потом и был близок к безумию больше, чем когда-либо за все черт-знает-сколько лет.

Из темноты пришел голос Шираны:

— Ты больше не человек. Ты перестал быть человеком с тех пор, как впервые вошел в Облако. Люди для тебя то же, что для человека те животные, которых он употребляет в пищу.

— Но я же не могу не помнить.

— Понятно. Что ж, вспоминай. Вспомни, что с самого рождения ты отличался от других людей, что ты бывал там, где не бывал никто, видел то, чего не видел ни один человек до тебя, что твое сердце и твои руки сражались с самим космосом.

Я помнил это. Первый человек, рискнувший пройти Пояс, первый человек, увидевший Юпитер, блистающий в рое своих лун.

— Вот почему, захватив тебя в Вуаль и привезя на Астеллар, мы спасли тебя из Облака. У тебя была какая-то редкая сила, размах видения, необузданность желаний. Ты мог дать нам то, что мы хотели, — легкий контакт с человеческими кораблями. И за это мы подарили тебе жизнь и свободу.

Она помолчала и добавила:

— И меня, Стиви.

— Ширана!

Наши мысли слились в один жаркий клубок. Наши чувства, наши желания переплелись, как тела влюбленных. Воспоминания о битвах и счастье, ужасе и любви под солнцами, которые никогда более не загорятся — даже во сне. Я не могу объяснить это. Для этого нет слов.

— Ширана, помоги мне!

Сознание Шираны баюкало меня, как материнские руки.

— Тебе не за что винить себя, Стиви. Мы делали это под гипнозом, так что твой мозг привыкал к перемене постепенно, без шока. Я сама вводила тебя в наш мир, как ведут ребенка, и когда ты наконец стал свободным, прошло уже много времени. Ты шагнул гораздо дальше, чем твое человечество, много дальше.

— Я мог бы остановиться, мог бы отказаться снова идти в Облако, когда узнал, что это такое. Я мог бы отказаться быть Иудой, ведущим корабль к гибели.

— Почему же ты этого не сделал?

— Потому что вы дали мне то, что я хотел, — медленно сказал я, — то, о чем я всегда мечтал, даже не умея выразить это в словах. Власть и свобода, каких не имел ни один человек. А у меня они были, и это мне нравилось. Когда я думал о тебе и о том, что мы можем сделать вместе, о том, что я могу сделать один, я готов был привести в Вуаль всю Солнечную Систему.

Я тяжело, с хрипом, вздохнул и вытер потные ладони.

— К тому же я больше не чувствовал себя человеком. Прежде мне случалось бить собак, и никаких особых угрызений совести я после этого не испытывал. Так и теперь. Я больше не принадлежал к людям.

— Что же изменилось сейчас?

— Не знаю, но что-то изменилось. Когда я думаю, что Вирджи пойдет под кристаллы, а я в Облако... Нет, мне не перенести этой мысли.

— Ты же видел их тела после этого, — мягко сказала Ширана. — Ни один атом в них не сдвинул-

ся, и они улыбались. Бывает ли где-нибудь такая сладкая смерть?

— Да, это так. Но Вирджи моя.

Она пойдет под Х-кристаллы улыбаясь, ее темно-рыжие волосы блеснут в последний раз, а дымчато-серые глаза будут полузакрыты и полны грез. Она будет держать ребенка, и Брэд встанет рядом, а Х-кристаллы будут пульсировать и гореть причудливыми черными огнями, и Вирджи с улыбкой упадет, и для нее с Брэдом и для зеленоглазого марсианского малыша все закончится навеки.

Но жизнь, которая хранилась в их телах, сила, для которой у человека нет названия, сила, которая дарит дыхание, кровь и жар живой плоти, тончайшая вибрация человеческой души, эта жизненная сила поднимается от кристаллов вверх, в комнату Облака, и Ширана, ее народ и четыре человека, которые, как и я, больше не люди, войдут в Облако, чтобы получить возможность жить.

Раньше это меня не трогало. Конечно, иногда задумываешься над этим, но холодно, отстраненно. Тут нет семантической связи с «душой», «эго» или «жизненной силой». Ничего не видишь, не имеешь никакого контакта с мертвыми и о смерти не думаешь.

Нет, в Облако ты входишь как Бог, отрешившись от всего человеческого, и что тебе до того, что внизу кто-то умирает, ведь сам-то ты больше не человек!..

— Не удивительно, что вас выкинули из вашего измерения! — закричал я.

Ширана улыбнулась.

— Нас называли вампирами, паразитами, сибаритствующими чудовищами, живущими только для новых ощущений и удовольствий. Они загнали нас во мрак. Возможно, они правы, не знаю. Однако мы никому не вредили и никого не пугали, и, когда я думаю о том, что они сделали со своим собственным народом, утопив его в крови, страхе и ненависти, мне страшно.

Она встала надо мной, сияя, как теплая жемчужина. Крошечные бриллиантовые огоньки горели на ее антеннах, а глаза светились, как черные звезды.

Я дотронулся до ее рук, и это неожиданно сломало мой контроль. Я беззвучно закричал.

— Хорошо это или плохо, но ты теперь один из нас, Стиви, — тихо сказала она. — Я очень огорчена тем, что случилось. Я могла бы помочь тебе, если бы ты позволил мне усыпить твой мозг. Но пойми же наконец: ты оставил людей позади и никогда не вернешься обратно!

После долгого молчания я сказал:

— Я знаю. Я понимаю.

Я почувствовал ее вздох и дрожь, а затем она отступила, не убирая своих рук из моих.

— Пора, Стиви.

Я медленно встал и остановился. Ширана вдруг охнула.

— Стиви, отпусти мои руки! Мне больно!

Я выпустил их и сказал:

— Флэйк никому не расскажет. Он знает мою слабость. В сущности, что бы я ни болтал, в Облако я все равно пойду, и всегда в положенный час буду входить туда, потому что глубоко увяз в грехе и боюсь умереть.

— Что такое грех? — спросила Ширана.

— Бог знает. Только Бог.

Я обнял ее мягкое, как у птицы, тело, поцеловал блестящие щеки и маленький малиновый рот. В этом поцелуе был слабый горький привкус моих слез. Я тихо рассмеялся, сдернул с шеи цепочку с медальоном и швырнул ее на пол. Мы с Шираной пошли к Облаку.

Глава 4
ЗАНАВЕС ТЬМЫ

Мы шли по холмам Астеллара, как сквозь многоцветный драгоценный камень. Холмы были янтарные, аметистовые, цвета киновари, драконье-зеленые и цвета утреннего тумана — всех цветов, которые только существуют в этом измерении.

Покидая свои хрустальные кельи, обитатели Астеллара присоединялись к нам.

Народ Шираны, изящный, с бархатными глазами, с короной из огненных шариков на верхушках антенн. Они были похожи на живую радугу.

Флэйк, я и еще трое — всего пятеро людей с тем типом мозга, какой был желателен народу Шираны, — одели черные космические скафандры и шли в окружении золотой ауры.

Я заметил, что Флэйк поглядел на меня, но я не стал встречаться с ним взглядом.

И вот мы достигли центра Астеллара — нашей цели. Гладкие черные двери были распахнуты. Внутри клубился туман, похожий на свернувшиеся солнечные лучи, мушки чистого, яркого, направленного излучения связывались и танцевали в облаке живого света.

Ширана взяла меня за руку. Я понимал, что она хочет отвлечь мои мысли от происходившего внизу, где мужчины, женщины и дети с «Королевы Юпитера», подчиняясь гипнотическому приказу, шли под Х-кристаллы навстречу своему последнему сну.

Я сжал ее руку, и мы шагнули в Облако.

Свет окутал нас. Вибрация силы Х-кристаллов держала нас на пощипывавшей плавучей паутине, и живой золотой свет держал нас, ласково пробегая по коже крошечными волнами огня.

Я жаждал этого. Мое тело вытянулось и напряглось. Под моими ногами вибрировала энергетическая паутина, голова моя была поднята, дыхание замерло. Каждый атом моей плоти возрождался, трепетал и пульсировал жизнью.

Жизнь!

Вдруг что-то ударило меня.

Я не хотел этого. Я думал, что изгнал это вниз, на дно, что она больше не потревожит меня. Я думал, что я в мире со своей душой, какая бы она ни была, пусть даже ее и вовсе нет. Я не хотел думать.

Но я думал. Это ударило меня неожиданно, как метеор настигает корабль в космосе, как языки солнечного пламени омывают пики на темной стороне

Меркурия, как смерть, стремительная и неотвратимая, которую нельзя ни обмануть, ни обойти.

Я знал, что это за душа, откуда она пришла и как изменила меня.

Это была Вирджи с ее рыжими волосами и дымчато-серыми глазами, Вирджи, в которой продолжалась жизнь Мисси и моя жизнь. Зачем Вирджи была послана мне? Зачем я встретил ее возле мертвого марсианина на Лау-Канале Джеккарты?

Но я ее встретил. И сейчас мне стало ясно все.

Не помню, что я сделал, наверное, вырвал свою руку из руки Шираны. Я почувствовал, как моего мозга коснулась и тотчас отпрянула ее испуганная мысль, и я побежал через золотое Облако к дальнему проходу.

Я бежал со всех ног, не думая, не рассуждая.

Наверное, я кричал, не знаю. Я совсем обезумел. Не помню, чувствовал ли я, что кто-то бежит рядом со мной.

Я вскочил в дальний зал. Он был голубой, как спокойная глубокая вода, и совсем пустой. Я бежал. Я не хотел бежать. Каким-то здравомыслящим уголком своего сознания я звал Ширану, но она не могла пробиться через визжащий хаос моих мыслей. Я бежал.

И кто-то бежал позади. Я не оглядывался, не до того было. Да и едва ли я сознавал это. Но кто-то бежал за мной длинными летящими шагами.

Вниз по голубому коридору, в другой, цвета пламени с серыми точками, и вниз по извилистому скату из темного янтаря, спускавшемуся на нижний уровень, на тот уровень, где помещались Х-кристаллы.

Я сбежал по янтарной тропке, прыгая, как олень, по пятам преследуемый собаками, сквозь хрустальную тишину, в которой звук моего дыхания — тяжелого и прерывистого — дробился звонким разноголосым эхом. Пологий спуск завершался круглой площадкой, куда выходили четыре коридора.

Темный пурпур окружающих меня стен сверкал гранями, как огромный рубин.

Из коридора навстречу мне вышли трое людей с молодыми лицами и снежно-белыми волосами. Их нагие тела горели золотом на пурпурном фоне.

Я остановился в центре площадки. За моей спиной послышались быстрые шаги босых ног, и я, не оглядываясь, понял, кто это.

Это был Флэйк. Он обежал кругом и уставился на меня своими холодными странными глазами.

Он где-то раздобыл бластер и целился в меня — не в голову, не в сердце, а в живот.

— Сдается мне, Стиви, что ты хочешь наломать дров, — сказал он. — Придется нам немного покараулить тебя — если ты не возражаешь, конечно.

Я стоял неподвижно. Мне было все равно.

Что мне до этих людей? Время идет, а Х-кристаллы продолжают пульсировать — далеко, слишком далеко от меня. Ни о чем другом я думать не мог.

— Прочь с дороги, — сказал я Флэйку.

Он улыбнулся. Трое мужчин позади него насторожились. Они смотрели на Флэйка, на меня и боялись.

Терпеливо, как капризному ребенку, Флэйк сказал мне:

— Ты пойдешь с нами, Стиви, или я выпущу из тебя кишки. Ну?

Я взглянул в холодные, странные глаза.

— Это на тебя похоже.

— Угу.

Он облизал губы.

— Мое дело — предупредить, а ты выбирай.

— Ладно, — вздохнул я. — Я выбрал.

Терять мне нечего. Я ударил его. Я первый ударил его волнами своего мозга.

Флэйк был силен, но я попал в Облако на пятьдесят лет раньше его, и Ширана научила меня многому. Собрав всю свою силу, я обрушил на него тяжелый мысленный удар, и ему пришлось ответить тем же, но это лишило его возможности управлять бластером.

Застигнутый врасплох, он послал малиновый поток смертельной энергии мимо меня: я успел отклониться. Мне опалило кожу, только и всего.

Молотя друг друга, мы упали на пурпурный камень. Флэйк оказался сильным. Он был выше и тяжелее, чем я. Он избил меня чуть ли не до бесчувствия, но я сжал его руку, в которой он держал свое оружие, и не выпускал ее. Трое других попятились к коридору, опасаясь, что бластер может выстрелить и задеть их.

Сначала они решили, что Флэйк легко справится со мной, а теперь испугались и потому отступили, поспешно направляя на меня свои силовые импульсы.

Я так и не знаю, почему им не удалось убить меня. Наверное, причин было много: уроки Ширапы, мой немалый опыт, а главное, тот факт, что я не мог мыслить сознательно. Я был всего лишь вещью, снарядом, летящим сквозь ветхие преграды.

Иногда я жалею, что они не сломили меня. Иногда жалею, что Флэйк не сжег меня на пурпурном камне.

Я стряхнул их мысленные атаки. Я принял удар громадного кулака Флэйка и яростные пинки его ступней и колен, а сам направил все свою мощь на то, чтобы согнуть его руку. Я дернул ее от себя вверх и повернул, куда хотел.

Я выиграл. Его игра была кончена. Он сломался на ней, он упустил свою победу. Я видел широко раскрытые глаза на его темном лице. Я до сих пор вижу их.

Я вытянул палец и нажал на огневую кнопку.

Потом я встал и, сжимая бластер, пошел через площадку. Трое посторонились, осторожно обходя меня. Они сияли золотом, в глазах их плясали огоньки дикого животного ужаса.

Я выстрелил одному из них в голову как раз в тот момент, когда его мышцы напряглись для прыжка. Другие оказались проворнее. Они сбили меня с ног, а между тем время шло, и люди, околдованные гипнотическими снами, медленно проходили под кристаллы.

Я лягнул одного из нападающих в челюсть и сломал ему шею, другой пытался вырвать у меня оружие. Я только что вышел из Облака, а он еще не был там. Я был полон жизни, поднимавшейся от Х-кристаллов, так что я оттолкнул его руку и снова нажал на кнопку, стараясь не видеть его глаз.

А ведь они были моими друзьями, людьми, с которыми я выпивал и смеялся, а иногда и посещал далекие миры.

Далее мой путь лежал через зал цвета марсианской зари. Я был опустошен. Я ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Тело ныло от боли, струйка крови сбегала из уголка губ, но все это не имело значения.

Я наконец добрался до кристаллов.

Многим уже ничего не смогло бы помочь. Многим, почти половине. Они все еще лежали на черном полу, но места здесь хватило бы на всех. Пришедшие после них не толпились, а шли медленно спокойным потоком.

Кристаллы висели широким кругом, слегка отклоняясь внутрь. Они пульсировали чернотой, которая далеко превосходила обычную темноту. Угол наклона и настройка граней по отношению к другим кристаллам давали различные результаты: для наведения Вуали, для движения энергии, для гипноза, для создания ворот в другое пространство и время.

И для высасывания жизненной силы из человеческих тел.

Я видел бледное сияние энергии в центре — нечто вроде вихря между бесконечными горящими черными гранями, который поднимался от спокойных тел в комнату Облака наверху.

Я видел лица мертвых. Они улыбались.

Управление размещалось на другой стороне. Душа моя была мертва, так же мертва, как тела на полу, но я побежал. Помню, мне пришло в голову, что смешно бежать, коли ты умер.

Я держался подальше от кристаллов и изо всех сил бежал к управлению.

Я увидел Вирджи. Она была в конце процессии и, как я и предполагал, рядом с Брэдом и со спящим марсианским младенцем на руках.

Рыжеволосая Вирджи с глазами Мисси!

Я схватился за ручки управления и дернул их вверх. Сияющий вихрь исчез. Я повернул громадное шестиугольное колесо на полную гипнотическую энергию и побежал между мертвыми.

Я сказал живым, что они должны делать.

Я не будил их. Они повернулись и тем же путем пошли назад, к «Королеве Юпитера». Они шли быстро и твердо, все еще улыбаясь и по-прежнему без страха.

Я повернулся к колесу и снова повернул его до отметки опасности, а затем пошел вслед за людьми. В дверях я обернулся и поднял бластер.

Там под черными лучами кристаллов, на полпути от изгиба стены, стояла Ширана.

Я почувствовал, как ее сознание коснулось моего и затем медленно отступило назад, как человек убирает руку от любимого, который только что умер. Я посмотрел ей в глаза и увидел...

Почему я так поступил? Почему я заботился о рыжих волосах и дымчато-серых глазах, о разбавленной тремя столетиями крови женщины по имени Мисси? Я же не был больше человеком. О чем же я беспокоился?

Мы с Шираной оказались по разные стороны кристаллов. Между нами лежала пропасть, больше, чем пропасть...

Я уловил слабое эхо ее мысли:

«О Стиви, сколько еще можно было бы сделать!»

В ее необъятных сияющих глазах блеснули слезы, драгоценные капельки на антеннах потускнели и опустились. Я уже знал, что она собирается сделать.

Внезапно глаза мои застлал плотный туман, и кристаллы, а вслед за ними и весь зал исчезли.

Впрочем, мне и не хотелось видеть. Я наугад поднял бластер и послал в висящие кристаллы полный заряд, а затем побежал.

Я почувствовал, как последний импульс умирающей мысли Шираны ударился в мой мозг и рассыпался, разрушился где-то в ее мозгу, в своем источнике. Я бежал, бежал автоматически, подчиняясь неведомой силе, мертвец в ореоле золотого света.

Поврежденные бластером Х-кристаллы начали трескаться, лопаться и рвать на куски мир Астеллара.

Я плохо представлял себе, что, собственно, случилось. Я бежал и бежал за людьми, которые все еще были живы, но ни о чем не думал, ничего не ощущал. Я смутно помню коридоры с хрустальными кельями, янтарный, аметистовый и рубиновый залы, драконово-зеленый зал и зал цвета утреннего тумана. Тысячи всевозможных цветов, которые в нашем измерении не имеют названия.

Позади меня трещали и лопались стены коридора, обрушивались осколки радуги, и над всем этим, калеча и раздирая Астеллар, лился поток энергии Х-кристаллов.

Потом я что-то услышал — мозгом, а не ушами. Народ Шираны умирал под обломками своего мира.

Мой мозг был оглушен, но недостаточно: я еще мог слышать. Я все еще слышал.

«Королева Юпитера» была цела. Надвигавшаяся снаружи вибрация не успела дойти сюда.

Мы вошли на борт, я открыл двери в пространство и сам поднял корабль, потому что шкипер и оба старших офицера навеки уснули на Астелларе.

Я не смотрел на агонию Астеллара. Когда же мне все же захотелось оглянуться, кристаллический мир уже исчез, оставив после себя лишь облако яркой пыли, сверкавшей на обнаженном солнце.

Я включил «Железного Майка» для штаб-квартиры Космического Управления на Марсе, поставил корабль на автоматическое управление по направляю-

щему лучу, а затем покинул «Королеву Юпитера» на спасательной шлюпке.

И вот теперь я пишу это где-то между Марсом и Поясом. Перед уходом я даже не взглянул на Вирджи. Я никого не хотел видеть, тем более ее. Теперь они, наверно, проснулись. Надеюсь, что все они живы и здоровы.

Астеллар исчез. Вуаль исчезла. Теперь вам нечего бояться. Я собираюсь вложить эту рукопись в почтовую ракету и послать ее, чтобы вы знали, что вам нечего бояться.

Не знаю, почему это меня волнует.

Не знаю, зачем я пишу это, разве что... О Господи, знаю! Зачем лгать? Зачем теперь лгать?

Я жив и молод, но Облако, которое сохранило меня таким, исчезло, и теперь я буду стареть очень быстро и вскоре умру. Я боюсь умирать.

Где-нибудь в Солнечной системе должен найтись кто-то, кто захочет помолиться за меня. Когда я был ребенком, мне говорили, что молитва помогает. Я хочу, чтобы кто-нибудь помолился за мою душу, потому что сам я не могу за себя молиться.

Если бы я радовался тому, что сделал, если бы я изменился, тогда, возможно, я мог бы молиться, но я ушел слишком далеко от человечества и не могу вернуться.

Может статься, молитва и не понадобится. Может быть, после смерти нет ничего, кроме забвения. Я так надеюсь на это! Больше всего на свете я хочу исчезнуть, бесследно исчезнуть, и не думать, не вспоминать...

Я умоляю всех богов всех мироздаций, чтобы смерть стала небытием. Но я ничего не знаю, и я боюсь.

Иуда... Иуда... Иуда!

Я предал два мира, и не может быть глубже ада, чем тот, в котором я сейчас живу. И все-таки я боюсь.

Почему я боюсь того, что случится со мной? Я разрушил Астеллар. Я уничтожил Ширану, которую любил больше, чем всю Вселенную. Я убил своих друзей, своих товарищей, убил себя.

И вы не стоите этого. Все человеческое стадо, плодящееся в Солнечной системе, не стоит Астеллара и Ширапы и того, что мы делали вместе в другом пространстве и времени.

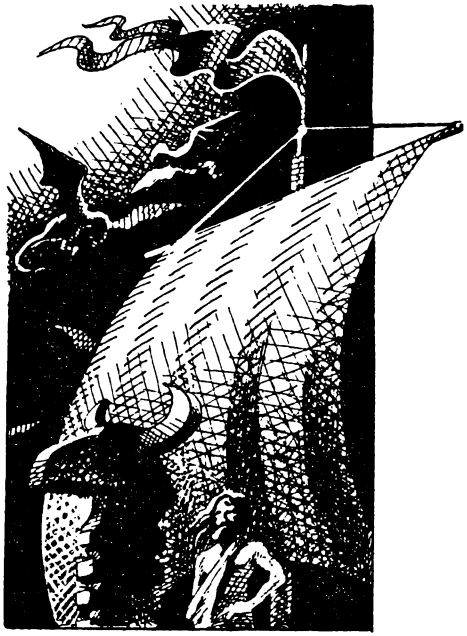
Зачем я дал Мисси этот медальон?

Зачем я встретил рыжеволосую Вирджи?

Зачем я вспомнил? Зачем тревожился?

Зачем я сделал то, что сделал?

Зачем я вообще родился?

Исчезнувшая
ЛУНА

Глава 1
ПО ТЕМНЕЮЩЕМУ МОРЮ

Незнакомец говорил именно о нем: странный незнакомец, чужой в этих краях, рослый дикарь, давно покинувший родные горы, одетый в простую тогу и не похожий на уроженцев этой деревни, приютившейся на краю болот. Он что-то выспрашивал, вступал в разговоры, подсматривал исподтишка.

Дэвид Хит видел это, но видел смутно, словно сквозь туман, и так же смутно он отдавал себе отчет в том, что находится в грязном Дворце Всевозможных Наслаждений, принадлежащем Карлуне, что он порядком напился, но все-таки не мешает выпить еще, и что вскоре, когда он потеряет сознание, его, вероятно, вышвырнут через перила в грязь, где он может либо тонуть, либо отсыпаться — по его собственному выбору. Но Хит плевал на то, что его ждет. Мертвому и безумному плевать на все. Словно бревно он лежал на обтянутой шкурами раме, в кожаной маске, скрывавшей нижнюю часть лица, и вдыхал теплый золотой пар, булькавший в тяжелой металлической чаше.

Он вдыхал этот пар и пытался уснуть, но сон все не шел к нему. Он даже глаз не мог сомкнуть. Видимо, сна в эту ночь так и не будет, будет лишь тяжелое, полуобморочное забытье.

Момент, которого ему не избежать, настанет как раз перед тем, когда его одурманенный мозг скользнет в забвение, когда он, по всей вероятности, не будет видеть ничего, кроме населенной призраками темноты, и этот момент покажется вечностью. Но зато потом, через несколько часов, он обретет покой.

А до тех пор он будет наблюдать из своего темного угла за жизнью во Дворце Всевозможных Наслаждений.

Хит чуть-чуть повернул голову. У его плеча, вцепившись кривыми когтями в край койки, скорчился маленький дракон, покрытый блестящей, золотистой чешуей. Крошечное чудовище заглянуло в его лицо своими рубиновыми глазками, и в этом взгляде человек прочитал симпатию и сострадание. Хит улыбнулся и вновь уронил голову на шкуры. По телу его пробежала судорога, но наркотик настолько притупил все ощущения, что он почти не почувствовал этого.

К Хиту никто не подходил, лишь изумруднокожая девушка, обитательница Голубых Болот, время от времени приближалась, чтобы наполнить опустевшую чашу.

Она не была человеком и поэтому не обращала внимания на то, что он — Дэвид Хит.

Незримая стена окружала его, и ни один человек не решался полюбопытствовать, что же скрывается за этой стеной.

Исключением из правил был только незнакомец.

Взгляд Хита блуждал по залу: мимо длинного низкого бара, где простые матросы лежали на потертых подушках и пили дешевый огненный фол, мимо столов, за которыми сидели капитаны и помощники, играя в бесконечную и сложную игру в кости, мимо обнаженной девушки из Нехалы, которая танцевала при свете факелов. Тело девушки блестело от крошечных чешуек и было так же гибко и бесшумно в движении, как тело змеи.

Единственная громадная комната с трех сторон была открыта в насыщенную испарениями ночь. Это было последнее, на чем остановился взгляд Хита: тьма и море. Они были его жизнью, он любил их.

Тьма на Венере совсем не то, что на Земле или на Марсе. Планета жадна на свет и не хочет расставаться с ним. Лицо Венеры никогда не видит солнца, но даже ночью здесь сохраняется память о нем, захваченном вечными облаками.

Воздух цвета индиго светится сам по себе — тускло и немощно. Хит лежал и наблюдал, как горячий ветер медленно наносит свет вокруг деревьев лайя, жарким сиянием касается грязной гавани и постепенно рассыпается бесконечными огоньками Моря Утренних Опалов. В полумиле к югу река Омаз медленно стекает в низину, вся пропитанная вонью Голубых Болот.

Море и небо — страсть и погибель Дэвида Хита.

Тяжелый пар клубился в его мозгу.

Дыхание его стало медленнее и глубже, веки начали тяжелеть.

Хит закрыл глаза.

Но в этот миг сердце его кольнула игла острой тоски и смутная печаль овладела им. Судорожно скорчившись, он тихонько захныкал. Кожаная маска приглушала звук.

Маленький дракон поднял голову и застыл, подобно деревянной фигурке.

Полуголое тело Хита, прикрытое лишь короткой туземной юбочкой, начали сотрясать конвульсии. Печаль в душе его росла, превратилась в безысходное горе и наконец обернулась смертным ужасом.

Жилы на шее вздулись и натянулись, как проволока. Он попытался крикнуть, но не мог. Пот крупными каплями стекал по его коже.

Маленький дракон вдруг поднял крылья и издал долгий шипящий звук, постепенно перешедший в визг.

Хита обступили неясные призраки, в ушах стоял скрежет, гул и грохот. Хит обезумел от страха, он умирал. Широко шагающие монстры толпой выходили к нему из сияющего тумана. Его тело тряслось, трещало, хрупкие кости разлетались пылью, сердце выскакивало, мозг стал частью залившего всю планету тусклого марева.

Он сорвал с лица маску и выкрикнул:

— Этна!

Потом он сел, широко раскрыв невидящие глаза.

Откуда-то издалека послышался гром. Постепенно этот гром превратился в человеческую речь. Из-под самых небес летящие раскаты повторяли его имя.

Сквозь фантомы пьяного бреда проступило живое человеческое лицо и на миг заслонило ужасные видения.

Лицо незнакомца с Высокого Плато. Хит видел каждую черточку этого лица, огнем нарисованную в его воспаленном мозгу.

Квадратная челюсть, твердый изгиб рта, нос с горбинкой, точно ястребиный клюв, белый шрам на белой коже, глаза, как лунные камни, только жгучие, блестящие, длинные серебряные волосы, связанные узлом и скрепленные золотыми цепочками воина.

Руки трясли Хита, ладони били по щекам.

Дракон вопил и хлопал крыльями, но не мог вырвать глаза у незнакомца, поскольку был накрепко привязан к изголовью кровати.

Хит отдышался, содрогнулся в последний раз, всхлипнул и пришел в себя.

Он убил бы этого человека, укравшего у него драгоценные минуты покоя. Он уже изготовился для удара, ибо все посетители Дворца делали вид, что их это не касается, и лишь искоса, со страхом и ненавистью, поглядывали в его сторону. Но заводить драку не стоило: горец был крупным, сильным мужчиной, куда более сильным, чем Хит в свои лучшие дни. Следовательно, оставалось только упасть на койку и покорно наблюдать, как уходят последние силы.

Незнакомец сказал:

— Говорят, ты нашел Лунный Огонь?

Хит удивленно смотрел на него одурманенными глазами и молчал.

— Говорят, что ты — Дэвид Хит, землянин, капитан «Этны».

Хит опять не ответил, внимательно рассматривая причудливую игру света и тени на стене возле горящего факела.

Хит всегда был тощим и жилистым, а теперь он и вовсе исхудал. Кости его лица страшно выдавались

под натянувшейся кожей. В черных волосах и неухоженной бороде пробивалась седина.

Горец внимательно и задумчиво посмотрел на Хита и наконец произнес:

— Я думаю, врут. Никакой ты не Хит.

Хит невесело улыбнулся.

— Очень немногие добрались до Лунного Огня, — продолжал венерианец, — то были люди сильные, бесстрашные.

После долгого молчания Хит прошептал:

— Они были глупцами.

Он обращался не к горцу. Он забыл о нем.

Его темный безумный взгляд был устремлен на что-то, видимое ему одному.

— Их корабли гниют в зарослях травы Верхних Морей. Маленькие драконы склевали их тела.

Хит говорил хрипло, монотонно, рассеянно.

— За Морем Утренних Опалов, за травами и Стражами, за Драконьим Горлом и еще дальше — я видел Э Т О, поднимавшееся из туманов, из Океана-Не-Из-Воды.

Судорога прошла по его телу, исказила изможденное лицо. Он поднял голову, как человек, силящийся вздохнуть, свет факелов заплясал на его лице. Во всей громадной комнате не было слышно ни звука, ни шороха, только тяжелое сопение притихших людей раздавалось тут.

— Одни боги знают, где они теперь, эти сильные, храбрые люди, прошедшие через Лунный Огонь. Только боги знают, кто они теперь. Они теперь не люди, если вообще живы.

Хит помолчал. Глубокая дрожь пробежала по его телу. Он опустил голову.

— Я смог дойти только до окраины.

В полной тишине горец засмеялся.

— Я думаю, ты врешь.

Хит не шевельнулся и не поднял головы.

Венерианец наклонился над ним и сказал громко, чтобы землянин услышал его через расстояние, созданное наркотиками и безумием:

— Ты похож на других, на тех немногих, которые вернулись. Только они не прожили и месяца: они умерли или покончили с собой. А ты, я вижу, зажился!..

Он схватил землянина за плечи и резко встряхнул его.

— Сколько времени ты живешь? — закричал он.

Маленький дракон завизжал, дергаясь на привязи.

Хит застонал.

— В аду, — прошептал он, — вечно.

— Три сезона, — сказал венерианец, — и часть четвертого.

Он выпустил Хита и отступил назад.

— Ты никогда не видел Лунного Огня. Ты просто знал, что нарушавшие табу живут на всем готовом до тех пор, пока их не настигнет кара богов!

Он бросил чашу, разбил ее, и пузырящаяся золотистая жидкость разлилась по полу лужей с тяжелым запахом.

— Ты этого хотел! Ты знал, как скрасить остаток своей тупой жизни!

Во Дворце Всевозможных Наслаждений послышалось тихое злобное ворчание.

Затуманенные глаза Хита различили квадратную жирную тушу приближавшегося Карлуны. Больше чем три сезона Карлуна повиновался традиционному закону — кормил и поил парию, который был посвящен гневу богов, ревностно хранящих тайну Лунного Огня. Теперь Карлуна был полон сомнений и очень зол.

Хит громко захохотал. Он слишком мало выпил сегодня, и это сделало его безрассудным и истеричным. Сидя на койке, он смеялся им в лицо.

— Я был только на краю, — сказал он. — Я еще не бог. Но я уже не человек. А если вам угодно получить доказательства — пожалуйста!

Он встал, привычным, как дыхание, движением отвязал маленького дракона и посадил его к себе на голое плечо.

Минуту он стоял покачиваясь, а затем двинулся через комнату — медленно, неуверенно, но с упрямо поднятой головой. Толпа расступилась, освобождая ему проход, и он шел в полной тишине, кутаясь в те немногие обрывки достоинства, что еще имел, пока не подошел к перилам, где и остановился.

— Погасите факелы, — приказал он, — все, кроме одного.

— Не надо, — нерешительно возразил Карлуна. — Я верю тебе.

Теперь всех присутствующих охватил страх и невесть откуда взявшееся, почти болезненное любопытство. Люди поглядывали по сторонам, размышляя, куда бы убежать, но никто не покинул зал.

— Погасите факелы, — повторил Хит.

Незнакомец протянул руку к ближайшему факелу и окунул его в ведро. Вскоре все огромное помещение погрузилось в темноту, лишь в дальнем углу чадил один-единственный факел.

Хит облокотился на перила и уставился в жаркую индиговую ночь.

Густой туман поднимался из Моря Утренних Опалов. Он полз над грязью и перемешивался с болотными испарениями. Хит жадно вглядывался в туман. Голова его запрокинулась ввысь, тело напряглось. В страстном порыве к чему-то невидимому он возвел руки.

— Этна, — шептал он. — Этна!

С ним произошла почти неуловимая перемена. Куда девалась эта пьяная, изможденная развалина? Он стоял прямо и твердо, мускулы на его тощем костяке красиво напряглись.

Лицо его тоже изменилось. Теперь оно дышало мощью. Темные глаза горели таким глубоким огнем, пылали таким нечеловеческим светом, что присутствующие могли бы поклясться, будто видят нимб над его головой.

На один миг лицо Дэвида Хита стало лицом бога.

— Этна, — сказал он.

И она пришла.

Из синей тьмы, из тумана она, изгибаясь, плыла к землянину. Тело ее состояло из сверкающего воздуха, мягких капель росы, созданное и переполненное той же силой, которая была в Хите. Она казалась совсем юной, лет девятнадцати, не больше, с розовым румянцем земного солнца на щеках, глаза ее были большими и блестящими, как у ребенка, тело гладкое, с нежной девичьей угловатостью.

«Я познакомился с ней, когда она спускалась по трапу, чтобы в первый раз увидеть Венеру, и ветер трепетал в ее волосах и играл с ними, и шла она легко и весело, как жеребенок весенним утром. Всегда легко, всегда весело, даже в тот миг, когда впереди ее ждала смерть».

Туманная фигура улыбалась и протягивала к нему руки. Лицо ее было лицом женщины, нашедшей любовь и с нею весь мир.

Все ближе подплывала она к Хиту, и землянин протянул руки, чтобы коснуться ее.

Мгновение — и девушка исчезла.

Хит упал на перила, и тело его обмякло. Теперь в нем не было ни бога, ни силы. Точно пламя, внезапно вспыхнувшее и тут же погасшее, оставив после себя лишь горку пепла.

Веки его устало сомкнулись, по щекам бежали слезы.

В сырой темноте комнаты никто не шевелился.

— Я не смог идти дальше, в Лунный Огонь, — сказал Хит.

Через некоторое время он заставил себя выпрямиться и пошел к крыльцу, опираясь о перила и ощупывая путь, как слепой. Его непослушные ноги с трудом одолели четыре ступеньки и по самые лодыжки погрузились в теплую, жидкую грязь. Он прошел между рядами плетеных, обмазанных грязью хижин — сломанное чучело человека, бредущее в ночи чуждого мира.

Хит свернул на тропу, ведущую в гавань.

Его ноги разъехались в глубокой жиже, он упал лицом вниз, безуспешно попытался встать и замер, с

каждой секундой все глубже погружаясь в черную, липкую грязь. Маленький дракон впился когтями в плечо своего хозяина, клевал его, пронзительно вопил, однако Хит уже ничего не слышал.

Он не почувствовал, как через несколько секунд чужак с Высоких Плато вытащил из грязи его и дракона, и понес вниз, к темневшему в ночи морю.

Глава 2
ИЗУМРУДНЫЙ ПАРУС

Женский голос произнес:

— Дай мне чашку.

Хит почувствовал, что его голову подняли, а затем в глотку к нему полилась огненная жидкость с резким привкусом венерианского кофе. Как всегда борясь со страхом и реальностью, он проснулся, судорожно вздохнул и открыл глаза.

Он лежал на собственной койке в своей кабине на борту «Этны». Напротив него на резном сундучке сидел высокий венерианец, затылком упираясь в тяжелую красную палубную балку. Рядом с Хитом стояла женщина и внимательно разглядывала его.

Ночь еще не кончилась. Грязь, облепившая тело Хита, не успела высохнуть. «Как видно, они работали быстро, — подумал он, — в один миг дотащили до корабля».

Маленький дракон улегся на своем насесте — на плече Хита — и, вытянув чешуйчатую шею, следил за посетителями.

— Теперь ты можешь разговаривать? — спросил незнакомец.

Хит пожал плечами. Он внимательно рассматривал женщину. Она была высока, но не слишком, молода, но не очень. Фигура ее мало отличалась от всех фигур уроженок Венеры: широкие плечи, длинные ноги, естественная грация. Одета она была в короткую тунику из шелка бессмертного паука, очень

шедшую к ее мягким кудрявым волосам, ниспадавшим на спину, — блестящее чистое серебро с неким трудноуловимым оттенком.

Что же касается ее лица... Такое лицо мужчина забудет не скоро. Его лепили из теплого податливого материала — таинственной смеси страха, веселья и нежности. Но сейчас в этот раствор — как капля дегтя — попало немного горечи и уныния, а может быть — затаенной обиды и непреклонной решимости. Ко всему прочему, лицо это украшали сжатые в патетическом нетерпении губы и огромные перепуганные глаза.

Хит был бы не прочь поломать голову над загадкой этого противоречивого лица, но не сейчас, а прежде, в тот далекий день, когда он еще не знал, кто такая Этна.

Обращаясь к обоим, он спросил:

— Кто вы и что вам от меня нужно?

Взгляд его, обращенный на мужчину, исполнился черной ненависти.

— Мало ты издевался надо мной у Карлуна?!

— Я хотел проверить тебя, — ответил незнакомец. — Убедиться, что ты не солгал, говоря о Лунном Огне.

Он наклонился вперед, прищурился и еще раз с ног до головы осмотрел Хита. Его напряженное тело изогнулось, как лук, а на красивом, покрытом шрамами лице заплясали тени от фонаря.

«Ужик спешит, — подумал Хит. — Что-то покалывает ему бока».

— А что тебе до этого? — спросил он.

Это был глупый вопрос. Хит давно понял, чего от него хотят. Все его существо звало к отступлению.

Незнакомец не ответил прямо. Он сказал:

— Ты слышал о культе, который называется стражей Лунных Тайн?

— Это древнейший культ Венеры и один из самых влиятельных и, несомненно, самый удивительный на этой безлунной планете, — произнес Хит, ни к кому не обращаясь. — Лунный Огонь — символ их божества.

Женщина невесело засмеялась:

— Хотя они никогда не видели его!

Незнакомец продолжал:

— Вся Венера знает о тебе, Дэвид Хит. Слово бежит далеко. Жрецы тоже знают. Дети Луны. У них особый интерес к тебе.

Хит молча ждал.

— Ты подлежишь мести богов. Но месть не настигла тебя до сих пор. Возможно, потому что ты землянин и Боги Венеры — не твои боги. Как бы то ни было, Дети Луны устали ждать. Чем дольше ты живешь, тем больше у людей искушения совершить святотатство, тем меньше веры в неотвратимость божьей кары.

Тон его граничил с сарказмом.

— Итак, — закончил он. — Дети Луны присмотрят за тем, чтобы ты умер.

Хит улыбнулся.

— Я вижу, жрецы делятся с тобой своими секретами?

Человек повернул голову и коротко бросил:

— Алер!

Женщина встала перед Хитом и спустила с плеч тунику.

— Вот, — сказала она с яростью, — смотри!

Злилась она не на Хита, а на то, что скрывалось между ее белыми грудями: клеймо-татуировка — перечеркнутый круг, символ Луны.

Хит глубоко вздохнул.

— Храмовая прислужница, — усмехнулся он.

Он снова взглянул в ее лицо. Женские глаза смотрели на него, серебряно-холодные, спокойные.

— Мы проданы с колыбели, — сказала она. — У нас нет выбора. А наши родители страшно гордятся тем, что их дочери выбраны для храма.

Горечь, и гордость, и тлеющая ярость рабыни звучали в ее словах.

— Брока сказал правду.

Хит насторожился. Он оглядел их поочередно, ничего не говоря, и сердце его забилось, гулко и быстро ударяясь о ребра.

— Они убьют тебя, — продолжала Алер, — и смерть твоя будет нелегкой. Я знаю. Я слышала, как люди кричали по многу ночей, а их грех был меньше твоего.

С трудом шевеля непослушными губами, Хит произнес:

— Беглянка из храмовых садов и метатель коший. Их грех тоже велик. Вряд ли они прошли половину Венеры только для того, чтобы предупредить меня об опасности. Я думаю, они лгут. Я думаю, жрецы идут и за ними.

— Мы все трое вне закона, — подтвердил Брока. — Но Алер и я можем удрать. А вот тебя они выследят, где бы ты ни был. Есть, правда, одно надежное, укромное местечко...

— Где же оно? — спросил Хит.

— В Лунном Огне.

После долгого молчания Хит издал хриплый, скрежещущий звук, который должен был изображать смех.

— Уходите, — сказал он. — Убирайтесь.

Он поднялся, дрожа от слабости и злости.

— Оба вы врете, я единственный оставшийся в живых из тех, кто видел Лунный Огонь, и вы хотите заставить меня вести вас туда. Вы верите в легенды. Вы думаете, что Лунный Огонь превратит вас в богов. Все вы, как последние идиоты, сходите с ума по власти и славе. Все вы воображаете, будто Лунный Огонь осуществит ваши мечты. Ну, так послушайте меня: не даст он вам ничего, кроме страданий и смерти.

Он заговорил громче:

— Уходите, лгите кому-нибудь другому. Напугайте Стражей Верхних Морей. Подкупите самих богов, чтобы они доставили вас туда. Но убирайтесь от меня!

Венерианец медленно встал. Каюта была мала для него, балки палубы уперлись в его плечи. Он отшвырнул в сторону маленького дракона, схватил Хита обеими руками и сказал:

— Я дойду до Лунного Огня, и ты отведешь меня туда.

Хит ударил его в лицо. Брока на мгновение опешил, а Хит прошипел:

— Ты пока еще не бог!

Венерианец оскалился. Кулаки его крепко сжались.

— Брока! — резко крикнула женщина.

Шагнув ближе, она вцепилась в запястье венерианца.

— Не убивай его, дурак!

Брока тяжело выдохнул сквозь стиснутые зубы. Руки его постепенно разжались.

Лицо Хита налилось темной кровью. Он упал бы, если бы женщина не подхватила его. Она снова повернулась к Броке:

— Ударь его, но не сильно.

Брока поднял кулак и осторожно стукнул Хита в определенную точку на челюсти.

Прошло не менее двух долгих венерианских часов, прежде чем Хит пришел в себя. Процесс этот, как всегда, происходил медленно — постепенный переход от неопределенного существования к резкому осознанию всего, что случилось. Ему показалось, что голову его надвое разрубили топором.

С какой стати он вообще проснулся? Наркотика было достаточно для нескольких часов тяжелого сна. Небо за дверью кабины посерело: ночь кончалась. Хит полежал, размышляя, не болен ли он, и вдруг понял, что именно разбудило его.

«Этна» была на ходу.

Злость нахлынула на него с такой силой, что он даже не смог выругаться. Кое-как Хит поднялся на ноги и пересек кабину. Он сразу почувствовал, что «Энта» идет не так, как надо, что утренний ветер

силен, а она рыскает по сторонам. Он пинком распахнул дверь и вышел на палубу.

Большой треугольный парус из шелка золотого паука, чуть видимый в синем воздухе, бился о реи, сброшенный ветром.

Хит бросился к нему, обретая силу в страхе за судно.

Брока пытался удержать равновесие на рискованно пляшущей корме.

Кильватер, белый на черной воде, извивался, как змея.

Женщина Алер стояла у поручней, глядя на низкий берег, оставшийся далеко позади.

Брока не протестовал, когда Хит отшвырнул его и взял кормовое весло. Алер внимательно следила за ними, но ничего не говорила.

«Этна» была маленьким, с простой оснасткой судном, им легко мог управлять один человек. Хит установил парус, и через несколько минут судно пошло так же легко и изящно, как его крестная мать, а кильватерная линия вытянулась словно по струнке.

Сделав это, Хит повернулся к Броке и Алер и набросился на них с такой яростью, что тигрица, защищающая своего детеныша, показалась бы в сравнении с ним домашней кошкой.

Брока даже бровью не повел. Он стоял и смотрел на берег и на светлевшее небо.

Когда Хит выдохся, женщина сказала:

— Мы должны были отплыть. Может быть, мы уже опоздали. А ты не хотел нам помочь.

Хит махнул рукой и замолчал. Запас его ругательств кончился. Он повернул штурвал.

Брока одним прыжком оказался возле и поднял руку. Внезапно Алер закричала:

— Погоди!

Что-то в ее голосе заставило мужчин оглянуться. Она стояла у поручней лицом к ветру, трепавшему ее волосы, короткая туника натянулась на бедрах. Рука ее была вытянута в указующем жесте.

Наступал рассвет. На секунду Хит потерял всякое чувство времени. Палуба, чуть покачивавшаяся под его ногами, низкий туман, заря над Морем Утренних Опалов, заря, давшая морю это название. Казалось, никогда не было Лунного Огня, не было ни прошлого, ни будущего, только Дэвид Хит и его корабль, и свет над поверхностью воды.

Свет струился медленно, просеиваясь, как дождь драгоценных камней, сквозь многомильное жемчужно-серое облако. Холодный и медлительный вначале, он становился теплее, набирал силу, превращая туманный воздух в капли розового огня, сиявшего так низко над водой, что казалось, будто маленькое суденышко плывет через опаловое пламя, обширное, как Вселенная.

Море меняет свои оттенки от черного до синего, перечерченного молочно-белыми полосами. Маленькие драконы взлетали со своих грязных постелей, разбросанных по поверхности воды, сверкали пурпуром, охрой и киноварью, и сами водоросли шевелились в смутной радости бытия, протягивая к свету свои усики.

В это короткое мгновение Дэвид Хит был совершенно счастлив.

Затем он увидел, что Брока выхватил из-под гакаборта лук. Хит понял, что они перенесли все свои пожитки на борт корабля еще тогда, когда он сидел у Карлуны.

Это был большой лук горных варваров. Брока согнул его массивную дугу так, словно это был тонкий прутик, и наложил на тетиву стрелу с костяным наконечником.

Между тем к «Этне» приближалось изящное, как жемчужина, летящая сквозь мягко горящую завесу тумана, легкое судно. Парус его сверкал изумрудно-зеленым огнем. Судно было еще довольно далеко, но ветер подгонял его весьма шустро, и оно неслось, словно пикирующий дракон.

— Это «Лахаль», — сказал Хит, — зачем это Джахор забрался в наши воды?

И тут он с ужасом, не веря своим глазам, увидел, что на носу приближавшегося корабля торчит громадный таран с шипами.

Пока мозг Хита силился понять, почему Джахор, обычный торговый шкипер обычного корабля, хочет утопить его, Алер произнесла только два слова:

— Дети Луны.

Теперь Хит различил на палубе четыре фигуры в черном.

Длинный блестящий таран склонился и засиял в свете зари.

Хит бросился к кормовому веслу. Золотой парус «Этны» трещал от напряжения.

Хит угрюмо оценил расстояние и сбавил ход. Брока яростно обернулся к нему.

— Ты спятил? Они налетят на нас! Отверни в сторону!

— Здесь нет другой стороны. Меня прижмет к подветренному берегу.

Хита внезапно наполнила слепая злоба к Джахору и к четырем одетым в черное жрецам.

Теперь оставалось только ждать и надеяться. Дэвид Хит еще жив и пока не собирается умирать.

«А если не повезет, — подумал он, — я утащу «Лахаль» с собой на дно».

Брока и Алер стояли рядом у поручней, следя за быстро приближавшимся зеленым парусом. Они молчали. О чем сейчас говорить? Хит видел, что женщина время от времени оглядывается на него.

Теперь Хит ясно видел Джахора, капитана судна. Он видел команду, скучившуюся на шкафуте — испуганных матросов, согнанных по приказу жрецов. Они были вооружены и держали в руках крюки.

На передней палубе стояли Дети Луны.

Это были высокие мужчины. На их черных кольчугах сверкал выложенный драгоценными камнями символ Луны. Они ходили по качавшейся палубе, их серебряные волосы раздувал ветер, и тела их были похожи на тела волков, догоняющих жертву и пожирающих ее.

Хит боролся с кормовым веслом, стараясь выровнять курс, боролся с ветром и морем. Женщина Алер не сводила с Хита своих ожесточенных, дерзких глаз, и Хит ненавидел ее не меньше, чем жрецов, ненавидел остро и мучительно, поскольку понимал, как он выглядит со стороны: тощий, изможденный, дрожащий, из последних сил воюющий с непослушным веслом.

Изумрудный парус подходил все ближе, округлившийся и блестящий, как грудь павлина. Жемчуг и изумруд, пурпур и золото на темно-синем фоне моря, украшенный драгоценностями таран — два пестрых дракона мчались навстречу друг другу, навстречу смерти.

Ближе, еще ближе. Священные символы горели огнем на груди Детей Луны. Женщина Алер высоко подняла голову к ветру и издала долгий, звенящий крик. Хит разобрал только последнее слово, которое она произнесла как ругательство:

— Бакор!

На голове одного из жрецов красовалась украшенная камнями повязка — знак власти. Он поднял руки, и слова его проклятия, горячие и едкие, понеслись по ветру.

Тетива лука Броки зазвенела, как гигантская арфа. Стрела не долетела, и Бакор засмеялся.

Жрецы перешли на корму, чтобы уберечься от сгибавшегося шпангоута и не видеть полные страха лица матросов.

Хит предостерегающе крикнул, и Брока с Алер распластались на палубе. Он видел их лица — лица мужчины и женщины, встречающих смерть без радости, но и без страха.

Брока прикрыл женщину собой.

Хит развернул «Этну» против ветра и остановил ее.

«Лахаль» проскочила мимо не более чем в трех ярдах, бессильная что-либо сделать.

Дернувшееся весло сбило Хита в шпигаты и чуть не ослепило его. Он услышал громоподобное хлопанье паруса, почувствовал дрожь, сотрясавшую «Этну», и молился, чтобы уцелела мачта. Поднявшись, он уви-

дел, как жрец Бакор прыгает на высокой корме «Лахали». С такого расстояния Хит отчетливо видел его лицо.

Глаза Бакора были блестящими дикими глазами фанатика. Жрец не был стар. Тело его еще не потеряло величавой осанки, а полные чувственные губы придавали лицу горделивое выражение.

Жрец дрожал от ярости, и крик его летел против ветра, как звериный рев:

— Мы последуем за тобой! И боги убьют тебя!

«Лахаль» летела как птица, и вскоре Хит не смог разобрать ничего, кроме последнего, слабого отголоска его проклятий:

— Алер!

Собрав последние силы, Хит успокоил свой поруганный корабль и дал полный назад с правого борта. Брока и Алер медленно встали на ноги. Воин сказал:

— Я думал, ты погубишь судно.

Алер прошла на корму и наблюдала, как судорожно борется с волнами «Лахаль», пытаясь остановить свой смертельный бег.

— Бакор! — прошептала она и плюнула в море.

— Они пойдут за нами, — сказал Брока. — Алер мне сказала, что у них есть карта, единственная, которая показывает путь к Лунному Огню.

Хит, слишком усталый, чтобы бояться, пожал плечами и указал вправо:

— Там сильное морское течение — настоящая река в море. Большая часть шкиперов боится его, но их корабли не чета «Этне». Мы пойдем там. А потом нам останется только верить в удачу.

Алер резко обернулась:

— Значит, ты пойдешь к Лунному Огню?

— Я не сказал этого. Брока, принеси мне бутылку из шкафчика в кабине.

Но пошел не Брока, а женщина. Она принесла Хиту бутылку и, пока он пил, внимательно разглядывала его, а потом спросила:

— С тобой все в порядке?

— Я умираю, а она спрашивает, — усмехнулся Хит.

Она посмотрела ему в глаза и произнесла — без насмешки, но напротив, с уважением:

— Ты не умрешь.

И отошла в сторону.

Через несколько минут течение подхватило «Этну» и понесло ее назад на север.

«Лахаль» исчезла в тумане. Она была капризна, не любила придерживаться точного курса, и Хит знал, что Джахор не рискнет кружиться в течении.

Почти три часа Хит стоял на вахте и вел корабль. Когда течение свернуло на восток, он вышел из него в спокойную воду. Затем он упал на палубу и уснул.

Высокий варвар опять поднял его и отнес на койку.

Весь остаток дня и всю долгую венерианскую ночь Брока вел судно, а Хит спал тяжелым сном. Алер сидела возле него, следила за тенями кошмаров, пробегавшими по его лицу, слушала, как он стонет и бормочет, и усмиряла дрожь, пробегавшую по его телу.

Он все время повторял имя Этны, и странное тоскливое недоумение появилось в глазах Алер.

Когда на заре Хит проснулся и вышел на палубу, Брока с варварской грубостью спросил:

— Ты решился?

Хит не ответил, а Алер сказала:

— Бакор будет охотиться за тобой. Слух о тебе прошел по всей Венере, ты не спрячешься нигде, кроме...

Хит невесело улыбнулся, вернее — оскалился.

— Кроме Лунного Огня. По-твоему, все так просто.

Однако он понимал, что она права. Дети Луны никогда не бросят его след. Хит был крысой в ловушке, и все выходы из нее вели к смерти.

Но смерть бывает разная. Если он умрет, то не так, как хотелось бы Бакору, а с Этной. Этна, более реальная, чем призрак, снова окажется в его объятиях.

Сейчас он понял то, что всегда знал в глубине души: он нисколько не дорожил своей жизнью, но все

три сезона лихорадочно цеплялся за нее лишь потому, что был уверен — когда-нибудь он вернется сюда.

— Мы пойдем к Лунному Огню, — заявил Хит, — и, может быть, станем богами.

— Ты слаб, землянин, у тебя нет мужества, — пожал плечами Брока.

Хит же сказал только одно слово:

— Посмотрим.

Глава 3
ЧЕРЕЗ БАРЬЕР

Шли дни и ночи. По морю Утренних Опалов «Этна» шла на север к экватору. Курс их лежал далеко от торговых путей.

Все виденные ими берега были дикими и необитаемыми, даже рыбачьи хижины не ютились на них.

Большие крутые утесы вздымались из воды, и на них нельзя было найти опору для ноги. По другую сторону Драконьего Горла притаились только смертельные ловушки Верхних Морей.

«Этна» бежала так легко, словно спешила как можно дальше уйти от грязной гавани и цепей. Перемена коснулась и Хита. Он снова стал человеком. Он стоял на своей палубе прямо, чисто выбритый, довольный тем, что не надо больше принимать решений, мучаться сомнениями. Дни страха, дни беспамятства миновали, и теперь он был счастлив на своем горьком пути.

«Лахали» они больше не видели, но Хит отлично знал, что она продолжает следовать за ними. Она не так легка и быстроходна, как «Этна», но зато крепка, а Джахор хороший моряк. Кроме того, там был жрец Бакор, а он потащит «Лахаль» и по горам Белого Облака, лишь бы поймать беглецов.

Однажды Хит сказал Алер:

— Похоже, Бакор ненавидит тебя не только за побег.

Лицо ее скривилось от отвращения и стыда.

— Он зверь, — прошипела женщина, — змея, ящерица, возомнившая себя королем.

Затем она добавила:

— Он очень рад, что мы все трое здесь.

Управляя рулем, Хит смотрел на Алер с некоторым любопытством. Длинноногая, с детским ртом, она стояла и рассматривала белую пену, крутившуюся за кормой.

— Ты, видно, очень любила Броку, — сказал он, — если нарушила свой обет ради него. Это примут во внимание, если поймают тебя.

Алер взглянула на него и невесело усмехнулась.

— Я ушла бы с любым мужчиной, достаточно сильным, чтобы вытащить меня из храма. А Брока силен и преклоняется предо мной.

Хит был искренне поражен.

— Ты не любила его?

Она пожала плечами.

— Он приятен на вид. Он вождь воинов, он мужчина, а не жрец. Но любовь...

И вдруг Алер спросила:

— Какая она, эта любовь? Как ты любил свою Этну?

Хит дернулся.

— Что ты знаешь об Этне? — резко спросил он.

— Ты говорил о ней во сне. И Брока рассказывал, как ты вызывал ее тень у Карлуны. Ты рискнул пойти к Лунному Огню, чтобы вернуть ее назад.

Она бросила взгляд на костяную фигуру на костяном носу корабля — изображение молодой, стройной, улыбающейся женщины.

— Я думаю, ты дурак, — неожиданно закончила она. — Только дурак может любить призрак.

Она ушла в кабину раньше, чем он успел подобрать нужные слова, раньше, чем он собрался схватить ее за белую шею и сломать...

Этна!

Он проклял женщину из храмовых садов.

Он все еще находился в состоянии ярости, когда Брока вышел из кабины, чтобы сменить его.

— Я останусь тут на некоторое время, — коротко сказал Хит. — Думаю, погода переменится.

На юге кипели облака, наступала ночь. По морю, как всегда, бежала легкая зыбь, но что-то в море изменилось: странная дрожь сотрясала киль корабля, и доски палубы жалобно скрипели.

Брока, распрямив широченные плечи, посмотрел на юг, а затем перевел взгляд на Хита.

— Я думаю, ты слишком много болтаешь с моей женщиной, — сказал он.

Не дожидаясь ответа, он положил руку на плечо Хита и слегка сжал его. В этой руке хватило бы силы, чтобы переломать все кости взрослому мужчине.

— Не разговаривай так много с Алер.

— Я не ищу ее, — разъяренно рявкнул Хит. — Она твоя женщина, ты и заботься о ней.

— Я забочусь не о ней, — спокойно возразил Брока, — а о вас обоих.

Он смотрел на Хита сверху вниз, и Хит знал, какой контраст они представляли: его тощее тело против великолепной мощи крупного варвара.

— Однако она вечно с тобой на палубе и слушает твои россказни о море, — продолжал Брока. — Не разговаривай с ней так много.

На этот раз он повторил это резким тоном.

— О господи! — насмешливо сказал Хит. — Неужели я такой придурок, как ты? Тот, кто ищет Лунный Огонь и верит храмовой девке, — безнадежный тупица. А ты еще ревнуешь!

В этот момент он остро ненавидел обоих, и ненависть заставила его продолжить:

— Подожди, пока тебя коснется Лунный Огонь. Он сломает твою силу и твою гордость. После этого тебя не будет тревожить, кто и где болтает с твоей женщиной.

Брока бросил на него холодный, задумчивый взгляд и отвернулся, разглядывая темневшее море.

Через некоторое время до Хита дошла смешная сторона всего происходившего, и он захохотал.

Они шли к смерти втроем. Откуда-то с юга, как черный пастух, надвигался Бакор и подгонял их к смерти. Мечты об империи, о славе, путешествие, влекущее за собой месть богов, — и в такое время варварский вождь вздумал ревновать!

Неожиданно Хит с удивлением осознал, как много времени проводила с ним Алер. По привычке и по старому, как море, обычаю, он помогал ей проводить долгие тревожные часы ожидания матросскими байками. Оглядываясь назад, он видел лицо Алер, внимающей его рассказам, удивительно молодое и радостное, вспоминал, как она задавала вопросы, желая научиться управлять судном.

Он вспомнил теперь, как красива она была, когда ветер путался в ее волосах, вспоминал ее крепкое, сильное тело, когда она удерживала «Этну» в равновесии при повороте.

Гроза собиралась долго и наконец разразилась.

Хит знал, что Море Утренних Опалов не пропустит их без борьбы. Оно будет донимать суденышко мелями, острыми рифами, мертвым штилем, грохочущими приливами, всеми Хитростями течения, туманом и дрейфующей травой. Он должен со всем этим бороться. Теперь они подошли совсем близко к Драконьему Горлу, воротам Верхних Морей, и если сейчас налетит южный ветер, он принесет с собой смерть.

Ночь стала черной. В море переливались белые сполохи — кипящий котел ведьмина огня. Устрашающе заревел ветер. «Этна» со спущенным парусом ныряла в высокие волны, тряслась, и Хит еще раз порадовался силе Броки, когда они вместе боролись с непослушным кормовым веслом.

Он почувствовал, что рядом с ним кто-то есть, и понял, что это Алер.

— Иди вниз! — крикнул он.

Он услышал только эхо ее ответа. Она не ушла, а навалилась всем своим весом на весло.

Стрелы молний, широкие, как хвост кометы, проносились так стремительно и яростно, словно стартовали с другой звезды и набирали скорость, проходя через половину Галактики. Они покрыли Море

Утренних Опалов пурпурным Огнем, пока ветер не нагнал мрак и не смел их.

Затем хлынули потоки дождя.

Сердце Хита обливалось кровью. Ветер и бурное море зажали между собой маленький кораблик и насильно тащили его вперед. С такой скоростью «Этна» должна подойти к Драконьему Горлу на заре и на полном ходу удариться в него, беспомощная, как дрейфующая щепка.

Вспышка молнии высветила громадное напряженное тело варвара, мокрое и блестящее, его разметавшиеся длинные волосы, освободившиеся от узлов и цепочек, растрепанные водой и ветром. Их руки и плечи соприкасались в совместном усилии.

Казалось, борьба эта продолжалась целые столетия, но затем дождь резко прекратился, ветер стих, и над морем повисла глубокая тишина. В этой тишине в уши Хита громко ударил голос Алер.

— Кончилось?

— Нет, — так же громко отозвался он. — Слушай!

Они услышали доносящийся с севера ровный гул — грохот прибоя.

Шторм начинался снова.

Пришла заря — немногим светлее ночи.

Сквозь разлетавшиеся водоросли Хит увидел две горные гряды, почти вплотную соприкасавшиеся друг с другом, втягивая Море Утренних Опалов в пролив под названием Драконье Горло.

Вода высоко вздымалась между маячившими впереди утесами, осыпая черные камни белым жемчугом пены.

«Этну» несло туда, как листок к мельничной запруде.

Утесы сходились все больше, и наконец пространство между ними стало не шире мили.

Черные каменные титаны, а между ними узкая полоса яростно бурлящей белой воды, изорванной и раздробленной похожими на клыки скалами.

Это и называлось Драконьим Горлом.

Когда Хит проходил здесь раньше, стояла хорошая погода, а корабль шел не под парусом, а на веслах.

Но и тогда это было нелегко. Сейчас он пытался вспомнить фарватер, пытался повернуть корабль к тому месту, которое служило водной тропой между камней.

«Этна» набрала скорость и ринулась в Драконье Горло.

Ее нес безумный поток, бешеный ветер и яростный грохот волн. Время от времени Хит видел перед собой вздымающуюся скалу и поворачивая корабль в сторону, старался уберечься от смерти, которая пряталась прямо под бурлившей поверхностью воды. Два или три раза «Этна» вздрагивала, издавая скрежещущий звук, и Хит думал, что все кончено.

Один раз, когда казалось, что всякая надежда потеряна, Хит почувствовал, как пальцы Алер стиснули его руку.

Высокая вода спасла их, захватила в собственное стремительное течение, пронесла над скалами и протащила через барьер, подстерегающий в конце узкого пролива.

Покачиваясь, «Этна» вышла в относительно спокойные воды Верхних Морей, где утомленные волны показались воплощением самой нежности. Долгое время все трое стояли над кормовым веслом, не в силах осознать, что все уже позади, а они еще живы.

Шторм выдохся. Ветер стал ровным. Хит поставил парус, сел, опустил голову на колени и задумался о том, почему Алер схватила его за руку.

Глава 4
Я БУДУ ЖДАТЬ!

Несмотря на ранний час, солнце припекало изо всех сил. Верхние Моря шли вдоль экватора. Мелкая, оцепленная скалами вода задыхалась от водорослей и была наполнена плавучими рифами грязи.

Каменные мысы разрезали ее на лабиринты озер и слепые протоки.

Ветер был так слаб, что почти не отличался от штиля. Открытая вода осталась позади, там, где ее разметали течения Моря Утренних Опалов. Плывущие травы собирались вокруг «Этны», их пятнистая желтая равнина шевелилась, точно огромное, бессмысленное животное. В воздухе пахло гнилью.

Под руководством Хита люди размахивали ножами-траворезами — большими лезвиями на скобах, укрепленных над носом судна. Затем, используя тяжелое кормовое весло как гребное, они толкали «Этну» вперед силой своих вспотевших спин.

Тучи маленьких драконов с яркой чешуей, потревоженные кораблем, с визгом летали вокруг. Эти места были их родиной. Здесь они сражались, здесь гнездились среди водорослей, и душный влажный воздух был полон шумом их крыльев. Они садились на поручни и на снасти, поглядывая на пришельцев своими красными глазами. Дракон, который сидел на плече Хита, испускал резкие возбужденные крики. Хит подкинул его в воздух, и дракон взлетел к своим собратьям.

Под водорослями кишела жизнь, плодившаяся в горячей застойной воде, принимавшая самые различные формы и даже вовсе бесформенная, скученная, вечно голодная. Маленькие рептилии скользили в траве, пожирая драконьи яйца. То тут, то там из воды высовывалась крошечная черная головка, хватала яйцо, хрустела скорлупой, безразлично поглядывала на «Этну», жевала и глотала.

Хит не терял бдительности.

Солнце высоко поднялось над вечными облаками. Удушливая жара растекалась над морем.

Весло ходило взад и вперед, нож резал, трава подтягивалась к корпусу судна, а за кормой разрез медленно стягивался и водоросли вновь свивались друг с другом.

Хит старался не поворачиваться к Алер.

Он не хотел смотреть на нее, не хотел вспоминать прикосновение ее руки. Он хотел думать только об Этне, помнить агонию Лунного Света и мечтать о

награде, которая лежит за Лунным Огнем. Что значит какая-то храмовая девка по сравнению с тем, что его ждет?

Все-таки он, но украдкой, поглядывал на нее. Ее руки блестели от пота, вокруг алых губ обозначились усталые морщинки. Но даже сейчас она обладала огромной, странной и дикой красотой. Время от времени она бросала на него быстрый голодный взгляд из-под пушистых ресниц, и глаза ее не были похожи на глаза храмовой девки. Хит мысленно проклинал Броку за то, что тот заставил его думать об Алер, и себя за то, что теперь не мог не думать о ней.

Они работали до тех пор, пока усталость не свалила их, а затем легли на палубе отдохнуть.

Брока притянул Алер к себе.

— Скоро это кончится, — сказал он. — Скоро мы достигнем Лунного Огня. Тебе понравится это, Алер. Ты будешь подругой бога!

Отвернув голову, Алер безразлично застыла в кольце его рук и ничего не ответила ему.

Брока засмеялся.

— Бог и богиня, похожие на нас с тобой. Мы построим себе такие высокие троны, что их увидит солнце.

Он положил голову женщины к себе на плечо и внимательно взглянул в ее лицо.

— Власть, Алер, сила! У нас будет и то, и другое!

Он закрыл ее рот своими губами, его рука ласкала ее развязным, хозяйским жестом.

Алер оттолкнула его.

— Оставь. Слишком жарко, и я устала.

Она встала и отошла в сторону, повернувшись к Броке спиной.

Брока посмотрел на нее, затем повернулся и взглянул на Хита. Темная волна нахлынувшей крови окрасила его лицо.

Он медленно произнес:

— Слишком жарко, и ты устала, да к тому же землянин стоит рядом.

Он вскочил, схватил Алер за волосы и пригнул ее к палубе. Хит тоже вскочил и резко бросил:

— Оставь ее в покое!

— Она моя подруга! Почему бы мне и не побить ее?!

Он свирепо взглянул в горящие глаза Алер.

— Моя она подруга или нет?

Он отшвырнул ее и в бешенстве начал мотать головой, ничего не видя перед собой.

— Ты думаешь, я слепой? Вы целыми днями глазеете друг на друга.

— Ты спятил, — спокойно ответил Хит.

— Да, — согласился Брока, — спятил. — Он сделал два шага к Хиту.— Я настолько спятил, что сейчас убью тебя.

— Если ты это сделаешь, ты никогда не дойдешь до Лунного Огня, — сказала Алер.

Брока остановился. Ревность и мечта раздирали его душу на две части. Он стоял лицом к корме. Вдруг что-то заставило его отвернуться от Хита. Постепенно выражение его лица изменилось. Хит быстро обернулся, а Алер приглушенно вскрикнула.

Далеко позади них, слабо различимый в насыщенном испарениями воздухе, виднелся изумрудный парус.

Видимо, «Лахаль» прошла через Драконье Горло сразу же, как только кончился шторм.

На «Лахали» были гребцы и, во время штиля, это давало ей большие преимущества. Теперь она тоже застряла в водорослях, весла оказались бесполезны, но зато имелись люди, чтобы резать траву, так что корабль жрецов шел быстрее «Этны» и без остановок. А Хиту, Броке и женщине отдыхать почти не приходилось.

Они надрывались над кормовым веслом весь оставшийся день и всю душную ночь, впав в исступление, наполовину загипнотизированные ритмом своих движений, как те животные, которые вечно ходят вокруг водяного колеса. Они работали по двое, в то время как третий отдыхал. Брока не сводил глаз с Алер.

Благодаря своим чудовищным силам, он не спал, и в те минуты, когда Хит и Алер работали на весле, не позволял им обменяться ни словом, ни взглядом.

На заре они увидели, что «Лахаль» подошла ближе.

Брока сидел на палубе и смотрел на зеленый парус. Хит видел, как сверкали глаза Броки и как несмотря на жару дрожало его тело.

Сердце Хита упало. Верхние Моря были рассадником лихорадки, и, похоже, варвар-гигант имел несчастье подхватить ее.

Сам Хит был невосприимчив к болезни, но Брока привык к чистому воздуху Высоких Плато, и яд быстро проник в его кровь.

Брока прикинул скорость обоих судов и сказал:

— Ничего не выйдет. Нам придется остановиться и сражаться.

— Я думал, что ты хочешь найти Лунный Огонь, — раздраженно ответил Хит. — Я думал, что ты сильный мужчина и можешь победить там, где всякий другой потерпит неудачу. Я думал, что ты собираешься стать богом.

Брока встал.

— Пусть у меня лихорадка, но я все равно лучший мужчина на этом корабле.

— Тогда работай. Если нам удастся удержаться впереди до тех пор, пока мы не расчистим траву...

— Лунный Огонь?

— Да.

— Удержимся впереди, — твердо сказал Брока.

Он согнулся над веслом, и «Этна» поползла вперед через водоросли. Ее золотой парус безжизненно повис в страшном безветрии. Жара так давила на Верхние Моря, словно само солнце падало сюда сквозь марево водяных паров.

«Лахаль» медленно, но верно догоняла их.

Лихорадка Броки усиливалась. Время от времени он поворачивал голову в сторону изумрудного паруса и осыпал Бакора проклятиями.

— Не поймать тебе нас, жрец! — вопил он. — Я, Брока из племени Сари, уйду от тебя и достигну

Лунного Огня! Ты будешь лежать на брюхе, жрец, и лизать мои сандалии, прежде чем сдохнешь!

Потом сверкая глазами, он повернулся к Алер.

— Ты знаешь легенды, женщина! Человек, искупавшийся в сердце Лунного Огня, приобретает силу богов. Он может построить собственный мир, он может стать королем, лордом, мастером. Он может подарить своей божественной супруге дворец из бриллиантов с золотым пологом. Это правда, Алер? Ты слышала, как об этом говорили жрецы в храме?

— Да, правда, — ответила Алер.

— Новый мир, Алер, мир, принадлежащий только нам!

Брока с неистовой силой заработал веслом, и тайна Лунного Огня снова захватила Хита. Раз уж жрецы знали дорогу туда, почему они сами не стали богами? Почему никто из людей не возвращался оттуда, чтобы каждый убедился в их божественности? Вернулись только те, кто, подобно Хиту, прошли не весь путь.

А божественность была. Хит знал это, потому что сам носил в своей душе ее тень.

День тянулся бесконечно. Изумрудный парус подошел ближе.

К вечеру послышался треск перепончатых драконьих крыльев, и вся жизнь в водорослях замерла. Рептилии неподвижно застыли с неразгрызенными яйцами драконов в пастях.

Ни одна голова не высунулась на поверхность в поисках пищи. Шумная стая драконов спешила к своим гнездам. Внизу царила тишина.

Хит схватился за весло и остановил его.

— Тихо, — сказал он. — Смотрите туда.

Они повернулись. Далеко впереди по траве прошла рябь, такая рябь, словно все дно Верхних Морей пришло в движение.

— Что это? — прошептала Алер.

Увидев лицо Хита, она замолчала.

Рябь приближалась к «Этне» — лениво, нехотя, но очень быстро. Хит достал из кормового ящика гарпун.

Движение водорослей постепенно замедлялось, а затем и вовсе исчезло, как бы в замешательстве. Он швырнул гарпун настолько далеко, насколько позволяли его силы.

Вода заволновалась снова. Полоса ряби обогнула корабль и заторопилась туда, где упал гарпун, за корму «Этны».

— Они атакуют только то, что движется, — сказал он. — Они оставили нас, потому что мы стоим. Следите.

Травяной покров горбом выгнулся над водой и лопнул, лохмотья водорослей повисли на огромной чешуйчатой спине. Создание, по-видимому, не имело формы, голову его нельзя было различить. Это была просто громадная голодная чернота, распространявшаяся вверх и в стороны. Живность, не успевшая скрыться, была тут же проглочена.

— Что это? — снова зашептала Алер.

— Один из Стражей, — ответил Хит, — Стражей Верхних Морей. Идущий корабль они раздавят в щепки, а команду сожрут.

Он оглянулся на «Лахаль». Она не двигалась. Хитрый Бакор тоже почуял опасность.

— Мы должны ждать, пока Страж не уйдет.

Брока глядел на Хита. Лихорадка полностью овладела его телом, и теперь глаза варвара светились безумием. Он бормотал что-то бессвязное, можно было разобрать только «Алер» и «Лунный Огонь».

Внезапно он отчетливо сказал:

— Лунный Огонь без Алер — ничто!

Он повторил слово «ничто» несколько раз, стуча кулаками по коленям, затем стал озираться по сторонам, словно выискивая кого-то.

— Она ушла. Алер ушла. Она ушла к землянину.

Алер заговорила с ним, коснулась его тела, но он отталкивал ее. В его обезумевшей от лихорадки голове жила только одна мысль.

Он встал и пошел к Дэвиду Хиту.

Хит встал.

— Брока, — сказал он, — Алер рядом с тобой. Она не ушла.

Брока не услышал и не остановился.

— Брока! — закричала Алер.

— Нет, — сказал Брока. — Ты любишь его. Ты больше не моя. Ты смотришь на меня, как на пустое место. В твоих губах нет тепла.

Он тянулся к Дэвиду Хиту, он хотел лишь одного: рвать, топтать и уничтожать.

На тесной палубе места для маневра не оставалось, а драться Хит не хотел. Он пытался увернуться от больного, но Брока прижал его к поручням. Волей-неволей Хиту пришлось защищаться, но от этого было мало проку. В бреду Брока не чувствовал боли.

Всем своим весом он придавил Хита к поручням, так, что чуть не переломил ему спину, и руки варвара потянулись к горлу Хита. Хит бил и отпихивал Броку, с отчаянием понимая, как глупо умереть в бессмысленной ссоре из-за женщины.

Вдруг он почувствовал, что Брока выпустил его и сползает на палубу. Затуманенные глаза Дэвида увидели Алер, стоявшую рядом с поднятым шкворнем. Он вздрогнул — то ли от неожиданности, то ли от злости — злости на себя самого, которому в драке потребовалась помощь женщины. Брока неподвижно лежал на палубе и тяжело дышал.

— Спасибо, — коротко сказал Хит. — Плохо, что ты его ударила. Он не соображал, что делал.

— Разве? — невозмутимо спросила Алер.

Хит не ответил. Он хотел отойти, но она схватила его за плечо, вынуждая взглянуть на нее.

— Вполне возможно, что я умру в Лунном Огне, — сказала она, — у меня нет такой веры в свои силы, как у Броки. Поэтому я скажу тебе сейчас: я люблю тебя, Дэвид Хит. Мне все равно, что ты подумаешь об этом и нужно ли тебе это, но я люблю тебя.

Она пристально вглядывалась в его лицо, как будто хотела запомнить каждую черточку.

Затем она поцеловала его. Губы ее были нежными и очень сладкими.

Она отступила и спокойно сказала:

— Мне кажется, что Страж исчез. «Лахаль» снова на ходу.

Хит молча последовал за ней на корму. Ее поцелуй горел в нем, как сладкий огонь.

Хит дрожал и был совершенно растерян.

Пока Брока спал, они напряженно трудились и не решались сделать передышку.

Хит уже мог различить людей на борту «Лахали» — маленькие, сгорбленные фигурки гребцов, которых непрерывно меняли, давая уставшим набраться сил. Он видел черную одежду Детей Луны, стоявших на передней палубе.

«Этна» плыла все медленнее, и расстояние между кораблями все время уменьшалось. Настала ночь, и из кромешного мрака до беглецов доносились только пронзительные проклятья Бакора.

Брока проснулся около полуночи. Лихорадка оставила его, но он был угрюм и молчалив. Грубо оттолкнув Алер, варвар взялся за весло. «Этна» прибавила скорость.

— Далеко еще? — спросил он.

Хит, задыхаясь от усталости, ответил:

— Теперь уже близко.

Пришел рассвет, а они все еще не избавились от водорослей. «Лахаль» была так близко, что Хит уже видел драгоценную повязку на лбу Бакора. Тот стоял один на верхнем креплении ножа-травореза, смотрел на них и смеялся.

— Работайте! — кричал он. — Трудитесь и потейте! Эй, Алер, женщина садов! Здесь лучше, чем в храме? Брока, вор и нарушитель закона, растягивает твои мышцы. А ты, землянин, вторично бросаешь вызов богам!

Он наклонился над травой, будто желая дотянуться до «Этны» и схватить ее голыми руками.

— Потейте, собаки, надрывайте животы! Все равно не уйдете!

Они надрывались и потели, а на весла «Лахали» села свежая смена, и судно побежало все быстрее и

быстрее. Сидя на своем насесте, Бакор хохотал над тщетными стараниями «Этны».

Но Хит смотрел вдаль угрюмыми, горящими глазами. Он видел, как на севере собирается в тучи туман, как меняется цвет травы, и подгонял своих спутников. Теперь в душе его загорелась ярость.

Она пылала ярче и сильнее, чем ярость Броки. Это была та железная ярость, которой даже сами боги не могли бы преградить дорогу к Лунному Огню.

Теперь их отделяло от «Лахали» расстояние, равное полету стрелы. Но вот водоросли поредели и мало-помалу «Этна» начала увеличивать скорость. И вдруг беглецы обнаружили, что вышли в открытую воду.

Они что есть силы заработали веслом, и Хит вел «Этну» туда, где, как он помнил, проходило северное течение, тянувшееся в Океан-Не-Из-Воды. После страшной, напряженной работы с водорослями им казалось, что они летят. Но когда их стал обволакивать туман, «Лахаль» также освободилась из травяного плена и, посадив на весла всех людей, помчалась как стрела.

Туман сгущался. В черной воде сверкнули редкие золотые искры.

Здесь начиналась полоса маленьких, плоских, заросших необычной растительностью островов. Тут не было ни летающих драконов, ни Стражей, ни маленьких извивающихся рептилий. Было очень жарко и очень тихо.

Сквозь тишину прорывался истошный визг Бакора, ругавшего нерадивых гребцов.

Течение понесло корабли быстрее, и золотые блестки на воде закружились в хороводе. На лице Хита застыло странное, нечеловеческое выражение. Весла «Лахали» бешено вспенивали воду, и лучники уже высыпали на переднюю палубу, готовые стрелять, как только это позволит расстояние.

Но случилось невероятное: Бакор издал долгий пронзительный вопль, взмахнул рукой, и весла остановились. Жрец поднял над головой сжатые кулаки,

бессильно потряс ими в воздухе и прокричал одно, но самое страшное проклятие.

— Я буду ждать, богохульники! — продолжал орать он. — Пока вы живы, я буду здесь ждать!

Изумрудный парус уменьшился, потускнел и пропал в тумане.

— Они же почти взяли нас. Почему они остановились? — спросил Брока.

Хит указал рукой на север. Туман вверху окрасился дыханием пылающего золота.

— Лунный Огонь!

Глава 5
В ЛУННОМ ОГНЕ

Хита вели безумные мечты, навязчивые воспоминания, сны, видения.

Они упорно вели его сюда, хотя все существо землянина противилось этому, предвидя неминуемую гибель. И вот он снова здесь, и с этим уже ничего не поделаешь.

Он внимательно следил за тем, как меняется океан, пока вокруг «Этны» не заплескалась уже не вода, а мягкие, огненные волны золотистой жидкости. Его опять опутал туман, яркий, сверкающий.

Первая слабая покалывающая дрожь пробежала по его нервам, и он знал, что будет дальше — обманчивое чувство удовольствия, которое вырастет до экстаза, а потом превратится в нестерпимую боль. Он видел смутные силуэты островов, лабиринт невысоких скал, в котором корабль может блуждать вечно, так и не найдя источник удивительного живого света. Он видел остовы кораблей, погибших в этих бесплодных поисках. Они лежали на отмелях, и туман укрывал их блестящим саваном. Некоторые из них были такими древними, что даже раса, построившая их, исчезла из памяти Венеры.

Тихая сверхъестественная красота щемящей тоской ударила в сердце Хита. Тело его боялось смерти, но душа жаждала чуда.

Брока так глубоко втянул в себя воздух, будто хотел вдохнуть силу Лунного Огня.

— Ты найдешь его? — спросил он. — Самое сердце?

— Найду.

Алер молчала и не двигалась. Таинственные лучи, разлитые здесь повсюду, посеребрили ее кожу и осыпали волосы золотой пылью.

— Ты боишься нарушить табу? — спросил Хит.

— Привычки ломать трудно.

Она повернулась к нему.

— Что такое Лунный Огонь?

— Разве жрецы тебе не объяснили это?

— Они говорили, что у Венеры когда-то была Луна. Она ходила в облаках огненным диском, и бог, живший в ней, был самым главным из всех богов. Он следил за поверхностью планеты и за всем, что на ней делается. Но меньшие боги завидовали, и однажды им удалось разрушить дворец Лунного бога. Все небо Венеры вспыхнуло, когда дворец был разрушен. Горы падали, моря выходили из берегов, вымирали целые народы. Лунный бог был убит, и его сверкающее тело упало через облака, как метеор. Но бог не может умереть по-настоящему, он только спит и ждет. Золотой туман — это пар от его дыхания, а сияние его тела — Лунный Огонь. Человек может получить божественность из сердца спящего бога, но все боги Венеры проклянут его, потому что человек не имеет права посягать на их власть.

— И ты не поверила этой истории, — сказал Хит.

Алер пожала плечами.

— Ты видел Лунный Огонь, а жрецы не видели.

— Я не был в его сердце, — сказал Хит. — Я видел только край кратера и свет, исходящий из него, адский свет.

Он вздрогнул и помолчал, не в первый раз задумавшись о том, что в действительности лежит за тайной Лунного Огня.

— Луна когда-то была, это ясно, иначе не было бы такого понятия в фольклоре. Я уверен, что здесь есть неизвестное науке излучение, какой-то радиоактивный элемент. Его еще не открыли, а может быть, на Земле и на Марсе такого и вовсе нет.

— Я ничего не поняла, — сказала Алер. — «Излучение», «радиоактивный элемент». О чем ты?

В венерианском языке не существовало таких слов, и она с трудом повторяла за Хитом незнакомые земные выражения.

— Радиоактивность — это особый вид огня, который горит в некоторых элементах. Он съедает их, питаясь их атомами, и излучение от этого огня очень мощное.

Он полузакрыл глаза.

— Вы чувствуете его — маленький огонек в вашей крови?

— Да, — прошептала Алер, — я чувствую.

— Это как вино, — откликнулся Брока.

Хит продолжал, облекая в слова очень старые мысли.

— Луна была разрушена, но не завистливыми богами, а столкновением с другим телом, может быть с астероидом. А возможно, взорвалась от собственной энергии. Я думаю, один из осколков Луны уцелел, упал сюда, и его излучение распространилось по поверхности, изменив море и окружающий воздух. Тем же способом оно изменяет людей. Похоже, оно меняет электрическую структуру мозга, расширяя его возможности далеко за пределы обычного человеческого разума. Оно дает мозгу силу, достаточную для того, чтобы управлять свободными электронами — творить...

Он сделал паузу и быстро закончил:

— В моем случае — творить только призраки. А когда произойдет мутация, человеку плевать на проклятия богов Венеры. Я получил очень немного, но и этого достаточно.

— Стоит потерпеть боль, чтобы стать богом, — сказал Брока. — У тебя не было силы.

Хит криво усмехнулся.

— Много ли богов вернулось из Лунного Огня?

— Скоро ты увидишь одного из них, — ответил Брока.

Он схватил Алер за плечи и притянул к себе, заглядывая ей в лицо.

— Нет, — сказала она, — не один, а двое.

— Возможно, что и трое, — сказал Хит.

Брока повернулся и бросил на него спокойный холодный взгляд.

— Не думаю, — сказал он, — что у тебя прибавилось силы.

После этого они долгое время не разговаривали. «Этна» шла, утомленно скользя по течению между островами. Иногда они гребли кормовым веслом, и его большая лопасть скрывалась в огненной пене.

Золотой блеск усиливался, и с ним усиливался звенящий огонь в крови людей.

Хит стоял у штурвала, прямой, сильный, прежний Хит, который смеясь проходил пролив Лхила в зубах летнего шторма.

Усталость, слабость, боль — все ушло.

То же самое происходило и с другими: Алер гордо выпрямилась, а Брока вскочил на носовое украшение и громко выкрикивал вызов всем богам, которые захотят остановить его.

Хит смотрел в глаза Алер. Она улыбалась нежно и приветливо.

— Я думаю, никто из нас не останется в живых, — прошептала она. — Но может быть, ты найдешь свою тень, Дэвид, прежде чем умрешь.

Но Брока снова повернулся к ним, и момент для ответа был упущен.

Под Вуалью Лунного Огня не было ни дня, ни ночи, не существовало времени.

Хит не имел представления, долго ли пурпурный нос «Этны» бороздил золотой поток. Звенящая сила наполнила его тело. Она пульсировала в нем и пьянила его. Острова беззвучно проплывали мимо, и

ничто не двигалось в этом торжественном море, кроме легко скользящей по огненным волнам «Этны».

Наконец в глаза им ударили лучи невообразимого света, льющегося из сердца Лунного Огня, живого ядра сияющего тумана. Он увидел землю, темную и неопределенную, тонувшую в пылающей дымке, и пошел туда знакомой дорогой. Теперь в нем не было страха. Он перешагнул его.

— Корабль! — вдруг закричал Брока.

Хит кивнул.

— Он и раньше был здесь и будет здесь, когда следующий человек найдет путь сюда.

С острова протянулись два длинных мыса, образовав удобную бухту с изрезанными берегами. «Этна» вошла в нее. Они миновали брошенное судно, терпеливо дрейфовавшее, недосягаемое ни для ветра, ни для течения, ни для океанского гниения. Его голубой парус был свернут, снасти чистые, готовые. Судно ожидало возвращения домой. Оно ждало очень долго.

Подойдя к земле, они увидели другие корабли. Они не сдвинулись, не изменились с тех пор, как Хит впервые увидел их три года назад.

Их было очень немного — тех, кто нашел Драконье Горло, прошел через него, остался в живых в Верхних Морях, в лабиринте островов Лунного Огня и добрался до цели.

Некоторые корабли все еще плавали, хотя команда давно покинула их, грязные паруса этих вечных скитальцев безвольно повисли на реях. Здесь были странные плоскодонные суда, каких не существовало на Венере уже тысячу лет. Золотой туман сохранил их, и они, как свора псов, ждали возвращения своих хозяев.

Хит подвел «Этну» к берегу в том самом месте, где сажал ее на мель в прошлый раз.

«Этна» мягко вздрогнула. Они перелезли через борт. Землянин помнил странный хруст угольно-черной почвы под ногами. Волна силы, прокатившаяся по жилам, заставила его вздрогнуть. Как и в прошлый раз, она билась на границе боли.

Они молча шагали в глубь острова. Туман сгустился вокруг них, наполнился танцующими искорками света. Бухта скрылась за его призрачным занавесом. Они шли вперед, и дорога стала медленно подниматься. Они шли как во сне, свет и тишина порождали в их душах благоговейный страх.

Они набрели на мертвеца. Он лежал лицом вниз, вытянув руки вперед, к тайне, до которой оставалось несколько шагов. Они все еще тянулись к славе, которой этот человек так и не достиг. Люди прошли мимо.

Давящий туман, яркий свет, золотые точки, блики, кружащиеся и мерцающие в безумном танце. Хит прислушивался к голосу боли, говорившему в нем. Этот голос поднимался с каждым его шагом, доходя до беззвучного вопля.

«Я помню! Кости, плоть, мозг, каждый атом их — полны пламенем, взрывающимся, рвущимся к свободе. Я не могу идти дальше, я не могу вынести этого! Я скоро проснусь, живой и невредимый, в грязи, на задворках заведения Карлуны».

Но Хит не проснулся, а земля равномерно поднималась под его ногами, и в душе его бушевали безумие, страсть и страдание, какие человек не в силах вынести.

Однако он вынес.

Кружащиеся точки начали собираться в неопределенные фигуры, в бесформенных гигантов, которые шагали рядом с людьми.

Хит услышал, как Алер застонала от ужаса, и вынудил себя сказать:

— Они — ничто. Призраки из нашего сознания. Начало власти.

Путники шли все дальше и дальше. Наконец Хит остановился и, взглянув на Броку, показал рукой.

— Твоя божественность лежит там. Иди и возьми ее.

Глаза варвара, ошеломленные, дикие, устремились на темные туманные очертания кратера вдали, на немыслимый свет, сиявший на горизонте.

— Оно бьется, — прошептал он, — как сердце.

Алер, не сводя глаз с огня, отступила назад.

— Я боюсь. Я не пойду.

Хит видел, что ее лицо исказилось, а тело сотрясала та же дрожь, что мучила его самого. Ее голос поднялся до рыдания.

— Я не могу идти! Я не могу остаться здесь. Я умираю!

Она схватила Хита за руки.

— Дэвид, забери меня отсюда, уведи меня обратно!

Раньше, чем он успел подумать или сказать что-нибудь, Брока оторвал от него Алер и нанес ему сокрушительный удар. Хит упал, и последнее, что он слышал, это пронзительный голос женщины, выкрикивавшей его имя.

Глава 6
КОНЕЦ МЕЧТЫ

Видимо, Хит недолго лежал без сознания, потому что, придя в себя, он еще увидел удаляющиеся силуэты мужчины и женщины. Брока бежал, как безумный, по склону кратера, неся на руках Алер. Вот он встал на край, а затем прыгнул вниз и исчез.

Хит остался один.

Он все еще лежал и старался сохранить ясность ума, борясь с муками плоти.

— Этна, — шептал он, — это конец мечты.

Медленно, дюйм за дюймом, он пополз к сердцу Лунного Огня.

Теперь он был ближе к нему, чем в прошлый раз. Странная грубая земля царапала его кожу. Из ран текла кровь, но эта боль казалась булавочным уколом по сравнению с космической агонией Лунного Огня. Брока, наверное, тоже страдал, но все-таки бежал к своей судьбе. Возможно, его нервная система была более грубой, нечувствительной к шоку. А может быть, жажда власти овладела всем его существом.

Хит не нуждался в ней. Он не хотел становиться богом. Он хотел только умереть и знал, что это случится очень скоро. Но прежде чем умереть, он хотел сделать то, что не сумел в прошлый раз: вернуть Этну. Он хотел снова услышать ее голос, посмотреть в ее глаза и вместе с ней ожидать прихода могильной тьмы.

Смерть разрушит его мозг, а вместе с ним и призрак, созданный памятью. Но он не увидит, как жизнь уходит из нее. Она будет с ним до конца, нежная, любящая и веселая, такая, какой была всегда.

Он полз к кратеру и повторял ее имя. Он пытался не думать ни о чем другом, чтобы забыть о страшных, нечеловеческих видениях, рожденных его мозгом.

— Этна! Этна! — шептал он.

Его руки хватали землю, колени были разбиты в кровь, блеск Лунного Огня окутывал его золотыми знаменами. Но он не останавливался, хотя душа готова была покинуть его.

Он добрался до края кратера и заглянул вниз, в сердце Лунного Огня.

Он увидел море сверкающего пара, такого плотного, что по нему пробегали мелкие волны, покрытые искрящейся пеной. Посреди этого моря возвышался остров, напоминавший по форме упавшую гору. Он пылал так яростно, что смотреть на него могли только глаза бога.

«Она плыла в облаках, как огненный диск».

Хит знал, что его гипотеза оказалась правильной. Но теперь это не имело значения. Тело спящего бога или обломок упавшей луны — оно могло вернуть ему Этну, а Хит хотел только этого.

Он подтянулся, перевалился через край и покатился вниз по склону. Когда пар сомкнулся над ним, Хит вскрикнул.

После этого наступили настоящие чудеса.

Казалось, некая сила разделила атомы организма, называемого Дэвидом Хитом, и собрала их в новые, неведомые комбинации. Потом вспыхнула боль, равной которой он никогда не испытывал. Он скорчился

в мучительной судороге и вдруг почувствовал, что его тело стало здоровым и сильным, мозг — ясным, трепещущим, чистым, готовым к новому знанию.

Он оглядел себя, поднес руки к лицу.

Он не изменился, но знал, что стал другим.

На этот раз Хит получил полную силу радиации, и она, по-видимому, докончила перемену, начавшуюся три года назад. Возможно, он уже не был прежним Дэвидом Хитом, но не был он и тем промежуточным, средним звеном между человеком и богом, в обличии которого он жил последние месяцы.

Он больше не чувствовал, что идет к смерти, и уже не желал этого. Он был полон огромной животворной силы и великой радости. Он вернет из небытия свою Этну, и они будут жить здесь, в золотом саду Лунного Огня.

Надо жить здесь, Хит был уверен в этом.

В прошлый раз он достиг только окраин Лунного Огня, но не это было причиной несовершенства его творений. Вне Лунного Огня нет достаточной концентрации лучевой энергии, при которой может работать телекинетическая сила мозга. Вероятно, даже в окрестных туманах Лунного Огня нет нужного количества свободных электронов. Но здесь, возле источника, воздух дробился на них, он был пропитан ими. Сырая материя, из которой можно создавать.

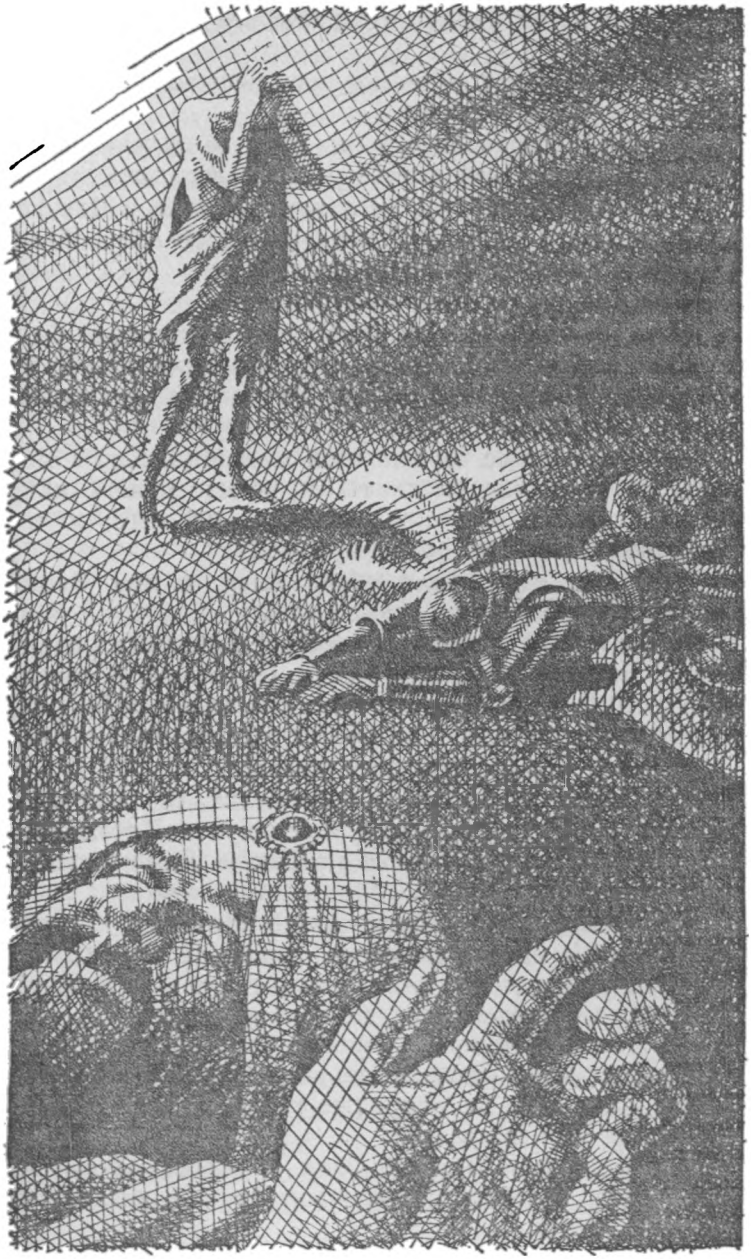
Дэвид Хит встал, поднял голову и со страстным желанием протянул руки. Прямой, сияющий, сильный, стоял он в живом свете, и его смуглое лицо было лицом счастливого бога.

— Этна, — шептал он, — это не конец мечты, а начало!

И она пришла.

Чудесная власть, торжествующая сила, которая была заложена в нем, вызвала ее из Лунного Огня.

Этна, скользящая и улыбающаяся, неопределенная, как тень в тумане, но постепенно обретающая четкие контуры, подошла к нему. Он видел ее белые руки, бледное пламя волос, алые губы, задумчивые глаза.

И вдруг Хит с криком отступил. Это была не Этна, а Алер.

Некоторое время он не мог пошевелиться, а только смотрел на свое создание.

Видение улыбалось ему, и лицо ее было лицом женщины, нашедшей любовь и с нею весь мир.

— Нет, — сказал он, — я хочу не тебя, а Этну!

Он выкинул из своего мозга мысль об Алер. Изображение увяло, и он снова звал Этну.

И на этот раз к нему явилась Алер.

Он разрушил видение. Злоба и разочарование были так сильны, что он готов был броситься вперед и заблудиться в тумане. Алер! Зачем эта храмовая шлюха навязывается ему?

Он ненавидел ее, но имя этой женщины пело в его сердце и не хотело умолкать. Он не мог забыть, как она поцеловала его, как смотрела на него, и ее последний крик был обращен к нему.

Душу его переполнял образ Алер, а имя Этны хранил только разум.

Он сел, склонил голову на колени и заплакал, зная теперь, что это был конец мечты. Он навеки потерял старую любовь. Эта мысль была жестокой, но в ней заключалась правда, и он не мог примириться с ней.

«А Алер, может быть, уже умерла».

Эта мысль оборвала его отчаяние. Он вскочил, полный смертельного страха, и оглянулся. Пар, точно золотая вода, скрывал все окружающее. Хит побежал, выкрикивая имя Алер.

Он бежал, может быть, целые столетия в этом безвременном мире и искал ее. Никто не отвечал на его крики. Иногда в тумане он замечал чью-то фигуру и думал, что нашел Алер, но всякий раз это оказывалось телом мужчины, умершего бог знает как давно. Все они были одинаковые: истощенные и улыбающиеся. Казалось, их открытые глаза все еще видят созданные ими призраки.

Это были боги Лунного Огня — горсточка людей всех веков, которые нашли свой путь к последней границе жизни.

Жестокая шутка. Человек мог обрести божественность в золотом озере. Он мог сотворить в нем собственный мир, но не мог уйти, потому что в этом случае пришлось бы оставить тот мир, где он был королем. Они, эти люди, наверное, узнали это, когда пошли обратно к гавани, прочь от источника, а может, они никогда и не пытались уйти.

Хит шел через прекрасный, неподвижный туман и звал Алер, но ответа не было.

Он сознавал, что в этих поисках ему становится все тяжелее сохранять разум. Вокруг него мерцали полусформировавшиеся образы. Возбуждение его росло, и с ним росла настоятельная потребность остановиться, чтобы строить и творить.

Хит боролся с искушением, но настало время, когда пришлось остановиться, потому что не осталось сил идти дальше. Он сел, и безнадежность его поисков навалилась на него. Алер пропала, и он никогда не найдет ее. Он закрыл лицо руками, вспомнил о ней и вдруг услышал голос, звавший его по имени. Он вскочил: она стояла рядом и протягивала к нему руки.

Хит привлек ее к себе и целовал, чуть не рыдая от радости, но вдруг ему пришла в голову страшная мысль. Он отступил на шаг и спросил:

— Ты настоящая Алер или только призрак, созданный мной?

Она не ответила, но потянулась поцеловать его. Хит отвернулся, слишком усталый и разочарованный, чтобы уничтожить видение, а затем подумал: «Зачем разрушать ее? Если женщина для меня потеряна, почему не сохранить сон?» Он вновь взглянул на нее, и это была Алер с ее теплым телом и ласковыми глазами.

Искушение снова взметнулось над ним, и на этот раз он не боролся. Он был богом, хотел он этого или нет. Он мог творить.

Он бросил всю силу своего мозга в золотой туман, и отравление властью опьянило его, наполнило безумной радостью.

Сверкающее облако спустилось к его ногам. Перед Хитом рос остров теплой приятной земли, богатой травами и цветами, рай, затерянный в сияющем море. Мелкие волны шептались на широких отмелях. Склоняющиеся ветки лита-деревьев лениво шевелились на ветру, с пением проносились яркие птицы. В аккуратной маленькой бухточке покачивалось судно, подобное которому могли построить только ангелы.

Идеал, недостижимое желание души, и Алер была с ним, чтобы разделить это.

Теперь он понял, почему никто не уходил от Лунного Огня.

Он взял за руку двойника Алер. Они бродили по берегу, и тут Хит заметил, что чего-то не хватает. Он улыбнулся, и снова на его плечо уселся маленький дракон, и теперь в этом раю не было никакого изъяна. Дэвид Хит обрел божественность...

Но какой-то упрямый уголок в сердце Хита предал его. Он говорил:

«Все это ложь, и Алер ждет тебя. Если ты замешкаешься, она умрет, как умирает здесь каждый, улыбаясь Лунному Огню».

Он не желал слушать. Он был счастлив, но что-то не давало ему покоя. Он понимал: пока реальная Алер жива, он не может по-настоящему радоваться мечте. Он знал, что должен разрушить этот рай, пока рай не разрушил его. Он знал, что Лунный Огонь смертоносен, люди не могут получать власть богов и остаться в здравом уме.

Но не мог же он уничтожить созданный им остров!

Ужас переполнил Хита. Он так сильно поддался искушению, что потерял контроль над собственной волей. И он разрушил остров, и море, и любимый корабль, и это было куда больнее, чем срывать с костей собственную плоть.

Двойника Алер он тоже разрушил.

Он понимал, что если хочет спастись от безумия и смерти Лунного Огня, то не должен творить ни единой травинки, потому что иначе у него не останется сил противиться нечестивой радости творения.

Глава 7
БОЖЕСТВЕННАЯ ПОСТУПЬ

Он снова бежал через золотой туман, бежал и кричал. Спустя много лет, а может через минуту, он услышал слабый, далекий голос Алер, называвший его имя. Он откликнулся, но больше не услышал ее. Затем он увидел замок, величественно маячивший сквозь туман. Такие постройки часто встречались на Высоких Плато, но эта была куда больше любого замка варварских королей и была возведена из громадного малинового драгоценного камня, похожего на тот, что называется Драконьей Кровью. Хит сообразил, что видит часть мечты Броки.

Ступени золотой лестницы вели к огромной, массивной двери. Два рослых воина в усыпанных самоцветами доспехах охраняли ее.

Хит прошел между ними, но они схватили его и вырваться из их рук не смог бы никто. Ненависть Броки к землянину была вложена в тех, кого сотворил его мозг.

Хит попытался освободиться, но их сила превосходила человеческую. Они повели его по фантастическим коридорам, по полам, инкрустированным жемчугом, хрусталем и драгоценными металлами.

Вдоль стен стояли открытые сундуки, наполненные всеми сокровищами, какие только мог вообразить варварский мозг.

Бесшумно скользили рабы, выполняя приказы, воздух был тяжелым от благоуханий и пряностей.

«Как странно идти в коридорах чужого сна», — подумал Хит.

Его привели в огромную комнату, где пировало множество людей. Там были арфисты, певцы, и танцовщицы, и толпа рабов, и борцы, и танцоры на мечах.

Мужчины и женщины за длинными столами походили на вождей и их жен, только одеты были в простые кожаные костюмы без всяких украшений.

Стражники Броки и даже рабы были более нарядны, чем гости.

Над криками и шумным весельем восседал Брока. Его высокий трон был сделан в виде серебряного дракона с распростертыми крыльями и украшен драгоценными камнями. На Броке были великолепные доспехи, а на лбу между бровями висел огромный бриллиант, какой мог носить только верховный властитель.

Он пил вино из золотой чаши и следил за пировавшими. В его глазах не светилось ни одной человеческой искры. Бог или демон — но человеком Брока уже не был.

Одетая как королева, Алер неподвижно сидела рядом с ним и отрешенно прикрывала лицо ладонями.

Крик Хита пролетел сквозь шум пира.

Брока вскочил на ноги, и все затихло.

Стражники, вожди, рабы — все повернулись и смотрели, как Хит идет к трону, и все ненавидели Хита, как ненавидел его Брока.

Алер подняла голову, взглянула Хиту в глаза и спросила его же словами:

— Ты настоящий Дэвид Хит или только призрак, рожденный моим воображением?

— Я Дэвид, — ответил он и порадовался тому, что разрушил свой рай.

Безумный взгляд Броки остановился на Хите.

— Я не думал, что у тебя хватит силы, — сказал он, смеясь. — Но ты не бог! Ты стоишь здесь как пленник и не имеешь власти.

Хит знал, что может победить даже в его владениях, но не решался.

Один раз он уже решился попробовать и в результате чуть не погиб. Если он попробует еще раз, они будут бросать друг на друга свои призрачные армии, пока не умрут, и он станет таким же безумным, как и Брока.

Хит оглядел толпу грозных призраков, достаточно крепких и реальных, чтобы убить его по первому слову Броки, и спросил Алер:

— Ты хочешь остаться здесь?

— Я хочу уйти отсюда и, если можно, с тобой, Дэвид. Если нет — я хочу умереть.

Яд еще не коснулся ее. Она пришла сюда не по своему желанию. Даже омывшись в Лунном Огне, она все еще оставалась человеком.

Хит повернулся к Броке.

— Ты видишь, она не дорожит тобой.

Лицо Броки потемнело от ярости. Он схватил Алер своими громадными лапами и сказал:

— Ты останешься со мной. Ты — часть меня. Послушай, Алер, нет ничего, что я не смог бы дать тебе. Я построю другие замки, создам другие племена, покорю их и положу к твоим ногам. Бог и богиня будут вместе, Алер! Мы будем править миром!

— Я не богиня, — ответила Алер. — Отпусти меня.

— Сначала я убью тебя, — сказал Брока.

Он кинул бешеный взгляд на Хита.

— Я убью вас обоих.

— Разве высшие боги унижаются до того, чтобы раздавить муравья или червя? — сказал Хит. — Мы не достойны такой чести, ни она, ни я. Мы слабы, и даже Лунный Огонь не может дать нам силу.

Он заметил искру мысли в глазах Броки и продолжал:

— Ты всемогущ, для тебя нет ничего невозможного. Она слишком слаба, она будет обузой тебе. Сотвори другую Алер, Брока! Сотвори богиню, достойную тебя!

— Сотвори женщину, которая будет любить тебя, Брока, — добавила Алер, — а нас отпусти.

Тишина сгустилась. Глаза гостей-фантомов засверкали еще ярче. Затем Брока кивнул.

— Ладно. Встань, Алер.

Она встала. Варвар вдруг понял, что в его власти осуществить свою мечту и без этой своенравной, упрямой женщины. Радость творчества охватила его. Из золотого воздуха он вылепил новую Алер. Это была

не просто женщина, а смесь снега, пламени и чуда, рядом с ней настоящая Алер выглядела бесцветной и некрасивой. Новая Алер поднялась на трон, села рядом со своим создателем, взяла его за руку и улыбнулась.

Брока велел стражникам отпустить Хита.

Дэвид подошел к Алер, и Брока сказал презрительно:

— Убирайтесь с моих глаз!

Сквозь толпу они прошли к той двери, из которой Хит вошел в зал. За столом по-прежнему царила тишина, никто не шевельнулся.

Но когда они подошли к двери, та вдруг исчезла. Осталась сплошная стена. Брока засмеялся, и вся его компания взорвалась диким хохотом.

Хит крепче обнял Алер и пошел к другой двери, но и она тоже исчезла, а издевательский смех снова зазвучал, отражаясь от свода.

— Думаете, я выпущу вас отсюда? — гремел Брока. — Вы оба предали меня, когда я был человеком! Даже бог может помнить!

Хит увидел, что стражники и другие создания приближаются, увидел их горящие глаза. Черный страх наполнил его существо, и он загородил собой Алер.

— Слабак! — кричал Брока. — Даже для спасения своей жизни ты не можешь творить!

Это была правда. Хит не решался. Люди-призраки не сводили с него своих оловянных, бездушных глаз и хищно скалились в предвкушении убийства.

Решение пришло само собой.

«Я не буду творить, я буду разрушать!»

Руки людей-призраков оттащили его от Алер. Он слышал их вопли и знал, что если промахнется, то их обоих разорвут на куски. Он призвал всю обретенную здесь силу, всю свою волю и любовь.

Лица призраков начали медленно таять, точно восковые фигурки над огнем, руки их ослабели, и вскоре толпа гостей превратилась в бесформенное облако, колыхающееся во тьме.

Богиня Броки растаяла вместе с драконовым троном, королевские доспехи варвара стали прозрачными, точно тонкая корка льда, едва заметная на его коже.

Брока вскочил и дико, точно в приступе удушья, захрипел.

Хит почувствовал, как столкнулись и переплелись в смертельной схватке их враждебные волевые импульсы. Брока старался удержать свои видения, объединяя частицы энергии в подобие материи, но Хит, в свою очередь, стремился разорвать, рассеять их. В результате призраки находились в промежуточном состоянии между бытием и небытием.

Стены замка зашатались, потекли, как красная вода, и исчезли. Богиня Алер, танцовщицы, рабы и вожди исчезли, остался только золотой туман, рослый варвар, лишенный своих грез, мужчина Хит и женщина Алер.

Хит посмотрел на Броку и сказал:

— Я сильнее тебя, потому что я отказался от своей божественности.

— Я снова построю, — выкрикнул Брока, задыхаясь.

— Строй, — ответил Хит.

Брока начал строить. Глаза его горели, массивное тело дрожало от напряжения.

Все вернулось на свое место: замок, драгоценности, толпа пирующих. Брока крикнул своим подданным-призракам:

— Убить!

Но не успели фантомы ступить и шага, как снова начали слабеть и таять.

Хит крикнул:

— Если ты хочешь сохранить свое королевство, Брока, отпусти нас!

Теперь замок был не более чем призрачным контуром. Лицо Броки взмокло от пота, руки его хватали воздух, ноги дрожали и подгибались. Темные глаза Хита были холодны и суровы. Если сейчас он и

напоминал бога, то бога безжалостного и непоколебимого, как судьба.

Видения рассыпались и исчезли.

Брока опустил голову. Он не хотел смотреть на Хита, стыдясь своего бессилия.

— Уходите, — прошептал он, — и пусть Бакор встретит вас.

— Та смерть чище, чем то, что ждет тебя здесь, — сказал Хит.

Алер взяла его за руку, и они пошли прочь, пробираясь сквозь золотой туман.

— Он будет счастлив, пока не умрет, — произнес Хит. Алер пожала плечами.

Они уходили все дальше от пульсировавшего сердца Лунного Огня, сначала по склону кратера, затем по длинному спуску к гавани.

Наконец они снова оказались на борту «Этны».

Пока корабль плавно скользил в лабиринте островов, Хит держал Алер в своих объятиях. Они молчали. Губы их часто встречались в мучительно коротком поцелуе. Золотой туман редел, и огонь в их крови слабел, но они этого не замечали, и им было все равно.

Вскоре корабль вышел из Вуали Лунного Огня и впереди показался зеленый парус «Лахали». Бакор все еще ждал.

— Прощай, любовь моя, прощай, Дэвид! — прошептала Алер.

Два корабля спокойно покачивались на тихих волнах. Бакор дождался, пока Хит и Алер подойдут к борту, а потом махнул матросам рукой.

— Взять их!

Но люди в страхе остановились. Хит увидел их испуганные лица и удивился, но, взглянув на Алер, понял, что она уже не та, какой была раньше. В ней было что-то чистое и сияющее, новая глубина и новая спокойная сила, а глаза ее светились нездешней, таинственной красотой.

Он понял, что и сам изменился. Богами они больше не были, но те, кто омылся в Лунном Огне, никогда уже не станут прежними.

Он без страха встретил взгляд Бакора.

Жестокое, волчье лицо жреца утратило свою уверенность и властность, глубокое недоумение отразилось на нем.

— Где Брока? — спросил Бакор.

— Мы оставили его там. Он строит свою призрачную империю.

— В сердце Лунного Огня?

— Да.

— Ты лжешь! — закричал жрец. — Вы не могли вернуться из сердца спящего бога. Никто оттуда не возвращался.

Хит пожал плечами.

— Поверишь ты или нет — что нам до того?..

Настало долгое, томительное молчание.

Четверо высоких жрецов в черном обратились к Бакору:

— Мы должны поверить. Посмотри в их глаза.

Сделав торжественный ритуальный жест, они отошли, оставив Бакора одного.

— Это не может быть правдой, — прошептал Бакор. — Закон, табу построены на этом камне. Люди возвращались от окраины, как вернулся ты, Хит, но возвращались разрушенными и проклятыми за свое святотатство. Однако никто и никогда не возвращался из самого Лунного Огня. Вот поэтому и был создан закон, иначе вся Венера умерла бы в грезах.

Алер спокойно сказала:

— Все другие жаждали власти, а мы искали только любовь. Нам больше ничего не надо.

Снова наступило молчание. Бакор смотрел на них и боролся с собой. Наконец он медленно выговорил:

— Вы вне моей власти. Спящий бог принял вас и позволил вам уйти невредимыми. Я только Дитя Луны. Я не могу судить.

Он закрыл лицо руками и отвернулся.

Один из младших жрецов сказал Джахору:
— Дай им людей на весла.
Хит и Алер поняли, что они свободны.

* * *

Через несколько недель Хит и Алер встречали рассвет на берегу Моря Утренних Опалов. Ветер дул с берега. Он наполнил золотой парус «Этны», и корабль натянул причальные канаты, словно хотел один, без экипажа, отправиться в плавание. Хит наклонился и развязал швартовы.

Они стояли и смотрели, как маленький кораблик, набирая скорость, легко и изящно устремился навстречу солнцу. Костяное изображение на носу поднимало руки к заре и улыбалось, и Хит ждал, когда исчезнет последний яркий отблеск паруса, а с ним все, что оставалось от его прошлой жизни, воспоминаний и грез.

Алер ласково коснулась его. Он повернулся и обнял ее, и они пошли в тень лита-деревьев, а в небе разгорался молодой день.

Они думали о том, насколько свет солнца, которого они никогда не видели, прекраснее и заманчивее, чем все холодные чудеса Лунного Огня, которые они когда-то держали в руках.

Венерианская

КОЛДУНЬЯ

Глава 1

Корабль плыл по Красному Морю, медленно продираясь сквозь пелену тумана. Ленивые вдохи ветра едва наполняли его паруса. Корпус из тонкого легкого металла беззвучно резал тихие струи огня, пляшущие на поверхности странного моря.

Над кораблем сгущалась ночь, наплывающая с запада медленным потоком густого индиго.

Человек, известный под именем Старка, в одиночестве стоял у задних поручней и следил за наступлением ночи. Нетерпение и тревога переполняли его душу. Он чувствовал угрозу даже в горячем дуновении морского ветра.

Рулевой сонно склонился над веслом.

Это был рослый человек с молочно-белыми волосами и бледной кожей. Он молчал, но Старк чувствовал, что глаза рулевого время от времени оборачиваются к нему, белесые, расчетливые, с тайной жадностью скрытые под полуопущенными веками.

Капитан и двое матросов маленького каботажного суденышка сидели впереди, расправляясь с ужином. Раза два Старк слышал взрывы приглушенного смеха.

Казалось, будто все четверо участвуют в какой-то веселой игре, но принять в нее Старка решительно отказываются.

Жара угнетала. На смуглом лице Старка выступил пот. Рубашка прилипла к спине.

Тяжелый воздух был наполнен влагой и душным, дурманящим запахом жирного чернозема, доносившимся с недальнего, укрытого туманом берега.

В самом море чудилось что-то зловещее. Даже среди самих венерианцев Красное Море пользовалось

дурной славой. Оно лежит за Облачными Горами — гигантским барьером, скрывающим половину планеты.

Очень немногие осмелились перейти этот барьер, навстречу тайнам Внутренней Венеры, вернулось же еще меньше.

Старк был одним из этих немногих. Он три раза пересекал горы и один раз жил там почти год, но и он так и не привык к Красному Морю.

Оно состояло не из воды, а из газа, достаточно плотного, чтобы по нему могли плыть металлические корпуса кораблей, и вечно горевшего глубоким внутренним огнем. Туман, окутывавший его, был окрашен кровавым румянцем. В глубине же, там, где проходили ленивые течения, Старк видел наносы пламени и маленькие вспышки искр, летящие вверх, разбегающиеся в стороны и сливающиеся с другими вспышками. Поверхность моря напоминала ночное небо, усеянное малиновыми звездами.

В густом, сочном мраке эта картина была очень красивой, красивой и странной.

Послышались шаги босых ног. Капитан Мальфор подошел к Старку. В сияющем тумане его силуэт казался призрачным.

— Подходим к Шараану.

— Хорошо.

Старк кивнул.

Путешествие длилось бесконечно, и тесное пространство узкой палубы действовало Старку на нервы.

— Тебе понравится Шараан, — радостно улыбнулся капитан. — У нас есть все, что нужно: вино, пища, женщины, — жаловаться грех. И посетителей мало. Мы держимся особняком, ты увидишь. Но те, кто приходит...

Он засмеялся и хлопнул Старка по плечу.

— Да, ты будешь счастлив в Шараане.

Старку послышалось, что матросы тоже смеются. Похоже, они оценили шутку Мальфора, но соль этой шутки должна быть скрытой от посторонних.

— Прекрасно, — кивнул он.

— Вероятно, — заметил Мальфор, — тебе понравится жить у меня. Я с тебя возьму по-божески, по-доброму.

За проезд он тоже взял со Старка вполне по-божески, как-то чересчур по-доброму.

— Нет, — произнес Старк.

— Да ты не бойся, — доверительно подмигнул венерианец. — У всех чужаков, приезжающих в Шараан, одна забота на уме. Я-то знаю. Но мы тебя спрячем, не беспокойся. До нас никто не дотянется.

Он сделал паузу, но Старк не поддался на приманку. Мальфор хихикнул и продолжил:

— В сущности, это настолько безопасное место, что большинство иноземцев решило остаться там навсегда. В моем доме я дам тебе...

— Нет, — равнодушно повторил Старк.

Капитан пожал плечами.

— Ладно. Но ты все-таки подумай об этом.

Он взглянул вперед, в красные завитки тумана.

— Ага, видишь?

Вдали показались очертания утесов.

— Мы входим в пролив.

Мальфор повернулся и сам взялся за рулевое весло, а помощник пошел к остальным.

Судно начало набирать скорость. Старк увидел, что оно захвачено течением, несущимся к утесам, а река огня еще быстрее устремилась в глубины моря.

Из тумана перед ними вынырнула темная стена. Сначала Старк не увидел в ней никакого прохода, но тут стену прорезала узкая малиновая полоса. Она расширилась и вскоре превратилась в поток бурлящего пламени, мчавшегося вокруг разбитых скал. Красный туман.

Корабль дрожал, словно безумный, и неумолимо летел в самое сердце ада.

Руки Старка невольно стиснули поручень. Клочья тумана проносились мимо. Казалось, что море, воздух и сам корабль пропитались кровью. Мощный стремительный поток беззвучно катил свои огненные волны меж скалистых берегов пролива, на которых то тут, то там вспыхивали зловещие огоньки.

Эти частые вспышки, отблески, блики подсказали Старку, что проливы Шараана охраняются. Среди утесов притаились приземистые укрепления, стояли наготове баллисты и большие лебедки, установленные здесь, чтобы тянуть сети через узкую горловину. Вероятно, люди Шараана издали закон, который запрещал иностранным купцам появляться в проливе. Что ж, у них были основания бояться чужаков. По официальной версии, Шараан питала торговля вином и кружевами — изумительной красоты изделиями, сплетенными из паутины шелкового паука. Но на самом деле город жил за счет пиратства, разбоя и контрабандной торговли перегнанным соком мака.

Глядя на скалы и укрепления, Старк понял, как Шараану много столетий подряд удавалось безнаказанно грабить торговые флотилии в Красном Море, даруя убежище ворам, убийцам и нарушителям табу.

С ошеломляющей быстротой они прошли через узкий пролив и поплыли по спокойной поверхности того, что было, по существу, внутренним заливом Красного Моря.

Густой туман все еще скрывал от Старка землю, но запах ее стал теперь сильнее — запах прелой почвы, гнилостный дух заболоченных джунглей. Один раз ему показалось, что сквозь пар он видит темную глыбу какого-то острова, но через секунду видение исчезло.

После дух захватывающей стремительности пролива Старку казалось, что корабль едва ползет. Нетерпение и тревога усилились. Старк принялся нервно мерять шагами палубу, ступая бесшумно и быстро, словно дикий кот.

Еще вчера Старк находился на Марсе, и после чистого сухого воздуха этой планеты густой венерианский туман был настоящей душегубкой.

Внезапно он остановился и, откинув голову, прислушался.

Ленивое дыхание ветра принесло слабый звук. Он шел отовсюду и ниоткуда, нечто смутное, без источника и направления.

То говорила сама ночь, жаркая синяя ночь Венеры в безутешном горе кричала сквозь туман.

Звук стих и умер, едва услышанный, оставив в душе чувство некой вселенской скорби.

Старк вздрогнул. На минуту воцарилась тишина, а затем тихий таинственный стон, переливающийся в тяжелом воздухе, вновь пронесся над морем и тихим пением взлетел к небесам. Не было слов в этой песне, да и невозможно выразить словами столь глубокую печаль. Вскоре невидимые певцы умолкли.

Старк повернулся к Мальфору.

— Что это?

Капитан с удивлением взглянул на своего пассажира.

Видимо, он ничего не слышал.

— Плачущий звук! — нетерпеливо пояснил Старк.

— Ах, это!

Венерианец пожал плечами.

— Фокусы ветра. Он свистит в полых камнях вокруг пролива.

Капитан зевнул, уступил свое место у рулевого весла помощнику и подошел к Старку. Землянин не обратил на него внимания. Загадочный, едва различимый в тумане звук резко усилил его тревогу.

Цивилизация лишь слегка коснулась Старка. С детства воспитанный полулюдьми, он сохранил в своей душе нечто дикарское. Слух у него был превосходный.

Мальфор врал. В свисте ветра никогда не услышишь такое живое, безнадежное страдание.

— Знал я кое-кого из землян, — заметил Мальфор. — Они не похожи на тебя.

Он сменил тему, хотя и не слишком ловко.

— Я не с Земли, — ответил Старк, — я с Меркурия.

Мальфор вытаращил глаза. Венера — мир, укрытый облаками, где люди никогда не видели солнца и мало что знают о планетах. Капитан что-то слышал о них. Он знал о существовании Земли и Марса, но о Меркурии понятия не имел. Старк объяснил:

— Это ближайшая к солнцу планета. Там очень жарко. Солнце пылает, как гигантский костер, и нет облаков, чтобы прикрыть его.

— А! Вот почему у тебя такая темная кожа.

Мальфор сравнил свою бледную руку с рукой Старка и покачал головой.

— Я никогда не видел такой кожи и таких мускулов, — добавил он.

И он восхищенно улыбнулся.

— Я хочу, чтобы ты остановился у меня. Лучшего жилища не найти во всем Шараане. И заметь: люди в городе рады поживиться за счет иноземцев, грабят их и даже убивают. А меня все знают как честного человека. Под моей кровлей ты можешь спать спокойно.

Он помолчал и с улыбкой добавил:

— К тому же у меня есть дочь. Она отличная кухарка и к тому же красавица.

Горестное пение раздалось снова, далекое, приглушенное ветром, оно, казалось, пытается предупредить людей, рассказать о подстерегающем их неведомом злом роке.

— Нет, — в третий раз сказал Старк.

Не требовалось особой интуиции, чтобы держаться подальше от капитана: он был явным и не слишком хитрым мошенником.

На миг в глазах Мальфора блеснула злость.

— Ты упрям, а Шарааи не место для упрямых людей.

Он повернулся и отошел. Старк остался на месте. Корабль шел через медленно текущую вечность по спокойному заливу Красного Моря, сквозь жару и туман. Призрачная песня преследовала Старка, скорбная, как вопль погибших душ в забытом аду.

Наконец курс корабля изменился. Мальфор снова вышел на заднюю палубу и спокойным голосом отдал несколько распоряжений.

Впереди Старк увидел землю — темное пятно в ночи, а затем различил и контуры города.

На набережных и улицах горели факелы, а низкие здания освещали красноватые блики морских волн. Приземистый и безобразный Шарааи скорчился, как

ведьма, на скалистом берегу, обмакивая в кровь рваные юбки.

Корабль двигался к набережной. Старк услышал за собой легкое движение, приглушенные шаги босых ног. Быстро, точно почуявший угрозу зверь, он развернулся и положил руку на пистолет.

Нагель, брошенный помощником, с силой ударил Старка по голове.

Шатающийся, полуослепленный, он смутно увидел приближавшихся людей. Низко и резко в воздухе просвистел второй нагель и попал в плечо Старка.

Чьи-то руки схватили его. Тяжелые крепкие тела старались повалить раненого чужака. Мальфор захохотал.

Старк оскалился, сверкнул белыми зубами, впился ими в чью-то оказавшуюся рядом щеку и издал такое рычание, какое, наверное, никогда не исходило из человеческой глотки.

Венерианцы в испуге отшатнулись: они вообразили, что их пленник колдовским образом превратился в какого-то хищного зверя.

Человек с разодранной щекой взвыл.

Шарканье ног, устрашающая суетливость движений — и громадное смуглое тело выпуталось из скучившегося клубка, поднялось и исчезло за поручнями, оставив в руках Мальфора лишь обрывки шелковой сорочки.

Поверхность Красного Моря без всплеска сомкнулась над головой Старка. Только вспышка малиновых искр, мимолетный след огня, летящий в глубину, как затонувшая комета, — вот и все.

Глава 2

Старк медленно погружался в багровую бездну. С дыханием не было никаких затруднений, не то что в настоящем море.

Газы Красного Моря прекрасно поддерживали жизнь, и создания, жившие в нем, имели нормальные легкие.

Впрочем, Старк, еще не пришедший в себя от боли и злобы, не обратил на это никакого внимания: его сил хватало лишь на то, чтобы удерживаться в глубине этого густого красного тумана.

Дикарь в нем, которого звали не Старк, а Н'Чака, который сражался, голодал и охотился в кипящих долинах Сумеречного Пояса Меркурия, научился многому и не забыл ничего. Ему хотелось вернуться и убить Мальфора вместе с его бандой. Он сожалел, что не смог перегрызть им глотки: ведь теперь они никогда не оставят его, они будут идти за ним по следу.

Но человек Старк, который получил куда более горькие уроки от так называемой цивилизации, сознавал неблагоразумие таких желаний. Он рычал, он боролся со жгучей головной болью, проклинал венерианцев на грубом примитивном наречии своей матери, но не спешил вернуться обратно. Он еще успеет посчитаться с Мальфором.

Тут он заметил, что залив очень глубок. Утихомирив свою ярость, он поплыл к берегу. Признаков преследования не было, и он рассудил, что Мальфор оставил его в покое. Старк не понимал причин нападения. Вряд ли это был грабеж: на что они могли позариться? На одежду? На те медяки, что бренчали у него в кармане?

Нет, причина таилась глубже. Она была связана с настойчивым желанием Мальфора поселить Старка у себя. Старк криво улыбнулся. Он подумал о Шараане, вспомнил слухи об этом городе, ходившие по всему побережью Красного Моря.

Затем лицо его омрачилось. Туман огненных сполохов, по которому он плыл, напомнил ему о том дне, когда он отправился в плавание по Красному Морю.

Он уходил не один, с ним был Хильви, высокий парень, сын варварского царька верхнего побережья Ярелла. Они охотились на удивительных животных в хрустальных лесах морского дна и купались в оздо-

равливающем пламени, которое выбивалось из ядра Венеры, чтобы питать океан.

Они были как братья.

Теперь Хильви исчез в Шараане и не вернулся.

Старк медленно плыл в газообразной «влаге» моря. Вдруг в красном сиянии под собой он увидел нечто такое, что заставило его опуститься пониже. Он с удивлением нахмурился...

Под ним были деревья, громадные лесные гиганты, поднимающиеся к настоящему небу.

В медленных струях огня их ветви слабо шевелились.

Старк был поражен. Леса, где охотились он и Хильви, были кристаллическими, без малейшего намека на жизнь. «Деревья» там — это то же самое, что ветвящиеся кораллы в южных океанах Земли.

Но здесь-то они живые или, по крайней мере, кажутся живыми. У них зеленые листья, а местами их обвивают лианы с большими поникшими цветами, золотыми, пурпурными и восково-белыми, но, подплыв поближе и прикоснувшись к ним, он понял, что все это мертво — и деревья, и листья, и цветы.

Они не мумифицировались, не обратились в камень, они остались гибкими, и краски их сияли свежестью. Они просто перестали жить, а газы моря чарами какой-то химической магии сохранили их, да так, что ни один лист не опал.

Старк не рискнул плыть в темную гущу верхних ветвей: странный ужас овладел им при виде этого гигантского леса, спящего в глубинах залива, затонувшего и забытого. Казалось, деревья недоумевают: куда девались птицы, теплые дожди, дневной свет? Он поднялся вверх и поплыл над ветвями, словно большая темная птица. Переполненный стремлением уйти из этого неземного места, он плыл вперед. Его дикое, первобытное чутье обострилось, а тело вздрагивало, почти физически ощущая присутствие зла, такого большого, что он, призвав весь свой здравый смысл, едва смог убедить себя, что его не преследуют демоны.

Наконец, выплыв на поверхность, он обнаружил, что сбился с пути и сделал большой круг, оказавшись теперь много ниже Шараана. Он не спеша поплыл обратно и в конце концов выбрался на черные скалы.

Он встал на край грязной тропы, ведущей к городу, и пошел по ней, не быстро и не медленно, но очень осторожно.

Из тумана показались редкие хижины-мазанки. Вскоре они стали попадаться все чаще и постепенно образовали целую улицу.

Кое-где сквозь узкие окна пробивался свет.

На пороге ближайшей хижины стояли мужчина и женщина. Увидев его, они бросились в стороны, женщина вскрикнула.

Старк прошел мимо. Он не оглядывался, но знал, что они недалеко и идут за ним.

Тропа извивалась, как змея, и ползла между тесно стоявшими домами. Стало больше света, появилось больше народу — высоких, белокожих людей, жителей болотных окраин, с бледными глазами, кудельными волосами и волчьими лицами.

Старк шел мимо них, чужой, странный, черноволосый и загорелый.

Люди ничего не говорили и не пытались остановить его. Прячась за красной пеленой тумана, они с любопытством и страхом следили за незнакомцем. Кое-кто даже осмелился — сохраняя, разумеется, почтительную дистанцию — последовать за ним. Откуда-то появилась стайка ребятишек, совсем голых: они с криками побежали рядом, но близко не подходили, пока один мальчишка не закричал что-то непонятное.

Старк уловил только одно слово: «Лхари». Все ребята в ужасе остановились, а затем бросились наутек.

Старк зашагал через квартал плетельщиков кружев. Инстинкт вел его к пристани.

Сияние, шедшее с Красного Моря, пронизывало воздух, и казалось, что на город опустилась туча, состоящая из мельчайших капелек крови. Запах, несшийся отовсюду, не нравился Старку: пахло грязью,

скученными, потными телами, винным перегаром и зернами мака. Шараан был нечистым городом, и воняло от него злом.

Было что-то еще, нечто неуловимое, холодными пальцами пробегающее по нервам Старка: страх. Он видел тень этого страха в людских глазах, слышал его отзвуки в их голосах. Волки Шараана даже в собственном логове не чувствовали себя в безопасности.

По мере того как это ощущение росло, Старк бессознательно становился все более настороженным, глаза его наливались холодом, взгляд тяжелел.

Он вышел на широкую гаванскую площадь и увидел призрачные корабли, пришвартованные у набережных, груды винных бочонков, путаницу мачт и снастей на фоне пылающего залива.

Чадило множество горящих факелов. Вокруг площади стояли широкие приземистые строения. Оттуда, с темных веранд, доносились смех и голоса, где-то под заунывные звуки камышовой дудки пела женщина.

Яркая вспышка света вдали ударила в глаза Старка. Здесь улицы поднимались вверх, и, глядя сквозь туман, Старк смутно разглядел контуры замка, построенного на невысоких утесах, глядевшего яркими глазами в ночь, на улицы Шараана. Старк поколебался, а затем пошел через площадь к большой таверне.

На площади толпилось много народу, в основном матросы и их женщины. Все были развязны и глупы от вина, но тем не менее они останавливались и смотрели на смуглого чужака, а затем обходили его, продолжая разглядывать.

Те, кто шел за Старком, тоже вышли на площадь, остановились, а затем, перешептываясь, разошлись по другим группам.

Полная женщина замолкла на середине фразы. На площади стало удивительно тихо, но нервное шушуканье еще кружилось в этой тишине, и отовсюду — с веранд, из винных погребков — медленно выходили

люди. Внезапно растрепанная женщина указала на Старка и визгливо засмеялась.

Три молодых человека с жестокими глазами и хищными ртами загородили Старку дорогу, улыбаясь, как улыбаются собаки перед убийством.

— Иноземец, — прохрипел один, — землянин?

— Вне закона, — ответил Старк, солгав лишь наполовину.

Один из парней шагнул вперед.

— Ты перелетел, как дракон, через Облачные Горы или упал с неба?

— Я прибыл на корабле Мальфора.

По площади прокатился вздох, и общий шепот эхом повторил имя капитана. Жадные лица юношей выразили разочарование. Их вожак ухмыльнулся и заметил:

— Я был на набережной, когда Мальфор швартовался, и не видел тебя на борту.

Настал черед Старка улыбнуться. При свете факелов его глаза казались холодными и искрящимися, как лед на солнце.

— Вот пусть Мальфор тебе это и объяснит, — сказал он и мягко добавил: — А может, ты хочешь узнать на себе?

Парень хмуро со странной нерешительностью взглянул на него. Старк весь подобрался, напрягая мускулы. Женщина, которая смеялась, подошла ближе, разглядывая Старка через свои спутанные, свисающие на лицо волосы и обдавая его запахом макового вина. Она сказала:

— Он пришел из моря, вот откуда. Он...

Один из молодых людей ударил ее по губам, и она упала в грязь. Плотный моряк подбежал к ней и, схватив за волосы, рывком поставил на ноги. Лицо его исказилось от страха и злобы. Он потащил женщину прочь, колотя и ругая ее за глупость.

Она сплевывала кровь, но ответить не решалась.

— Ну, — обратился Старк к парням, — наладили свои мозги?

— Мозги? — переспросил кто-то из толпы.

Это был грубый, скрипящий, неумело подражающий певучему венерианскому произношению голос.

— Нет у них никаких мозгов, у этих щенков. Кабы не так, они бы занимались делом, а не торчали бы тут и не приставали к иноземцам!

Молодые люди обернулись, и в просвете между ними Старк увидел говорившего. Он стоял на ступенях таверны. Это был землянин, и в первую минуту Старк принял его за старика, потому что волосы его давно поседели, а лицо прочерчивали глубокие морщины. Тело его было истощено лихорадкой, мускулы превратились в веревочные узлы на костях. Он тяжело опирался на палку: одна нога была скрючена и покрыта шрамами. Старик ухмыльнулся и сказал на разговорном английском:

— Гляди, как я их сейчас отделаю!

И он принялся на все лады честить парней, называя их ослами, ублюдками, сыновьями болотных жаб, неотесанной деревенщиной, бесполыми выродками.

— Если вы не верите чужаку, олухи, — хрипел он, — так почему бы вам в самом деле не обратиться к Мальфору? Уж он-то вам все объяснит!

В конце концов, истощив свой запас ругательств, он взмахнул палкой и завопил:

— А теперь пошли вон! Убирайтесь! Я хочу поговорить с моим земляком!

Парни неуверенно покосились на Старка, переглянулись, пожали плечами и пошли через площадь, несколько смущенные, словно пойманные на какомнибудь проступке детишки.

Седовласый землянин поманил Старка и, когда тот подошел, угрюмо шепнул ему:

— Ты в западне.

Старк оглянулся. На краю площади три парня встретили человека, лицо которого было обвязано тряпкой. Увидев, что их заметили, они тотчас скрылись за углом, но Старк успел узнать в четвертом Мальфора.

Что ж, значит, ему все же удалось разукрасить физиономию капитана.

А хромой крикнул — очень громко и очень радостно:

— Пойдем со мной, брат! Выпьем и поговорим о Земле.

Глава 3

Это была обычная венерианская таверна низшего класса — большая открытая терраса под соломенной крышей, где вместо стен — тростниковые шторы, которые можно свернуть и укрепить под потолком, а вместо пола — ветхий бревенчатый настил, который подпирают шаткие сваи. Вдоль низкой стойки размещались маленькие столики, а на полу вокруг них громоздились грязные шкуры и груды подозрительных подушек. В дальнем углу комнаты бурлило веселье: два старика с барабаном и камышовой дудкой и две хмурые, истасканные девицы.

Хромой подвел Старка к угловому столику, велел подать вина и уселся на груду шкур. Его глаза, темные, затаившие давнюю боль, горели от возбуждения, руки тряслись. Старк еще не успел присесть, а старик уже приступил к расспросам, торопясь и запинаясь, от нетерпения проглатывая целые слова.

— Как там теперь? Изменилось что-нибудь? Расскажи мне о Земле, о городах, о Солнце. Господи, я отдал бы все, чтобы снова увидеть Солнце, темноволосых женщин и их наряды!

Он наклонился, жадно вглядываясь в лицо Старка, словно надеялся увидеть в нем отражение того, о чем он так мечтал все эти годы.

— Ради бога, говори по-английски и расскажи мне о Земле!

— Ты давно здесь? — спросил Старк.

— Не знаю. Как считать время без солнца, без единой распроклятой звездочки? Десять лет, сто лет — откуда я знаю! Вечность. Рассказывай о Земле.

Старк криво улыбнулся.

— Я там был очень давно, и, если попаду снова, полиция устроит мне роскошную встречу. Но когда я в последний раз видел Землю, она была такая же, как всегда.

Хромой вздрогнул. Он смотрел не на Старка, а куда-то мимо него, вдаль.

— Осенние деревья, красные и золотые на коричневых холмах. Снег. Я помню, что такое холод. Воздух кусается, когда его вдыхаешь. Женщины носят туфли на высоких каблуках. Маленькие голые ноги шлепают по грязи, а острые каблучки стучат по чистой мостовой.

Он взглянул на Старка, и глаза его наполнились слезами бессильной ярости.

— Какого дьявола ты явился сюда? Я не хочу вспоминать о Земле! Я Ларраби. Я живу в Шараане. Я живу здесь целую вечность, и сдохнуть мне суждено именно в этих болотах. Нет никакой Земли. Она пропала. Все пропало, все, кроме облаков, Венеры и грязи.

Нервная дрожь сотрясла его тело, он задохнулся и растерянно посмотрел по сторонам.

Слуга принес вино, поставил кувшин и отошел. В таверне воцарилась тишина. Развалившиеся на подушках посетители молча потягивали маковое вино и выжидающе посматривали на землян.

Вдруг Ларраби хлопнул себя по лбу и разразился веселым, искренним смехом.

— Слушай, ну и нюни я распустил! Подумай только, какая горячая любовь к Земле!.. А ведь раньше, когда я там жил, мне бы и в голову не пришло петь ей такие хвалебные песни!

Однако глаза его оставались мрачными, рука, держащая стакан, дрожала, и на стол пролилось несколько капель вина. Старк смотрел на него, не веря своим глазам.

— Ларраби, — произнес он. — Ты — Майк Ларраби. Ты тот, кто взял полмиллиона кредитов из закрытого сейфа «Королевской Венеры»?

Ларраби кивнул.

— Я ушел с ними прямо через Облачные Горы, хотя говорят, что через них нельзя перебраться. А знаешь, где теперь эти полмиллиона? На дне Красного Моря вместе с моим кораблем и командой. Один Бог знает, почему я остался жив.

И он пожал плечами.

— Как бы то ни было, я хотел попасть в Шараан и попал сюда, а посему жаловаться нечего.

Он снова сделал большой глоток. Старк покачал головой.

— Ты здесь девять лет по земному времени.

Он никогда не встречался с Ларраби, но помнил его портреты, которые передавались через космос на частотах полиции. Тогда Ларраби был молодым человеком, гордым и красивым.

Собеседник угадал его мысли и со смехом спросил:

— Я изменился, верно?

Старк насторожился, пытаясь уловить снаружи какой-нибудь подозрительный шум, но все было тихо. Тогда он резко повернулся к Ларраби:

— Что там насчет западни, в которую я попал?

— Я скажу тебе только одно, — ответил Ларраби. — Из нее не выбраться. Я не смогу помочь тебе. Не смогу, а если бы и мог, то, честно говоря, не стал бы.

— Что ж, и на том спасибо, — вздохнул Старк. — Но ты можешь хотя бы сказать, что меня ожидает?

— Слушай, — сказал Ларраби, — я калека, старик, а Шараан — не самое лучшее место в Солнечной системе. Но я живу. У меня есть жена, неряшливая шлюха, признаться, но, в сущности, неплохая баба. Может, ты заметил нескольких маленьких черноволосых щенков, катающихся в грязи? Это тоже мои. Я еще помню, как лечить переломы, вывихи и все такое прочее, а значит, могу пить бесплатно, когда захочу, то есть весьма часто. К тому же из-за своей проклятой ноги я безвреден, как младенец. Так что не спрашивай меня, что случится. Я предпочел бы не знать.

— Кто такие Лхари? — спросил Старк.

— А это тебе зачем? Ты что, в гости к ним собрался?

Ларраби, кажется, нашел эту мысль забавной.

— Тогда иди наверх, в замок. Они живут там. Это Лорды Шараана, они всегда рады иноземцам.—Он вдруг наклонился вперед.— Кто ты такой? Как тебя зовут и какой дьявол притащил тебя сюда?

— Меня зовут Старк. А пришел я сюда по тем же причинам, что и ты.

— Старк, — медленно повторил Ларраби, пристально вглядываясь в собеседника.

— Да, да, был такой... Что-то припоминается, какие-то колокольчики звенят... Приходит на ум один верзила с юпитерских колоний, который вздумал устроить там бунт... Здоровенный был малый, с холодными глазами, а чтобы нагнать побольше страху на людей, его именовали не иначе, как Меркурианским Дикарем.

Он кивнул, довольный собой.

— Так, значит, Дикарь? Ну ничего, в Шараане тебя выдрессируют.

— Возможно, — согласился Старк.

Его взгляд опять скользнул от Ларраби к двери, от двери к посетителям и от посетителей вновь к Ларраби.

— Кстати, об иноземцах. Один пришел сюда в минувший сезон дождей. Он венерианец, с Верхнего побережья, крупный такой парень. Я знал его. Может, он окажет мне помощь.

Ларраби фыркнул. К этому времени он выпил и свое вино, и вино Старка.

— Никто тебе не поможет. Друга твоего я в глаза не видал. Сдается мне, что и тебя я повстречал напрасно.

Он схватил свою палку, не без труда поднялся на ноги и, не глядя на Старка, грубо бросил:

— Тебе лучше проваливать отсюда.

После чего повернулся и заковылял к бару.

Старк встал, посмотрел вслед Ларраби, и снова его ноздри ощутили запах страха.

Он вышел из таверны так же, как и вошел, — через переднюю дверь.

Никто не остановил его. Площадь была пуста. Начался дождь. Старк по щиколотки утонул в вязкой теплой грязи. Внезапно он понял, что ему следует предпринять, улыбнулся и отправился в путь, держась края площади и продолжая обдумывать пришедшую в голову идею.

Дождь усилился. Его струи глухо шуршали в соломенных крышах, звонко лупили по булькающей грязи, и от голых мокрых плеч Старка валил густой пар. Пар окутывал и гавань: дождь, соприкасаясь с поверхностью Красного Моря, тут же испарялся и багровыми, бурлящими облаками поднимался к небесам. Набережные и смежные с ними улицы поглотил непроницаемый туман.

Жуткими синеватыми росчерками проносились молнии, следом за ними катились гулкие раскаты грома.

Старк свернул на узкую дорогу, ведущую к замку. Освещенные окна причудливого дворца гасли одно за другим, утопая в наползающем тумане. На мгновение молния выгравировала на фоне ночного неба темную груду замка, и сквозь грохот ударившего затем грома Старку послышался окрик.

Он остановился, пригнулся и положил руку на оружие. Крик раздался снова. Это был девичий голос, тонкий, как плач морской птицы, доносящийся сквозь пелену дождя. Затем он увидел на затемненной улице маленькое белое пятно.

Девушка бежала к Старку, и даже при беглом взгляде на нее в каждой линии ее тела чувствовался страх.

Старк прислонился к стене и ждал. С ней, похоже, никого не было, но в грозу и в темноте об этом судить было трудно.

Она подбежала и остановилась прямо перед ним, с болезненной нерешительностью глядя то на него, то назад. В яркой вспышке молнии он отчетливо разглядел ее. Она была очень молода, едва выросла из подросткового возраста, и довольно привлекательна. Но теперь ее губы дрожали, а испуганные глаза широко раскрылись.

Юбка прилипла к ее стройным бедрам, а выше юбки голое тело, едва сформировавшееся по-женски,

блестело, как мокрый снег. Светлые волосы падали на плечи.

— Чего ты хочешь от меня? — ласково спросил он.

Она так напомнила ему брошенную мокрую куклу, и взгляд ее казался таким несчастным, что он улыбнулся.

От этой улыбки девушка совсем растерялась, упала на колени и зарыдала.

— Я не могу этого сделать, — сквозь плач выдавила она. — Он убьет меня, но я все равно не могу этого сделать!

— О чем ты? — спросил Старк.

Она подняла на него глаза.

— Беги немедленно! — сказала она. — Ты умрешь в болотах, но это лучше, чем отправиться к Потерянным Душам.

И она протянула к нему тонкие руки.

— Беги же!

Глава 4

Темная, безлюдная улица замерла. Старк наклонился, поднял девушку и затащил ее под навес крыши.

— Ну-ка, перестань кричать и объясни мне толком, в чем дело.

И всхлипывая, она начала свой рассказ.

— Я — Зерит, — сказала она, — дочь Мальфора. Он помнит, как ты вел себя на корабле, и теперь боится тебя. Он приказал мне идти на площадь и ждать, пока ты не выйдешь из таверны. Затем я должна была идти за тобой и...

Она замолчала, и Старк похлопал ее по плечу.

— Давай дальше.

— Если я скажу, обещай, что ты не будешь бить меня...

Оружие Старка очень пугало ее.

— Обещаю.

Она вгляделась в его лицо, пытаясь различить в этой кромешной тьме его выражение, и, кажется, немного успокоилась.

— Я должна была остановить тебя и сказать то, что уже сказала, то есть, что я дочь Мальфора, что он велел привести тебя в засаду, а я якобы хочу спасти тебя, потому что ненавижу Мальфора и все это дело с Потерянными Душами. Если бы ты поверил мне и пошел за мной, я привела бы тебя к засаде.

Она покачала головой и снова заплакала, на этот раз тише, и теперь в ней не было ничего от взрослой женщины. Теперь перед ним сидел жалкий, перепуганный ребенок, и Старк с удовольствием вспомнил, как досталось Мальфору.

— Но я не могу вести тебя в ловушку, я действительно ненавижу Мальфора. Он, конечно, мой отец, но он бьет меня... А Потерянные Души...

Она сделала паузу.

— Иногда ночью я слышу их: они поют где-то далеко в тумане. Это очень страшно.

— Да, — сказал Старк, — я слышал их. Кто такие Потерянные Души, Зерит?

— Лучше не спрашивай, — ответила она. — О них запрещено даже упоминать. Во всяком случае, я ничего не знаю. Люди исчезают, вот и все. Не наши люди из Шараана — эти редко. В основном иноземцы, вроде тебя. Я уверена, что когда мой отец охотится в болотах с тамошними племенами, он не приносит иной добычи, кроме людей с какого-нибудь захваченного судна. Зачем? Этого я не знаю. Да я и вообще ничего не знаю, я только слышала пение.

— Эти Потерянные Души живут в заливе?

— Наверное. Там много островов.

— А что Лхари, лорды Шараана? Разве они не знают, что делается? Или они сами участвуют в этом?

Она вздрогнула.

— Не наше дело — гадать, чем занимаются Лхари. Люди исчезают из Шараана, и никто не знает куда.

Старк кивнул и задумался. Маленькая рука Зерит коснулась его плеча.

— Уходи, затеряйся в болотах. Ты сильный, ты не похож на других. Ты сможешь выжить и найти свой путь.

— Нет. Прежде чем уйти из Шараана, я должен кое-что сделать.

Он обнял ладонями маленькую голову Зерит и поцеловал девушку в лоб.

— Ты милая и храбрая девочка, Зерит. Скажи Мальфору, что ты сделала все, что он велел, и не твоя вина, что я не пошел за тобой.

— Ну что ж, так или иначе, но мне от него достанется, — философски заметила Зерит, — но, может, не очень сильно.

— Да он тебя пальцем не тронет, поверь. Скажи ему, что я пошел в замок Лхари, и он тут же заткнется.

Последовало долгое, сомнительное молчание. Глаза Зерит медленно наливались ужасом, дождь стучал по крыше, раскаты грома и клубы тумана перекатывались над Шарааном.

— В замок! — прошептала она. — Ой, не надо, пожалуйста, не надо! Лучше в болота, лучше в руки к Мальфору, но только не в замок.

Она крепко, до боли, вцепилась в его руку.

— Ты — чужеземец, ты не знаешь... Прошу тебя не ходить туда!

— Почему? — спросил Старк. — Разве Лхари — демоны? Они пожирают людей?

Он мягко отстранил ее руки.

— Тебе пора идти. Скажи отцу, где я. Посмотрим, хватит ли у него смелости последовать за мной.

Зерит медленно отступила и сквозь пелену дождя испуганно воззрилась на Старка — человека, одной ногой стоящего в преисподней, человека, который еще жив, но вскоре позавидует мертвым. Изумление и острая жалость боролись в ее душе. Она хотела было сказать что-то, но только покачала головой, отвернулась и пустилась бежать, не в силах более находиться рядом с этим живым покойником. Через секунду ее силуэт растаял среди тумана и дождя.

С неожиданной для себя растроганностью Старк посмотрел ей вслед, а затем шагнул под дождь и направился вверх по ступеням к замку лордов Шараана.

Туман ослепил его. Шаг за шагом, почти на ощупь, Старк поднимался все выше и выше над городом, и постепенно багровая тьма совсем скрыла от него окружающее. Подул горячий ветер, и каждая вспышка молнии превращала тусклые завесы малинового тумана в клубящийся пурпурный ад.

Дождевые струи с шипением исчезали в глубинах залива, и ночь была полна этим тихим, непрестанным шелестом. Старк остановился и спрятал свое оружие в расщелину между скалами.

Вскоре он натолкнулся на резной столб из черного камня, а рядом — массивные ворота, окованные металлом. Он постучал, но его стук утонул в вязком тумане.

И тут рядом с воротами он увидел гонг — огромный диск кованого золота.

Старк взял лежавший тут же молоток, и глубокий голос гонга разрушил короткий миг тишины между двумя раскатами грома.

Приоткрылась щель, и на пришельца уставились человеческие глаза. Старк опустил молоток.

— Откройте! Я хочу поговорить с Лхари!

Изнутри послышался смех. Ветер донес обрывки голосов, новые взрывы смеха, а затем тяжелые створки ворот медленно отошли в стороны — ровно настолько, чтобы пропустить нежданного гостя.

И он прошел, и ворота с лязгом закрылись.

Перед Старком раскинулся широкий двор, настолько широкий, что на нем уместилось несколько хижин, открытый навес для стряпни, а за ними загоны для животных — бескрылых болотных драконов.

Люди, которые впустили Старка, столпились вокруг него, подталкивая гостя вперед, к свету, струившемуся из хижин.

— Он хочет говорить с Лхари! — крикнул один из них женщинам и детям, стоявшим в дверях.

Слова его были подхвачены, и по всему двору прокатился злорадный, издевательский хохот.

Старк молча оглядел местных жителей. Непонятное племя. Мужчины одеты в доспехи, а следователь-

но, это солдаты и телохранители Лхари. Все же прочие — это солдатские чада и домочадцы, никогда не вылезавшие за ограду замка и никаких контактов с жителями Шараана не имевшие. Но к какой же расе они принадлежат?

Некоторая толика крови жителей шараанских болот в них все же текла: об этом говорили и молочно-белые волосы, и широкие лица. Но Старк с удивлением замечал в них и другие черты, черты той расы, что никогда не встречалась здесь, за Облачными Горами, в жарких, окутанных вечным туманом приморских низинах.

Стражники рассматривали пришельца с неменьшим любопытством, изумляясь его черным волосам, смуглой коже и вытянутому овалу лица. Женщины подталкивали друг друга локтями, перешептывались, хихикали, а одна сказала:

— Где же взять ошейник на такую шею? Тут нужен обод от бочки!

Стражники сомкнулись теснее.

— Что ж, раз ты желаешь увидеть Лхари, то ты их увидишь, — громко сказал начальник, — но сначала мы проверим тебя.

Его окружили ощетинившиеся острия копий. Старк не сопротивлялся, и с него сорвали всю одежду, оставив только шорты и сандалии. Иного он и не ждал, и процедура обыска только позабавила его: стражники старались впустую.

— Ладно, — произнес наконец начальник, — пошли.

Вся деревня не поленилась выйти под дождь, только для того чтобы проводить Старка до дверей замка. Они смотрели на него с тем же плотоядным любопытством, что и жители Шараана, но в отличие от них эти знали, что именно ждет неосторожного гостя, знали все и поэтому вдвойне наслаждались неожиданным развлечением.

Громадные двери имели простую четырехугольную форму, однако не казались грубыми или некрасивыми. Сам замок был выстроен из черного камня. Каждый блок был идеально вырезан и подогнан к друго-

му, а двери были обшиты тем же металлом, что и ворота, потемневшим, но не поржавевшим.

Начальник стражи крикнул охраннику:

— Смотри, кого я привел! Этот парень хочет поговорить с Лхари!

Охранник заржал.

— Если хочет — значит поговорит! Ночь долгая, а им скучно.

Он открыл тяжелые двери и что-то крикнул в зал. Тут же из темноты вынырнули разодетые в шелк слуги. Шею каждого из них стягивал украшенный драгоценными камнями ошейник. По гортанному тону их смеха Старк догадался, что у них нет языков.

Только тут Старк вздрогнул. Дверь в преисподнюю раскрылась, и в лицо ему ударило тяжелое дыхание Зла, того самого Зла, о котором предупреждала Зерит. Зачем он не послушался ее совета? Но вспомнив о Хильви, о тысячах людей, пропавших в Шараане, он почувствовал, что страх его сменился злостью. Молнии прожигали небо, последний крик умирающей грозы потряс залитую дождем землю. Старк оттолкнул ухмылявшегося охранника и вошел в замок, неся с собой вуаль красного тумана. Он не слышал, как закрылась за ним дверь, бесшумно словно поступь приближающейся Смерти.

Вдоль стен горели факелы. В их дымном пламени он увидел длинный, как коридор, зал, четырехугольный, без всяких украшений, облицованный черным камнем.

Он был высок и широк, в его архитектуре чувствовалось спокойное достоинство, и спартанская простота его линий производила куда большее впечатление, чем изломанные контуры развалин марсианских дворцов.

Здесь не было ни картин, ни резьбы, ни фресок. Казалось, строители чувствовали, что зал прекрасен сам по себе — массивностью, изысканностью пропорций и темным блеском полированного камня.

Украшены были только оконные амбразуры.

Сейчас они были открыты в небо, и красный туман затянул их, но остатки драгоценного витража в резных рамах показывали, какими эти окна когда-то были.

Странное ощущение охватило Старка.

Дикарь, меркурианский туземец, он был необычайно чувствителен к тому, на что большинство людей вовсе не обращало внимания.

Шагая по залу в сопровождении безъязыких созданий в ярких шелках и сверкающих ошейниках, он был поражен неуловимой враждебностью этого места. Замок, совершенное воплощение замысла неведомых строителей, возвышался над городом, как ставшая явью мечта, но чья темная душа могла мечтать о подобном чуде? В каком холодном мраке зародилась эта идея, чей мозг вынашивал ее? Человеческий ли? Вряд ли.

Зал заканчивался низкими широкими воротами из золота, сделанными с той же целомудренной простотой.

Мягкие быстрые шаги слуг, их неопределенное хихиканье, злобные, насмешливые взгляды, затем золотые двери распахнулись, и Старк предстал перед Лхари.

Глава 5

Вначале они показались ему порождениями горячечного бреда, ослепительными, нездешними существами, окруженными зыбкой аурой светящегося тумана, сквозь который их черты казались еще прекраснее.

Помещение, в котором очутился землянин, своими размерами напоминало собор.

Стены и потолок его скрывались в темноте, и из-за этого оно казалось безграничным. Сквозь черный полированный камень под ногами сочился тусклый свет,

и пол выглядел легкой пленкой, расстеленной над бездной.

Далеко в сумеречной глубине комнаты горело несколько ламп — крошечная галактика, узкими серебряными лучами освещающая фигуры лордов Шараана.

Когда Старк вошел, в комнате воцарилось молчание: взоры лордов обратились к раскрытым золотым дверям, в которых стоял незнакомец. В напряженной тишине Старк направился к хозяевам замка.

Откуда-то справа из непроницаемого мрака раздалось резкое шуршание, царапанье когтей, шипение рептилии и что-то вроде тихого бормотания. Все эти звуки искажались и усиливались высокими сводами, превращаясь в демонический шепот, слышимый со всех сторон сразу.

Старк быстро развернулся и застыл, готовый к прыжку, глаза его сверкнули, тело покрылось холодным потом. Шум приблизился. Где-то вдалеке, под лампами, засмеялась женщина, и смех ее разбился под сводами, как тонкий хрусталь. Шипение и рычание усилились, и Старк увидел темный расплывчатый силуэт неизвестного ему, но, видимо, опасного существа.

Старк протянул руки, чтобы перехватить нападающего, но ничего не случилось: странная фигура оказалась мальчиком лет десяти, тащившим за собой на обрывке веревки молодого дракона, еще беззубого, недавно вылупившегося. Дракончик изо всех сил упирался, пытаясь перекусить душащую его веревку.

Старк с досадой выпрямился, чувствуя, как холодная злоба наполняет его душу. Мальчик хмуро взглянул на него сквозь серебряные локоны, грубо выругался и побежал обратно, не забыв наградить свое животное хорошим пинком, после чего то совсем разъярилось и заорало — грозно, как сам Отец всех драконов.

Из-под ламп послышался голос, тягучий, хриплый, бесполый и тонкий, как стальной клинок. В нем не слышалось жалости, каждое слово звучало как приказ — говорящий не привык к неповиновению.

— Иди сюда, к свету.

Старк повиновался. Он подошел к лампам, и силуэты Лхари, неясные и туманные, обрели четкость. Красота их осталась, но стала другой. Да, они напоминали ангелов, но теперь, увидев их вблизи, Старк подумал, что Лхари могли бы быть детьми самого Люцифера.

Их было шестеро, включая мальчика.

Двое мужчин примерно того же возраста, что и Старк, задумались над какой-то сложной игрой, женщина-красавица, одетая в белый шелк, сидела, сложив руки на коленях. Рядом устроилась женщина помоложе, не столь ослепительная, как первая, но яростный взгляд ее огромных глаз был исполнен какой-то горечи. Тело ее прикрывала только короткая малиновая туника, на левой руке, стянутой крепкой кожаной перчаткой, сидела хищная птица в колпачке, скрывающем ее голову.

Мальчик встал возле мужчин и надменно поднял голову. Время от времени он шлепал дракончика, и тот хватал его руку бессильными челюстями. Мальчику эта игра нравилась. «Интересно, — подумал Старк, — как будет вести себя юный Лхари, когда у этой твари вырастут клыки?»

Напротив Старка, скорчившись на груде подушек, сидел третий мужчина, или, вернее, юноша, жалкий калека, с тщедушным телом и длинными паучьими руками. На коленях его лежал острый нож и кусок дерева, из которого он вырезал фигурку некоего тучного существа — то ли женщины, то ли демоницы, воплощения чистого Зла. Старк с удивлением заметил, что лицо молодого калеки, как и лица всех хозяев замка, было поистине человеческим и действительно прекрасным. На мальчишеском лице — старые, мудрые и очень грустные глаза. Он улыбнулся Старку, и его улыбка тронула пришельца больше, чем самые искренние слезы сострадания.

Прочие Лхари смотрели на Старка беспокойными голодными глазами. Отпрыски древнего рода, в чьих жилах текла чистейшая кровь чуждой здесь расы, они поделились этой кровью со своими бледноволосы-

ми рабами, наложив на них печать некоторого благородства. Лхари происходили от Облачного Народа, жившего на Высоких Плато, королей страны, лежащей на дальних склонах Облачных Гор. Страшно было видеть их здесь, на темной стороне барьера, однако же глаза не обманывали Старка. Как они пришли и почему предпочли свои богатые прохладные равнины зловонию чужих болот — этого он понять не мог. Но ошибки быть не могло — гордая, изящная осанка, алебастровая кожа, глаза, многоцветные, как радуга, и одновременно прозрачные, как капля воды, волосы чистого теплого серебра.

Они молчали. Могло показаться, будто они ждут разрешения заговорить, и Старк попытался угадать, у кого из них такой властный, суровый голос.

И этот голос прозвучал снова:

— Иди сюда, подойди ближе.

Старк осмотрел хозяев, затем бросил взгляд на круг ламп и только тогда увидел говорившую. Она лежала на низкой постели, и голова ее утопала в шелковых подушках. Чудовищной толщины тело прикрывало шелковое одеяло, открыты были только руки — две бесформенные массы белой плоти, заканчивавшиеся крошечными кистями.

Время от времени она протягивала одну руку, брала кусочки пищи из запаса, лежавшего рядом с ней, и, сопя и отдуваясь, глотала их со страшной жадностью. Черты лица ее давно расплылись в трясущееся желе, из которого торчал только нос — тонкий, горбатый, жесткий, словно клюв птицы, сидевшей на запястье девушки и видевшей кровавые сны под своим колпачком. А глаза женщины...

Старк посмотрел в ее глаза, вздрогнул, бросил быстрый взгляд на незаконченную фигурку в руках калеки, и понял, какая мысль руководила ножом.

То ли женщина, то ли демоница, воплощение чистого Зла. Воплощение Силы. Сила светилась в ее глазах, и была эта сила скверной: мощь урагана, который все разрушает, но ничего не создает.

Женщина посмотрела в глаза гостю, и взгляд ее — тяжелый и пронзительный, проникающий, казалось,

в самые глубины души, — почти невозможно было вынести. Хозяйка замка знала это, она привыкла, что все опускают глаза перед ней, но Старк только улыбнулся и сказал:

— Я не отводил глаз даже под взглядом каменной ящерицы. От этого зависела моя жизнь, и я сам превращался в камень, когда следил за ней.

Она поняла, что гость говорит правду.

Старк решил, что его слова вызовут гнев, но он ошибся. По жирному телу старухи прокатилась какая-то рябь — очевидно, женщина смеялась.

— Видали? — обратилась она к другим. — Вы — отродье Лхари, но никто из вас не смеет глядеть мне в лицо, а вот это темное создание, бог весть откуда явившееся, посмело, и да будет вам теперь стыдно!

Она снова взглянула на Старка.

— Кровь каких демонов течет в тебе? Почему ты не ведаешь ни осторожности, ни страха?

— Я знаю и то и другое, знал всегда, еще до того, как научился ходить. Но мне ведомо и иное чувство — оно зовется злобой.

— Так ты злой?

— Спроси об этом у Мальфора!

Двое мужчин подались вперед, а по губам девушки прошла улыбка.

— Мальфор? — пробурчала туша на кровати.

Она набила рот жареным мясом и капли жира упали с ее губ на постель.

— Это интересно. Но не злость на Мальфора привела тебя сюда. Я любопытна, чужеземец. Говори же.

— Хорошо.

Старк огляделся вокруг. Это место было могилой, западней. В воздухе разливался острый запах опасности. Младшие Лхари молча следили за Старком. С тех пор как он вошел, никто из них не раскрыл рта, если не считать выругавшегося мальчишки, а такое молчание не предвещало ничего хорошего. Девушка наклонилась вперед и лениво погладила птицу. Та встрепенулась и с наслаждением выпустила из костяных ножен острые когти. Девушка взглянула на Старка самоуверенно, холодно и даже с неким вызо-

вом. Из всех Лхари только она одна видела в пришельце человека, мужчину, для остальных он был всего лишь любопытной головоломкой, игрушкой, развлечением — не более того.

— В последний сезон дождей Шараан посетил один человек. Его имя Хильви, он сын маленького царька в Ярелло. Он пришел разыскивать брата, который нарушил табу и бежал, спасая жизнь. Хильви пришел сказать ему, что проклятие снято и он может вернуться. Но не вернулись ни тот, ни другой.

Старуха не без усилия приоткрыла тяжелые от жира веки.

— И что же?

— Я пришел за Хильви, потому что он мой друг.

Бесформенная туша вновь всколыхнулась от смеха, и отзвуки ее хохота тихим змеиным шипением прошелестели под сводами.

— Ты любишь своих друзей, иноземец. Что ж... Лхари — народ добрый. Ты найдешь своего друга.

И она замолчала, словно решив наконец передать право голоса молодым. И Лхари нарушили свое безмолвие: взрыв хохота прокатился по огромному залу, разбился о стены и потолок, рассыпался грохотом, оглушительным, точно смех демонов, доносящийся от пределов преисподней.

Не смеялся только калека. Он склонился над своей резьбой и вздохнул.

— Но бабушка!.. Зачем же так сразу?.. — воскликнула юная Лхари. — Пусть он чуть-чуть погостит у нас!..

Холодные жестокие глаза повернулись к ней.

— А что ты будешь делать с ним, Барра? Таскать на веревке, как Бор таскает этого жалкого зверя?

— Может быть. Хотя, я думаю, что для этого понадобится цепь покрепче.

Барра повернулась к Старку, прикидывая его рост и вес, вглядываясь в могучие упругие мышцы, в железную линию челюсти. Видимо, она осталась довольной этим зрелищем: на губах девушки сверкнула улыбка. Рот ее был очень привлекателен и напоминал

красный плод болотного дерева, чья терпкая сладость полна отравы и несет смерть.

— Как-никак, а это — мужчина, — продолжала она, — первый мужчина, которого я вижу с тех пор, как умер мой отец.

Мужчины за игорным столиком встали, покраснев от гнева. Один из них шагнул вперед и грубо схватил девушку за руку.

— Значит, я, по-твоему, не мужчина, — сказал он удивительно мягко. — Печально, поскольку я буду твоим мужем. Нам лучше уладить это теперь же.

Барра кивнула. Старк увидел, как мужские пальцы яростно впились в крепкую мышцу ее руки, но девушка не дрогнула.

— Давно пора все это уладить, Эджил. Ты достаточно помучился со мной. Но времена дрессировки прошли. Теперь я должна уметь склонять шею и признавать своего господина.

Старк не сразу понял смысл сказанного: насмешливая нотка в ее голосе была едва заметна.

И тут женщина в белом, которая за все это время не двинула и бровью, вдруг залилась тонким звенящим смехом, уже знакомым Старку. По этому смеху и темной волне крови, прихлынувшей к лицу Эджила, Старк понял, что Барра просто повторила Эджилу его собственные слова.

Мальчик насмешливо фыркнул и замолк. Барра посмотрела на Старка.

— Ты будешь драться за меня?

Старк неожиданно засмеялся.

— Нет!

Барра пожала плечами.

— Ну что ж. Тогда я буду драться сама.

— Мужчина? — рявкнул Эджил. — Я покажу тебе, кто мужчина, глупая маленькая ведьма!

Он сдернул с себя ремень и рывком пригнул девушку к земле, собираясь нанести ей хороший удар. Хищная птица, вцепившаяся в ее запястье, забила крыльями и закричала, дергая закрытой колпачком головой. Молниеносным движением девушка сдернула колпачок и швырнула птицу прямо в лицо Эджилу.

Эджил выпустил девушку и взмахнул руками, защищаясь от когтей и разящего клюва.

Широкие шумные крылья яростно били его по лицу.

Эджил взвыл. Мальчик Бор отскочил от стола и заплясал вокруг, визжа от радости.

Барра хранила спокойствие. На ее руке чернели синяки, но она не соблаговолила даже дотронуться до них. Эджил ударился об игорный столик и скинул фигурки, резные костяшки покатились по полу. Затем он зацепился за подушку и упал ничком, а злобствующие когти рвали в клочья его тунику.

Барра повелительно свистнула. Птица в последний раз клюнула Эджила в затылок и недовольно вернулась на свой насест — на руку девушки. Теперь Барра повернулась к Старку — так решительно, что тот вообразил, будто настал его черед и сейчас крылатая хищница бросится на него. Но девушка внимательно оглядела пришедшего и покачала головой.

— Не стоит, — сказала она и надела на голову птицы колпачок: — Ты, пожалуй, сможешь убить ее...

Эджил встал и ушел в темноту, облизывая рану на руке. Лицо его почернело от ярости. Второй мужчина взглянул на Барру.

— Если бы ты предназначалась мне, я бы выбил из тебя твою спесь!

— Подойди и попробуй, — ответила Барра.

Мужчина пожал плечами и сел.

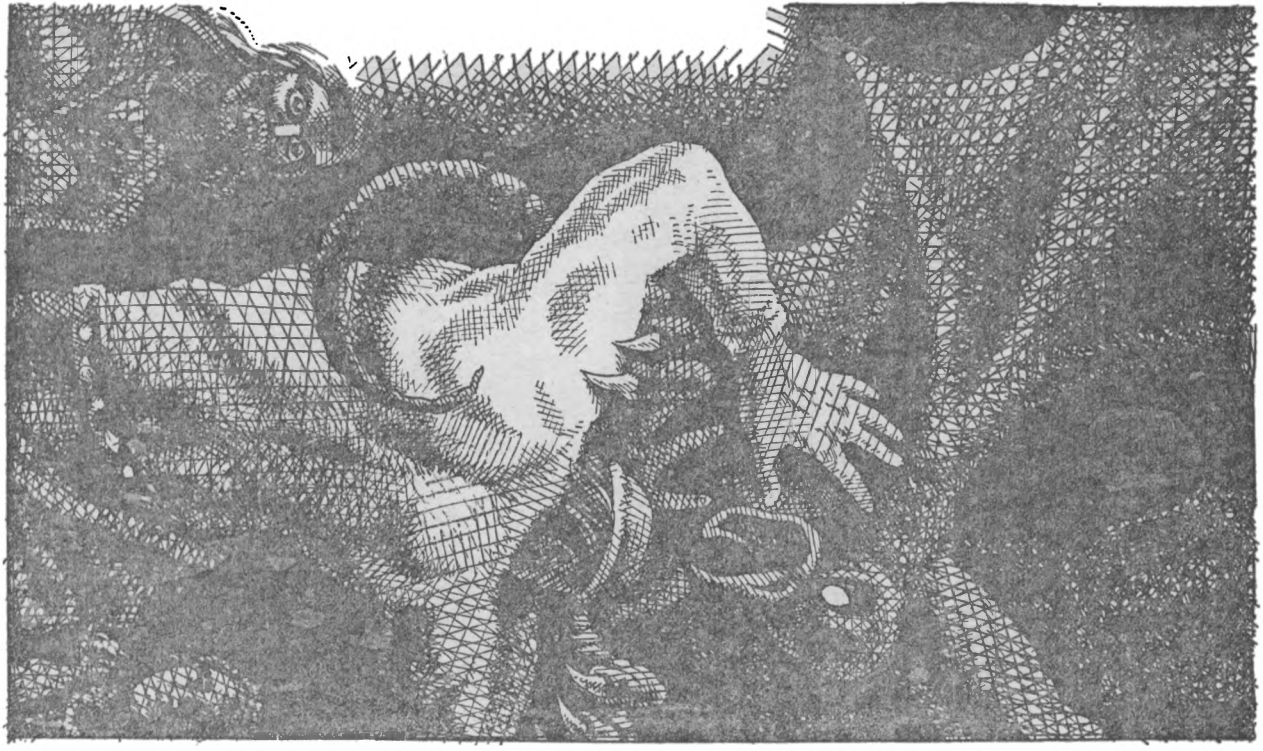
— Это не мое дело. В своем собственном доме я поддерживаю мир.

Он глянул на женщину в белом, и Старк увидел, что на ее лицо, до сих пор ничего не выражавшее, опустилась тень униженного страха.

— Да, поддерживаешь, — заметила Барра. — Но на месте Эйрил я зарезала бы тебя сонного. Впрочем, тебе нечего бояться: у нее не хватит на это духу.

Эйрил вздрогнула и посмотрела на свои руки. Собирая разбросанные фигурки, мужчина небрежно произнес:

— В один прекрасный день Эджил свернет тебе шею, и это не слишком огорчит меня.

Тем временем глаза жирной старухи с жадностью наблюдали за происходящим, а рот ее с такой же жадностью поглощал пищу.

Оба этих занятия чрезвычайно занимали ее.

— Приятная семейка, не правда ли? — обратилась она к Старку. — Они взрослые люди, а ссорятся, как ястребята в гнезде. Поэтому я и держу их около себя: за ними нужен глаз да глаз. За всеми, кроме Триона.

Она показала на уродливого юношу.

— Он ни на что не годен. Он тупой и мягкотелый, хуже Эйрил. Не внук, а проклятие! Зато у его сестры огонька на двоих!

И она снова принялась жевать, что-то гордо бормоча.

Трион поднял голову и заговорил. Голос его звучал как музыка.

— Может, я и туп, бабушка, может, я слаб телом, и нечего ждать мне от жизни, однако я буду последним Лхари. Смерть притаилась на башнях, она ждет, она возьмет вас раньше, чем меня. Я знаю это, ветры все рассказали мне.

Он перевел на Старка свои полные страдания глаза и улыбнулся с такой болью и покорностью, что у землянина сжалось сердце. Но была в этой улыбке и благодарность, благодарность человека, который долго ждал и чувствует, что его ожидание подходит к концу.

— Ты, — сказал он мягко, — иноземец с неистовыми глазами. Я видел, как ты выходишь из мрака, и там, где прошли твои ноги, остались кровавые следы. Твои руки были красными до локтей, твоя грудь была забрызгана алым, и на твоем челе — символ смерти. И пока я смотрел на тебя, ветер шептал мне в ухо: «Так и должно быть. Этот человек разрушит замок, засыплет камнями Шараан и освободит Потерянные Души».

Он спокойно засмеялся.

— Смотрите на него, все смотрите! Он станет вашей гибелью!

Последовала минута молчания, и Старк, суеверный, как всякий дикарь, почувствовал, что ужас охватил все его существо. Старуха с отвращением прошипела:

— Значит, тебе об этом нашептали ветры, несчастный идиот?

С удивительной силой и меткостью она швырнула в Триона спелый плод.

— Заткнись, ублюдок, я до смерти устала от твоих пророчеств.

Трион посмотрел на малиновый сок, стекавший по его груди и капавший на его работу. Наполовину законченная головка была заляпана соком. Судорога восторга все еще сотрясала его тело.

— Ну, — сказала Барра, подходя к Старку.— Что ты думаешь о Лхари, о гордых Лхари, унизившихся до того, чтобы смешивать свою кровь с кровью быдла, обитающего на болотах, о моем полоумном братце, о моих ничего не стоящих кузенах, о маленьком чудовище Боре, последнем отпрыске древа? Тебя не удивило то, что я выпустила своего сокола на Эджила?

Вскинув голову, она ждала ответа. Ее серебряные локоны обрамляли лицо, как клочья грозового облака. В ней было самодовольство, которое одновременно раздражало и восхищало Старка.

«Адская кошка, — думал он, — но очаровательная кошка. Наглая, но благородная».

Ее губы приоткрылись не то в ярости, не то в улыбке.

Старк внезапно схватил ее и поцеловал.

Он сжимал в руках ее гладкое и сильное тело, сжимал, как куклу, и не спешил отпускать. Наконец он выпустил ее и ухмыльнулся.

— Ты этого хотела?

— Да, — ответила Барра, — именно этого.

Она повернулась. Скулы ее опасно затвердели.

— Бабушка...

Она не успела закончить. Старк увидел, что жирная старуха пытается сесть, лицо ее побагровело от усилий, в глазах горело страшное бешенство.

— Ты... — начала она.

И задохнулась от злобы.

Неслышно появился Эджил. В руке он сжимал какой-то странный тупоносый предмет из черного металла.

— Ляг, бабушка, — сказал он. — Я хотел приберечь это для Барры...

Говоря это, он нажал кнопку. Старк отпрыгнул в спасительную темноту, упал и остался лежать как мертвый. В тишине не прозвучало ни звука, но громадная рука погрузила Старка в забвение.

— ...но нашел лучшую цель, — закончил Эджил.

Глава 6

Все красное. Кровь застилала его глаза. Он стал вспоминать. Тот, кого он выслеживал, бросился на него, они боролись на голых пузырчатых камнях.

Н'Чака не убил. Повелитель Скал огромен, он гигант среди ящериц, а Н'Чака маленький.

Хозяин Скал навалился на голову Н'Чака прежде, чем деревянное копье успело хотя бы оцарапать его бок.

Странно, что Н'Чака был еще жив. Видно, Повелитель Скал сегодня сыт, сыт по горло. Только это и спасло Н'Чаку.

Н'Чака застонал — не от боли, а от стыда. Он промахнулся. Рассчитывая на великий триумф, он нарушил закон племени, запрещавший мальчику охотиться на добычу, достойную лишь мужчин, и потерпел неудачу. Старейшина не наградит его поясом и кремневым копьем мужчины, он отдаст Н'Чаку женщинам, чтобы те отхлестали его маленькими кнутами.

Тика будет смеяться над ним, и пройдет много сезонов, прежде чем Старейшина дарует ему разрешение на мужскую Охоту.

Кровь в глазах. Он моргнул. В нем пробудился инстинкт самосохранения. Он должен как-то под-

няться и отползти, пока Повелитель Скал не вернулся и не сожрал его.

Но красный туман не рассеивался. Он протер глаза, попытался поднять голову, но не смог, и страх навалился на него, как ночной мороз на скалы долины.

Все было не так. Он отчетливо видел себя, голого мальчишку, шатающегося от боли, поднимающегося и с трудом карабкающегося по сухой глине к сулящему безопасность черному провалу пещеры. Он видел это, но не мог двинуться.

Все не так. Время, пространство, вселенная потемнела и закружилась.

Голос заговорил с ним. Девичий голос, но это не Тика. И речь была чужой.

Тика умерла. Воспоминания пронеслись через его сознание, горькие, жестокие. И Старейшина умер, и все остальные...

Голос снова заговорил и назвал его по имени, но это было не его имя.

Старк.

Воспоминания рассыпались, как стекляшки в калейдоскопе. Они бежали, кружились, и он плыл среди них, захлебываясь и теряя силы, и наконец вопль ужаса и отчаяния вырвался из его горла.

Мягкие руки коснулись его лица, в ушах раздался торопливый шепот, ласковый и успокаивающий. Красный туман рассеялся, стал прозрачным, и внезапно он снова обрел самого себя, и память вернулась к нему.

Он лежал на спине, и Зерит, дочь Мальфора, стояла над ним. Теперь он понял, что за туман это был. Он видел его слишком часто, чтобы не вспомнить теперь.

Он лежал на дне Красного Моря, этого жуткого океана, в котором человек может дышать.

И он не мог шевелиться. Это чувство не покинуло Старка. Его тело было мертвым.

Ужас, который он чувствовал раньше, был пустяком в сравнении с той агонией, которая охватила его сейчас. Он лежал, похороненный в собственном теле,

и смотрел на Зерит, ожидая ответа на вопрос, который боялся задать.

Она поняла.

— Все в порядке, — сказала она и улыбнулась. — Это пройдет. Ты будешь здоров. Это оружие Лхари. Оно каким-то образом усыпляет тело, но со временем это проходит.

Старк вспомнил черный предмет, который держал в руках Эджил. Излучатель неизвестного типа. Лучевой поток высокочастотной вибрации, парализующий нервные центры. Удивительно. Предки Лхари — Облачные люди — стояли, конечно, выше обитателей болот, но все же они были и остались варварами, которым чужды и цивилизация, и наука. Где же в таком случае Лхари могли добыть такое оружие?..

Но, в сущности, это неважно. По крайней мере, сейчас. Сейчас рядом с ним человек, которому можно доверять, который доверяет ему, и удивительное ощущение этой близости растрогало его почти до слез.

Впрочем, слабость сейчас неуместна. В данный момент Старка беспокоило только это.

Он снова посмотрел на Зерит. Ее светлые волосы тихо колыхались в ленивых струях подводного течения — молочное облако на малиновом, испещренном искрами фоне. Теперь он увидел, что лицо ее осунулось и затуманилось, а в глазах появилась безнадежность отчаяния. В ту первую встречу ее переполняли страх, упрямство, решимость — простые чувства простой девочки, перепуганной собственной смелостью. Теперь эти искры, эта живость и эмоциональность погасли.

На ее белой шее висел ошейник из темного металла с навечно запаянными концами.

— Где мы? — спросил Старк.

— В жилище Потерянных Душ.

Насколько позволила одеревеневшая шея, Старк взглянул по сторонам и очень удивился.

Черные стены, черный свод. Громадный зал, полный морских волн, которые вливались в высокие амбразуры шипящим потоком огня. Зал был двойником того, где он встретил Лхари.

— Здесь лежит целый город, — угрюмо сказала Зерит. — Ты скоро увидишь его и больше ничего не увидишь до самой смерти.

— Как ты попала сюда, малышка? — очень мягко спросил Старк.

— Из-за отца. Я расскажу тебе все, что знаю, то есть очень немногое. Мальфор с давних пор служил работорговцем у Лхари. Таких очень много среди капитанов судов в Шараане, но об этом никто никогда не говорит, так что даже я, его дочь, могла только догадываться о его службе. Я окончательно поняла это, когда он послал меня за тобой.

Она засмеялась так горько и зло, как не смеется ни одна девушка в ее возрасте. Потом она взглянула на Старка, и ее руки застенчиво, почти ласково коснулись его волос. В широко раскрытых глазах Зерит застыли слезы.

— Почему ты не ушел в болота? Я же предупреждала тебя.

— Теперь поздно жалеть об этом, — флегматично ответил он. — Так ты говоришь, Мальфор здесь и стал рабом?

— Да.

В ее глазах снова появилось удивление и восхищение.

— Я не знаю, что ты сделал Лхари, но лорд Эджил был в черной ярости. Он ругал моего отца за глупость, за то, что отец не сумел схватить тебя. Отец скулил и просил прощения, и его бы простили, но отца подвело любопытство. Он спросил лорда Эджила, откуда у того такие раны на лице. Не этот ли дикий зверь тому причиной? И здорова ли леди Барра? «Надеюсь, — сказал отец, — ваш гость не причинил ей вреда». Тут лорд Эджил стал прямо пурпурным. Я думала, с ним случится припадок.

— Да, спрашивать об этом не стоило. —Старк ухмыльнулся.— Это было его ошибкой.

Он вдруг громко рассмеялся.

— Мальфору стоило держать язык за зубами.

— Эджил крикнул стражников и приказал взять Мальфора. Когда до Мальфора дошло, он тут же свалил все на меня — мол, это я упустила тебя.

Старк прервал свой смех. Она тихо продолжала:

— Эджил, похоже, совсем взбесился от злости. Говорят, все Лхари сумасшедшие. Наверное, так оно и есть. Во всяком случае, он приказал схватить и меня тоже, чтобы семя Мальфора было навеки втоптано в грязь. Вот мы и очутились здесь.

Настало долгое молчание. Старк не мог придумать слов утешения. Пока он лежит, скованный по рукам и ногам, — надежды нет. Со злости Эджил мог повредить его надолго. Старк вообще удивлялся, что еще жив. Он снова взглянул на ошейник Зерит. Рабыня Лхари в городе Потерянных Душ.

Но какого дьявола им понадобились рабы на дне моря?

Тяжелые газы донесли знакомый звук: шум приближающихся голосов. Зерит повернула голову Старка, чтобы он мог видеть.

Потерянные Души возвращались с работы. Из тусклой красной темноты они медленно вплывали в громадный зал, наполненный той же багровой мглой. За их большими телами тянулся шлейф сумрачного пламени. Толпа проклятых пленников красного ада, усталых, потерявших надежду. Один за другим они падали на тюфяки, рядами лежавшие на черном каменном полу. Силы совсем оставили невольников. Их светлые волосы плыли в медленных водоворотах газового моря. На шее у каждого блестел ошейник.

Лишь один из рабов не лег, а двинулся к Старку. Старк узнал его.

— Хильви!

— Брат!

Хильви присел на корточки. Когда Старк видел его в последний раз, это был красивый юноша, теперь же он превратился в сильного, угрюмого мужчину.

Его веселый смех стал мрачным, глубокие морщины пролегли вокруг рта, кости лица выдавались, как гранитные выступы.

— Брат, — повторил Хильви.

Он не стыдился слез.— Ох, и дурак же ты!

Он принялся ругать Старка, он назвал его глупцом, пришедшим в Шараан только за тем, чтобы взглянуть на такого же глупца и навеки остаться с ним в этой могиле.

— А ты не пошел бы за мной? — спросил Старк.

— Я всего лишь невежественное дитя болот, — ответил Хильви, — а ты пришел из космоса, ты видел другие миры, ты умеешь читать и писать. Ты должен был соображать получше.

Старк хмыкнул.

— Я все еще невежественное дитя скал. Так что мы оба дураки. Где Тобал?

Тобал был братом Хильви, нарушившим ритуальный запрет и бежавшим в Шараан.

Видимо, теперь он обрел покой, потому что Хильви покачал головой.

— Человек не может долго жить на дне моря. Дышать и есть — это еще не все. Тобал прожил свой срок, и конец моего тоже близок.

Он поднял руку и резко опустил ее, наблюдая за взметнувшимися вдоль руки огнями.

— Мозг погибнет раньше, чем тело, — добавил он небрежно, будто речь шла о пустяках.

— Хильви охранял тебя, пока другие спали, — сказала Зерит.

— Не я один, — возразил Хильви. — Малышка тоже была со мной.

— А зачем меня охранять? — спросил Старк.

Вместо ответа Хильви показал рукой на тюфяк неподалеку. Там лежал Мальфор. Полузакрытые глаза его были полны злобы, свежий шрам красовался на щеке.

Старк похолодел от ужаса. Беспомощно лежать и ждать, пока Мальфор подойдет и протянет растопыренные пальцы к его беззащитному горлу...

Он сделал отчаянное усилие двинуться, но задохнулся и, обессиленный, замер. Хильви усмехнулся.

— Теперь мне самое время побороться с тобой! Раньше мне ни разу не удавалось тебя повалить!

Он потрепал Старка по голове — очень нежно, хотя с виду этот жест мог показаться грубоватым.

— Ты снова повалишь меня. А теперь спи и не беспокойся ни о чем.

И он приготовился к долгому ночному бдению. Старк против своей воли заснул, а Зерит свернулась у его ног, как собачка.

На дне Красного Моря не существовало времени. Не было ни дня, ни рассвета, ни ночного мрака. Ни ветер, ни дождь, ни гром не нарушали вечную тишину города Потерянных Душ. Лишь ленивые струи газа шептались на своем пути в никуда, танцевали красные искры, и громадный зал дремал, вспоминая прошлое.

Старк ждал. Долго ли — он не знал. Он привык ждать. Он научился терпению на коленях у великих гор, которые гордо поднимались в космос, чтобы увидеть солнце. Он хорошо усвоил их презрение ко времени.

Жизнь понемногу возвращалась в его тело. Ублюдок-стражник время от времени приходил осматривать Старка и покалывал ножом его тело, проверяя реакцию: ведь Старк мог и сплутовать. Но стражник не учел выдержки нового пленника. Землянин выносил уколы не моргнув глазом, пока его члены не стали полностью принадлежать ему. Тогда, в один прекрасный момент, он вскочил и швырнул стражника на самую середину зала. Тот перевернулся через голову и завопил от страха и злости.

В следующую смену Старк вместе со всеми пошел на работу в город Потерянных Душ.

Глава 7

Старку случалось бывать в подобных местах, темных, зловещих, чуждых человеку: Синхарат, прекрасные коралловые и золотые равнины, затерянные в марсианских пустынях, Джеккарта, Валкис, города Лау-Канала, пахнувшие кровью и вином, утесы-пеще-

ры Арианрода на краю Темной Стороны, пылающие гробницы города Каллисто. Но здесь... Это напоминало кошмарный сон.

Шагая в длинной цепи рабов, Старк смотрел на город и чувствовал такие холодные спазмы в животе, каких не испытывал ни разу.

Широкие улицы, вымощенные полированными каменными плитами, блестящие и черные, как высохшие пятна туши, огромные здания, величественные, чистые и ровные, полные спокойной силы, которая могла противостоять векам. Ни резьба, ни роспись не украшали их черных стен, ничто не смягчало их облик, лишь кое-где, словно бриллианты из-под воды, смутно мерцали оконные стекла.

С крыш домов каскадами спускались мертвые виноградные лозы, подобные застывшей на лету снежной лавине. Сады с коротко остриженным дерном, цветы, поднимавшиеся на длинных стеблях, с венчиками, раскрытыми ушедшему дню, их головки качались в струях газовых течений, как качались бы они на поверхности, под порывами свежего ветра. Все чисто, ухожено, ветви подрезаны, земля, вскопанная сегодня утром чьими-то руками.

Старк вспомнил гигантский лес, спящий в заливе, и поежился. Не хотелось думать, как давно эти цветы раскрыли бутоны в последний раз, ибо теперь они были мертвыми, как лес, как город, вечно цветущими и мертвыми.

Должно быть, в этом городе всегда царила такая гнетущая тишина. Трудно было представить здесь толпы, стекающиеся на рыночную площадь по этим огромным улицам. Черные стены не отражали ни единого звука, эхо не повторяло ни слов, ни смеха...

Даже дети, вероятно, тихо ходили по садовым дорожкам, маленькие мудрые создания с врожденным древним достоинством.

Теперь он начал понимать, откуда взялся тот жуткий лес. Залив Шараана не всегда был заливом. Он был богатой, плодородной долиной с громадным городом, а кое-где на верхних склонах размещались

тайные убежища знати или философов. От этих убежищ уцелел только замок Лхари.

Каменная стена не пускала Красное Море в долину. Потом она каким-то образом треснула, и зловещий поток медленно просочился в город, поднимался выше, взвихренными языками пламени лизал башни и верхушки деревьев и затопил страну навеки. Знал ли народ о наступлении бедствия? Как уходили отсюда жители? Вероятно, даже в этот последний час они не потеряли своего гордого достоинства, и главной их заботой стали сады, которые должны были навсегда сохранить свою красоту в бальзамирующих волнах моря.

Колонны рабов под руководством надсмотрщиков, вооруженных маленькими черными предметами вроде того, каким пользовался Эджил, вышли на широкую площадь, дальний конец которой скрывался в красной тьме.

Старк увидел развалины.

Давным-давно в центре площади рухнуло громадное здание. Только богам известно, какая сила взорвала стены и, словно мелкие камешки, расшвыряла вокруг тяжелые плиты. Только эта гора обломков и напоминала о постигшей город катастрофе.

Похоже, что площадь была священным для горожан местом: всю ее опоясывали храмы — и ни один из них не пострадал от взрыва, разрушившего центральное здание.

Тусклые огни мерцали в их открытых портиках. Старку показалось, что внутри, в тени, он различает смутные силуэты гигантских статуй.

Но ему не удалось рассмотреть их. Надсмотрщики ругались, и теперь Старк увидел, зачем здесь рабы: они очищали площадь от обломков упавшего здания.

— Шестнадцать лет люди работают и умирают здесь, — шепнул Хильви, — а работа и наполовину не сделана. И зачем вообще она нужна Лхари? Я тебе скажу так: потому что они безумны!

Это и впрямь казалось безумием: расчищать всеми забытый мертвый город на дне моря. Безумие, сумасшествие.

Однако пусть Лхари и не в своем уме, но они отнюдь не дураки. Значит, есть какая-то причина, и хозяевам замка она представляется весьма веской.

Надсмотрщик подошел к Старку и грубо подтолкнул его к саням, уже частично нагруженным битым камнем. Глаза Старка зло сверкнули, но Хильви сказал:

— Иди, дурак! Или ты хочешь снова лежать на спине?

Старк покосился на маленькое оружие и неохотно принялся за работу. Так началось его рабство.

С тех пор его дни затянулись сплошной кровавой пеленой. Он пытался отсчитывать время по периодам работы и сна, но сбился со счета и в конце концов решил, что все это ни к чему.

Он работал вместе с другими, перетаскивая громадные блоки, очищая подвалы, частично уже открытые, подпирал непрочные стены подземелья. Рабы продолжали по старинке называть рабочий период «днем», а время сна — «ночью».

Каждый день Эджил или его брат Конд приходили посмотреть, что сделано, и уходили насупленные и недовольные, приказывая ускорить работу.

Трион также проводил здесь много времени. Он появлялся неслышно и, неуклюже, по-крабьи, передвигаясь, усаживался на камни и молча смотрел на суетящихся рабов своими красными печальными глазами. В молчаливом терпении Триона было что-то пугающее. Казалось, он ждал начала некой ужасной катастрофы, которая пока задерживается, но рано или поздно все же разразится. Старк вспоминал пророчество Триона и вздрагивал.

Через некоторое время Старку стало ясно, что Лхари хотят добраться до подвалов.

Много громадных пещер было уже расчищено. В них ничего не обнаружили, но братья все еще надеялись. Эджил и Конд снова и снова простукивали стены и полы и злились на задержку раскопок подземного лабиринта. Что они хотели найти, никто не знал.

Приходила сюда и Барра. Загадочно улыбаясь, стояла она в вихре тусклых огней и тоже наблюдала за работой. Течения играли ее серебряными волосами. С Эджилом она почти не разговаривала, но не сводила глаз с высокого смуглого землянина, и от этого взгляда дикарская кровь Старка начинала закипать.

Эджил не был слеп. Взгляды девушки волновали и его, только волнение это было совсем другого свойства.

Зерит тоже все видела. Она держалась как можно ближе к Старку, ничего не требуя, но с какой-то спокойной преданностью следуя за ним повсюду. Ей было достаточно того, что он рядом.

Однажды ночью в бараке рабов она присела у тюфяка Старка и положила руку на его голое колено. Она молчала, ее лицо скрывала плывущая масса волос.

Старк повернулся к ней и осторожно отвел светлое, колыхавшееся облако от ее лица.

— Что тебя тревожит, сестренка?

Ее глаза, полные смутного страха, были широко раскрыты.

— Не мое дело говорить.

— Почему?

— Потому...

Ее губы дрогнули.

— Ох, я понимаю, это глупо. Но женщина Лхари... Она все время следит за тобой, а лорд Эджил взбешен. Она что-то задумала, что-то злое, очень злое! Я знаю это!

— Мне кажется, — искренне сказал Старк, — что Лхари уже сделали всем нам столько зла, сколько могли.

— Нет, — ответила Зерит со странной мудростью, — наши сердца еще чисты.

Старк улыбнулся и поцеловал Зерит.

— Я буду осторожен, сестренка.

Неожиданно она крепко обхватила руками его шею. Старка это взволновало. Его лицо стало серьезным. Он неловко погладил Зерит по волосам. Она

отодвинулась и свернулась калачиком на своем тюфяке, спрятав голову в руках.

Старк лег. Сердце его переполняла печаль, а глаза — слезы.

Бескрайний красный туман растворял в себе души людей. Теперь Старк знал, что имел в виду Хильви, когда сказал, что мозг гибнет раньше тела.

Морское дно — не место для детей воздуха.

Вскоре он узнал, зачем нужны металлические ошейники, и понял как умер Тобал.

— Здесь есть границы, — объяснил Хильви. — Внутри них мы можем ходить, если после работы у нас еще сохраняются силы и желания, но выйти за их пределы мы не можем. Пробиться через барьер нельзя. Как это сделано, я не понимаю, но это так, и ошейник — ключ к этому.

Он помолчал, потом продолжил:

— Когда раб приближается к барьеру, ошейник начинает блестеть, словно огонь, и раб падает. Я знаю это по собственному опыту. Наполовину парализованный, отползаешь назад, в безопасное место... Но если спятишь, как Тобал, и лезешь дальше, заряд барьера усиливается...

Он сделал руками рубящее движение.

Старк кивнул. Он не стал объяснять Хильви свойства электрических и электронных колебаний, но самому ему было ясно, каким образом Лхари держат своих рабов взаперти. Ошейники действуют как проводники, возможно, тех же самых лучей, которые генерировались в ручном оружии. Когда раб нарушает невидимую пограничную линию, включается силовой луч.

Границы оказались достаточно широкими.

Они проходили вокруг города и захватывали порядочный кусок леса за ним. Раб не мог спрятаться среди деревьев: луч выслеживал его и здесь, а беглеца ждало такое наказание, что желающих рисковать почти не находилось.

Поверхность, разумеется, была полностью под запретом. Единственным неохраняемым местом оставался остров, на котором располагалась центральная

энергетическая станция. Рабам иногда разрешалось бывать там ночью. Лхари заметили, что рабы живут дольше и работают лучше, если иной раз подышат воздухом и посмотрят на небо.

Старк не раз совершал подобное паломничество с другими рабами. Они должны были подняться из красных глубин через полосы огня, где проходили течения, через облака малиновых искр и через мрачные штилевые пятна, похожие на лужи крови. Толпа белых призраков, обернутых в пламя, поднималась из своих могил, чтобы вкусить немного утраченного ими мира.

Они так уставали на работе, что у них едва хватало сил вернуться в барак. Но желание снова пройти по земле, избавиться от вечно малиновой тьмы и давления на грудную клетку и увидеть жаркую синюю ночь Венеры, вдохнуть аромат цветов, принесенный ветром, было сильнее усталости.

Они пели там, сидя на камнях, и смотрели сквозь туман в сторону берега, которого никогда больше не увидят. Это их пение и слышал Старк, когда входил с Мальфором в залив — бессловесный крик скорби и утраты.

А теперь он сам оказался здесь, устраивал поудобнее Зерит и присоединял свой низкий голос к общему упреку богам.

И пока Старк сидел, завывая, как истинный дикарь, он изучал энергетическую установку — приземистый блокгауз. В те ночи, когда приходили рабы, блокгауз охранялся шоковым излучением. Попытка захватить строение означала верную смерть.

Старк сразу же отказался от этой идеи.

Не было ни секунды, когда бы он не думал о побеге, однако он был достаточно искушен в игре, чтобы биться головой о каменную стену. Как и Мальфор, он предпочитал ждать.

С появлением Старка Зерит и Хильви заметно изменились. Хотя они никогда не говорили об освобождении, но печать безнадежности исчезла с их лиц. Старк ничего им не обещал, но Хильви давно знал его, а девушка чувствовала больше, чем понимала.

Однажды днем, когда работа была закончена, из красной тьмы появилась улыбающаяся Барра и поманила Старка. Сердце его дрогнуло. Не оглядываясь, он отошел от Хильви и Зерит и пошел к Барре по тихой, широкой улице, ведущей к лесу.

Глава 8

Они оставили далеко позади величественные здания и шли теперь среди деревьев. Старку очень не нравился лес.

Город тоже был плох, но он был мертвым, а в этих громадных деревьях было что-то страшное, пугающее. Они стояли, как толпа мертвецов, украшенных с помощью погребального искусства. Они качались и шелестели под взмахами свивавшихся огней, их ветви склонялись под этой ужасной пародией на ветер. Старк все время чувствовал себя здесь пойманным в ловушку, задушенным жестокими листьями и лианами.

Однако он шел, а Барра скользила между громадными стволами, как серебряная птица, и, видимо, была счастлива.

— Я часто приходила сюда, как только подросла. Этот лес — чудо. Здесь я могу летать, как мои соколы.

Она засмеялась, воткнула в волосы золотой цветок и снова побежала, сверкая белыми ногами.

Старк последовал за ней. Он понимал, что она имела в виду. Здесь, в этом странном море, достаточно было одного движения, чтобы взлететь или всплыть, потому что давление уравновешивало вес тела. Было что-то захватывающее в том, чтобы подняться над вершинами деревьев, пронестись сквозь перепутанные лианы и вновь взлететь вверх.

Барра играла со Старком, он это знал.

Кровь его бунтовала. Он легко мог бы схватить Барру, но не делал этого. Он только обгонял ее время от времени, показывая свою силу и мощь.

Они увеличивали скорость, и шлейфы тусклого пламени тянулись за ними: черный сокол охотился за серебряной голубкой в лесах грез.

Однако голубка выросла в орлином гнезде. Старк наконец устал от этой игры.

Он схватил Барру, и они медленно поплыли в этом удивительном невесомом полете.

Ее первый поцелуй был ленивым, подразнивающим, любопытствующим. Потом она начала целоваться иначе. Ярость, чей жаркий огонь полыхал в душе Старка, вдруг вспыхнула с новой силой и превратилась в неудержимый порыв желания. Он грубо и жестоко сжимал Барру, а она беззвучно смеялась и объятия ее были столь же неистовы, а губы подобны горькому ядовитому плоду, чей сок сковывал тело мучительной судорогой.

Наконец она разжала руки и села на широкую ветку, прислонясь к стволу гибкой спиной. Она смеялась, и глаза ее, как и глаза Старка, были яркими и жестокими. Он сел у ее ног.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

Барра улыбнулась. Она не привыкла уходить от прямых вопросов, она ничего не боялась. Она была крепка, как только что закаленный клинок.

— Хорошо, Дикарь. Я все расскажу тебе.

Он с изумлением взглянул на нее.

— Как ты меня назвала? Откуда ты знаешь?..

— От Ларраби. Он все рассказал мне. Что ж, эта кличка тебе неплохо подходит.—Тут Барра склонилась к его уху.— Вот что я хочу от тебя: убей Эджила, его брата Конда и Бора тоже. Когда подрастет, он заткнет своих братцев за пояс. А впрочем, если тебе претит убивать ребенка, это я могу сделать и сама. Впрочем, Бор не ребенок, а маленькое чудовище. Ну а бабушка не вечна, и без моих кузенов она мне не угроза. Трион вообще не в счет.

— А если я это сделаю, что тогда?

— Свобода и я. Ты будешь вместе со мной править Шарааном.

Старк насмешливо прищурился.

— Надолго ли, Барра?

— Кто знает? Да это и неважно. Время покажет. —Она пожала плечами.— Кровь Лхари истощилась, пора влить в нее свежую струю. Наши дети будут править после нас, и они будут людьми.

Старк громко захохотал.

— Мало того, что я раб Лхари, я должен быть заодно и палачом, и племенным быком! —И он резко повернулся к ней.— А почему я, Барра? Почему ты выбрала меня?

— Я же говорила тебе: ты первый мужчина, которого я увидела с тех пор, как умер мой отец. Кроме того, в тебе есть что-то... —Она лениво потянулась и тихонько шлепнула его по губам:— Я вижу, Дикарь, тебя не прельщает моя любовь? Ты не хочешь жить со мной?

Она и манила, и отталкивала, эта серебряная ведьма, сверкающая в тусклых огнях моря, полная то злобы, то дикого веселья. Старк притянул ее к себе.

— Хочу, — пробормотал он, — но это опасно.

Он поцеловал ее. Барра шепнула:

— Я думала, ты не боишься опасности.

— Напротив, я человек осторожный.

Он отодвинул девушку и заглянул ей в глаза.

— С Эджилом у меня свои счеты, но я не убийца. Бой должен быть честным, и Конд пусть позаботится о себе.

— Честный бой? А с тобой Эджил был честным? Или со мной?

Он пожал плечами.

— Тогда и говорить не о чем.

Она задумалась, потом кивнула.

— Ладно. Что касается Конда, то ты напомнишь ему о долге крови, и гордость заставит его драться. Все Лхари гордые. —Затем она горько добавила:— Это наше проклятие. Ты сам увидишь.

— Еще одно: Зерит и Хильви тоже должны быть освобождены. И вообще нужно положить конец рабству.

Она посмотрела на него.

— Ты ставишь жесткие условия, Дикарь.

— Да или нет?

— Да и нет. Зерит и Хильви ты получишь, если настаиваешь, хотя одним богам известно, что ты нашел в этой бледной девчонке. Что касается других... —Она насмешливо улыбнулась.— Я не так глупа, Старк. Ты хочешь обойти меня, а двое должны играть честно.

Он засмеялся.

— Справедливо. Теперь скажи мне, ведьма с серебряными локонами, как мне добраться до Эджила, чтобы прикончить его?

— Я это устрою, — сказала она с такой злой уверенностью, что Старк тотчас поверил ей.

Он помолчал и спросил:

— Барра, что Лхари ищут на дне моря?

Она нетерпеливо ответила:

— Я тебе говорила, что мы гордый клан. Из-за своей гордости мы ушли с Высоких Плато много столетий назад. Теперь наша единственная надежда здесь — в мертвом городе.

Она помолчала.

— Я думаю, о городе мы знали давно, но никому не было до него никакого дела, пока им не заинтересовался мой отец. Он проводил здесь целые дни, изучил каждое здание и в конце концов в одном из складов он нашел оружие, а на острове — машину. Потом он отыскал какой-то тайник. В нем лежала карта и металлическая книга. Книга была написана пиктограммами, как бы предназначенными для расшифровки, а карта показывала площадь с храмами и разрушенными зданиями, а также содержала отдельный план подземных катакомб. В книге говорилось о какой-то удивительной и страшной вещи. Мой отец был уверен, что разрушенное здание завалило вход в катакомбы. Он решил найти его.

«Шестнадцать лет поисков, тысячи погибших рабов», — подумал Старк и содрогнулся.

— Так что это за вещь, Барра?

— Способ управлять жизнью. Как это делается, я не знаю, но можно создавать расу гигантов, чудовищ и богов. Ты понимаешь, что это значит для гордого и умирающего клана?!

— Да, — задумчиво протянул Старк, — понимаю.

Величие идеи потрясло его. Строители города были воистину мудры, если могли переделывать живые клетки тела по своей воле.

Раса гигантов или богов. Лхари могли стать ею, переделать свою дегенеративную плоть, превратить ее во что-то новое, увидеть, как их дети превосходят всех человеческих детей. Старк пришел в ужас, представив себе, сколько зла они совершат, если откроют этот секрет.

— В книге содержалось предупреждение, — сказала Барра. — Значение его не совсем понятно, но, похоже, древние сознавали, что согрешили перед богами и будут наказаны за это чем-то вроде чумы. Это была чужая раса, не человеческая. Во всяком случае, они разрушили громадное здание, чтобы это стало барьером для тех, кто придет после них, и выпустили в долину Красное Море, чтобы навеки скрыть свой город. Видимо, несмотря на все их знания, они были суеверны, как дети.

— Значит, вы плюнули на предупреждение, и вас не беспокоит, что для подтверждения его погиб целый город?

Она пожала плечами.

— Трион много лет бормочет какие-то пророчества, но его никто не слушает. Что касается меня, то мне плевать, откроют ли они секрет или нет. Я уверена, что тайна погибла вместе со зданием, а кроме того, я вообще не верю в подобные вещи.

— Кроме того, — с жестокой насмешкой добавил Старк, — тебе наплевать, что Эджил и Конд воссядут на небесах Венеры. Тебе наплевать на место в этом новом пантеоне. Тебя такие мелочи не интересуют.

Она осклабилась.

— Ты чересчур умен, чтобы быть счастливым. А теперь — до свидания.

Она быстро и крепко поцеловала его и исчезла, всплыв на поверхность. Он не рискнул последовать за ней.

Старк медленно направился обратно к городу, расстроенный и очень задумчивый.

Выйдя на большую площадь перед бараками, он вдруг остановился, и каждый его нерв напрягся.

Где-то в одном из темных храмов качался потревоженный кем-то обрядовый колокольчик, посылая в темноту свои пронизывающие, дрожащие ноты. Звуки медленно плыли один за другим, как редкие удары умирающего сердца, и смешивались с голосом Зерит, издалека зовущим Старка.

Глава 9

Старк осторожно перешел площадь и вскоре увидел девушку.

Найти ее не представляло труда. Один храм на площади был больше остальных, и Старк подумал, что когда-то он стоял напротив входа в разрушенное здание. Громадная фигура внутри храма была поставлена для того, чтобы наблюдать за учеными и философами, приходившими сюда грезить о неких великих, а иногда и ужасных вещах.

Философы исчезли, ученые уничтожили сами себя, но статуя все еще следит за утонувшим городом, и руки ее подняты в предупреждении и благословении.

Зерит лежала на коленях каменного истукана. Храм был открыт со всех сторон, и Старк ясно видел ее — маленького, беззащитного человека, прижавшегося к мертвой, черной нежити.

Рядом с ней стоял Мальфор. Он и звонил в обрядовый колокольчик. Теперь звон умолк, и слова Зерит отчетливо доносились до Старка:

— Уходи! Они ждут тебя! Не подходи сюда!

— Я жду тебя, Старк, — крикнул Мальфор и ехидно рассмеялся: — Ты боишься подойти?

Он схватил Зерит за волосы и медленно, расчетливо дважды ударил ее по лицу.

Лицо Старка окаменело, и лишь глаза разгорелись мрачным огнем. Он двинулся к храму не спеша,

но казалось, что целая армия не смогла бы остановить его.

Зерит вырвалась из рук отца. Возможно, так и было задумано.

— Это ловушка! — закричала она. — Эджил...

Мальфор снова схватил ее и ударил уже сильнее, так что девушка опять рухнула на колени статуи, которая смотрела добрыми глазами и ничего не видела.

— Она боится за тебя, — крикнул Мальфор. — Она знает, что я убью тебя, если смогу. Ну да, возможно, Эджил здесь, а может, и нет. Но Зерит точно здесь. Я здорово избил ее и буду бить, пока она не издохнет, за то, что эта дрянь предала меня. И если ты, чужеземная собака, хочешь спасти ее, тебе придется убить меня. Боишься?

Старк боялся. Мальфор и Зерит были в храме одни, колоннада казалась пустой. Однако Старк боялся, потому что инстинкт более древний, чем человеческий разум, предупреждал его об опасности.

Но это не имело значения. Белая кожа Зерит была испещрена черными кровоподтеками. Мальфор улыбался.

Старк быстро прошел под тенью крыши, оставив за собой полосу огня. Мальфор увидел его глаза, и улыбка капитана, дрогнув, исчезла.

В последний момент, когда смуглое тело бросилось на него, он успел пригнуться, выхватил спрятанный в поясе нож и ударил нападающего.

Старк не ожидал этого. Рабов обыскивали ежедневно, и невозможно было утаить оружие от стражников, даже осколок камня был под запретом. Значит, кто-то дал Мальфору нож, кто-то...

Он попытался увернуться от удара, но почувствовал, что сила инерции несет его прямо на острие, и понял: «Слишком поздно».

Но рефлексы у дикаря работают быстрее, чем у любого другого человека. Доля секунды, и мускулы его напряглись, центр равновесия в ужасающе болезненном усилии переместился, руки сжались, точно

пытаясь вцепиться в зыбкое, простреленное огнями красное марево.

Лезвие прочертило длинную царапину через грудь Старка, но серьезной раны не нанесло. Он отклонился всего лишь на долю дюйма, и это спасло его.

Старк еще не успел найти равновесие, как Мальфор вновь ринулся на него. Они схватились. Лезвие ножа сверкало — голодный язык, жаждущий слизнуть жизнь Старка. Мужчины катались, вспенивая газовое море искрами, а статуя невозмутимо следила за их поединком. Спокойное лицо рептилии оставалось добрым и мудрым. Нити более темного красного цвета протянулись через танцующие огни.

Старк прижал к стене ладонь Мальфора и крепко держал ее обеими руками. Теперь он оказался спиной к своему противнику. Тот пинал Старка, царапал его пальцами ног, а свободная левая рука капитана пыталась ухватить Старка за горло, но дикарь прижал свой подбородок к груди. Тогда Мальфор вцепился ему в лицо, изо всех сил стараясь дотянуться до глаз.

Старк издал глухой звериный рык, неожиданно дернул головой и поймал челюстями руку Мальфора. Зубы впились в сочленения большого пальца и не выпускали его. Капитан завизжал, но Старк переключил все свое внимание на ту руку Мальфора, которая сжимала нож. Жадное предчувствие близкого убийства овладело им.

Раздался глухой треск, рука противника переломилась, неестественно выгнулась и выронила нож. Мальфор уже не мог кричать.

Когда Старк освободил его, он пытался отползти, но не смог, и землянин сломал ему шею.

Старк оттолкнул от себя обмякшее тело, и оно медленно поплыло по течению через колоннаду, задевая черные столбы, пока наконец не выплыло на площадь. Мальфор не спешил, теперь перед ним открылась целая вечность.

Старк осторожно отошел подальше от девушки, которая теперь пыталась сесть.

В тени навеса кто-то скрывался. Землянин почувствовал это и крикнул:

— Мальфор звал тебя, Эджил. Что же ты не пришел?

Рой вспугнутых искр вырвался из-за колонн.

— А зачем? — раздался голос лорда Эджила. — Я обещал ему свободу, если он убьет тебя, но, похоже, он не справился с моим заданием. А ведь я дал ему нож и наркотик, чтобы усыпить твоего дружка Хильви.

Он вышел из темноты, красный, в желтой шелковой тунике, с черным тупоносым ружьем в руке.

— Самое сложное заключалось в том, чтобы заманить тебя в ловушку. Просто так ты бы сюда не пришел.

Он поднял оружие.

— Конечно, я мог бы убить тебя за работой, но моя семья подняла бы такой шум... Ты ведь незаменимый раб — равных тебе нет.

— Они назвали бы тебя трусом — и это в лучшем случае, — мягко сказал Старк, — а сокол Барры вновь нашел бы себе работу.

Эджил кивнул. Губы его жестоко искривились.

— Именно. Тебя это, кажется, забавляет? Но моя милая кузина тренирует теперь другого сокола. Она не забыла накрыть тебя сегодня колпачком, иноземец?

Он засмеялся.

— Прекрасно. Я не стану убивать тебя открыто, есть способ и получше. Я не хочу, чтобы по всему Красному Морю болтали, как моя кузина променяла меня на чужеземного раба. Я не хочу, чтобы знали, как я ненавижу тебя и за что. Нет. Мальфора я убил бы все равно: он слишком много знал. А когда я убью тебя и девчонку, я унесу ваши тела к барьеру, и тогда всем, даже Барре, будет ясно, что вы погибли при попытке к бегству.

Тупой короткий ствол уперся в грудь Старка, пальцы Эджила задрожали на спусковой кнопке.

На этот раз полный заряд — не паралич, а смерть. Старк прикинул расстояние между собой и Эджилом.

Возможно, он умрет раньше, чем ударит, но инерция его прыжка может опрокинуть Эджила и даст возможность Зерит убежать. Он напряг мышцы.

— А кто поймет, почему умер я, Эджил? — произнес чей-то голос. — Если ты убьешь их, тебе придется убить и меня.

Откуда возник Трион, Старк не знал, но он был здесь. Голос его звучал, как громкая музыка, глаза сияли светом обреченности.

Эджил яростно выругался.

— Идиот! Кривой уродец, откуда ты явился?

— Откуда приходят ветер или дождь? Я не такой, как другие.—Он печально засмеялся.— Я здесь, Эджил, и это главное. Ты не убьешь этого чужака, который больше зверь, чем человек, и больше человек, чем любой из нас. Он — орудие богов.

Он встал между Старком и Эджилом.

— Уйди с дороги, — выдохнул Эджил.

Трион покачал головой.

— Отлично, — усмехнулся Эджил. — Если ты хочешь умереть — пожалуйста.

Глаза Триона вспыхнули.

— Это день смерти, — произнес он тихо, — но не моей и не этого дикаря.

Эджил коротко выругался и поднял оружие.

Все произошло очень быстро. Старк прыгнул и, как огненная стрела, пронесся над головой Триона. Эджил отступил и нажал кнопку. Заряд промчался мимо. Эджил сделал еще один шаг назад и снова выстрелил. Нечто белое бросилось между противниками и приняло на себя всю силу заряда.

Что-то белое. Тело девушки, увенчанное струящимися волосами, с ярко блестевшим металлическим ошейником на стройной, нежной шее.

Зерит!

Они забыли о ней, о избитой девочке, скорчившейся на коленях статуи. Старк старался держать ее подальше от опасности, для Эджила она не представляла угрозы, а голова Триона была занята таинственными шепотами вещих ветров. Зерит незаметно

сползла с места, и один последний рывок поставил ее между Старком и смертью.

Прыжок Старка стремительно перенес его через девушку и бросил на Эджила.

Это произошло так быстро, что лорд Лхари не успел пустить второй заряд.

Старк вырвал оружие из его рук. Ледяное спокойствие овладело дикарем, а глаза застлал кровавый туман, из которого проглядывало лишь лицо Эджила. Тот заверещал. Старк издал душераздирающий вопль обезумевшей дикой кошки.

Трион наблюдал, как кровь струится в море, слышал, как наступила тишина, увидел, как то, что раньше было его кузеном, медленно поплыло по течению, переворачиваясь в газовом скоплении, и не удивился, словно видел все случившееся и раньше.

Старк подошел к телу Зерит. Девушка еще слабо дышала. Ее глаза повернулись к Старку, на губах появилась улыбка.

Теперь Старк ослеп от слез. Вся его ярость ушла с кровью Эджила, осталась только горькая жалость, острая печаль и благоговение. Он нежно поднял Зерит и держал ее на руках. Его слезы падали на ее неподвижное лицо. Вскоре он понял, что она умерла.

Минуту спустя к нему подошел Трион.

— Она была рождена для такого конца, — тихо сказал он, — она это знала и была очень счастлива. Даже сейчас она улыбается и будет улыбаться вечно, потому что многие из нас позавидуют такой легкой смерти.

Он положил руку на плечо Старка.

— Пойдем, я покажу тебе, где положить ее, а завтра ты похоронишь ее там, где она хотела.

Старк пошел за ним, неся на руках Зерит.

Трион подошел к пьедесталу статуи, в определенном порядке нажал несколько скрытых кнопок, и тяжелая плита бесшумно откинулась в сторону, показав каменные ступени, идущие вниз.

Глава 10

Трион повел Старка по ступеням, в темноту, которая освещалась только тусклыми полосами огня, тянувшимися за их спинами. Красный глаз лежал плотно и спокойно, закрытый стенами из черного камня.

— Катакомбы, — сказал Трион. — Лабиринт показан на карте, которую нашел мой отец.

И он рассказал то, о чем уже говорила Старку Барра.

Трион шел уверенно, его искалеченное тело без колебаний двигалось мимо боковых коридоров, за которыми таился мрак, мимо загадочных дверей, которые скрывали тьму.

— Здесь история города. Все книги, все знания, уничтожить которые у них не хватило духу. Оружия здесь нет. Это был не воинственный народ, и я думаю, что сила, которую мы, Лхари, использовали по-другому, была лишь оборонной, защищала от хищных животных и набегов диких племен с болот.

С большим трудом Старк отвлек мысли от своего горького груза.

— Я думал, — глухо произнес он, — что лабиринт находится под разрушенным зданием.

— Мы все так думали. Нас заставили так думать: для этого здание и разрушили. А мы, Лхари, шестнадцать лет убивали мужчин и женщин, чтобы убрать камни. Храм тоже был обозначен на карте, но мы думали, что это просто ориентир. Однако я начал размышлять...

— Давно ты узнал?..

— Недавно. Много месяцев я искал секрет этого прохода. Я приходил сюда по ночам, пока остальные спали.

— И ты им ничего не сказал?

— Нет. Ты думаешь, что, если бы я рассказал, это положило бы конец рабству и смертям? Нет. Для рабов лучше умереть.

Он свернул в сторону и через полуоткрытые золоченые двери протиснулся в огромное помещение.

— Это усыпальница королей. Оставь девушку здесь.

Старк огляделся вокруг, слишком ошеломленный, чтобы чувствовать страх. Но сумрак угрюмого зала заставил и его насторожиться.

Ровными рядами стояли ложа из черного мрамора, и ряды эти были так длинны, что им, казалось, не было конца. На ложах спали древние короли. Их тела, чудесно набальзамированные, были покрыты шелковыми покрывалами, руки сложены на груди, мудрые нечеловеческие лица отмечены печатью мира и покоя.

Старк осторожно опустил Зерит на мраморное ложе, покрыл ее шелком, закрыл ей глаза, сложил руки, и ему показалось, что на лице девушки тоже застыли мир и покой.

Выходя из усыпальницы, он подумал, что никто из них не заслужил места в зале королей так, как заслужила этого Зерит.

— Трион...

— Да?

— Ты произнес пророчество, когда я пришел в замок. Я должен выполнить его?

Трион кивнул.

— Таков путь пророчества.

К храму он не свернул, но повел Старка в глубь катакомб. Нечеловеческое возбуждение овладело им, и даже Старк почувствовал исходящую от него таинственную энергию.

Теперь Трион казался живым воплощением самой Судьбы, он неудержимо двигался вперед, и землянин ощущал себя крошечной щепкой, попавшей в мощный, бурный поток. Тело Старка вздрагивало.

Наконец они достигли конца коридора.

Там, в красной тьме, перед черной, наглухо запертой дверью сидело странное, невероятно уродливое существо, уродливое до такой степени, что несчастный калека Трион казался по сравнению с ним почти красавцем.

Однако лицо существа хранило такую же печать мудрости и доброты, какую Старк видел у городских статуй и мертвых королей в усыпальнице.

Глубоко ввалившиеся глаза все еще блестели, а одна из семипалых рук казалась теплой и нежной.

Старк отшатнулся. Вид этого существа вызвал в нем острый приступ отвращения, почти тошноты. Он хотел повернуть обратно, однако Трион удержал его.

— Подойди ближе. Он мертв, набальзамирован, но у него есть сообщение для нас. Он так долго ждал гостей. Он хочет предупредить входящих сюда.

Старк неохотно шагнул вперед, и вдруг существо заговорило.

— Посмотри на меня и подумай, прежде чем захватить ту силу, которая хранится за дверью.

Старк вскрикнул и отскочил назад.

Трион улыбнулся.

— Так было и со мной. Но затем я выслушал сказанное, выслушал много раз. Он говорит не голосом, его мысль сама проникает в твой мозг, и только в том случае, если человек перейдет определенную границу.

Старк задумался. Что ж, древние позаботились о том, чтобы их послание было услышано и понято. Телепатическая передача не нуждается в переводе. Он снова шагнул вперед, и голос в его мозгу зазвучал снова.

— Мы вмешались в тайны богов. Мы не хотели зла. Мы любили совершенство и хотели сделать все живые существа такими же совершенными, как сама природа. Мы не знали, что нарушаем Закон. Я был одним из тех, кто нашел способ изменять живые клетки. Мы пользовались невидимой силой, пришедшей из Страны Богов из-за Неба, и овладели ей в таком совершенстве, что сумели лепить новые формы из живой плоти, как гончар лепит из глины новые кувшины. Мы излечивали хромых и увечных, восстанавливали рост, выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым, и вскоре каждый из нас стал равен богам. И я, даже я, познал радость совершенства. А затем пришла расплата. Клетка, измененная однаж-

ды, не останавливается в своем изменении. Увеличение шло медленно, и сначала мы не замечали его, а когда заметили, было уже поздно. Мы превратились в чудовищ, а город наш стал логовом монстров. Сила, которой мы воспользовались, принесла нам только вред и зло, потому что, чем больше мы старались привести чудовищную плоть к ее нормальному состоянию, тем больше стимулировали клетки к росту, пока наконец тела, над которыми мы постоянно работали, не стали похожими на мокрую глину, расползавшуюся прямо на наших глазах. Жители некогда прекрасного города один за другим убивали себя, а те, кто оставался, поняли, что их настигла кара богов. Они осознали всю тяжесть своей вины и догадались, что нужно теперь делать. Мы все приготовили заранее, мы направили сюда волны Красного Моря, чтобы оно навеки скрыло нас от тех, кто придет потом. Однако мы не уничтожили наши знания. Может быть, виной тому — гордость, но мы просто не нашли в себе сил сделать это. Что, если другие боги, другие расы, более мудрые и опытные, смогут вытравить ростки зла и направить наше открытие ко всеобщему благу, ибо благо для всех созданий — если не полное физическое совершенство, то, по крайней мере, — сила и здоровье. Но ты, кто бы ты ни был, выслушай внимательно это предупреждение. Если твои боги ревнивы, если твой народ не имеет такой мудрости и знаний, чтобы преуспеть в контроле над этой силой, тогда не касайся ее, иначе все вы станете такими же, как я.

Голос умолк. Старк снова отступил назад и недоверчиво спросил Триона:

— И твоя семья не побоялась бы такой участи?

Трион засмеялся.

— Они глупы и жестоки. Даже боль не останавливает их. Жадные гордецы! Они скажут, что это придумано для отпугивания дураков, что человеческая плоть не подчиняется тем законам, которые управляют плотью рептилий, или еще что-нибудь в этом роде. Они скажут все что угодно, потому что эта мечта слишком долго владела их душами.

Старк пожал плечами и взглянул на черную дверь.

— Подземелье надо уничтожить.

— Да, — тихо согласился Трион.

Глаза его сияли, полные какой-то тайной, глубоко выстраданной им мыслью. Он шагнул вперед. Старк хотел идти за ним, но Трион отстранил землянина, сказав:

— Нет. Твой путь не здесь.

Потом он покачал головой и прошептал:

— А я так долго ждал...

Трион говорил тихо, не заботясь о том, чтобы Старк услышал его:

— Ветры приказали мне ждать. Мой день зреет на дереве смерти и, созрев, сам упадет мне в руки. Я ждал, и сегодня на рассвете ветер сказал мне: «Настало время снять с ветки созревший плод».

Он взглянул на Старка, и в глазах его сверкнул свет истинной мудрости.

— Ты слышал, Старк: «Мы восстанавливаем рост и выпрямляем тех, кто выходит из яйца согнутым». Настал мой час. Перед смертью я стану человеком — пусть ненадолго, но мне хватит и этого.

Он повернулся, и Старк не пошел за ним, молча наблюдая за несчастным калекой, с трудом ковылявшим мимо чудовищной фигуры мертвого стража прямо к черной тяжелой двери. Длинные руки протянулись вперед и отодвинули засов. Дверь медленно качнулась. Старк мельком увидел комнату. Там высилось сооружение, собранное из хрустальных дисков и стержней и укрепленное на причудливом металлическом основании. Все оно сияло и сверкало тревожным синеватым светом, который порывисто тускнел и вновь разгорался, как бы ограждая от вмешательства извне какой-то пульсирующий луч. Были там и другие аппараты — замысловатые нагромождения трубок, перевитых проводов и конденсаторов, но первый механизм был сердцем, центром всего, и сердце это все еще жило и функционировало.

Трион вошел и закрыл за собой дверь.

Старк отступил на несколько шагов и присел на корточки у стены. Он попытался разгадать принцип

действия загадочной машины. Невидимая сила, пришедшая из-за неба, — это, видимо, космические лучи. Даже теперь все их потенциальные возможности еще до конца не изучены. Однако некоторые космолетчики-неудачники случайно обнаружили, что при определенных условиях эти лучи могут совершать с тканями человеческого тела поистине поразительные вещи.

Эта мысль Старку вовсе не понравилась. Он попытался забыть о Трионе, забыть обо всем, что случилось сегодня, не думать, не вспоминать. В коридоре было темно и очень тихо, бесформенный ужас спокойно сидел у двери и ждал вместе со Старком. Старк терпеливо считал часы. Вскоре ему стало казаться, что Трион давно умер, но и после этого землянин не двинулся с места. Ему не хотелось проверять свою догадку и заходить в страшную комнату.

Он упорно ждал.

И тут по коридору прокатился тонкий жалобный звон — звон разбитого хрусталя, — прокатился и замер на высокой, чистой ноте. Старк в ужасе вскочил.

Дверь открылась, из нее вышел мужчина — высокий, сильный и красивый, как ангел. Стройный атлет с лицом Триона, с его трагически-печальными глазами. Свет в таинственной комнате погас. Пульсирующее сердце механизмов остановилось.

Дверь закрылась, засов задвинулся.

Голос Триона сказал:

— Остались пленки и много аппаратуры, так что секрет утерян не полностью. Однако теперь он недосягаем. —Он подошел к Старку и протянул руку.— Давай сражаться вместе как настоящие мужчины. И не бойся: я умру задолго до того, как это тело начнет изменяться.

И вошедший улыбнулся знакомой улыбкой, полной жалости ко всему живому:

— Я знаю. Ветры мне сказали.

Старк взял протянутую руку и крепко пожал ее.

— Хорошо, — кивнул Трион. — А теперь веди меня, иноземец с неистовыми глазами, потому что пророчество говорит о тебе, и этот день твой, а я, всю

жизнь ползавший, как улитка, мало знаю о битвах. Веди, и я пойду за тобой.

Старк потрогал свой ошейник.

— Ты можешь избавить меня от этого?

Трион кивнул.

— В одной из комнат есть инструмент и кислота.

Он быстро нашел их и принялся за работу, а Старк размышлял, и улыбка светилась на его лице, но не было в этой улыбке жалости.

Наконец они вернулись в храм, и Трион закрыл вход в катакомбы. Утро еще не наступило, и рабов на площадке не было.

Старк нашел оружие Эджила.

— Нам надо спешить, — сказал он. — Пошли.

Глава 11

Остров был плотно окутан туманом и едва виднелся в синей тьме ночи.

Старк и Трион тихо пробирались между камней, пока не увидели свет факелов, пробивавшийся сквозь узкие окна энергетической станции.

Там находилось семеро стражников — пятеро внутри, двое снаружи.

Бесплотной тенью Старк тихо скользил вперед, ни один камешек не сдвинулся под его босыми ногами. В конце концов он нашел подходящее укрытие и притаился там. Не далее чем в трех футах от него стоял часовой. Он позевывал и с надеждой поглядывал на «небо», ожидая первых признаков рассвета.

В тишине гулко прозвучал приятный голос Триона, — солдаты хорошо знали его:

— Эй, стража!

Часовой обернулся. Вдоль каменной стены торопливо бежал второй стражник, беспорядочно шлепая сандалиями по мягкой земле.

— Кто говорит? — окликнул первый. — Лорд Трион?

Он напряженно вглядывался в темноту.

Трион ответил:

— Да.

Он был достаточно далеко, и они могли различить лишь лицо своего господина, но тело его скрывалось за камнями и кустарником.

— Быстрее! Открывайте дверь! — приказал Трион.

Он говорил прерывисто, как будто очень спешил.

— Катастрофа! Беда! Прикажите им открыть!

Один из стражников со всех ног бросился выполнять приказ и усердно замолотил в массивную дверь, запертую изнутри, другой стоял, вытаращив глаза.

Дверь распахнулась, и красный туман завихрился в потоках желтого света факелов.

— В чем дело? — прокричал голос изнутри. — Что случилось?

— Выходите! — задыхаясь, выкрикнул Трион. — Мой кузен лорд Эджил умер, убит рабом!

Трое или четверо быстро выскочили наружу, в круг света, словно боясь, что их сочтут ответственными за убийство.

— Вы его знаете, — выкрикнул Трион, — высокий черноволосый землянин. Он убил Эджила и бежал в лес. Нам нужны дополнительные силы, чтобы организовать на него охоту. Вполне возможно, что его охраняют другие мятежники. Вот ты, ты, ты и ты...

Он ткнул пальцем в четырех самых крупных охранников.

— Идите сейчас же, присоединяйтесь к поисковому отряду. Я с остальными останусь здесь.

Это заявление почти сработало. Четверка сделала несколько неуверенных шагов, но затем один остановился и с сомнением произнес:

— Милорд, ведь нам запрещено покидать свой пост, что бы ни случилось. Лорд Конд убьет нас...

— А вы боитесь лорда Конда больше, чем меня? — философски заметил Трион. — Что ж, все ясно...

Он шагнул вперед, под яркие лучи света.

Раздался приглушенный вздох, затем испуганный вопль. Люди, вышедшие со станции, были вооружены только мечами, но часовые снаружи имели парализаторы. Один из стражников завопил:

— Это демон с голосом Триона!

Оба ствола черного оружия тупо уставились на лорда Лхари. Старк, притаившийся позади часовых, быстро и уверенно выпустил два бесшумных заряда. Часовые рухнули на землю, — несколько часов они не смогут даже пошевелиться. Старк бросился к двери.

Два стражника побежали наперерез и столкнулись со Старком, в то время как третий повернулся к Триону, чтобы удержать его мечом, пока те не скроются в здании.

Увидев, что безоружный Трион в опасности, Старк выскользнул из рук налетевших на него стражников и уложил того, который угрожал Триону. Через секунду на него обрушился град ударов и чья-то ловкая, мускулистая нога выбила из рук Старка оружие.

Трион с разбегу врезался в толпу обступивших землянина часовых. Радуясь своей новой силе, он схватил одного стражника за шею и отшвырнул его в сторону.

Стражники были крупными и сильными людьми. Они дрались отчаянно и умело.

Старк был избит и окровавлен, прежде чем смог нанести решающий удар.

Кто-то бросился мимо него к двери.

Трион взвыл. Краешком глаза Старк увидел, что Лхари сидит на земле, а дверь закрылась.

Старк бросился к двери и с такой силой ударил плечом в тяжелую панель, что чуть не задохнулся от боли. Дверь распахнулась, и из-за нее послышался крик боли и звук падения. Старк без промедления ворвался внутрь и увидел, что последний из стражников торопливо тащил к двери что-то тяжелое, пытаясь забаррикадироваться.

Вытащить меч ему не удалось.

Не сбавляя скорости, Старк нырнул вперед, ударом головы сшиб часового с ног и покончил с ним с быстротой дикаря.

Старк поднялся, перевел дух, сплюнул кровь и огляделся. Один из стражников сбежал, явно для того, чтобы поднять тревогу.

Механизм оказался очень простым. Он состоял из большого черного предмета, размером и формой напоминавшего гроб и снабженного решетками, линзами и циферблатами. Он мягко жужжал, но какая энергия питала его, Старк не знал. Может быть, те же самые космические лучи, только приспособленные для другой цели?..

Старк повернул то, что напоминало главный выключатель. Жужжание прекратилось, мерцающий свет в линзах умер.

Землянин поднял меч убитого стражника, тщательно переломал все, что можно было сломать, а затем вышел.

В дверях появился Трион. Он качал головой и печально улыбался.

— Похоже, одной силы недостаточно, — заметил Лхари. — Нужно иметь еще и ловкость.

— Барьеры сняты, — отозвался Старк, — путь свободен.

Трион кивнул, и они пошли обратно в море. На этот раз оба несли парализаторы, взятые у стражников. Парализаторов, считая и оружие Эджила, было шесть. Этого хватило бы для небольшой, но весьма энергичной схватки.

Пока они быстро погружались в красные газовые глубины, Старк спросил:

— А как насчет народа Шараана? Как они будут сражаться?

— Люди из команды Мальфора будут стоять за Лхари. Это их единственная надежда. Другие станут выжидать, гадая, на чьей стороне окажется перевес.

Старк кивнул и больше не разговаривал.

Погружаясь вглубь, они прошли над молчаливым городом, и Старк подумал об Эджиле и Мальфоре, которые стали теперь частью этой неестественной тишины, медленно проплывая по пустынным улицам древнего города, где их подхватывают медленные течения, а рой искр укутывает тускло мерцающим саваном. Он подумал о Зерит, спящей вечным сном в зале королей, и глаза его вспыхнули холодным жестоким огнем.

Они спустились к убогим баракам рабов.

Трион остался на страже, а Старк, взяв с собой лишнее оружие, вошел внутрь.

Рабы спали. Одни стонали во сне, других можно было принять за мертвых — так бледны были их изможденные лица со впалыми щеками и темными, провалившимися глазницами. Рабы. Сто шесть человек, считая женщин.

Старк закричал, они проснулись, и смертельный ужас наполнил их души. Вскоре они узнали его, увидели, что он без ошейника и вооружен, и подняли такой гвалт, что Старк снова был вынужден громко закричать, призывая к тишине. К нему присоединился Хильви, очнувшийся от наркотического сна.

Старк вкратце рассказал окружившим его людям о случившемся.

— Теперь вы свободны, — закончил он. — Вы можете сохранить свою жизнь, а можете и умереть, но умрете вы как свободные люди, а не как рабы.

Он сделал паузу.

— Кто пойдет со мной в Шараан?

Они ответили единым вздохом, торжествующим воплем Потерянных Душ, увидевших, что красное покрывало неминуемой смерти начинает рассеиваться, а впереди уже мерцает надежда.

Старк засмеялся. Он был счастлив. Он раздал оружие Хильви и трем другим, по своему выбору. Хильви посмотрел ему в глаза и тоже рассмеялся.

Трион крикнул в открытую дверь:

— Идут!

Старк быстро проинструктировал Хильви и выскочил, прихватив с собой одного из мужчин. Вместе с Трионом они спрятались в аллее сада.

Подошли двадцать стражников, высоких, хорошо вооруженных людей, готовых вывести рабов на работу — бессмысленно таскать бесполезные камни.

Но тут из-за укрытия заговорило оружие, и никто не услышал его бесшумной речи, но все увидели, как восемь стражников упали внутри барака, а девять рухнули снаружи.

Потом настала очередь рабов. Десять из них умерли прежде, чем толпа расправилась с тремя уцелевшими солдатами.

Теперь у девяноста четырех повстанцев имелось двадцать мечей.

Рабы прошли через город, двигаясь решительно и целеустремленно, поднялись над спящим лесом и вышли из красной, колыхавшейся тьмы, чтобы снова обрести настоящий свет.

Первый бледный отблеск зари струился сквозь облака, когда они поднялись на скалы под замком Лхари. Старк отошел от рабов и, как тень, скользнул к тому месту, где он спрятал свой пистолет. С моря кровавым облаком поднялся туман, и ни один солнечный луч не освещал еще лицо утренней Венеры. Только облака слегка тронул легкий перламутр утренней зари.

Старк вернулся к остальным. Один из парализаторов он отдал жителю болот, в глазах у которого сверкало холодное безумие.

Затем он сказал несколько слов Хильви и пошел с Трионом назад, на дно Красного моря.

Шагая вдоль прибрежного утеса, Трион коснулся руки Старка и указал на круглое отверстие.

— Оно сделано очень давно, чтобы никто не видел, как рабы Лхари исчезают из Шараана. Заходи сюда, но старайся не шуметь.

Они проплыли вниз по туннелю, в темноту, пока поток багровых газов не вынес их на поверхность. Затем они бесшумно ползли по камням, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Вся надежда была на внезапность. Трион сказал, что двое могут пройти по туннелю, а большее число людей наверняка будет замечено и стражники сделают все, что от них требуется.

Старк целиком полагался на Триона, и не напрасно.

Они подошли к гладкой стене из полированного камня. Трион нажал на нее плечом, и громадный блок медленно повернулся, открывая проход в пустое, освещенное факелами помещение.

Они шагнули туда, и одновременно с ними в комнату вошел слуга в ярких шелковых одеждах. Он собирался заменить угасающий факел на свежий. Увидев пришельцев, слуга в изумлении замер и выронил факел. Рот его беззвучно раскрылся. Старк вспомнил, что у здешних слуг языков не было. Лхари не любили лишней болтовни.

Трион попытался что-то сказать, но человек повернулся и пустился бежать по длинному, тускло освещенному коридору. Старк без труда догнал его и ударил рукояткой пистолета.

Слуга упал и затих.

Трион направился наверх. Лицо его сияло странным воодушевлением, а безумный блеск глаз почти пугал Старка. Они прошли по длинной анфиладе пустых комнат, никого не встретив на своем пути. Наконец Трион остановился у маленькой двери из полированного золота, взглянул на Старка, кивнул, толкнул дверь и вошел.

Глава 12

Они стояли в громадном зале, противоположная стена которого исчезла в темноте. Здесь, как и раньше, горела гроздь серебряных ламп, а из освещенного круга за чужаками, осмелившимися войти через тайную дверь, наблюдали сами Лхари.

Здесь были Конд, Эйрил, покорно сложившая руки на коленях, Бор, колотивший маленького дракона, чтобы заставить того шипеть и щелкать челюстями, и смеявшийся над бессилием звереныша. Барра, держа птицу на запястье, пробовала белым пальцем остроту ее клюва. Здесь же находилась и старуха, не успевшая донести до сального рта кусочки жирного мяса.

Все они застыли на своих местах, а Трион медленно подошел к свету.

— Узнаете меня? — спросил он.

По телам тех, к кому он обратился, пробежала странная дрожь. Как и в прошлый раз, старуха заговорила первой. Глаза ее жадно блестели.

— Ты Трион, — сказала она.

Все ее громадное тело всколыхнулось.

Под сводами зашелестело:

— Трион, Трион...

Конд бросился вперед и дрожащими пальцами коснулся стройного, сильного тела своего кузена.

— Ты нашел секрет!

— Да.

Трион вскинул свою серебряную голову, и по залу рассыпался его ясный, точно звон далекого колокольчика, тихий смех.

— Да, я нашел ваш секрет, но теперь он исчез, уничтожен, и вам не получить его. Эджил умер, дни Лхари сочтены.

Наступило долгое, недоуменное молчание.

Затем старая туша прошептала:

— Ты лжешь.

Трион повернулся к Старку.

— Спроси чужеземца, который принес на своем челе знамение смерти, он скажет тебе, лгу ли я.

Лицо Конда стало каким-то нечеловеческим. Он издал страшный, безумный вопль и стремительным движением потянулся к горлу Триона.

Бор вдруг закричал. Его одного не интересовала ни находка, ни утрата тайны, и, кажется, только он один понял — здесь находится Старк. Он вопил, глядя на этого чужого смуглого мужчину, и вдруг бросился вон из зала, на бегу истошно созывая стражу. Когда, выбегая, он распахнул большие двери, со двора в зал донеслись звуки битвы.

Рабы с мечами, дубинами, копьями и камнями перебрались через стену замка.

Старк подался вперед, но Трион не нуждался в его помощи: он держал Конда за горло и улыбался. Старк не стал ему мешать.

Старуха, задыхаясь, что-то выкрикивала, плевалась, ругалась, приказывала. Эйрил вдруг засмеялась. Она не сдвинулась с места, руки ее по-прежнему

праздно лежали на коленях, но она смеялась и смеялась, а Барра с ненавистью смотрела на Старка.

— Ты не Дикарь, ты просто дурак, — сказала она. — Ты не хотел взять то, что я тебе предлагала, так теперь не получишь ничего, кроме смерти.

Она сдернула колпачок с птицы и бросила ее прямо в лицо землянину, а потом выхватила из-за пояса нож и быстро вонзила его в бок Триону.

Трион покачнулся. Рука его, сжимавшая горло Конда, ослабла, и Конд вырвался из его хватки, разъяренный, с пеной на губах.

Он выдернул свой короткий меч и занес его над Трионом.

Яростные крылья били воздух и грохотали над головой Старка. Острые когти вцепились в его глаза. Старк взмахнул левой рукой, схватил птицу за ногу и держал ее, дергавшуюся и шипевшую, недолго, но достаточно для того, чтобы успеть выстрелить в Конда.

Затем он моментально свернул птице шею.

Старк швырнул сокола к ногам Барры и снова поднял пистолет. С дальнего конца зала бежали стражники, теперь нужно было защититься от них.

Трион, покачиваясь, сидел на полу.

Кровь непрерывно сочилась из его раны, но он по-прежнему твердо сжимал в руке парализатор и улыбался.

Снаружи доносился угрожающий шум и рев.

Там дрались люди, убивали, умирали сами, кричали от радости, возбуждения и боли. В зале бушевало эхо баталии, а выстрелы Старка напоминали отдаленный гром. Стражники, вооруженные только мечами, падали, как колосья под секущим серпом, но их было слишком много, чтобы Старк и Трион могли удержать их.

Без умолку визжащая старуха вдруг затихла. Сквозь ряды стражников, расшвыривая охранников Лхари, пробился Хильви, за которым по пятам следовала кучка яростных рабов в ошейниках. Все смешалось в бешено крутившемся хаосе, наполненном воплями, мельканием мечей и копий, глухим стуком падающих тел.

Старк резко отбросил разряженный пистолет, схватил меч мертвого стражника и стал прорубать себе дорогу к Хильви.

Внезапно Трион выкрикнул его имя.

Старк стремительно отскочил в сторону от человека, с которым только что сцепился, и увидел, как падает Барра с кинжалом в руке.

Она собиралась ударить Старка в спину, но Трион увидел это и успел нажать на спуск.

В первый раз на глазах Триона выступили слезы.

Старка замутило. Было что-то ужасное в открывшемся перед ним зрелище семейной резни, родственного самоуничтожения. Его дикарская душа была далека от сентиментальности, к Барре он не питал особой привязанности, и все же поступок Триона заставил его содрогнуться.

Теперь он стоял с Хильви спиной к спине. Их мечи дружно отражали беспрестанные атаки врагов, а бесполезные разряженные парализаторы валялись где-то на полу. Задыхаясь, Хильви тяжело проговорил:

— Хороший был бой, брат! Победить мы не сможем, но зато нас ждет великолепная смерть, а это куда лучше рабства.

Казалось, что слова Хильви подтвердились: рабы, истощенные долгим затворничеством и непосильной работой, были отброшены.

Поток их хлынул вспять, и Старка вынесло на двор, но и там упорно и яростно он продолжал драться.

Громадные ворота были открыты. За ними толпился народ Шараана, наблюдая за схваткой полными ужаса глазами. Люди нерешительно переминались с ноги на ногу. Трион был прав: они лишь наблюдали и ждали исхода. Впереди всех, опираясь на суковатую палку, стоял Ларраби, землянин.

— Чего вы ждете, трусливые бабы? Лхари мертвы. Потерянные Души освобождены. Неужели мы, земляне, должны страдать за вас?

Он взглянул прямо в глаза Ларраби.

Ларраби встретил этот взгляд. Его темные страдающие глаза были полны горькой радости.

— Да, Дикарь, — ответил он по-английски. — Почему бы и не присоединиться к вам?

Он вскинул голову, засмеялся, и не было горечи в этом смехе.

Потом Ларраби поднял свою палку, словно дубину, слабым, старческим голосом издал пронзительный воинственный клич и заковылял к распахнутым воротам. Только тут жители Шараана очнулись и с глухим ропотом медленно двинулись вслед за стариком.

Очень скоро все было кончено.

Тело Бора нашли в стойле, где он собирался переждать битву. Драконы, очумевшие от запаха крови, быстро растерзали мальчишку.

Хильви не пострадал, Ларраби тоже.

Подвигнув жителей Шараана на бой, старый землянин почувствовал себя не в своей тарелке и теперь осторожно держался в стороне.

Почти половина рабов погибла, остальные были ранены. Из тех, кто служил Лхари, уцелели лишь немногие.

Старк вернулся в большой зал. Он шел медленно, потому что страшная усталость последних суток все-таки дала о себе знать. Отяжелевшие ноги его оставляли кровавые следы, руки были красны до локтей, на груди темнели бурые засохшие пятна.

Трион смотрел на него и тихо улыбался.

— Все произошло так, как я говорил. Я пережил их всех!

Истерический смех Эйрил уже не звенел под сводами зала. Она не пыталась бежать, и яростная волна сражения прокатилась по ней, придавила горой мертвых тел, и под этим кровавым грузом женщина задохнулась. Старуха возлежала на своей постели неподвижной горой плоти.

Руки ее все еще сжимали спелый плод, она конвульсивно вцепилась в него перед смертью, и красный сок бесшумно и мирно стекал по ее скрюченным пальцам.

— Теперь и я ухожу, — сказал Трион. — Я очень доволен. Со мной уходят последние капли нашей гнилой крови, и Венера станет чище. Похорони мое

тело поглубже, иноземец с неистовыми глазами. Я не хочу, чтобы оно видело то, что будет после нас.

Он вздохнул и упал.

Маленький дракончик Бора с протяжным плачем выполз из-под старухиной постели и заковылял прочь из зала, волоча за собой измочаленную веревку.

* * *

Старк наклонился над гакобортом, глядя на темную громаду Шараана, уходившую в красный туман.

Палуба была полна бывшими рабами, которые возвращались домой. С Лхари было покончено, Потерянные Души обрели свободу, и теперь Шараан стал всего лишь заурядным портом в Красном Море. Его люди по-прежнему останутся разбойниками и пиратами, но кто изменит людскую природу. Черное зло ушло отсюда — и это главное.

Старк радовался: он видел, как умирало это Зло, и вскоре увидит другой берег Красного Моря.

Береговой ветер быстро нес корабль по заливу. Старк подумал о Ларраби, который вместе со всеми мечтами о земном снеге, о городских улицах и о женщинах с изящными ножками остался в Шараане. Он так долго прожил здесь, что у него не хватило духу покинуть насиженное место.

— Бедняга Ларраби, — сказал он Хильви, стоявшему рядом на палубе. — Он умрет в грязи, проклиная ее.

Позади кто-то хихикнул. Старк услышал шарканье старческих ног, обернулся и увидел Ларраби.

— В последнюю минуту я передумал, — усмехнулся старик. — Я прятался в трюме, чтобы мой грязный выводок не увидел меня и не заставил передумать еще раз.

Он наклонился к Старку, покачивая головой.

— Ничего, они прекрасно обойдутся и без меня. Я — старик и имею право выбирать место, где умереть. Я полечу с тобой на Землю.

Старк взглянул на него:

— Но я-то собрался вовсе не туда.

Ларраби вздохнул.

— Вот как? Не думал... Впрочем, ты же не настоящий землянин, ты обычный дикарь с Меркурия. А что до твоей земной крови, то это — так, случайность... И куда же ты направляешься?

— Не знаю. Во всяком случае, подальше от Венеры.

Темные глаза Ларраби пронзительно взглянули на него.

— Знаешь, что говорила о тебе Барра? Она назвала тебя сумасшедшим тигром с ледяными глазами, тигром, который что-то потерял и теперь не может найти, а искать будет всю свою жизнь.

Воцарилась долгая тишина. Красный туман окутал их, усиливавшийся ветер стремительно понес судно.

Издалека раздался слабый, протяжный плач, похожий на прерывающееся пение, и у Старка мороз прошел по коже. Все на борту слышали эти звуки, и внимали им в полном молчании, как вдруг одна из женщин заплакала.

Старк тряхнул головой.

— Это только ветер, — сказал он резко, — блуждающий в скалах у пролива.

Звук взлетал и падал, усталый, бесконечно тоскливый, и та часть Старка, которая была Н'Чакой, уверяла, что Старк солгал.

Ветер не мог завывать так печально, это рыдали Потерянные Души, оставшиеся там навеки, — Зерит, спящая в зале королей, и все те, кто никогда не оставит спящий город, никогда не увидит солнечный свет.

Старк вздрогнул и отвернулся. Перед ним плясали багровые огни шараанского залива.

Женщина с Альтаира

Глава 1
ЭРИАН

День, когда Дэвид вернулся домой из глубокого космоса, стал великим днем для каждого землянина. И долго будет этот день отмечен красным в календаре семьи Мак-Квари.

Мы поехали в космопорт встречать его: я, Бэт, наша с Дэвидом сестра, только что окончившая колледж, и невеста Дэвида мисс Люишем. У мисс Люишем были хорошие родители, но не было денег, а у Дэвида было и то и другое. Миес была из тех красивых пустоглазых бэби, коих отлично делают из бакелитовых чурок — в точности, как человек. Но Бэт находила ее потрясающей и часами насиловала свою внешность, пытаясь хоть отчасти приблизиться к этому недосягаемому идеалу. Однако все усилия оставались тщетными. Впрочем, несмотря ни на что, волосы Бэт все еще вели себя как настоящие волосы, и даже раздувались ветром.

Космопорт был переполнен. Люди давно отвыкли изумленно раскрывать рты, услышав очередное сообщение о межпланетных перелетах, но звездные корабли все еще будоражили воображение, а люди, летающие на них, повсеместно считались героями. Говорили, что «Энсон-Мак-Квари» побывал где-то в районе Плеяд, а потому встречать его собрались тысячи зевак. Мне вспоминаются трепещущие на ветру флаги и взволнованный голос какого-то оратора.

— Ну разве это не чудо? — сказала Бэт, безуспешно борясь с комком в горле.— И все это ради Дэвида!

— На этом корабле есть еще несколько человек, — заметил я.

— Ах, ты всегда такой противный! — огрызнулась она. — Дэвид — капитан и владелец корабля, он заслуживает такого приема.

— Вот оно что!.. — парировал я. — Впрочем, Дэвид наверняка думает то же самое.

Администрация пропустила нас через заграждения, я подтолкнул Бэт и мисс Люишем, которая поплыла вперед, как домашняя утка, норовя подойти поближе к телекамерам. В этот момент нас остановил женский голос, и Бэт, быстро повернувшись, крикнула:

— Марта!

От группы репортеров отделилась на редкость привлекательная молодая особа и подошла к нам.

— Я совсем обнаглела и злоупотребляю старой школьной дружбой, — заявила она.

Это нарочитое нахальство мне понравилось. Она явно напрашивалась на то, чтобы ее прогнали, и я должен был бы это сделать. К сожалению, в ту пору я не знал, какую роль суждено сыграть Марте Уолтерс во всей этой истории. Подумать только: одно грубое слово, один толчок — и все могло бы быть совсем иным.

Но откуда человеку знать все наперед?

Бэт пустилась в объяснения.

— Марта была на последнем курсе, когда я поступала, Раф. Помнишь, когда я хотела стать журналисткой?

Информация введена, рычажки памяти усиленно защелкали, и вот я уже говорю:

— Ах, так вы — та самая Марта Уолтерс, которая пишет портретные очерки для «Паблик»?

— Да. Это моя работа и хобби одновременно.

— Так вы напали на богатую жилу. С моего брата только очерки и писать.

Она склонила голову набок и внимательно оглядела меня.

— Думаю, это относится не только к нему. Подумать только, я никогда не слышала о вас.

— Я забытый Мак-Квари, тот, что не был в космосе.

Мы стояли на том месте площади, которое было специально забронировано для нашей семьи. Бэт болтала, мисс Люишем стояла как статуя, величавая и гордая, и эта светлоглазая подхалимка и втирушка Марта обдумывала вопросы и пыталась подыскать достойный повод, чтобы задать их.

— Вы — старше Дэвида?

— О! На тысячу лет.

— Вы Мак-Квари, и вы не были в космосе?

Она недоверчиво покачала головой.

— Это все равно что быть рыбой и отказываться плавать.

— Но он же не виноват, — вступилась за меня сердобольная Бэт. — Когда же появится корабль, Раф? Я просто не в силах ждать!

Я попытался понять, какого же все-таки цвета глаза у Марты.

Я, было, определил их как голубые, но вдруг — то ли от света, то ли еще от чего — они стали зелеными, как морская вода.

— Не может же быть, чтобы вас признали негодным к полетам, — посочувствовала она.

— Нет, дело не в этом: я разбился при посадке. Самолет был легкий, но грохнулся весьма тяжело.

— Раф был на полпути из Академии в космопорт, — печально сообщила Бэт. — У него уже имелись бумаги и все такое, и он был назначен в свое первое путешествие младшим офицером. Отец чуть не умер от разочарования. Раф — он же старший, и все такое... Но у него оставался Дэвид.

— Понятно, — сказала Марта.

Она улыбнулась мне, но уже не нахально, а, скорее, заинтересованно.

— Я думала, что трость у вас для шика.

— Так оно и есть, — рассмеялся я.

— Думаю, мою семью больше всего раздражает, что здоровый, как лошадь, парень всюду таскает с собой эту штуку, намекая, что внешность обманчива и неизвестно, что будет со мной завтра.

С «Энсоном-Мак-Квари» поддерживалась связь по радио. Приходили сообщения о курсе, и репродуктор выкрикивал их. Люди толпились вокруг, как свора гончих, трещали миллионы голосов, вытягивались шеи, напряжение росло. Башни Манхэттена мощно сияли вдали. Марта и я мирно разговаривали. По-моему, мы говорили о ней.

И тут поднялся страшный рев. Бэт взвизгнула мне в ухо. Несколько секунд пронзительный звук неистовствовал, а затем все смолкло, и небо треснуло, как разорвавшийся шелк. Из трещины со свистом вылетело серебряное пятнышко. Оно быстро увеличивалось, превращаясь в громадное, элегантное создание с потускневшими боками и звездной пылью на носу. Каждая заклепка дышала гордостью. Ах, какое оно было прекрасное, это творение рук человеческих! Оно сияло, как полная луна, и отбрасывало блики на посадочное поле, очищенное от всей межпланетной мелкоты. «Энсон-Мак-Квари» вернулся домой.

Я заметил, что Марта даже не взглянула на корабль. Она наблюдала за мной.

— Вы довольно-таки непонятная личность, — сказала она наконец.

— Вам это не нравится? — спросил я и заметил:— Терпеть не могу книг, где все ясно с первой страницы.

— Вот как? Значит, вы не похожи на Дэвида. Что ж... Ах да, вы хотели сказать что-то о вашем чтении...

— Вот он! — взвизгнула Бэт. — Вот Дэвид.

Ограда сдерживала толпу, а служащие спешно организовали вторую линию защиты от армии настырных репортеров. Нам, родственникам, разрешалось первыми приветствовать прибывших.

Открылся нижний люк, и до изнеможения медленно из него выползла платформа. На ней красовалась высокая фигура в абсолютно безупречной униформе.

Грянул оркестр. В воздух понеслись тысячи приветствий, торопливо застрекотали телекамеры, а Дэвид поднял руку и улыбнулся. Красивый парень, мой брат, — он вобрал в себя все лучшие черты племени Мак-Кварн. Я думаю, он был слегка раздосадован, когда Бэт влетела по ступенькам наверх и бросилась ему на шею: она помяла его воротничок. Мисс Люишем поднялась на платформу с тщательно отрепетированной грацией, демонстрируя свои роскошные ноги. Она изящно протянула руки, готовясь приветствовать Дэвида приличным случаю поцелуем, какой истинному герою естественно ожидать от будущей жены, но Дэвид бросил на нее такой ошарашенный взгляд, словно он увидел бедняжку впервые в жизни, и лицо его прошло через шесть разных оттенков красного.

Но он великолепно справился. Он схватил эти протянутые руки, тепло, даже с жаром, потряс их и одновременно так ловко отодвинул мисс Люишем в сторону, что та почти не заметила этого. Прежде чем она успела что-нибудь сказать, он заговорил — громко, с мальчишеской гордостью:

— В чужих мирах я видел много удивительных и драгоценных вещей. И самую удивительную драгоценность я привез с собой. Я хочу, чтобы вы приветствовали ее на Земле.

Он повернулся и поманил к себе того, кто ждал по другую сторону люка внутри корабля.

Не думаю, чтобы кто-то из нас, и мисс Люишем меньше всех, поняли, в чем тут дело. Все мы — и родственники, и зрители — были слишком заворожены торжественностью встречи, чтобы как следует рассмотреть маленькое существо, вцепившееся в руку Дэвида.

Она казалась невероятно миниатюрной и хрупкой для взрослой женщины, но, бесспорно, была ею. На ней было очень оригинальное платье из какой-то легкой ткани, блестевшей на солнце, и то, что под ним, имело удивительно привлекательную форму.

Кожа ее была идеально белой, как тонкий фарфор, на маленьком заостренном личике застыло обреченное выражение. Брови поднимались к вискам, как два изящных крыла.

Густые волосы аметистового цвета были уложены в высокую, замысловатую прическу и сияли всеми мыслимыми оттенками этого драгоценного камня, и каждый такой оттенок смешивался с другими в невообразимой гамме, одновременно существуя и сам по себе. Глаза под разлетающимися бровями были того же цвета, но более глубокого, ближе к пурпурному. Она с превеликим замешательством смотрела на этот чужой шумный мир.

— Она с Альтаира, — сказал Дэвид. — Ее зовут Эриан. Она моя жена.

Реакция на это последнее заявление была бурной, но смущенной и довольно деликатной. Прежде чем крики смолкли, прежде чем Бэт отвела изумленный взгляд от своей неожиданной невестки, мисс Люишем достойно удалилась. Ни один волосок ее замысловатой прически не сбился с определенного ему места. Что же творилось в ее душе — этого я не знаю.

Репортеры, предприняв отчаянный штурм, сокрушили живую цепь охраны и рассыпались вокруг платформы. Телевизионщикам тут же досталась неплохая пожива: Дэвид наклонился и поцеловал свою маленькую новобрачную с Альтаира.

— Полагаю, что теперь вас отсюда и силком не увести? — сказал я, взглянув на Марту.

Она молча кивнула, и я увидел, что журналистка слегка дрожит, как волк, увидевший спящую перед самым его носом жирную овцу.

— Женщина с Альтаира, — шептала она. — Это не заурядный очерк, это сенсация. Какой сюрприз для семьи! Бедное маленькое существо! Она, кажется, перепугана до смерти. Пожалуйста, не показывайте ей своих чувств, какими бы они ни были...

И тут, осененная внезапной догадкой, Марта обернулась ко мне:

— Кстати, а как у вашего брата с головой? Все в порядке?

— Начинаю сомневаться, — заметил я.

На платформе в фокусе всеобщего возбужденного внимания новоявленная миссис Мак-Квари дрожала возле своего осчастливленного мужа и смотрела загадочными пурпуровыми глазами на неведомых хозяев чужого ей мира.

Глава 2
ЧУЖАЯ НА ЗЕМЛЕ

В мрачном настроении отправились мы домой. Я ухитрился оттащить Бэт в сторону и пригрозил ей, что отлуплю ее, если она не будет держать рот на замке. Дэвид в экзальтации от возвращения и сенсации, которую произвел своим драматическим извещением о межзвездном браке, парил в облаках и не обращал на нас внимания. Он обнял Эриан за плечи, словно ребенка, болтал с ней, успокаивая и показывая на те или иные примечательные объекты вдоль дороги.

Когда она смотрела на дома и деревья, на холмы и долины, на солнце и небо, я не мог удержаться от жалости и сострадания к ней. В дни своей юности я ходил как суперкарго на отцовском корабле на Венеру и Марс, а также за пояс Астероидов. Я знал, что значит ходить по чужой земле. А она оказалась так далеко от своего дома, что даже ее родное солнце исчезло в пучине космоса.

Время от времени она поглядывала на нас с каким-то затаенным ужасом. Бэт дулась и краснела. Я старался улыбаться, а Марта гладила руку Эриан. Дэвид научил ее говорить по-английски, и она довольно сносно болтала, хотя и не без своеобразного акцента, который превращал наш родной английский язык в некое экзотическое наречие.

Голос у нее был мягкий, тихий и очень приятный, но говорила она мало. И мы тоже.

Дэвид почти не обратил внимания на присутствие в нашей машине посторонней девушки. Я туманно пояснил, что Марта моя приятельница, он понимающе кивнул и тут же забыл о ней, а я был даже рад, что Марта находилась рядом. Бывают случаи, когда родственникам противопоказано оставаться наедине друг с другом.

Жилище Мак-Квари стояло на вершине холма. Дом был большой, построенный почти двести лет назад, когда старый Энсон Мак-Квари только-только успел заложить основы будущего состояния, сорвав первый куш на перевозках лунной руды.

Вокруг дома росли старые деревья, и имелась тысяча акров земли. Все вокруг — и земля, и деревья, и дом — насквозь пропахло деньгами.

Эриан взглянула на дом и покорно произнесла:

— Он очень красив.

— Не очень-то похоже на альтаирские жилища, — заметил Дэвид, — но она полюбит его.

Я в этом не сомневался.

Мы вышли из машины, и Марта замешкалась.

Она настолько погрузилась в изучение Эриан, что вряд ли задумывалась о собственном положении, но теперь вид нашего родового замка, похоже, привел ее в чувство и несколько смутил.

— Мне, наверное, лучше уйти, — заметила она. — Я и так надоела вам, а у меня еще куча дел. Я очень хотела бы взять у вас обоих настоящее интервью, но сейчас не время для этого.

— Ну нет, — ответил я многозначительно, — вы останетесь. — Бэт непременно захочет обсудить с кем-нибудь создавшуюся ситуацию, а я для этого — кандидатура неподходящая. Вы ее дальняя школьная подруга, ведь так?

Марта поглядела на разъяренное лицо Бэт и нерешительно кивнула.

Эриан, державшаяся несколько позади, вдруг вскрикнула. Дэвид злобно окликнул меня.

Я отправился узнать, в чем дело.

— Это только Бек, — сообщил я.

— Ну-ка, убери его отсюда. Он напугал Эриан.

— Ей придется привыкнуть к нему, — заявил я и схватил Бека за ошейник. Это был крупный дог, один из лучших, какой у меня когда-либо жил. Ему не понравилась Эриан. Я чувствовал, как он дрожит, ощетинившись под моей рукой.

Дэвид принялся было брюзжать, попрекая меня чрезмерной любовью к собакам, но Эриан сказала:

— Я никогда не видела такого создания. Он не собирается вредить. Он просто встревожен.

Она заговорила с Беком на своем родном, мягко лившемся языке. Постепенно мускулы собаки расслабились, шерсть улеглась, уши обмякли. Он осторожно подошел к Эриан и положил морду прямо в ее руки, глаза его смотрели с недоумением. Эриан засмеялась.

— Видите? Вот мы и подружились.

Я посмотрел на собаку и не заметил радости в ее глазах. Как только Эриан убрала руку, Бек резко развернулся и поспешно умчался.

— Мне надо многому учиться, — мягко заметила Эриан.

— А ты будь осторожен со своей проклятой скотиной, — обернулся ко мне Дэвид.

Дверь была открыта, и Дэвид сделал то, что, по его мнению, полагалось сделать в данной ситуации: поднял Эриан на руки и торжественно внес в дом.

— Скажу только одно, — проворчала Бэт. — Надеюсь, что они не смогут... Я хочу сказать, что не вынесу племянника с лавандовыми волосами!

Она решительно последовала за братом, но споткнулась и едва не упала. Я взял Марту под руку.

— Не беспокойтесь. Бэт подберет вам подходящий наряд.

— Наряд? С какой стати?

— Сегодня у нас обед в честь Дэвида, официальный, разумеется. Будет много народу.

— Замечательно!

Тяжко вздохнув, она побрела к дому.

Не знаю, насколько замечательным вышел этот обед, но уж скучать на нем не пришлось никому. Обширные помещения были заполнены теми, кого

Дэйзи Эшфорд назвала бы ценными людьми. Все они пребывали в состоянии полной растерянности. Эриан, сидевшая за изысканным столом на месте мисс Люишем, казалась статуэткой дрезденского фарфора. На ней было платье бледно-золотого цвета, а ее волосы — воистину неземной красоты — казались огромной причудливой короной.

Растерявшиеся женщины не знали, как себя вести с ней. Мужчины были очарованы, но тоже чувствовали себя не в своей тарелке. Дэвид не замечал общего замешательства и даже счел уместным попросить свою жену спеть. У нее нашелся любопытный музыкальный инструмент, и под его тихую музыку она исполнила песни своего родного мира, очень нежные и очень странные. Они рассказывали о том, что лежит за горами, о тайном знании океанов, о долгих спокойных думах пустынь. Но эти горы, океаны и пустыни не были земными. Под конец на глазах Эриан выступили слезы.

Вскоре я заметил, что она исчезла. Дэвид слишком увлекся рассказом о своих приключениях, и присматривать за Эриан, похоже, должен был я.

Наконец я нашел ее. Она печально стояла на ступенях террасы, ведущей в сад. В саду было много теней, кусты раскачивались на ветру, поэтому это место, вероятно, казалось ей страшным. И небо к тому же было затянуто тучами.

Она повернулась и взглянула на меня.

— Зачем вы следите за мной?

— Я подумал, что вы, быть может, чувствуете себя одиноко.

— Здесь Дэвид. Как я могу быть одинокой?

Я не видел ее лица. В темноте оно казалось маленьким белым пятном.

— Да, — сказал я, — у вас есть Дэвид. Но мне кажется, вы печальны.

— Я не печальна, — ответила она.

Особой грусти в ее голосе и в самом деле не чувствовалось, но уловить ее настроение мне так и не удалось.

— Эриан, постарайтесь понять нас. Мы растерялись сегодня, потому что не ожидали вас и...

Я пытался объяснить суть дела — довольно коряво и в общем-то безуспешно.

— Не принимайте это близко к сердцу. Вы теперь член нашей семьи, и мы сделаем все, что сможем, чтобы вам было хорошо.

— Малышка полна злобы.

— Она еще девочка. Дайте ей время. Через месяц она захочет выкрасить себе волосы под цвет ваших.

Я протянул ей руку.

— У нас принято пожимать руки в знак дружбы. Вы принимаете мою дружбу, Эриан?

Она долго колебалась и наконец серьезно, почти по слогам, точно стараясь, чтобы до меня лучше дошел смысл ее слов, произнесла:

— Я не буду ненавидеть вас, Раф.

Она положила свою руку на мою. Прикосновение было мягким и прохладным, даже холодным, словно ладонь мою облепили хлопья снега. Затем она вздрогнула.

— В вашем мире холодно, когда наступает тьма.

— А в вашем мире всегда тепло?

Мы повернули к дому, и, приглядевшись, я наконец понял, почему Дэвид не отпустил ее от себя. Она тихо ответила:

— Да, у нас тепло, и луны на небе, как яркие лампы. Шпили и крыши сверкают, а здесь темные листья дрожат и не пахнут...

Она замолчала.

— Вы, видимо, очень сильно и глубоко полюбили Дэвида, если решились на такой долгий путь с ним.

— Любовь и вправду великая сила, — прошептала она.

Мы вошли в дом, и Дэвид снова позвал ее.

Несколько дней я не видел Эриан. Я управлял финансами Мак-Квари — не потому, что мне это нравилось, а потому, что хотел хоть как-то оправдать

деньги, которые тратил. Дэвид привез из своего путешествия бесценный груз, и я прикинул, что за вычетом издержек перелета нам причитается около миллиона долларов.

Я был так занят, что едва находил время встречаться с Мартой. Просто удивительно, насколько это стало для меня важным — видеть Марту. Это случилось очень скоро и без лишних слов. Она покинула наш дом в приподнятом настроении, потому что собрала неплохой материал для своих статей. Я спросил:

— Когда я увижу вас снова?

— Когда угодно, — ответила она.

И мы начали встречаться: всякий раз, когда нам это было угодно.

Однажды вечером, когда мы случайно собрались за обедом всей семьей, Эриан застенчиво сказала:

— Дэвид, я подумала...

Он тут же весь превратился в слух. Нет сомнений, он обожал ее. Признаться, я был несколько озадачен. У Дэвида за его жизнь было всего три увлечения: звездные корабли, он сам и династия Мак-Квари, причем именно в таком порядке. Но его обращение с Эриан свидетельствовало о том, что появилось и четвертое.

— Дома у меня была маленькая комнатка, — продолжала Эриан, — она принадлежала только мне, и иногда я запиралась в ней, чтобы сделать подарки своим родным. Я очень люблю мастерить всякие безделушки. Говорят, у меня неплохо получалось это. Дэвид, ты не мог бы и здесь устроить для меня маленькую мастерскую?

Дэвид улыбнулся и сказал, что даст ей все, чего она только ни попросит, кроме, разве что, здешней одежды, которая, может быть и сгодится таким уродам, как земляне, но ей будет явно не к лицу. Эриан улыбнулась в ответ и все так же робко попросила немного недорогих камней и тонкой золотой и платиновой проволоки.

— Бриллианты, — сказал Дэвид, — изумруды, все, что захочешь.

— Нет, я хотела бы хрусталь или циркон. Неограненный, ножалуйста. Я хочу огранить их сама.

— Этими крошечными ручками? Прекрасно, дорогая, завтра же доставлю.

Эриан серьезно поблагодарила и взглянула на меня.

— Я очень быстро учусь, Раф. Я видела всех ваших лошадей. Они такие большие и красивые!..

— Если захотите, — сказал я, — я научу вас ездить верхом.

— О! Я надеюсь, вы подберете для меня самую маленькую лошадку?

Я засмеялся и объяснил ей, что на трехнедельном жеребенке далеко не уедешь, но тут вмешался Дэвид. Он сердито заявил, что мои неуклюжие кобылы до смерти залягают Эриан и поэтому он запрещает подобные развлечения.

После обеда я отвел Бэт в сторону и спросил, что она думает об Эриан.

— Ох, наверное, это не ее вина, Раф, но у меня от нее мурашки бегут по коже. Она бродит по комнатам, как чудный маленький призрак, и иной раз так посмотрит... У меня создается впечатление, что она изучает меня — изнутри, я хочу сказать. Мне это не нравится. И сама она мне не нравится.

— Ладно, но все-таки постарайся быть с ней милой. Бедняжке, наверное, тяжело. Не забывай, что мы для нее чужаки...

— Она сама захотела приехать, — безжалостно отрезала Бэт.

Я оставил ее и пошел на свидание с Мартой.

Глава 3
ПОДАРКИ ОТ ДУШИ

Дэвид сделал для Эриан чудесную мастерскую, где она могла сутки напролет делать свои милые безделушки. Эриан сидела там целыми днями и не позво-

ляла никому, даже Дэвиду, смотреть, чем она там занимается. Несколько недель она работала не покладая рук и однажды пришла к обеденному столу с видом пай-девочки, ожидающей заслуженных похвал. При этом она что-то прятала в складках платья — я не разглядел, что именно.

На ее голове красовалось нечто вроде тиары, которая очень шла к ее аметистовым волосам и маленькому личику: изящная вещица, из причудливо переплетенных платиновых и золотых проволочек, напоминающая изысканный венок и украшенная безупречным кристаллом, который она сама отшлифовала. Я никогда не видел такого типа огранки.

Она высыпала свой блестящий груз на скатерть.

— Смотрите, я сделала подарок для каждого. Вы должны носить их, иначе я буду очень огорчена.

Перед нами лежали очень красивые вещи.

Дэвиду и мне она сделала кольца: на ее родной планете мужчины любят украшения не меньше женщин, но пуританские нравы Земли требовали снисхождения.

Моей сестре предназначалось ожерелье — такое, от которого не отказалась бы ни одна девушка, даже если бы его предлагал сам дьявол.

Присутствующие изумленно ахнули.

Дэвид выразил сожаление, что не знал об этом таланте своей жены: с помощью таких штучек можно сколотить неплохое состояние, — но Эриан только покачала головой:

— Нет. Они для подарка и должны делаться от души. Иначе я не могла бы их изготовить.

Все камни имели одну и ту же огранку, весьма необычную, на мой взгляд.

Это случилось ровно через восемь дней после раздачи подарков. Дэвид отправился по делам в город, а Марта и я решили провести уик-энд в лесу, неподалеку от дома.

Вдруг из усадьбы раздался крик, и мы со всех ног бросились туда. Нельзя было установить, кто кричал, но я почему-то был уверен, что это Бэт. Затем к этим

отчаянным воплям примешались другие звуки. Я бежал как угорелый. Вскоре из леса мы попали в старый, заброшенный яблоневый сад. Яблони здесь давно перестали плодоносить и теперь разрослись, как настоящие лесные деревья.

Бэт взобралась на одного из этих сучковатых ветеранов. Платье ее было изодрано и окровавлено, на лице тоже виднелась кровь. Ее крики уже не имели никакого смысла: еще минута — и она упадет.

Под деревом стоял мой породистый дог-гигант Бек. Он прыгал, его зубы сверкали на солнце, словно ножи, и щелкали в каком-нибудь дюйме от ног Бэт, прижавшейся к стволу яблони. Прыгая, животное издавало странные, душераздирающие стоны. Похоже, что он испытывал величайшие муки и всеми силами умолял невидимых мучителей отпустить его.

Я окликнул Бека. Он повернул голову, жалобно взглянул на меня, а затем снова вернулся к упорным попыткам прикончить мою сестру. Со мной была тяжелая трость, с которой я обычно гулял по окрестностям, и я ударил собаку массивным набалдашником. Бедный Бек! Он испустил дух через одну или две минуты и даже не пытался защищаться. Я подхватил рухнувшую с дерева Бэт, и мы с Мартой потащили ее на руках домой.

Эриан была дома. Она вскрикнула от ужаса и наклонила голову. Я помню, как в полутемном холле на лбу ее блеснул кристалл.

Прибежали перепуганные служанки и взяли Бэт, а я позвонил в город Дэвиду и доктору.

Потом я занялся бренди и тонизирующим.

Скоро появилась Бэт, больше испуганная, чем раненная. Она рассказала, что смотрела на нас с Мартой и вдруг невесть откуда выскочил Бек и безо всяких причин попытался перегрызть ей горло.

— Я никогда не делала ему ничего плохого, — всхлипывала она. — Я любила его, и он любил меня. Наверное, он взбесился.

На мое счастье, вскоре приехал доктор и занялся Бэт. Бека увезли на вскрытие.

Пес оказался не бешеным, но были обнаружены признаки какой-то другой болезни. Я сжег свою трость. Я не мог забыть, как стонал Бек, как он смотрел на меня, умирая. Дэвид бросил мне несколько злых слов, и я чуть не ударил его, что было бы некрасиво в данных обстоятельствах.

Как бы то ни было, но собака умерла.

Бэт поправилась. Со временем нервы у всех успокоились, и даже Бэт устала говорить об этом случае. Наступал день рождения Дэвида. Эриан усиленно готовилась к празднеству, непрерывно задавая нам вопросы относительно того, что должно быть сделано по нашим обычаям, и дополняя кое-что свое.

Дэвид любил пышность, так что снова был организован большой обед и созвана куча народу. Теперь Эриан завоевала признание. К этому времени все уже успели пошушукаться с ней. Успех ее был куда более значительным, чем в первый раз.

Некоторые женщины даже решили, что с такой милой и несчастной крошкой не стоит быть чересчур суровыми.

Марта и я удалились в библиотеку, чтобы поцеловаться на свободе. Через закрытую дверь мы слышали, как поет Эриан.

Она пела не то, что прежде, не те, полные страстной тоски мелодии, а что-то веселое и озорное. Когда она замолчала, из гостиной вновь послышалась беспечная болтовня гостей.

Так прошло около часа. И вдруг веселый шум праздника прорезали чьи-то отчаянные крики. Я вообразил, что начался пожар, и помчался к выходу. Гости столпились на веранде и с любопытством вглядывались в темноту, пытаясь понять, по какому случаю поднялась такая суматоха.

Среди собравшихся была и Эриан.

Конюшни и большие открытые загоны располагались довольно далеко от дома. На полпути я встретил бежавшего ко мне Джемиссона, моего старшего грума.

— Мисс Бэт! — кричал он.

Лицо его было белым, как мука.

— Скорее!

Я прибавил ходу, но страшное предчувствие — не предчувствие даже, а холодная уверенность, от которой мышцы цепенели и к горлу подкатывался тошнотворный комок — овладело всем моим существом: зачем так спешить? Теперь уже поздно.

В той конюшне жила старая, чистых кровей кобыла, ласковая, как котенок. Она уже давно не работала и доживала свой век, так сказать, на пенсии. Бэт обожала ее. Как только моя сестра появлялась там, старая Хейзл начинала перебирать негнущимися ногами и обнюхивать ее руки в ожидании сахара.

Теперь здесь горели прожекторы, и в их лучах силуэты людей и лошадей сливались в одну серую, бурлящую массу, а человеческие крики и конское ржание сплетались в тревожный, настойчивый гул. Хейзл прижалась к ограде загона. Каждый мускул ее тела дрожал, темная шкура покрылась потом. На копытах кобылы алели пятна крови.

Бэт была мертва. Она прибежала сюда в загон в белом вечернем платье и в серебряных туфельках, а старая кобыла убила ее. Это было совершенно непостижимо и бессмысленно. Циркониевое ожерелье, подарок Эриан, сверкало среди брызг крови.

Люди накинули на обезумевшую кобылу веревки. Она яростно забилась, отчаянно завизжала. Кто-то сунул мне в руки пистолет, и я немедленно пустил его в ход, отчетливо понимая, что ни эта несчастная кляча, ни старина Бек никогда в жизни не решились бы на убийство своей хозяйки.

Дикость какая-то. Однако Бэт погибла.

Так закончился веселый вечер.

Вот, значит, каково бывает тому, кто теряет свою младшую сестру.

Иной раз она была надоедлива, иногда смешна и всегда нестерпимо болтлива... И теперь этому пришел конец. Как страшно!

Прибежал рассвирепевший Дэвид и хотел перестрелять всех лошадей. Я остановил его, и тогда он

бросился на меня. Произошла скверная сцена. Это были мои лошади, и одну из них уже пришлось пристрелить, а теперь погибла и вторая.

С тех пор между мной и братом встала стена, и его ненависть ко мне росла с каждым днем. Я не мог понять почему.

Он словно обезумел, но какие бы недостатки ни имел Дэвид, сумасшествия среди них не было.

Мы похоронили Бэт, и Эриан плакала больше всех. Она была преданной утешительницей Дэвида, и я впервые порадовался тому, что она здесь.

Глава 4
ЗВЕЗДНЫЕ СНЫ

В первую же ночь после похорон я начал видеть сны. Сначала они были короткими и смутными, потом длиннее и яснее, и в конце концов мои дни стали кошмарами, а ночи — невыносимым адом. Не было для меня большей муки, чем сон. Я видел во сне космос.

Все Мак-Квари — космолетчики. Начиная со старого Энсона, все наши мужчины летали на кораблях, а девушки выходили замуж за космолетчиков. Знамя Мак-Квари не раз покрывало себя славой. Никаких грехов, кроме стремления быть первыми, за нами не водилось. И корабли Мак-Квари выигрывали, мы снимали сливки с межпланетной торговли, а теперь даже пробились к звездам.

Я был Мак-Квари и старший сын вдобавок.

Я был изначально предназначен для космоса.

Это так же неизбежно, как восход солнца или детские болезни. И я был принят.

Теперь я видел космос во сне. Я висел в пустоте между мраком и ослепительным светом, и ни сверху, ни снизу, ни вокруг не было ничего, кроме жестокого излучения далеких солнц, наблюдающих за моим падением. Я падал через миллионы безмолвных миль,

безгласый, беспомощный, а звезды выглядели все такими же, и я вроде бы и не двигался. Я знал, что буду падать вечно, и мне никогда не позволят умереть, и звезды не изменятся до конца вечности.

Это были ужасные сны. Снотворное делало их еще хуже. Я целыми днями ездил верхом и выматывался достаточно, чтобы крепко спать, но ничего хорошего мои изнурительные прогулки не приносили. Я пытался пить, но и вышивка не помогала.

В этих снах был заложен комплекс вины.

Одна часть их все время повторялась: я сам, зная об ожидавшей меня участи, бежал от нее, как преследуемый разъяренными гончими заяц.

Везде, куда бы я ни повернулся, был мой отец. Раскинув руки, он загораживал мне дорогу. Глаза его были опущены, но я знал, что однажды он поднимет их, посмотрит на меня и узнает правду. Я с ужасом ждал этого момента, и этот страх был не меньше страха перед космосом. Спрятаться было негде, и я падал в безвременный мир.

С Мартой я не виделся. У меня не хватало духу на разговоры с людьми. Я начал подумывать о смерти. Она казалась мне предпочтительнее обитой войлоком камеры в психиатрической больнице.

Дэвид по-прежнему был невыносим. Эриан нежно порхала надо мной. Я, конечно, ничего не рассказывал им, кроме того, что плохо сплю.

Затем каким-то удивительным образом в мои сны вмешалась Эриан. Не сама она, а ее мир, планета у Альтаира, которую она оставила ради Дэвида.

Это было очень странно, потому что она мало рассказывала о своем мире. В сущности, она даже отказывалась говорить о нем, Дэвид тоже не распространялся на эту тему, разве что говорил о состоянии тамошней торговли. Но во сне я бывал там, я отчетливо видел этот мир, и в моем ужасном падении сквозь космическое пространство появлялись неожиданные светлые проблески. Я видел каждый лист, каждый цветок, каждую башенку в сияющем городе, улицы которого я знал, как собственный лес. Я видел

причудливые изгибы крыш, украшенных затейливой резьбой, широкие равнины перистой травы, что, как дым от костра, стелилась по земле и сливалась с мерцавшими опалами морских волн. По цвету разливающегося над горизонтом сияния я узнавал, какая из лун взойдет сейчас на небе, а по запаху трав, внезапно заполнившему воздух, я догадывался, из каких краев прилетел утренний ветер.

Впрочем, самым странным было то, что я рассказал об этом Эриан, не о кошмарах, а о ее планете. Она быстро взглянула на меня и сказала:

— Да, удивительно!

Я начал было рассказывать подробности, но она вдруг засмеялась.

— Ну, конечно! Ничего странного тут нет. Я же сама вам об этом рассказывала.

— Когда?

— Несколько дней назад. Вы тогда выпили лишнего, Раф, поэтому и не помните. Я хотела, чтобы вы поскорее уснули, и не нашла ничего лучшего, как рассказать о своем мире.

Это объяснение было не хуже любого другого, а ничего более убедительного мне придумать не удалось, так что я счел за лучшее выбросить это из головы. Но с тех пор мир Эриан мне больше не снился.

Я чувствовал себя подлецом по отношению к Марте, но в такие вещи нельзя впутывать другого, особенно если этот другой близок и дорог. С каждым днем мы все больше и больше отдалялись друг от друга; и, поглощенный своими переживаниями, я даже не пытался найти благовидный предлог для своих отлучек. Между тем провалы сознания усилились и стали посещать меня даже в часы бодрствования. Однажды я обнаружил, что моя лошадь стоит на краю обрыва и земля уже осыпается под ее ногами. В другой раз я поймал себя на том, что держу в руке острый перочинный нож и задумчиво царапаю им свое запястье.

Я перестал ездить верхом. Я прекратил водить машину. Я запер все мои ружья и отдал ключи Джемиссону. Я знал, что должен умереть, но свыкнуться с этой мыслью не мог.

Однажды, незваная и нежданная, ко мне пришла Марта. Она вошла в дом, отыскала меня и вежливо закрыла дверь перед носом у моих домочадцев. Мы остались наедине.

— Я хочу знать правду, Раф. Что случилось?

Я путано объяснил ей, что не очень хорошо себя чувствую, но вообще-то со мной как будто все в порядке, поблагодарил ее за визит и постарался избавиться от нее, но она не сдавалась.

— Посмотри на меня, Раф. Ты разлюбил меня?

Я взглянул на нее, и она улыбнулась. Во всяком случае, мне так показалось.

Я молча прижал ее к себе. Через некоторое время она прошептала:

— В этом доме таится какое-то зло. Я почувствовала его, как только переступила ваш порог. Что-то очень скверное...

— Глупости, — нахмурился я.

Но она упорствовала в своем убеждении и, слегка повысив голос, принялась ругать меня за то, что я заставляю ее страдать. Излив свои чувства, она успокоилась, взглянула мне в лицо и заметила:

— Ты чертовски скверно выглядишь, Раф. В чем дело?

— Сам не знаю.

Внезапно мне захотелось выбраться из этого дома, и как можно скорее. Кажется, я поверил ее речам. Нелогично? Я и не хотел быть логичным.

— Пойдем погуляем. Может, на свежем воздухе моя голова будет лучше соображать.

Мы не стали уходить слишком далеко. Последние несколько недель страшно истощили и вымотали меня, и каждое движение давалось мне с трудом. Мы дошли до поросшего травой бугра позади дома, присели на него. Марта не пыталась скрыть свой испуг.

Откровенничать с ней я не собирался.

Я твердо решил, что не скажу ни слова, и, конечно, все выболтал. Не знаю, что ей удалось понять, потому что рассказывал я не очень связно, но когда я закончил,она сильно побледнела и обхватила меня руками.

— Тебе нужен психиатр. И хороший доктор.

— Доктор у меня есть, а психиатр нужен только тем, кто не хочет в чем-то признаться самому себе. Но я-то не из их числа.

— Откуда же у тебя эти сны?

— Думаешь, меня мучит комплекс вины? Послушай, Марта, я расскажу тебе кое-что, чего не знает никто, кроме меня. Может быть, это уронит меня в твоих глазах, но я хочу все рассказать тебе, и лучше сделать это сейчас. Помнишь, я говорил тебе о той аварии, из-за которой меня не пустили в экспедицию? Так вот, я сам разбил свой самолет, я сделал это намеренно.

Ее глаза широко раскрылись. Прежде чем она успела что-то сказать, я поспешно продолжил:

— Я никогда не хотел уходить в космос. Когда я был маленьким, мой отец часто пытался соблазнить меня рассказами о космических путешествиях, но так ничего и не добился. Я любил Землю. Я любил собак, лошадей и прогулки по лесу. Мне вовсе не хотелось идти по протоптанной поколениями Мак-Квари дорожке. Когда я был мальчишкой, мы с отцом часто ссорились из-за этого. С возрастом мое отвращение к космосу не уменьшилось, но я обнаружил, что всякая борьба бесполезна. Кроме того, я любил отца. Ты знаешь, как некоторые люди гордятся семейными традициями. Космос был его жизнью. И его желание сделать меня космолетчиком оказалось сильнее моего упрямства. Итак, я пошел. Мне не нравилось это дело. Я, прямо скажем, ненавидел его, но помалкивал. Однажды мы возвращались с Марса и один человек из нашей команды погиб. Он вышел наружу, чтобы проверить обшивку, и магнитные защелки не сработали. Его отнесло от корабля. Через экран я видел, как он становился все меньше и меньше, пока не исчез совсем. Ты

знаешь, как быстро идет корабль на полном ускорении? Мы тотчас послали за ним бот, но было уже поздно. Этот человек все еще там. Он всегда будет там. После этого случая одна мысль о космосе приводила меня в ужас. Точно так же некоторые люди боятся моря. Дело тут не в страхе смерти. Нет. Меня пугала пустота, тьма, холод и ожидание. Я не хотел сидеть взаперти, а корабль — это тот же гроб. Я пытался бороться с этим чувством. Я совершил еще два путешествия и после второго слег на несколько месяцев. Я никому не говорил о причинах этой болезни и, выздоровев, отправился в Академию получать назначение. Мой отец был горд и безмерно счастлив. Еще бы! Ведь дети просто обязаны любить то, что любят их родители! Он дал мне должность на своем флагманском корабле. Я не мог сказать ему правду, но не мог и идти в полет. И кто дал мне право делать вид, будто в трудную минуту на меня можно положиться, а на самом деле... И я разбил свой самолет. «Если я умру, — думал я, — я сделаю это прилично и в одиночку, если останусь жить, то буду настолько искалечен, что физически не смогу отправиться в космос, и честь дома таким образом будет спасена». Я полагал, что Бог на моей стороне, и в любом случае считал катастрофу самолета правильным выбором. После аварии эстафетный факел принял Дэвид, и мой отец умер счастливым.

Некоторое время мы молчали. Я сидел и вертел на пальце кольцо, подаренное мне Эриан. Наконец Марта сказала:

— Вот и объяснение.

— Чему?

— Тому, как ты встречал корабль Дэвида. В твоем взгляде не было ни зависти, ни сожаления. Ты не хотел быть на его месте, но гордился им так же, как Бэт.

— Дэвид чуточку задается, — сказал я, — но вообще-то он толковый парень. Я говорил с его людьми... Так что насчет меня?

— Раф, ты начал было что-то рассказывать об Эриан. Как она связана с этим делом?

— Ах да, я забыл...

Я рассказал о своих снах.

— Не исключено, что она описывала мне свой мир, а мое воображение сделало остальное.

— Сомневаюсь.

Некоторое время Марта сосредоточенно молчала, а затем принялась расспрашивать меня о том, что говорила Эриан, что ответил я, что и как я вспоминал. В конце концов мне захотелось узнать, к чему она ведет.

— Тебе не приходило в голову, Раф, что все эти беды навалились на вас с тех пор, как появилась Эриан? Все происшедшее не имеет реального объяснения: Бек, старая кобыла, сама Бэт, прибежавшая в загон в вечернем платье, да еще ночью, чего ни одна женщина в здравом уме не сделает! А теперь эти кошмары, которые ведут тебя к... Ох, да я вижу, что ты рассказал мне только часть!.. Послушай, Раф, все это слишком неправдоподобно! Так не бывает.

— Но какое отношение имеет к этому Эриан? Сдается мне, Марта, что ты порешь чушь!

— Так ли? Откуда мы знаем, какими силами они обладают, на что способны существа ее мира?

— Но она любит Дэвида! С какой стати она станет уничтожать его родных?

— Откуда ты знаешь, что она его любит? Она сама тебе это говорила?

— Да.

Но тут я вспомнил слова Эриан и поправился:

— Нет, если быть точным. Она лишь сказала, что любовь — великая сила. Но тогда за каким же чертом она согласилась приехать сюда?

Почему-то наш разговор глубоко встревожил меня. Место, где мы сидели, было открытым и пустынным, но меня не покидало ощущение, что нас кто-то подслушивает, а Марте, проявляющей неуместное любопытство, грозит серьезная опасность.

— Все это вздор, — резко сказал я. — Мы не автоматы с дистанционным управлением. Никто не может насылать на нас сны, заставлять нас делать

то, чего мы не хотим, а тем более подталкивать к гибели.

— Земные люди не могут. Но Эриан не земная. Внутренне она чужда нам, хотя внешнее сходство очень сильное. И Бэт говорила то же самое.

— Женская болтовня.

— Возможно. Но возможно также, что мы иногда бываем ближе к истине, чем мужчины. Мы не стыдимся доверять инстинктам и интуиции, дарованным нам Господом. Эта женщина — зло. Она наполнила дом смертью.

Марта вздрогнула, словно от холодного ветра, внезапно протянула руку, сорвала с моего пальца кольцо и забросила его далеко в густую траву.

— Я не хочу, чтобы ты носил сделанные ею вещи!

Настала моя очередь содрогнуться. Как только кольцо исчезло, пропало и давление на мой разум, исчез неопределенный страх, и мои растрепанные нервы снова начали приходить в норму, но я все-таки не мог поверить ее словам.

— И все-таки я считаю, что ты говоришь глупости. Откуда у Эриан такое могущество? Она всегда мила, дружелюбна и ходит за Дэвидом, как преданный спаниель. Я не думаю, чтобы она питала к нам ненависть.

— Я знаю, как можно разгадать эту загадку.

— Как?

Я с удивлением воззрился на нее.

— Возьмем твои сны о мире Эриан. Даже если она рассказывала тебе о своей родине, вряд ли она делала это так подробно. Ты мог просто выдумать эти подробности, но как узнать, выдумал ты их или нет? Это может знать только тот, кто побывал там. Если твои сны ошибочны, значит, Эриан сказала тебе правду, и это были просто сны, капризы утомленного сознания. Но если они правильны во всех деталях, тогда это не сны, а воспоминания самой Эриан, сме-

шанные с теми страшными видениями, которые она насылает, чтобы мучить тебя.

— Пусть так. Но как она узнала о моем отношении к космосу? Как она могла... А впрочем... Спросим Дэвида.

— Нет, не Дэвида! Никого, кто имеет хоть какое-то отношение к ней. К тому же, если у нее есть причины ненавидеть Дэвида, она вряд ли захочет рассказывать нам о них, так?

— Так-то так. А ты не думаешь, что твои репортерские замашки в данном случае несколько неуместны?

— Я пытаюсь спасти твою шкуру, упрямый ты осел! — рявкнула она, не то злясь, не то плача.

Я встал.

— Тогда пошли. Есть такой Гриффит, наблюдатель на «Энсон-Мак-Квари». Я близко знаком с ним.

Мне внезапно пришло в голову, что Гриффит ни разу не был здесь после приземления «Энсон-Мак-Квари». Почему? Я не мог найти ответа. Они с Дэвидом всегда были друзьями. Я почувствовал себя крайне заинтригованным — я, который всегда считал, что любопытство это чисто женская черта.

Машина Марты стояла на подъездной дорожке. С террасы нас окликнула Эриан.

В своих легких юбках, разлетавшихся вокруг ее ног, с пурпурной, сверкающей на солнце башней прически она выглядела очень мило. Марта сказала, что хочет заставить меня вести машину. Эриан ответила, что мне это полезно. Они обе дружелюбно улыбнулись, и мы уехали.

— Она всегда носит эту тиару? — спросила Марта.

— Не знаю. Кажется, да. А что?

— Драгоценности днем — это дурной вкус.

— Очевидно, так принято у нее на родине.

— Когда она прилетела, на ней тоже была тиара?

— Нет. Она ее сделала... Да не все ли равно?

Тут меня одолела внезапная дремота, я начал зевать и быстро уснул. Спал я, как младенец, и

никаких снов не видел. Когда Марта приехала по данному мной адресу, я все еще спал и проснулся уже наполовину вытащенным из машины.

Глава 5
ОБ АЛЬТАИРЕ

Гриффит оказался на месте. В промежутках между рейсами космолетчики обычно сидят дома, предаются ничегонеделанию и знакомятся со своими женами и детьми. Кажется, он был рад видеть меня, но бурного восторга не проявил. Он спросил, как дела, я ответил, что все отлично, он сказал, что все собирался зайти, но был очень занят, и оба мы знали, что ни одно из этих утверждений не было правдой. Затем он неловко пробормотал, что очень сожалеет о смерти Бэт, и я поблагодарил его за сочувствие. Не в силах придумать ничего лучше, он спросил, чем может быть полезен.

— Понимаешь, — сказал я, — моя невеста с ума сходит от желания посмотреть снимки, которые вы привезли из своего последнего путешествия. Новые миры и все такое.

Я объяснил ему, кто она по профессии.

— Она хочет написать статью о том, как работают космические наблюдатели, каким образом сведения передаются правительству и ученым, и тому подобное. Я надеюсь, что вы, в виде особой милости, покажете ей свои фильмы.

— О, — сказал он с видимым облегчением, — конечно, я буду рад.

Он провел нас в маленький флигель, спрятавшийся за домом, где размещалась его фотолаборатория и комната с проектором. Он искал нужные катушки и попутно болтал о каком-то прекрасном астрономическом материале, за который его удостоили высокой награды. Марта задавала ему вопросы, какие только могла придумать: о его работе, интересах и

деловито записывала. Зажужжал проектор. Мы смотрели.

Фильмы были великолепны. Гриффит знал свое дело. Межзвездное пространство прошло мимо нас, как настоящее. Новые звезды, созвездия, неизвестные солнца, яркие звездные потоки бежали по трехмерному экрану в превосходной цветовой репродукции.

Мы наблюдали чужую солнечную систему, вынырнувшую перед нами, а затем принялись изучать отдельные планеты, по мере того как «Энсон-Мак-Квари» подходил к ним.

Некоторые из них были мертвыми и голыми, другие — наполненные бурной растительностью, третьи населены, но не всегда гуманоидами. Для каждой из планет был сделан спектральный анализ, дан исчерпывающий список руд и минералов, которые можно там найти, а также указывались сведения о составе атмосферы, гравитации, типах местной флоры и фауны.

Очарованный увиденным, я почти забыл, для чего пришел, но тут...

Вот о н, мир моих снов, мир Эриан, каждый листок, каждый стебелек травы, каждый оттенок, и этот сияющий город с удивительными крышами, спускающийся к морю, чьи волны сверкали, словно огромные опалы.

И тут странная дурнота овладела мной. Не знаю, что случилось вслед за этим, но я снова оказался в доме Гриффита, и Марта отпаивала меня бренди.

Я встал и, покачиваясь, повернулся к расстроенному и встревоженному Гриффиту.

— Это была вторая планета Альтаира, не так ли? — спросил я. — Родной мир жены моего брата?

— Да, — ответил он.

— Что там случилось?

Я шагнул к нему, и он чуть подался назад.

— Что произошло между моим братом и Эриан?

— Спросите Дэвида, — пробормотал Гриффит.

Он попытался уйти, но я удержал его.

— Расскажите мне все, — попросил я. — Бэт уже нет в живых, ей уже ничто не поможет, но остались Дэвид и я. Ради бога, Гриф, вы же были его другом!

— Да, — задумчиво кивнул Гриффит, — я был его другом. Я говорил ему, чтобы он не делал этого, но ведь вы знаете Дэвида.

Он сделал сердитый, неопределенный жест и взглянул на меня.

— Она такая маленькая. Как она... Я имею в виду...

— Не имею понятия. Скажите мне точно, что Дэвид сделал с ней. Ведь она полетела сюда не по доброй воле, верно?

— Верно. Он попытался доказать нам, что она сама захотела на Землю, но все понимали, что это не так. Я точно не знаю, в чем заключалась сделка, но народ этот нуждался не то в химикалиях, не то в лекарствах, и, видимо, здорово в них нуждался. Наш корабль, разумеется, был набит подобными препаратами. Вы сами знаете, как щедро раздавал их Дэвид для установления хороших отношений с другими расами. Для чего бы ни требовались эти вещи — для людей, для скота, против вредителей урожая или загрязнения воды,— за них всегда благодарны, особенно примитивные расы. Ну а народ Эриан весьма далек от примитивности, но я уверен, он бросится к источнику, каков бы этот источник ни был. Дэвид очень не любил рассказывать про эти переговоры.

Гриффит замялся, и я подтолкнул его:

— Вы хотите сказать, что Дэвид дал им химикаты или лекарства в обмен на Эриан, иначе говоря, купил ее?

Гриффит кивнул. Он, казалось, сам стыдился этого, словно служба под началом Дэвида делала его соучастником преступления.

— Шантажировал ее, это будет ближе к истине, — сказал он. — Самое гнусное в этой истории то, что Эриан уже была заложницей. По крайней мере,

так я слышал. Во всяком случае, поехала она не по своей воле.

Я полагаю, что если бы мне в тот момент попала в руки шея Дэвида, я бы сломал ее. Сколько зла может совершить человек! И куда пойдешь за справедливостью?

Марта спросила Гриффита:

— У этого народа есть какие-нибудь особые способности? Нам очень важно это знать, мистер Гриффит.

— Их культура отличается очень сложной структурой, а мы находились там не столь долго, чтобы изучить ее достаточно подробно. К тому же — языковой барьер. Но я вполне уверен, что они телепаты, — как вы знаете, многие расы обладают этой способностью, — но в какой степени, я не могу сказать.

— Телепаты, — тихо повторила Марта.

Она посмотрела на меня.

— Мистер Гриффит, носят ли там женщины тиары вот такого вида?

Она детально описала украшение Эриан, включая странно ограненный камень.

— Я имею в виду — носят ли их повседневно?

Он, очевидно, подумал, что только женщина может беспокоиться о безделушках в такое время.

— Честно говоря, мисс Уолтерс, я не обращал внимания на их украшения. Драгоценности там носят и мужчины, и женщины, и почти все делают их сами. — Он остановился, вспоминая что-то. — Да, я видел свадебную церемонию. Там обменивались маленькими коронами, как мы кольцами, и, насколько я понял, молились некоему Создавшему Все.

— Большое-пребольшое вам спасибо, — улыбнулась Марта. — А теперь, я думаю, пора везти Рафа домой.

Я что-то сказал Гриффиту — не помню, что именно, — мы подали друг другу руки, и он, кажется, облегченно вздохнул. Я сел в автомобиль и задумался, а Марта повела машину, но не к моему дому, а туда,

где жила она сама. Она сказала, что на минутку забежит домой, и взяла с собой ключи от машины. Я размышлял, и мысли мои были не веселы. Марта вернулась с маленьким чемоданчиком.

— Зачем это? — спросил я.

— Я останусь с тобой.

— Черта с два!

Она посмотрела на меня, и взгляд ее был холоден и непреклонен, как стальное лезвие.

— Когда речь идет о тебе, мне наплевать не только на общественное мнение, но и на собственную шкуру. Ясно? Я останусь с тобой, пока это дело не закончится.

Я ругался, умолял, объяснял, но Марта выехала из города, непоколебимая, безрассудная и удивительная. В конце концов я сдался. Не мог же я выкинуть ее из машины. Впрочем, это тоже не помогло бы избавиться от нее.

Наконец она сказала:

— Ты, конечно, знаешь самое простое, логичное и безопасное решение для всего происходящего.

— Какое?

— Уйти за пределы досягаемости Эриан, и пусть Дэвид отвечает за последствия собственных грехов.

— Он вполне заслуживает этого! — взъярился я.

— Но ты же не захочешь уйти.

— Как я могу, Марта?

И я снова начал кричать на нее, говоря, что ей самой следует уходить из нашего дома.

— Ладно, все устроится. А теперь давай подумаем. Я полагаю, что обратиться в полицию мы не можем.

— Вряд ли. Даже подумать страшно — предложить тупоголовому копу забрать женщину с лавандовыми волосами, занимающуюся колдовством. Ты думаешь, что тиара Эриан помогает ей... ну, воздействовать на чужое сознание?

— Точно не знаю. А раз мы этого не знаем, Раф, мы можем подозревать все.

Я вспомнил необъяснимое облегчение, появившееся у меня, когда Марта выбросила мое кольцо. Не могло

ли кольцо быть контактной антенной, фокусной точкой для концентрации энергии Эриан, которая усиливалась и целеустремленно направлялась пучком золотых и платиновых проволочек и кристаллом с причудливыми гранями? Вспомнил я и сверкающее ожерелье на шее Бэт в ночь ее смерти.

«Эти подарки должны быть сделаны от души».

— Как же быть, Раф? Я просто ума не приложу. А ты?

— Я полагаю, нам нужно встретиться с ними лицом к лицу и поговорить начистоту.

Марта вздохнула, и мы погрузились в унылое молчание.

Глава 6
ПОСЛЕДНЯЯ МАГИЯ

Когда мы вернулись домой, было уже совсем темно. Эриан радостно приветствовала нас.

— Я так счастлива, что вы снова привезли с собой Марту, Раф. Мы очень давно не видели ее.

— Она останется здесь на некоторое время, — сказал я.

— Очень приятно. С тех пор как малышка умерла, мне не с кем и поболтать по-женски. Пойдемте, я посмотрю, все ли в порядке в комнате для гостей.

— Где Дэвид? — спросил я.

— Он уехал в город и вернется только ночью. Мое сердце полно печали: я думаю, что он уехал договариваться о следующей экспедиции.

Она увела Марту. Я пошел следом, якобы для того чтобы убедиться, что у Марты есть все необходимое, и оставался в ее комнате, пока не пришла горничная. Затем я отправился переодеться к обеду, проклиная исчезнувшего Дэвида.

Прежде чем мы спустились вниз, мне удалось перекинуться с Мартой двумя словами.

— Нам лучше подождать, — сказал я. — Надо взяться за обоих сразу. Это единственный способ насторожить Дэвида.

— Он рассказывал тебе о новом полете?

Я покачал головой.

— Он вообще редко разговаривает со мной.

— Вот как? Эриан и тут успела поработать.

В этом, похоже, можно было не сомневаться. Конечно, мы с Дэвидом никогда не пылали страстью друг к другу, но и ссор между нами не случалось.

После смерти Бэт все изменилось.

Эриан была очень приветлива с Мартой.

В прежние времена такой вечер показался бы нам просто восхитительным. Но сегодня... Наши подозрения не шли у меня из головы. Хотелось бы знать, догадывается ли об этом Эриан, если да, то каковы будут ее ответные действия?

Не успел я об этом подумать, как она воскликнула:

— О Раф, вы потеряли свое кольцо.

Я спешно сочинил более или менее убедительное оправдание.

— Мне страшно жаль, Эриан. Когда-нибудь вы сделаете мне другое.

Она улыбнулась.

— Это не потребуется. Подождите!

Она убежала. Мы с Мартой выразительно переглянулись. Эриан вернулась из своей мастерской с шелковой подушечкой в руках.

— Смотрите: к вашей помолвке я приготовила небольшой подарок.

На подушечке лежали два кольца с одинаковым рисунком, одно большое, другое маленькое. Циркониевые камни слабо поблескивали, словно злобные, следящие за нами глазки.

— Вы не поменяетесь ими сейчас? Я была бы так счастлива!

Марта хотела сказать что-то резкое, но я удержал ее взглядом и рассыпался в благодарностях. Если она знает, что мы питаем недоверие к ее подаркам, —

ничего не поделаешь, если не знает — не стоит наводить ее на эту мысль сразу же.

— О Эриан, — сказал я, — но они слишком красивы для простого подарка. Надо сберечь их до свадьбы. Мы все равно планировали церемонию обмена кольцами, так что они будут очень кстати. Правда, Марта?

— Да, разумеется.

Эриан сияла, как счастливый ребенок, и без конца повторяла, что ее маленькие безделушки недостойны такой чести. В эту минуту я снова начал сомневаться.

Выглядеть невинным как младенец и при этом таить в душе такие ужасные замыслы — нет, на это никто не может быть способен.

Марта, видимо, заметила мои колебания и сказала:

— Раф, дорогой, спрячь их хорошенько. Я не хочу, чтобы с ними что-нибудь случилось до нашей свадьбы.

Я унес кольца в свою комнату и спрятал в самый дальний угол комода под стопку рубашек. Пока я находился в комнате, у меня возникло страшное искушение надеть большое кольцо на палец, просто посмотреть, полюбоваться необычной огранкой этого камня и филигранной работой его оправы. Какой вред может принести кольцо?

Спасло меня то, что желание это показалось мне слишком сильным. Я испугался. Я быстро задвинул ящик на место, запер его и выбросил ключ в окно. Повернувшись, я увидел на пороге Марту.

— Я не дала бы тебе надеть его, — прошептала она. — Но ты видишь, Раф, насколько мы были правы?

Я даже затрясся. Мы снова пошли вниз, и Марта украдкой шепнула мне:

— Я уверена, что она знает.

Я согласно кивнул, и мне стало страшно.

Стыдно, конечно, бояться такого хрупкого маленького существа, но я боялся.

Когда настало время идти спать, мы с Мартой облегченно вздохнули. Это избавляло нас от тяжкой необходимости разговаривать с Эриан. Спать я не собирался, но рад был находиться подальше от нее.

Комната Марты располагалась невдалеке от моей — дальше, чем мне бы хотелось, однако достаточно близко, чтобы я услышал, если Марта позовет меня. Я велел ей оставить дверь открытой и орать во всю глотку, если что-нибудь — все равно, что — покажется ей не так. Свою дверь я тоже оставил открытой и уселся в кресло, откуда мне был виден освещенный коридор. Я пожалел, что у меня нет оружия, но для этого надо было идти к Джемиссону за ключами, а я отчаянно боялся оставить Марту одну.

В доме стояла полная тишина. Огромные старинные часы на лестничной площадке монотонно и мирно отбивали каждые четверть часа, а каждый новый час отсчитывался ударами глубокого, низкого тона. Кажется, последний бой я слышал в половине второго. Я не собирался спать и нарочно ничего не пил вечером, кроме черного кофе. Но меня так долго мучила бессонница!

Я помню, что вышел в коридор и заглянул в комнату Марты. Марта лежала, свернувшись клубочком. Что было потом, я помню смутно. Не думаю, что я спал очень крепко или очень долго, но и этого было достаточно. Я увидел живой и очень страшный сон. Я видел Марту, стоявшую в саду в клетчатом купальном халате. Ей грозила какая-то опасность, и я должен был спасти ее.

Я вскочил с кресла и прислушался.

Царящую в доме тишину нарушало только негромкое тиканье часов на площадке. Я побежал в комнату Марты. Сначала мне показалось, что она спит, но потом я разглядел на постели только скомканное одеяло. Я окликнул Марту, но ответа не было. Продолжая звать ее, я торопливо сбежал вниз. Повсюду стояла глубокая тишина, и так продолжалось до тех

пор, пока я не выскочил на террасу над темным садом: там до меня долетел ее зов.

Полная луна ярко освещала ее клетчатый купальный халат и белое, как у мертвеца лицо. Еще минута — и я уже обнимал ее, а она рыдала и не могла поверить тому, что я жив.

— Наверное, мне это приснилось, Раф, но я была уверена, что ты лежишь где-то здесь — раненый, а может, и умирающий.

Она была ужасно испугана, и я тоже.

Я знал, кто послал эти сны — их не трудно было послать даже без помощи телепатии. Мы так боялись друг за друга, повсюду нам мерещились опасности, и во сне наша тревога не хотела покидать нас.

Мы поднялись по ступеням на широкую террасу, залитую этим проклятым ярким лунным светом. Из дверей библиотеки вышел Дэвид и преградил нам путь. В руках он сжимал двустволку и на таком расстоянии не мог промахнуться.

Дэвид!

Он не ездил в город. Он все время был в своей комнате и ждал. Глаза его были широко раскрыты и пусты, холодные блики лунного света плавали в его зрачках.

Рядом стояла Эриан.

В отчаянии я попытался загородить собой Марту и крикнул:

— Дэвид!

Он слегка повернул голову, словно услышал какой-то далекий, очень далекий звук, нахмурил брови, однако не сказал ни единого слова.

Эриан тихо произнесла:

— Мне очень жаль, Раф и Марта, что так получилось. Мне не в чем упрекнуть вас, вы были добры ко мне. Если бы Марта не разгадала моих замыслов... Однако теперь не время каяться. Все должно кончиться здесь, в эту ночь.

— Эриан... — начал я.

Два черных ствола охотничьего ружья угрюмо уставились на меня. На руке Дэвида, на протянутом к курку пальце сверкало блестящее кольцо.

— Эриан, Дэвид совершил серьезный проступок. Мы знаем об этом, но разве это дает вам право убивать всех нас — Бэт, Марту...

— Я дала обет своим богам, — прошептала Эриан. — У меня тоже были отец и мать, брат и сестра. Я очень любила их. И был еще кое-кто, кто мог бы стать моей второй половиной...

— Я отправлю вас обратно, — сказал я. — Я пошлю корабль к Альтаиру. Только отпустите Марту.

— Как я могу вернуться после того, что он со мной сделал? Как я могу начать новую жизнь с той кровью, которая уже лежит на мне? Нет. Я возьму у Дэвида все, что он любит, даже сам космос, и только тогда расскажу ему, в чем его вина.

— Понятно, Эриан. Но почему Марта? Она не может остановить вас. Если Дэвид убьет меня, этого будет достаточно. Его будут судить за совершенное убийство, все всплывет наружу, и это будет его концом, независимо от того, что решит суд.

С невыразимой печалью Эриан улыбнулась.

— Вы должны знать, что думает Марта. Ее тело очень хочет жить, однако сердце говорит: «Без Рафа — нет!», а сердце сильнее тела. Нет, Раф, если она останется жива, она вытащит Дэвида из клетки, только для того, чтобы отомстить мне. А теперь давайте прекратим мучить друг друга.

И она болезненно поморщилась.

Существо, стоящее рядом с нею, почувствовало ее безмолвный приказ. Ружье поднялось, и я понял, что это конец.

Я еще раз яростно выкрикнул его имя. Дэвид находился в двадцати пяти или в тридцати футах от меня.

Я оттолкнул Марту в сторону и, пригнувшись, бросился к Дэвиду. Это было бессмысленно, но ничего лучшего я придумать не мог.

Целую вечность спустя до меня долетел его стон. Он стонал так же, как старый Бек в тот день. Я понял, что он не хотел убивать меня.

Эриан что-то шептала. Кристалл в ее тиаре сверкал, лицо было исполненно страшной, нечеловеческой силы. Дэвид испустил низкий предсмертный вой. На его руках и шее набухли вены. Глаза женщины с Альтаира горели, как пурпурные звезды. Стволы ружья все еще целились в меня, и палец Дэвида напряженно согнулся на спусковом крючке.

Кто-то, словно ветер, метнулся мимо меня.

Кто-то в клетчатом бросился — не на Дэвида — на Эриан. Раздался вопль — не знаю чей, может быть, мой. Ружье грохнуло из обоих стволов, раскаленный вихрь пронесся над моим плечом, и горячий металл обжег мне руку, когда я в последний момент отбил ружье вверх. Выстрелы никого не задели, пули только сшибли верхушки деревьев.

Дэвид с протяжным стоном выронил ружье.

Я оглянулся. Марта склонилась над каменной балюстрадой, дрожащая, рыдающая и торжествующая. В руке ее сверкала хрустальная тиара...

* * *

Я перенес обмякшее тело Эриан в дом — легкое, хрупкое, птичье тело с переломанными костями. Она упала с террасы на утрамбованную землю сада и тяжело ударилась. Волосы ее распустились и свисали через мою руку плотным пурпурно-багряным покровом, переливающимся в лунном свете.

Я бережно положил ее на диван. Она посмотрела на меня подернутыми туманом глазами и отчетливо сказала:

— Животных я могла принудить поступать против их воли. Человеческий мозг неизмеримо сложнее, а значит и сильнее. С человеком мне не справиться.

Она замолчала. Через несколько трагических минут вновь раздался ее шепот.

— Как жаль, Раф, что приходится умирать так далеко от родного дома.

Вот и все.

* * *

Грохот выстрелов разбудил слуг. Они сбежались к нам со всего дома.

Я сказал им, что Дэвиду показалось, будто в сад проникли грабители, и он выстрелил, а Эриан от неожиданности упала с террасы. Они поверили. Они обязаны были поверить. Почему бы и нет? Дэвид ошеломленно сидел, сгорбившись на холодном камне, и смотрел в никуда. Я не мог заговорить с ним, не мог дотронуться до него. Я велел слугам увести его в дом и позвонить кому следует в город. Затем я увел Марту в ее комнату.

— Все будет в порядке, — успокаивал я ее. — Несчастный случай. Говорить буду я сам. Ты не будешь даже упомянута.

— Мне наплевать, — заявила она охрипшим голосом, — мне на все, абсолютно на все, наплевать, лишь бы только ты был жив и здоров.

Она судорожно обняла меня, крепко, до боли.

— Мне жаль, что я убила ее. Я вовсе не хотела ее убивать. Но я сделала бы это снова, не задумываясь, Раф, сделала бы еще раз, потому что она хотела убить тебя!

Она перевела дух, стиснула меня еще крепче и перешла на крик.

— Ты дурак, ох, какой же ты дурак! Зачем ты бросился к Дэвиду? Ты хотел, чтобы он выстрелил в тебя, а не в меня!

Она еще много чего говорила, однако в конце концов устала и затихла. Я уложил ее в постель, дал снотворного, и она немедленно уснула.

Оставив с ней пришедшую на вызов горничную, я спустился вниз. Мне было что сказать Дэвиду.

* * *

Вот каким образом традиции семьи Мак-Квари, которые лелеяли более двухсот лет, были нарушены. Даже дом пропал, потому что никто из нас не захотел в нем оставаться. Дэвид никогда больше не пойдет в космос.

Я рад, но не удовлетворен. Что выиграли мы от случившегося? Что выиграли люди? Разве без звезд они стали счастливее?

Конечно, теперь уже поздно раскаиваться. Поздно было уже тогда, когда одетый в шкуры варвар глядел на луну и желал добраться до нее. Если у нас с Мартой родится сын, я боюсь, что Мак-Квари снова отправятся в космос.

Шеннеч

ПОСЛЕДНИЙ

Глава 1

В пещерах Меркурия было темно и жарко. Глубокую, гнетущую тишину нарушали только тяжелые шаги Тревера.

Долгие часы Тревер блуждал в этом лабиринте, где до него еще не ступала человеческая нога. Тревера душила злоба. Смерть караулила его на каждом шагу, а он вовсе не был готов к тому, чтобы безвинно погибнуть здесь — в миллионах миль от Земли. Более того, ему казалось особенно унизительным именно то, что свой конец он найдет в кромешном мраке, под чужими высокими, как Эверест, горами. Он хотел бы остаться в долине.

Голод и жажда сделают свое дело и там, но Треверу казалось, что погибший в долине умирает как человек, а не как крыса в канализации.

Впрочем, не все ли равно, где умереть?

Выжженный песок долины даже до землетрясения ничего не давал человеку, кроме, быть может, смутной надежды найти солнечные камни, один или два из которых могли превратить изыскателя в плутократа.

Тревер не нашел солнечных камней. Землетрясение обрушило на его корабль целую скалу, оставив незадачливого искателя сокровищ с карманным фонариком, горстью пищевых таблеток, фляжкой воды и весьма символической одеждой.

Он посмотрел на голые скалы, на ручеек ядовитой зеленой пены и отправился в туннели, древние норы охлаждавшейся по ночам планеты, надеясь, что ему удастся найти выход из этой проклятой долины.

Горы Сумеречного Пояса Меркурия изрыты тысячами глубоких нор и напоминают пчелиные соты.

Здесь нет пути через горы, потому что зубчатые пики поднимаются в безвоздушное пространство. Тревер знал, что между ним и открытыми равнинами лежит только один базальтовый туннель. Если он сможет добраться до этого туннеля и пересечь его, то он...

Но теперь он понимал, что дойти ему не удастся.

От ужасающей жары у него начала облезать кожа.

Его сил уже не хватало даже на то, чтобы переставлять ноги, обутые в тяжелые шахтерские сапоги. Он снял эти пудовые колодки и босиком пошел по грубому камню. Теперь в запасе у него оставался только фонарик.

Вскоре его свет погаснет, а с ним исчезнет и последняя надежда на спасение.

Произошло это довольно скоро. Непроглядный мрак затхлой могилы сомкнулся вокруг него. Тревер постоял немного, слушая биение своей крови, гулко звучащее в тишине инопланетного склепа, и глядя на плывущие перед глазами фиолетовые разводы, затем выкинул фонарик и пошел вперед, борясь со страхом, который оказался сильнее, чем физическая слабость.

Дважды он натыкался на изгиб каменной стены и падал, но каждый раз находил в себе силы, чтобы подняться. В третий раз он уже не смог встать и пополз на четвереньках.

Он полз — крошечное создание в перепутавшихся кишках чужой планеты. Проход становился все у́же, постепенно сжимаясь вокруг него. Время от времени он терял сознание и, с невероятным трудом приходя в себя, возвращался к иссушающей жаре, к молчанию давящего камня.

После очередного провала в глубины небытия, он услышал тупой, ровный гул. Проход сузился до узкой щели, в которой приходилось ползти на животе, извиваясь, словно дождевой червь. Вскоре Тревер почувствовал сильную вибрацию камня. Она становилась все сильней, и человек, замкнутый в тесном пространстве, почувствовал ужас. Воздух стал душным от пара. Рев и вибрация дошли до невыносимых пределов. Тревер был почти задушен паром. Он боялся

ползти вперед, однако другого пути не было. Вдруг руки его почувствовали впереди пустоту.

Видимо, каменный пол был разъеден эрозией. Он подался под весом Тревера и сбросил его головой вперед в грохочущий поток горячей воды, стремительно катившийся в глубь пещеры.

После этого Тревер мало что помнил.

Было обжигающе горячо, были отчаянные попытки удержать голову над водой и страшная скорость ревущей подземной реки, бежавшей все дальше в темноту.

Он несколько раз ударялся о скалы, а когда потолок туннеля опускался к самой поверхности воды, ему приходилось на целую вечность сдерживать свое дыхание.

Он почти не отдавал себе отчета в происходящем и лишь чувствовал, что стало намного холоднее.

Всякие попытки сопротивляться той силе, что уносила его все глубже и глубже в недра гор, он давно оставил.

Но вот его руки и колени ударились о крепкое дно.

Тревер сделал отчаянную попытку выбраться на сушу. Вода исчезла. Он попробовал встать, но так и остался лежать.

Наступила ночь, принеся с собой жестокую грозу и дождь. Тревер не знал этого: он спал, а когда проснулся, заря зажгла вершины высоких утесов белым огнем.

Что-то кричало над его головой.

Чувствуя нестерпимую боль во всем теле, Тревер медленно приподнялся и посмотрел по сторонам. Он увидел бледно-серую песчаную отмель. Под ногами его плескалась вода серо-зеленого озера, наполнявшего каменный бассейн около полумили шириной.

Слева от него подземная река, покрытая пышным веером пены, разливалась вширь.

Справа вода переливалась через край бассейна и где-то внизу снова превращалась в реку, а рядом, скрытая колыхавшимся туманом и тенью горной стены, начиналась долина.

Позади Тревера на краю песчаной отмели росли незнакомые деревья, папоротники и цветы — бурный фонтан торжествующей жизни.

Насколько он мог видеть, вся широкая долина поросла пышной зеленой растительностью. Вода была чистая, воздух наполнен цветочными ароматами, и до Тревера дошло, что он все-таки сумел выкарабкаться. Он еще поживет.

Забыв об усталости и изнурительном путешествии, он вскочил, пошатнулся, и то, что шипело и занудливо верещало над его головой, бросилось вниз, едва не оцарапав его острыми кожистыми крыльями.

Тревер вскрикнул и отскочил, а создание взлетело по спирали вверх и снова решительно бросилось на него.

Тревер увидел что-то вроде летающей ящерицы, агатово-черной, с шафрановым брюшком. Он поднял руки, чтобы отогнать настырную ящерицу, но она и не думала нападать на него. Когда крылатая рептилия проносилась мимо, он увидел нечто такое, от чего душа его исполнилась удивления, алчности и неприятного, липкого страха.

На шее ящерицы поблескивал золотой ошейник, а в чешуйчатую плоть ее головы — кажется, прямо в кость — был вставлен солнечный камень.

На секунду камень яростно вспыхнул — таким злым светом, что Тревер тут же узнал его. Не для того он так долго грезил о солнечных камнях, чтобы вот так, за здорово живешь, обознаться. Он следил, как животное взлетает в насыщенное паром небо, и удивился, кто и зачем вставил эту драгоценность в череп летающей ящерицы.

Больше всего его мучил вопрос — зачем?

Солнечный камень — это не безделушка, которой богатые капризные дамы украшают свое платье, это редчайший радиоактивный кристалл, имеющий период полураспада на треть больший, чем у радия, и используется он только для самых чувствительных электронных приборов, имеющих дело с частотами выше первой октавы.

Большая часть этого сравнительно редко употребляемого суперспектра пока что оставалась тайной.

Странное, украшенное камнем и ошейником создание, кружившееся над головой Тревера, вызывало у него неясную тревогу.

Животное не охотилось, оно не хотело убивать Тревера, но и улетать не собиралось.

Далеко в долине прозвучала приглушенная расстоянием звонкая нота, и звук этот прокатился между зазубренными скалами.

Это был звук большого гонга.

Тревер вздрогнул, и ноги сами собой понесли его под прикрытие темной лесной чащи. Он решил идти вдоль берега озера. Вскоре ему пришло в голову высунуться из-за деревьев, и хлопанье черных крыльев вновь настигло его.

Ящерица следила за человеком цепкими, яркими глазами. Животное замечало тропу, которую Тревер прокладывал через цветы и папоротники. Оно наблюдало за ним, подобно соколу, выслеживающему кролика.

Тревер дошел до края бассейна, где поток превращался в водопад в несколько сотен футов высотой. Поднявшись на край каменного бастиона, Тревер впервые как следует разглядел раскинувшуюся перед ним долину.

Часть ее все еще укрывал туман, но сквозь него отчетливо проглядывали обширные рощи, широкие поляны и отвесные склоны гор, стиснувшие долину со всех сторон.

По мере того как он рассматривал детали открывшегося перед ним пейзажа, изумление его беспредельно возрастало.

Земля была обработана. Среди полей ютились несколько тростниковых хижин, а еще дальше располагался город, застроенный каменными домами, громадный город, сверкающий в утренней дымке.

Тревер удивленно вглядывался вдаль, а крылатая ящерица лениво кружила над ним и, пока он пытался обдумать увиденное, не спускала с него глаз.

Такая плодородная долина была сама по себе весьма удивительна, если не сказать больше. Но обнаружить здесь поля и раскинувшийся за ними город казалось просто невероятным.

Он сталкивался с местными племенами, некогда населявшими замкнутые среди гор миры Сумеречного Пояса, — примитивные дикари жили среди голых скал и кипящих источников, добывая себе пищу охотой на крупных ящериц. Они не строили ничего, подобного этому. Но, быть может, не все меркурианские племена остались на уровне каменного века?

Вновь раздался удар гонга, глубокий, призывный гул пролетел над долиной. Тревер увидел крошечные фигурки всадников. На таком расстоянии они казались черными суетливыми муравьями. Всадники покинули город и теперь двигались через равнину.

Тревер так обрадовался, что забыл обо всем на свете. Он был измучен, изнурен и голоден, он устал от этого чуждого мира, и присутствие здесь людей, цивилизации было такой удачей, о какой он не мог даже мечтать.

Кроме того, здесь имелись солнечные камни. Он жадно взглянул на голову описывавшего круги разведчика и начал спускаться вниз. И на этот раз черные крылья бесшумно скользнули за ним.

Он дошел до выступа, находившегося в футах ста от дна долины. Отсюда можно было только прыгать.

Тревер схватился за куст, прыгнул, стараясь пролететь как можно дальше, и прокатился несколько ярдов по упругой почве склона.

Пока он лежал, пытаясь отдышаться, в нем зашевелились сомнения.

Теперь он видел долину совсем четко. Кроме группы всадников, там не было ни души. На полях никто не работал, деревеньки стояли как вымершие. Над деревьями у реки он увидел вторую чернокрылую ящерицу, тоже следившую за кем-то.

Эта прибрежная роща росла неподалеку от него, и всадники направлялись именно сюда, к Треверу. Теперь эти люди показались ему охотничьим отрядом, и все же что-то тревожное таилось во всем, окружавшем Тревера. Казалось, удар гонга был неким сигналом, услышав который люди попрятались кто куда, пережидая внезапно начавшуюся охоту. Остроглазых ящериц, как собак, посылали вперед — выслеживать и вспугивать дичь.

Покосившись на висящего в воздухе зловещего часового, Тревер принялся гадать, какая дичь прячется в рощице.

О том, чтобы вернуться к относительной безопасности бассейна, нечего было и думать. Обрывистый выступ отрезал Тревера от озера. Он прекрасно понимал всю бесполезность попыток спрятаться, но все же заполз в малиновый папоротник. Город был слева от него, а справа плодородная долина переходила в залитую лавой, засыпанную битым камнем площадку, сужавшуюся и исчезавшую за краем пурпурного базальта. Это ущелье до сих пор оставалось в глубокой тени.

Всадники были еще далеко. Крошечные фигурки переходили реку вброд, поднимая тучи брызг.

Летающий часовой над деревьями неожиданно спикировал вниз. Добыча вышла наружу.

Смутные подозрения Тревера превратились в скверную уверенность. Застыв от ужаса, он смотрел, как из яркой зелени выскочила бронзовая полуголая девушка и бросилась бежать к нагромождению камней.

Ящерица снова взлетела в воздух, затем резко метнулась вниз и ударила.

Девушка отскочила в сторону. В ее руке появилась длинная дубинка с большими шипами. Она ударила назойливое черное животное и побежала дальше. Ящерица сделала круг и снова бросилась на девушку, на этот раз сзади.

Беглянка быстро повернулась. Минута яростного столкновения, и кожистые крылья окутали ее, как плащом. Потом девушка снова побежала, но уже медленнее.

Тревер видел кровь на ее теле.

Летающий демон устремился за ней. Он пытался заставить жертву повернуть обратно, к охотникам, но она явно не желала возвращаться. Она била ящерицу палкой и бежала дальше, падала и снова бежала.

Тревер знал, что она проиграет. Ящерица убьет ее раньше, чем девушка доберется до скал.

Инстинкт самосохранения приказывал Треверу не вмешиваться. Что бы ни происходило — ему до этого дела нет и быть не может. Он хотел только взять

один из этих солнечных камней и поскорее убраться прочь. Это было уже нелегко. Но ярость, поднявшаяся в нем, затопила всякую осторожность: он увидел, как ящерица снова налетела на девушку и выпустила когти. Он вскочил, что-то крикнул и со всех ног бросился на помощь.

Она обернулась на крик, и он увидел ее лицо. Такой дикой, гордой красоты ему еще не приходилось встречать.

Ее темные испуганные глаза были полны решимости отчаяния. Она крикнула ему на его языке:

— Оглянись!

Тревер забыл о собственной безопасности.

Черные крылья, чешуйчатый, извивавшийся хвост и выпущенные когти налетели на него как вихрь.

Тревер упал и покатился, покрывая землю пятнами крови.

Издалека он услышал голоса охотников, пронзительные, скрипучие, сливавшиеся в дикое улюлюканье.

Глава 2

По каким-то причинам атака приостановилась. Тревер с трудом поднялся на ноги, взял из рук девушки дубинку, горько пожалев о пистолете, похороненном под тоннами камня по ту сторону гор, и сказал девушке:

— Держись сзади. Следи за моей спиной.

Она недоверчиво взглянула на него, но на разговоры времени не оставалось. Вместе они побежали к каменистому участку.

Он был довольно далеко. Над их головами визжали и шипели ящерицы, хлопали чешуйчатые крылья.

Тревер поднял дубинку. Размерами и весом она напоминала бейсбольную биту. Когда-то он был хорошим игроком в бейсбол.

— Спускаются! — крикнула девушка.

— Ложись! — рявкнул он и замедлил бег.

Она упала в траву позади него, зажав в руке обломок камня. Широкие крылья, снижаясь, со свистом рассекали воздух.

Тревер встал потверже. Он видел злые глаза, желтые и блестящие, и яркие вспышки солнечных камней в черной чешуе. Ящерицы напали одновременно, но с разных сторон, так что он не мог повернуться к обеим сразу.

Он выбрал одну, ту, что вырвалась вперед, и подпустил ее поближе.

Высунув язык из шипящей пасти, выпустив острые когти, она стремительно пикировала на него.

Тревер изо всей силы взмахнул дубинкой.

Удар. Тревер почувствовал, как что-то треснуло. Животное злобно завизжало. Сила падения швырнула его на Тревера. Под ударами мощных крыльев он потерял равновесие и упал. На него тут же ринулась вторая ящерица.

Девушка вскочила, в три прыжка подскочила к нему, упала на спину чешуйчатой твари, терзавшей Тревера, и попыталась прижать дергавшуюся ящерицу к земле, методично колотя ее по голове камнем.

Резким пинком Тревер отбросил раненую ящерицу в сторону. Несмотря на сломанную шею, подыхать она не спешила. Тревер ухватил дубинку покрепче и убил вторую, а затем без большого труда извлек из головы солнечный камень.

Он держал его на ладони, странный, темно-желтый металл с приставшим к нему осколком кости. Камень сиял внутренним огнем, глубоким и трепетным, и жаркая ответная искра вспыхнула в душе Тревера. Он забыл, где находится и что делает, забыл обо всем, кроме яркого, вожделенного кристалла, сиявшего в его руке. Он держал нечто большее, чем драгоценность, гораздо большее, чем богатство: это была надежда, отблеск удачи, предвкушение новой жизни. Он потратил много лет на исследования безжизненных меркурианских пустынь. Это путешествие было последней отчаянной попыткой найти счастье, и попытка эта кончилась несуразной гибелью его корабля. Долгие странствия подошли к концу, и теперь ему не светило ничего, ни на Меркурии, ни дома.

Оставалось только превратиться в нищего межпланетного бродягу, одного из тех, кого он всегда жалел.

Теперь же все изменилось. Этот камень даст ему возможность вернуться на Землю победителем, оплатить все страшные, одинокие и опасные годы рискованных поисков. Этот камень...

Этот камень может сделать очень многое, если, конечно, Треверу удастся утащить его из этой богом забытой долины. Е с л и...

Девушка снова обрела дыхание и коротко бросила:

— Пошли! Они приближаются!

Чувства Тревера, смущенные гипнотическим блеском солнечного камня, очень неохотно реагировали на извечные раздражители зрения и слуха. Всадники подъезжали. Животные, на которых они ехали, казались выше и тоньше лошадей. У них были узкие и злобные морды с шипастым гребнем, стоявшим на голове прямо и надменно. Животные бежали быстро, легко неся наездников на своих сильных спинах.

На таком расстоянии лица всадников едва виднелись, но даже сейчас Тревер почувствовал в них что-то странное, что-то неестественное. Их бронзовые тела, несколько светлее, чем у его спутницы, были облачены в роскошные доспехи.

Девушка яростно встряхнула его, пытаясь пробудить от задумчивости.

— Ты хочешь, чтобы тебя взяли живым? Звери разорвали бы нас на куски, и очень быстро, но мы убили соколов, неужели ты не понимаешь? Теперь нас возьмут живыми.

Он не понял сути, но то, что она явно предпочитала отвратительную смерть плену, заставило его собрать остаток сил. И потом — солнечный камень. Если всадники захватят его в плен, они отнимут камень.

Крепко зажав в кулаке свою драгоценность, Тревер побежал за девушкой.

Солнечные лучи добрались наконец до залитой лавой площадки. Расщепившая скала выглядела мрачной и безобразной. Вся эта местность и ущелье за ней казались воротами в ад, но Треверу было

наплевать на подобные ассоциации. Главное — добежать, успеть, а там...

Топот мягких ног гулко отдавался в ушах Тревера. Он оглянулся и увидел лица охотников. Теперь ему стало ясно, почему они показались такими неестественными: у каждого в центре лба, в самой кости, сиял солнечный камень.

Сначала соколы-ящерицы, теперь эти...

Острая боль сжала сердце Тревера. Это были люди, такие же как он, но вместе с тем они не были людьми. Они были чуждыми, злобными, страшными, и Тревер начал понимать, почему девушка так не хотела попасть живой в их руки.

Неутомимые верховые животные со своими удивительными всадниками быстро приближались к беглецам. Предводитель взял с седла изогнутую палку и поднял ее, как копье.

Солнечный камень на его матовом лбу горел, как третий злобный глаз.

Разбитые камни мерцали на солнце.

Тревер бежал к ним. Тело девушки, мчавшейся впереди, казалось, тоже мерцало. Дышать стало трудно. Треверу казалось, что он не может больше бежать, но ноги сами несли его, и, когда девушка споткнулась, он нашел в себе силы подхватить ее и удержать от падения.

Время от времени он украдкой оглядывался на преследователей.

Он увидел, как изогнутая палка полетела к нему, и сумел увернуться. Остальные охотники выстроились в ряд. Треверу показалось, что в первую очередь они интересуются им и в своем стремлении захватить чужака почти забыли о девушке.

Его босые ноги уже бежали по горячим от солнечных лучей камням. Базальтовый уступ, как щитом, прикрывал его от вражеских палок. Минуты через две Тревер и девушка укрылись в таком нагромождении камней, какое можно увидеть разве лишь в кошмарном сне. Словно сказочный гигант сбивал мутовкой расплавленную лаву, свободной рукой разламывая горы и беспорядочно разбрасывая куски породы. Теперь Треверу стало ясно, почему девушка ре-

шилась бежать не ночью, а днем: пройти через это ущелье в темноте было равносильно самоубийству.

Он непрерывно прислушивался, но звуков преследования не слышал. Тревога его не ослабевала, и, когда девушка присела отдохнуть, он спросил:

— Не пойти ли нам дальше? Они могут прийти сюда.

Она не спешила отвечать, разглядывая его так же внимательно, как незадолго до этого — всадники. У нее впервые появилась возможность взглянуть на него, и она воспользовалась ею. Она внимательно рассматривала его волосы, давно небритую щетину, обгоревшую под солнцем кожу, рваные шорты — единственную его одежду. Затем она произнесла медленно, словно думая о чем-то другом:

— Верхом Корины ничего не боятся, но пешими сюда никогда не сунутся. Раньше такое случалось. Понимаешь, они так же могут умирать, как и мы.

Ее лицо, хотя и совсем юное, девичьим не было. На Тревера смотрела женщина, познавшая счастье, страсть и горечь, женщина, не доверяющая никому, кроме себя.

— Ты не наш, — добавила она. — Нет. Я не видела таких.

— Ты права. Я пришел из-за гор. А кто такие Корины?

— Лорды Корита, — ответила она и начала отрывать полоски от белой ткани, обернутой вокруг ее талии. — Поговорим потом, нам еще далеко идти. А сейчас надо остановить кровь.

Они молча перевязали друг другу раны и снова двинулись в путь.

Если бы Тревер не чувствовал себя невообразимо усталым, а путь не был бы таким трудным, он, наверное, злился бы на девушку. Впрочем, злиться было не на что, если не считать ощущения, что она в чем-то подозревает его.

Много раз они останавливались и отдыхали. Однажды он спросил:

— Почему эти самые Корины охотятся за тобой?

— Я убежала. А почему они охотятся за т о б о й?

— Будь я проклят, если знаю. Случайность, наверное. Я оказался тут как раз в то время, когда летали их соколы.

На шее девушки матово поблескивала железная цепь без застежки, слишком маленькая, чтобы быть надетой через голову. На цепи висела круглая бляшка с выдавленным на ней словом. Тревер взял бляшку в руку.

— Гелт, — прочел он. — Это твое имя?

— Меня зовут Джин. Гелт — это Корин, которому я принадлежу. Он охотится за мной.

Она бросила на Тревера свирепый и вызывающий взгляд и сказала, как будто выдавая тайну графского дома:

— Я — рабыня.

— Ты давно в долине, Джин? Мы с тобой одного племени, говорим на одном языке. Земное племя. Как получилось, что никто не слышал о том, что тут есть такая большая земная колония?

— После Приземления прошло почти триста лет, — ответила она. — Я слышала, что мой народ много поколений жил надеждой на то, что прилетит корабль с Земли и освободит их от Коринов. Но этого так и не случилось. А кроме корабля, не существует возможности войти в долину или выйти из нее.

— Я нашел путь сюда и теперь начинаю жалеть об этом. Но если нет пути, куда же мы идем?

— Сама не знаю, — сказала Джин.

Она встала.

— Но мой муж пришел этим путем. Все ходят здесь.

Она зашагала вперед, и Тревер поспешил за ней.

Больше идти было некуда.

Жара стояла непереносимая, и они старались держаться в тени скал. Они страдали от жажды, но воды здесь не было. Перед ними маячил невозможно высокий утес из пурпурного базальта, но он, казалось, никогда не приблизится.

Большую часть дня они шли по застывшей лаве, но наконец все-таки обогнули гигантский утес и вышли в узкий каньон.

С обеих сторон поднимались крутые каменные стены, грубые, растрескавшиеся, с малиновыми, белыми и охряными прожилками. По каменному ложу бежал ручей.

Джин и Тревер упали возле ручья. Пока они ползли по мокрому гравию и по-собачьи лакали воду, из-за скал тихо вышли люди и встали перед ними, сжимая в руках каменные топоры.

Тревер медленно поднялся, увидев шестерых вооруженных мужчин. На них, как и на Джин, были белые набедренные повязки, сильно потрепанные, и тела их дочерна загорели на жестком солнце.

Все они были молоды, крепки и мускулисты от тяжелой работы. Лица их были не по возрасту угрюмы. У всех на теле виднелись рубцы от когтей. И все эти люди смотрели на Тревера странными холодными глазами.

Они знали Джин. Она радостно назвала их по именам и спросила:

— А где Хьюго?

Один кивнул в сторону стены.

— Наверху, в пещере. С ним все в порядке. Кто этот человек, Джин?

— Не знаю. За ним тоже охотились. Он пришел мне на помощь. Без него мне не удалось бы бежать. Но...

Она замялась, осторожно подбирая слова.

— Он сказал, что он из-за гор. Он знает о Земле и говорит на нашем языке. А когда он убил сокола, он разбил ему голову и взял солнечный камень.

Все шестеро вздрогнули. Самый высокий, с лицом холодным и резко очерченным, как высящиеся повсюду скалы, шагнул к Треверу.

— Зачем ты взял солнечный камень? — грубо спросил он.

Тревер уставился на него.

— А как ты думаешь? Потому что он ценный.

Человек протянул руку.

— Отдай!

— Черта лысого! — злобно вскричал Тревер и чуть отступил назад.

Молодой человек двинулся на него. Лицо его было мрачным и угрожающим.

— Сол, подожди! — закричала Джин.

Но Сол не стал ждать. Тревер подпустил его достаточно близко, а затем размахнулся, вложив в удар всю свою силу.

Кулак угодил Солу в живот. Сол отлетел назад, согнувшись вдвое. Тревер стоял сгорбившись, тяжело дыша, и дикими глазами следил за остальными.

— Кто вы? — прорычал он. — Банда воров? Давайте подходите! Мне нелегко достался этот камень, и я намерен сохранить его!

Он кричал. Он злился. Но этими криками он пытался заглушить свой страх. Люди окружили его.

Не было ни одного шанса прорваться, да и смысла в этом не было тоже.

Камень оттягивал его карман: он был тяжел многолетним потом, голодом и нелегкой работой, изнурительными поисками в скалах Меркурия.

Сол поднялся и подобрал остро заточенное каменное орудие, которое уронил падая.

Потом он шагнул вперед. Вслед за ним шагнули и остальные.

Тревер ждал их, изо всех сил пытаясь унять досаду. Наконец-то он нашел солнечный камень, а теперь надо бросить и его, и свою жизнь в придачу жалкой кучке дикарей.

Это было выше его сил.

— Сол, подожди! — снова закричала Джин.

Она протолкнулась к Треверу.

— Он спас мне жизнь. Ты не можешь...

— Он Корин. Шпион.

— Не может этого быть! У него нет камня во лбу, и даже шрама нет.

Равнодушно и безжалостно Сол процедил:

— Он взял солнечный камень. Только Корин захочет коснуться этой проклятой вещи.

— Но он же сказал, что он с другой стороны долины! Он с Земли, Сол! Там все может быть по-другому!

Настойчивость Джин заставила их задуматься. Вглядевшись в лицо Сола, Тревер вдруг начал кое-что понимать.

— Ты думаешь, что солнечные камни — это зло, — сказал он.

Сол хмуро взглянул на него.

— Они и есть зло. И тот, что у тебя, должен быть немедленно уничтожен.

Тревер проглотил горький ком, душивший его, и задумался. Солнечные камни в этой благословенной меркурианской норе — табу. Оно и неудивительно, если учесть чудовищных соколов-ящериц, летающих повсюду, и столь же чудовищных Коринов. Пожалуй, дикарей можно понять. На их лицах ясно читалась одна мысль: «Отдай солнечный камень или умри». Но глупо умирать от рук кучки одичавших фанатиков. Лучше отдать им камень, а позднее постараться сыграть игру так, чтобы заполучить его обратно или добыть другой. Как видно, их в долине предостаточно.

Отдать, конечно, тяжко. Отдать надежду всей жизни в грубые руки дикаря и не жалеть об этом... Отдать... Эх, к дьяволу все!

— Ладно, — сказал он, — возьми.

Было так больно, словно он вырвал сердце.

Сол взял камень не поблагодарив, положил на плоскую поверхность скалы и стал колотить по сияющему кристаллу каменным топором, который ранее предназначался для головы Тревера. На лице Сола появился такой ужас, словно он убивал живое существо, к которому питал неистребимую ненависть и страх. Тревер вздрогнул. Он знал, что солнечные камни не поддаются ничему, кроме атомной бомбардировки, но ему было больно видеть, как столь драгоценную вещь колотят каменной дубинкой.

— Он не ломается, — сказал он. — Ты мог бы и остановиться.

Сол с размаху опустил свое оружие так близко от голой ноги Тревера, что тот отскочил, а затем взял солнечный камень и швырнул его далеко через ущелье. Тревер слышал, как камень слабо звякнул, падая в груду обломков скальной породы примерно в

футе от противоположного утеса, и постарался запомнить место.

— Идиот! — сказал он Солу. — Ты выбросил целое состояние, богатство, на поиски которого я потратил чуть ли не всю свою жизнь. Что он сделал тебе плохого? Имеешь ли ты хоть какое-то представление о его ценности?

Не обращая на него внимания, Сол заговорил со своими товарищами.

— Ни одному человеку с солнечным камнем доверять нельзя. Я убью его!

— Нет, Сол, — упрямо сказала Джин. — Я обязана ему жизнью.

— Но он, может быть, раб, изменник, работающий на Коринов.

— Посмотри на его одежду, — сказала Джин. — Посмотри на его кожу. Утром она была белая, а сейчас красная. Ты видел когда-нибудь раба или Корина с такой кожей? Видел ли ты его раньше в долине? Нас не так уж много, чтобы не знать кого-то.

— Мы не можем рисковать, — нахмурился Сол.

— Ты всегда успеешь убить его. Но если он и вправду из-за гор, может, даже с Земли...

Последние слова она произнесла с запинкой, будто сомневалась в том, что такое место действительно существует.

— Мы можем узнать от него некоторые вещи, о которых забыли. Он может помочь нам. К тому же другие тоже имеют право высказать свое мнение, прежде чем ты убьешь его.

Сол покачал головой.

— Мне это не нравится. Но...

Он помолчал, задумчиво хмурясь.

— Ладно, мы уладим это в пещере.

Он повернулся к Треверу.

— Пойдешь в середине. Если вздумаешь дать какой-нибудь сигнал...

— Какому дьяволу я буду сигналить? — огрызнулся Тревер. — Я страшно жалею, что вообще попал в вашу проклятую долину.

Но он не жалел, нет, не жалел... Все его чувства были насторожены. Он старался заметить каждый

поворот, чтобы иметь возможность вернуться потом к солнечному камню. Ущелье то сужалось, то расширялось, постоянно изгибаясь, но доступна тропа была только одна и проходила она рядом с руслом ручья. Вскоре ущелье разделилось чудовищным покосившимся утесом, словно застывшим в падении. Ручей выходил из левого ответвления. Сол пошел вправо.

Они не спускали настороженных глаз с ковылявшего рядом Тревера. Обломки первобытного катаклизма, образовавшего этот пролом в горах, лежали там же, где когда-то упали, становясь все опаснее с каждой разрушавшей их грозой, с каждым перепадом температуры.

Слева и справа от Тревера возвышались горы, вершины которых поднимались за пределы атмосферы.

Ниже виднелись выступы. На них среди груды камней толпились люди. Они кричали, и Сол отвечал им. В этой узкой горловине любой вражеский отряд был бы обречен на уничтожение.

Через некоторое время люди спустились в ущелье и вместе с остальными стали подниматься по тропе, частично прорубленной, но так грубо, что она казалась естественной.

Тропа поднималась на утес, и в конце ее чернела узкая нора. Сол пошел через нее, остальные цепочкой следовали за ним, и Тревер услышал голос Джин, зовущей Хьюго.

Внутри была пещера, очень большая, с темными закоулками и впадинами по стенам.

Солнечные лучи проникали сквозь трещины утеса, а в заднем конце пещеры, где пол резко опускался, горел огонь. Тревер и раньше видел на Меркурии такое пламя: вулканические газы пробивались сквозь трещины и воспламенялись от случайной искры. Голубоватая струя била под самый потолок пещеры и оглушительно ревела. Это производило сильное впечатление.

В пещере находились люди, около сотни обитателей, если не считать немногих детей и подростков. Женщин было меньше трети. На всех сохранилась одна и та же безошибочно узнаваемая печать: как ни

тяжела была жизнь в пещере, раньше им приходилось еще труднее.

Ноги Тревера подгибались от слабости, и он тяжело привалился к грубой стене.

Стройный молодой человек с узловатыми плечевыми мышцами держал в объятиях Джин.

Видимо, это был Хьюго. Он и все остальные возбужденно кричали, обмениваясь впечатлениями о походе. Затем они один за другим стали оглядываться на Тревера, и вскоре в пещере наступила тишина.

— Ну, — грубо сказал Сол. — Давай улаживать дело.

— Сам улаживай, — отозвался Тревер. — Я устал.

Он поглядел на Сола, на враждебно притихшую толпу, и все поплыло перед его глазами.

— Я — землянин. Я вовсе не хотел попасть в вашу проклятую долину, но я здесь уже сутки и ни единой минуты не спал. Я хочу спать.

Сол начал что-то говорить, но перед ним встал Хьюго.

— Он спас жизнь моей жены, — сказал он. — Пусть спит.

Хьюго отвел Тревера к тому месту, где были навалены сухие виноградные лозы и горные лианы, колючие и полные пыли, но все-таки более мягкие, чем каменный пол.

Тревер произнес несколько слов благодарности и уснул едва ли не раньше, чем закончил свою речь.

Через час, день или неделю, а может всего через несколько минут, его разбудили сильные и настойчивые толчки.

Над ним склонились лица. Сквозь туман сна они казались расплывчатыми, а вопросы, которые посыпались на него, — бессмысленными.

— Зачем ты хотел иметь солнечный камень?

— А почему бы мне и не хотеть этого? — пробормотал он, стряхивая остатки сна.— Я отвез бы его на Землю и продал за большую цену.

— Что делают на Земле с солнечными камнями?

— Их используют при производстве электронных приборов, чтобы изучать разные явления. В некото-

рых случаях длинные волны слишком короткие. И даже мыслеволны. А вам-то что?

— На Земле носят во лбу солнечные камни?

— Нет, — протянул он.

Голоса или призраки оставили его наедине со сном.

Был еще день, когда он проснулся, — на этот раз сам. Он сел, чувствуя себя избитым, больным, но все-таки отдохнувшим.

К нему подошла улыбавшаяся Джин, держа в руках кусочек чего-то, в чем Тревер признал одну из разновидностей горных ящериц. Он с жадностью вгрызся в это экзотическое кушанье, а Джин между тем сообщила, что он проспал почти сутки.

— Они решили оставить тебе жизнь.

— Я уверен, что в этом немалая твоя заслуга. Спасибо.

Она пожала голыми плечами, на которых краснели свежие раны — следы когтей сокола-ящера.

У нее был измученный, усталый взгляд, какой бывает после тяжелейшего стресса, и глаза ее, даже когда она разговаривала с Тревером, неотрывно следили за копошащимся в углу Хьюго.

— Если бы они не поверили твоему рассказу, от моей помощи было бы мало проку. Они допрашивали тебя в то время, когда ты так устал, что не мог лгать.

Он очень смутно помнил об этом.

— Они не поняли твоих ответов, но убедились, что ты не врешь. Они осмотрели твою одежду. Такой ткани не делают в долине. И та штука, которая соединяет ее, нам не известна.

Он догадался, что она имеет в виду застежку-молнию.

— Так что ты, видимо, и вправду пришел из-за гор. Они хотят знать точно, как ты пришел и можешь ли уйти обратно тем же путем.

— Нет, — ответил Тревер и объяснил почему. — Имею ли я право ходить здесь, где захочу?

Она задумчиво посмотрела на него, а потом ответила:

— Ты чужой. Ты не наш. Ты легко можешь выдать нас Коринам.

— Зачем я стану это делать? Они и за мной охотились.

— Из-за солнечных камней, может быть. Ты чужой. Они хотели взять тебя живым. Во всяком случае, будь осторожен.

Снаружи послышался крик:

— Соколы! Прячьтесь, соколы летят!

Глава 3

Все находившиеся в пещере тут же замолчали и стали следить за широкими трещинами в скале, откуда пробивался солнечный свет. Тревер представил себе, как соколы кружат по ущелью и ждут. Снаружи грубый камень выглядел сплошным монолитом. Тревер подумал, что в этой густой сети трещин нелегко найти именно те, что ведут в пещеру. Но ощущение опасности не покидало и его.

Из ущелья не доносилось ни звука. В этой напряженной тишине испуганное хныканье ребенка прозвучало подобно громкому крику, но и оно тут же прекратилось. Пронизывающие стрелы солнечных лучей медленно ползли по стенам. Джин, казалось, не дышала. Глаза ее горели, как у дикого зверя.

Черная тень на секунду заслонила солнечный луч и исчезла. Сердце Тревера екнуло. Он ждал, что тень вернется, скользнет по лучу в глубь пещеры и превратится в ширококрылого демона с солнечным камнем во лбу. Он ждал целую вечность, но тень не вернулась, а вскоре в отверстие вполз человек и сказал:

— Улетели.

Джин опустила голову на колени. Она вся дрожала. Хьюго обнял ее и что-то говорил, успокаивая. Она зарыдала, и Хьюго через плечо взглянул на Тревера.

— Ей здорово досталось.

— Да, — согласился Тревер.

Он глядел на солнечные лучи.

— Соколы часто прилетают?

— Их посылают в надежде захватить нас врасплох. Если бы они нашли пещеру, они выкурили бы нас отсюда и отвели обратно в долину, но пока что нас не обнаружили.

Джин успокоилась. Своей громадной рукой Хьюго похлопал ее по спине.

— Она, наверное, передала тебе наше решение. Будь очень осторожен.

— Да, я знаю.

Тревер кивнул.

— Послушай, я еще ничего не знаю о том, как твой народ очутился здесь. Я вообще ничего не знаю. Когда мы бежали от Коринов, Джин что-то говорила о ваших земных предках. Давно вы живете здесь? Триста земных лет?

— Да, что-то вроде этого.

— Примерно в то время первые колонисты с Земли стартовали на Меркурий и основали две или три шахтерские колонии в самых больших здешних долинах. Это одна из них?

— Нет.

Хьюго покачал головой.

— Рассказывали, что пришел большой корабль с землянами-переселенцами. Это правда, потому что корабль все еще здесь. Так мы и появились. Часть людей на корабле была переселенцами, а часть — каторжниками.

Слово «каторжники» он произнес с той же ненавистью, с какой прежде говорил «Корины». Тревер быстро сказал:

— Когда-то так делалось. Осужденных использовали в рудниках. Однако там происходило так много беспорядков, что эту практику пришлось прекратить. Значит, Корины...

— Они были каторжниками. Корабль разбился в долине, но большинство людей осталось в живых. После аварии каторжане убили членов команды и поработили переселенцев. Вот почему мы гордимся тем, что мы — рабы. Мы — потомки переселенцев.

Тревер отчетливо представлял всю эту картину, тем более что подобное случалось и раньше. Корабль

с эмигрантами шел к одной из колоний и был сбит с курса чудовищными магнитными завихрениями, которые и теперь делают Меркурий кошмаром для космолетчиков.

Они не могли даже позвать на помощь или дать знать о себе: страшная близость Солнца делает невозможной любую форму радиосвязи. Потом каторжники обрели свободу, перебили офицеров и неожиданно почувствовали себя хозяевами этого райского уголка. К тому же Рай оказался довольно-таки безопасным. На Меркурии великое множество долин. Все они выглядят из космоса одинаково, полускрытые темными воздушными одеялами, и только очень немногие из них и доступны для земных кораблей.

Вверх и вниз на космическом корабле — вот единственный способ попасть сюда.

— А солнечные камни? — спросил Тревер и многозначительно коснулся лба. — Кто додумался вставлять их сюда? А соколы? Каторжники ведь не пользовались ими, когда приземлились?

— Нет, их приручили позднее.

Хьюго тревожно оглянулся.

— Видишь ли, Тревер, это такая вещь, о которой мы почти не говорим. Ты сам поймешь почему, если подумаешь хорошенько. А тебе об этом лучше и не заикаться.

— Но как они вставили эти камни в голову и зачем? И самое главное — зачем они тратят камни на соколов?

Джин сумрачно взглянула на него.

— Мы предполагаем, что соколы — это глаза и уши Коринов. С тех пор, как Корины впервые воспользовались солнечными камнями, у нас не осталось никакой надежды на освобождение.

То, что родилось в подсознании Тревера во время ночного допроса, вдруг всплыло на поверхность.

— Мыслеволны — вот что это такое. Ну, конечно же!

Он в возбуждении подался вперед, и Джин сердито приложила палец к губам.

— Будь я проклят! На Земле с солнечными камнями экспериментируют давным-давно, но ученые никогда не подозревали о...

— На Земле тоже есть эти камни? — с отвращением переспросила Джин.

— Нет. Только те, что привезли с Меркурия. Близость Меркурия к Солнцу, сверхдозы солнечной радиации, перепады температур и давления создали этот особый вид кристаллов. Наверное, потому их и назвали солнечными камнями.

Он кивнул.

— Да, вот, значит, как они работают — прямая мысленная связь между Коринами и соколами. Все довольно просто. Вставить их в лобную кость почти в контакте с мозгом, и не нужно никаких сложных машин, приемников и передающих устройств, с которыми с давних пор возятся в лабораториях.

Он вздрогнул.

— Признаться, эта идея мне не нравится. В ней есть что-то отталкивающее.

Хьюго с горечью сказал:

— Когда они были просто людьми — я имею в виду каторжников, — мы могли надеяться на то, что однажды побьем их, пусть даже они вооружены лучше нас. Но когда они стали Коринами...

Он указал на темные своды пещеры.

— Вот единственная доступная свобода.

Глядя на Хьюго и Джин, Тревер испытывал глубокую жалость к ним и ко всем заброшенным детям Земли, ставшим ныне жалкими рабами, для которых эта каменная нора означала свободу. Он с ненавистью думал о Коринах, о их жутких «соколах», которые стали глазами, ушами и оружием своих хозяев. С ними стоит поговорить по-мужски...

Тут он резко одернул себя. Преждевременные симпатии не приведут к добру. Единственное, что от него требуется — взять назад свой солнечный камень и выбраться отсюда живым и невредимым. Он потратил половину жизни на розыски этого чертового камня, и не его дело беспокоиться о незнакомых людях, отвлекавших его теперь от главной цели.

Первым делом надо выйти из пещеры.

Это нужно сделать ночью. Караулов рабы не выставят, ведь соколы в темноте не летают, а Корины без соколов не ходят.

Большая часть народа будет занята своими делами: женщины начнут собирать съедобный мох и лишайники, мужчины — носить воду из ручья у развилки и охотиться с каменными топорами на горных ящериц, оцепеневших от холода и спящих в расщелинах.

Тревер ждал три ночи. На четвертую, когда отряд Сола собирался за водой, он пошел к выходу.

— Надо немного прогуляться, — сказал он Джин и Хьюго. — Я еще не выходил наружу.

Кажется, они ничего не заподозрили.

Джин только заметила:

— Держись поближе к нашим ребятам. В скалах легко заблудиться.

И вслед за отрядом Тревер шагнул в темноту.

Он дошел с ними до развилки, а затем скользнул в сторону и, прячась среди огромных камней, медленно и бесшумно направился вдоль ручья.

Проведя несколько дней в полумраке пещеры, он обнаружил, что света звезд ему вполне достаточно, чтобы продвигаться вперед. Дорога была трудной, и к тому времени, когда Тревер дошел до того места, где Сол хотел убить его, он был весь в синяках и ссадинах. К тому же давала знать усталость. Тем не менее он тщательно отыскал нужное место, перебрался через ручей и начал осторожные поиски.

Мороз усиливался. Скалы, еще недавно бывшие горячими, теперь покрылись инеем.

Тревер дрожал от холода, отчаянно ругался и ползал меж камней, борясь с холодным оцепенением и молясь, чтобы на него не свалился какой-нибудь валун.

Оказалось, что ночью найти солнечный камень даже легче, чем днем. Он убедился в этом, явственно увидев его бледный свет у темной разбитой скалы.

Он поднял солнечный камень и в порыве нежности принялся покачивать его в своих ладонях, осторожно гладя кончиками пальцев.

В нем мерцала некая холодная, отталкивающая красота. Причудливый побочный продукт сурового Меркурия, единственный в Солнечной системе. Его радиоактивность была безвредна для живой ткани, а удивительная чувствительность позволяла физикам использовать его в исследовании неизвестных областей радиоволн над первой октавой.

Из чистого любопытства он поднял камень и крепко прижал его ко лбу между бровями. Вряд ли он сработает таким образом — наверное, его надо вставлять глубже, вживлять прямо в кость...

Камень работал! Он работал, и чьи-то невидимые щупальца оплели беззащитный мозг Тревера.

Тревер закричал. Тонкий слабый звук его голоса потерялся в темной ночной пустоте. Он вновь раскрыл рот, но на этот раз крика не получилось совсем. Что-то запрещало ему кричать.

Что-то перелистывало страницы его сознания, как детскую книжку, и это что-то не было ни соколом, ни Корином. Оно не было похоже ни на одно из известных Треверу живых существ. Это было что-то спокойное, одинокое и маленькое, такое же чужое, как горные пики, поднимающиеся к звездам, такое же мощное и такое же безжалостное.

Тело Тревера конвульсивно дернулось.

Все физиологические инстинкты приказывали ему бежать, спасаться, а он не мог сделать этого. Он не мог вернуть свою волю. Из его горла вырвался слабый плачущий стон. Он пытался снять солнечный камень со лба, но это было запрещено, и он не смог нарушить запрет. За страхом пришла ярость, слепой протест против непристойного вторжения в его личный мир, в его мозг. Стон перешел в кошачий визг, весьма нелепо прозвучавший в этом величественном ущелье.

Свободной рукой Тревер бешено вцепился в другую руку, прижимавшую к бровям солнечный камень.

После долгой борьбы с самим собой эта попытка увенчалась успехом.

Мозг его чуть не разорвался пополам.

Вспышка удивления перед тем, как был нарушен загадочный и пугающий контакт, затем затухающая искра гнева — и больше ничего.

Тревер упал. Он был близок к обмороку, его сильно тошнило, все его кости казались расплавленными, размякшими.

Подняться на ноги ему удалось очень не скоро.

В этой проклятой долине было что-то, способное через солнечный камень добраться до человеческого мозга и держать его под контролем. Так было сделано с Коринами и «соколами», так на минуту было сделано с ним, и ужас этого чуждого вторжения, сковывавшего сознание, все еще кричал в Тревере.

— Но кто же это? — хрипло прошептал он.

Это не человек, это не мужчина и не женщина, к тому же и не зверь. Что-то другое, но что именно — Тревер не хотел знать. Ему бы только уйти...

Он обнаружил, что бежит, то и дело стукаясь коленями о камни. Тревер владел собой и заставил себя остановиться и отдышаться.

Он все сжимал в потной ладони солнечный камень, и у него возникло почти непреодолимое желание выбросить его как можно дальше. Но даже извиваясь в когтях древнего и чуждого ему ужаса, человек не может выкинуть цель своей жизни, и Тревер продолжал сжимать этот отвратительный, точно живое насекомое, камень.

Он говорил себе, что тот, кто добрался до него через солнечный камень, не сможет сделать этого, пока камень не прижат ко лбу, близко к мозгу. Сам по себе камень не может повредить никому.

Страшная мысль вновь обдала Тревера волной ужаса. Он подумал о Коринах, о людях с навечно вставленными в голову камнями.

Значит, они всегда в чужой власти? И они — хозяева народа Джин?

Он старался прогнать эту несуразную мысль. Он хотел полностью забыть все и вырваться отсюда.

И, все еще содрогаясь, он отправился дальше.

До наступления дня он не мог уйти далеко. Видимо, ему придется пролежать в скалах весь день и только на следующую ночь попытаться перелезть через стену долины.

Когда день пришел и первые лучи солнца коснулись остроконечных пиков гор, его охватила радость.

И в этот момент над ним мелькнула тень.

Тревер быстро взглянул вверх и увидел соколов.

Они летели целой стаей и не видели Тревера, не обращали внимания на скалы, среди которых он укрылся. Они целеустремленно летели прямо в ущелье, по тому пути, который только что преодолел Тревер.

Он с тревогой следил за ними. Их было куда больше, чем обычно. Соколы влетали в ущелье и исчезали там.

«Они не видели меня», — подумал Тревер.

Он рад был бы поверить этому, но не мог. Тревога его росла с каждой минутой, ведь соколы летели в пещеру, летели по прямой, не сворачивая ни вправо, ни влево, не ведая ни сомнений, ни неуверенности.

Теперь они или тот, кто управлял ими, точно знали, где найти беглецов.

«Но этого не может быть, — пытался уговорить себя Тревер. — Откуда им знать, как попасть в пещеру?»

О т к у д а?

Ответ пришел сам собой, несмотря на все усилия Тревера уйти от него. Ответ был настолько очевиден, что Тревер даже закричал, словно от боли:

— Нет! Не может быть! Они не могли узнать это от меня!

Перед ним неумолимо встало воспоминание о той страшной минуте, когда чье-то холодное щупальце не спеша перелистывало страницы его мозга.

Мощный чужой разум, войдя с ним в этот кошмарный контакт, легко читал в сознании Тревера и без труда разгадал тайну пещеры.

От осознания вины Тревер застонал, словно в агонии. Он выполз из своего убежища и бросился следом за соколами. Может быть, еще не поздно предупредить...

Он миновал развилку и услышал доносящиеся из глубины каньона звуки, звуки, услышать которые он боялся: пронзительный женский визг и хриплые яростные выкрики мужчин. Перескакивая через острые камни, задыхаясь от непосильной тяжести, он добежал до отверстия в пещеру и замер от ужаса.

Соколы-ящерицы ворвались в пещеру и вытащили оттуда рабов. Собрав их в каньоне, они пытались конвоировать их к выходу из ущелья, однако рабы бешено пробивались назад.

Черные крылья бились и грохотали в узкой горловине между отвесными каменными стенами. Щелкали когти, хвосты хлопали по камням, точно пастушьи кнуты. Обреченные рабы отбивались, сталкиваясь и топча друг друга. Некоторые уже лежали бездыханными, рядом замерли в последних судорогах несколько соколов. И все-таки под неумолимым натиском летающих ящериц люди вынуждены были продвигаться к каньону.

Чуть в стороне от других Тревер увидел Джин. Хьюго в суматохе затолкал ее во впадину в стене и, загородив собой, с ожесточением размахивал обломком камня, пытаясь сбить налетавшего сокола. Он был тяжело ранен, и руки плохо слушались его.

Тревер испустил дикий вопль бессильной ярости и побежал к ним.

— Хьюго, оглянись! — заорал он.

Сокол стремительно взлетел, повернулся и ринулся вниз, прямо на спину Хьюго.

Тот обернулся, но недостаточно быстро. Когти ящерицы глубоко впились в его тело. Хьюго упал.

Джин закричала. В это время подоспел Тревер. Он не остановился, чтобы схватить камень, а просто бросился всем телом на летящую рептилию, вцепившуюся в спину Хьюго. Под тяжестью Тревера крылья бешено забились, а чешуйчатая шея начала судорожно извиваться. Однако сопротивление оказалось недостаточным: Тревер в бешенстве сломал эту шею.

Но было уже поздно. Джин дико смотрела на человека и сокола, сцепившихся в пыли. Тревер прикоснулся к ней, но она оттолкнула его — не потому, что это был именно он, а потому, что не видела ничего, кроме белых бедер Хьюго, торчащих из кровоточащей плоти.

— Джин, ради бога, он уже умер!

Тревер пытался оттащить ее.

— Надо уходить отсюда!

Какая-то надежда еще брезжила перед ними. Черные соколы гнали людей по каньону, и если Треверу и Джин удастся спрятаться за наваленными под утесами камнями, у них появится шанс на спасение.

Глава 4

Он потянул Джин за собой. Лицо ее было совершенно пустым.

Через минуту стало ясно, что им не добраться до камней и никакого шанса не будет. От крылатого вихря, безжалостно гнавшего людей, отделились два сокола и вернулись назад.

Тревер быстро прикрыл Джин своей спиной, страстно мечтая перед смертью сломать еще одну чешуйчатую шею.

Сверкая солнечными камнями, черные тени решительно метнулись вниз. Соколы падали прямо на Тревера, но в последний момент отвернули в сторону.

Тревер ждал. Они снова налетели, но не на него, а на Джин.

Он успел заслонить ее, и опять соколы-ящерицы воздержались от удара.

Смутная догадка озарила мозг Тревера.

Ящерицы сознательно не наносили ему вреда.

«Кто бы ни отдал этот приказ — Корины или ТОТ, — мне не хотят вредить», — подумал он, подхватил Джин на руки и опять побежал к камням.

Рептилии тут же напали на Джин. Он не смог вовремя увернуться, и кровь потекла из длинных царапин, оставленных когтями на ее гладких смуглых плечах.

Джин вскрикнула. Тревер снова попытался бежать, но проворная чешуйчатая голова схватила Джин за шею.

— Вот оно как! — зло прошептал Тревер. — Меня им не велено трогать, так они решили действовать по-другому!

Да, так оно и было. Если он не вернется к пленникам, Джин умрет.

— Ладно! — закричал он кружившим над ними демонам. — Оставьте ее в покое! Я пойду, куда вы хотите.

Прижав Джин к груди, он повернулся и медленно побрел вслед за рабами, которых гнали по каньону.

Их гнали весь день вдоль ручья, вокруг базальтового утеса и по голой выжженной солнцем лаве. Некоторые люди упали, и остались лежать, несмотря на все усилия рептилий заставить их идти дальше. Большую часть времени Тревер нес Джин, но иногда волочил ее за собой, а иногда он вообще не знал, что делал.

Он был как в бреду. Очнулся Тревер лишь тогда, когда почувствовал, что Джин вырывают из его рук. Он попытался удержать ее и вдруг увидел вокруг себя всадников. Это были Корины. Они сидели верхом на своих зверях, и солнечные камни светились у них над бровями.

Они оглядывали Тревера с неприязненным любопытством. Солнечные камни придавали их невыразительным лицам оттенок некой нездешности.

— Ты пойдешь с нами в город, — коротко сказал один из них. — Женщина отправится вместе с другими рабами.

Тревер с удивлением уставился на него.

— Зачем мне в город?

Корин угрожающе поднял хлыст.

— Делай, как приказано! Садись!

Раб подвел к нему оседланное животное и покорно протянул поводья, не глядя на Тревера, не оглядываясь на Коринов.

— Ладно, — сказал Тревер, — я поеду.

Он сел в седло и оглядел своих спутников. От ненависти глаза его горели, как раскаленные угли. Корины сомкнулись вокруг него. Предводитель отдал приказ, и они поскакали к далекому городу.

Видимо, Тревер по дороге задремал, потому что вдруг оказалось, что солнце уже село и они находятся у городских ворот.

Раньше он видел этот город издалека и не мог соразмерить его ни с чем, кроме огромных горных

пиков. Тогда он решил, что это просто город, выстроенный из камня. Теперь же он видел его вблизи.

Черные тени укрыли долину, но на острых пиках горного хребта свет еще сиял и бросал отблески на черное небо, так что казалось, будто город плывет по тонкой линии, разделяющей ночь и день. Тревер смотрел, закрывал глаза и снова смотрел.

С размерами было что-то не так.

Он быстро взглянул на Коринов и с ужасом ощутил, что сжимается до размеров ребенка. Но Корины не изменились, по крайней мере в сравнении с ним. Он опять повернулся к городу, стараясь представить его в перспективе.

Город поднимался прямо из равнины. Не существовало ни постепенного перехода к предместьям, ни окруженных садами вилл, ни рядов коттеджей. Город поднялся как утес, торжественный, массивный, приземистый и безобразный. Дома были квадратные, в основном одноэтажные, и стояли плотным, несокрушимым фронтом. Перед ними Тревер чувствовал себя карликом, хотя никогда не испытывал такого ощущения перед земными небоскребами. Это ощущение было странным, неестественным, в чем-то жутковатым и почему-то пугающим.

Не было ни оград, ни ворот, ни дорог, ведущих в город. Верховые животные только что шли по траве равнины, и вот уже их копыта стучат по каменной мостовой, и здания окружают их, неуклюжие, громоздкие, сумрачно нависающие над тротуарами.

В домах царила тишина, из черных амбразур дверей наружу не просачивалось ни лучика. Последний свет заходящего солнца скользнул через высокие пики и позолотил плоские крыши. Тревер решил, что эти дома столь же древние, как и окружавшие их горы.

Глядя на оконные амбразуры, на двери, на ведущие к ним ступени, Тревер вдруг понял, что в них что-то не так, и скрытый доселе страх вспыхнул в нем с новой силой.

Город и дома в нем, двери и ступени, высота окон — все было совершенно пропорционально... вот только люди, жившие здесь, должны были достигать двадцати футов росту.

Он повернулся к Коринам.

— Вы не строили этот город. Откуда же он взялся?

Корин по имени Гелт рявкнул:

— Заткнись, раб!

Тревер посмотрел на него, на других Коринов. Что-то в их лицах, в их осторожных движениях говорило ему, что они тоже боятся.

— Вы, — сказал он, — Корины, надменные полубоги, ездящие верхом и посылающие своих соколов охотиться и убивать, вы больше боитесь своего хозяина, чем рабы боятся вас!

Они повернули к нему мертвенно-бледные лица, горевшие откровенной ненавистью. Он вспомнил, как ТОТ захватил его мозг и какое это было ощущение. Теперь он многое понял.

— Ну и каково быть в рабстве, Корины? — спросил он. — Быть в рабстве не только телом, но и мозгом, душой?

Гелт повернулся как разъяренная змея, но удара не последовало. Рука, поднявшая тяжелый хлыст, внезапно остановилась и безвольно упала. Глаза Корина пылали беспомощной злобой.

Тревер невесело засмеялся.

— Оно желает видеть меня живым. Значит, я пока в безопасности и могу высказать все, что я о вас думаю. Вы все еще каторжники, не так ли? И это после трехсот лет! Неудивительно, что вы ненавидите рабов.

Конечно, не те каторжники. Солнечные камни не дают долголетия. Тревер знал, как размножаются Корины. Они крадут женщин из числа рабынь, родившихся мальчиков оставляют, а девочек убивают. Он снова засмеялся.

— В сущности, не так уж и хорошо быть Корином, а? Вы даже не можете почувствовать вкуса охоты и убийства. Неудивительно, что вы ненавидите всех! Люди порабощены, но они не ваша собственность!

Вероятно, им очень хотелось прикончить его, но они не могли. Это было запрещено. Тревер презрительно смотрел на них. Драгоценности и роскошные доспехи, тяжелые от золота уздечки животных, оружие — все это выглядело теперь глупым, ненужным, как бумажные короны и травяные бороды, которые надевают дети, играя в королей. Здесь не было хозяев и слуг, здесь были только рабы и человекоподобные орудия таинственного разума. И солнечные камни служили клеймом этого истинного рабства.

Кавалькада наездников поехала дальше.

Пустые улицы, пустые дома, окна, слишком огромные, чтобы через них смотрели человеческие глаза, ступени, слишком высокие, чтобы по ним взбирались человеческие ноги. Полная тьма, первый удар грома, первый блеск молнии между утесами.

Животные теперь торопились и, подгоняемые разрядами молний и едким дождем, готовы были пуститься галопом.

Всадники въехали на большую площадь.

Вокруг громоздились плотные ряды домов, освещенные факелами. Из безмерно огромных дверных проемов выглядывали маленькие фигурки Коринов.

В самой середине площади стояло низкое каменное здание без окон, с единственной дверью. Здесь Корины привязали своих животных.

— Слезай, — сказал Треверу Гелт.

Красноватая вспышка в небе показала Треверу лицо Корина. Каторжник скалился, как волк, готовящийся убить. Ударил гром, дождь превратился в ливень, и Тревера втолкнули в дверь.

Он спотыкался на продавленных плитах, а Корины шли уверенно, мягко, как кошки. Тревер понял, что они часто бывали здесь. Понял он и то, что они ненавидели это здание. Он чувствовал, как их тела источают ненависть и страх. Они не хотели идти сюда, но шли — так им было приказано.

Он чуть не упал перед неожиданно возникшей лестницей, но кто-то удержал его, подхватив под локоть. Ступени были страшно высокие, спускаться по ним приходилось, приседая и вытягивая ногу. От стены шел поток горячего воздуха, но Тревера зноби-

ло. Он чувствовал, что твердый камень ступеней стерт до глубоких впадин. Чьи ноги ходили здесь и когда?

Сквозь мрак на людей наползал грязно-желтый свет.

Они спускались бесконечно долго. Свет стал ярче, и Тревер снова увидел лица Коринов. Жара стала непереносимой, но на сердце Тревера все еще лежал холод.

Лестница привела их в длинный низкий коридор, такой длинный, что дальний конец его терялся в смутной дымке. Тревер подумал, что коридор, наверное, пробит в естественной пещере, потому что то тут, то там в каменном полу вспыхивали и пузырились тонкие струйки газа, наполняя помещение мрачным светом и запахом серы.

По обеим сторонам коридора тянулись ряды каменных статуй.

Тревер пригляделся к ним, и по его спине поползли мурашки. Статуи мужчин и женщин, вернее сказать, человекоподобных созданий мужского и женского пола, сидели торжественные, нагие, сложив руки на коленях. Лица их были спокойны и сосредоточены, а в глубоких морщинах, прорезавших их впалые щеки, читалась затаенная, терпеливая печаль. Глаза их, сделанные из тусклого красноватого камня, неподвижно уставились в противоположную стену. Вероятно, в этих фигурах было футов двадцать высоты. Они были мастерски вырезаны из какого-то материала вроде алебастра.

Гелт схватил его за руку.

— Нет, ты не уйдешь обратно. Ты смеялся, не так ли? Иди дальше, я посмотрю, как ты засмеешься теперь.

Его погнали дальше между рядами молчаливых статуй, спокойных монументов с удивительно прозрачными задумчивыми глазами.

Мысли и чувства у них давно исчезли, но они были когда-то, пусть отличные от человеческих, но такие же сильные. Здесь не встречалось двух одинаковых лицом или телом. Тревер обратил внимание на детали, редко встречающиеся у статуй: искалеченная нога или рука, деформированное или полностью изуродо-

ванное лицо, которое ни один художник не избрал бы своей моделью. Все они, похоже, были стариками, хотя Тревер не мог сказать, почему он так решил.

От главного коридора отходили другие. Насколько они были длинны, Тревер не мог сказать, но видел в них такие же ряды сидящих статуй.

Статуи, бесконечное число статуй в темном подземелье города.

Тревер вдруг остановился.

— Это гробница, — сказал он. — И это не статуи, а тела мертвых.

— Иди, — откликнулся Гелт, — и не смейся!

Они схватили его, и их было слишком много, чтобы драться с ними. И Тревер понимал, что драться надо не с ними.

Кто-то ждал его в этих катакомбах, тот, кто один раз уже захватывал его мозг.

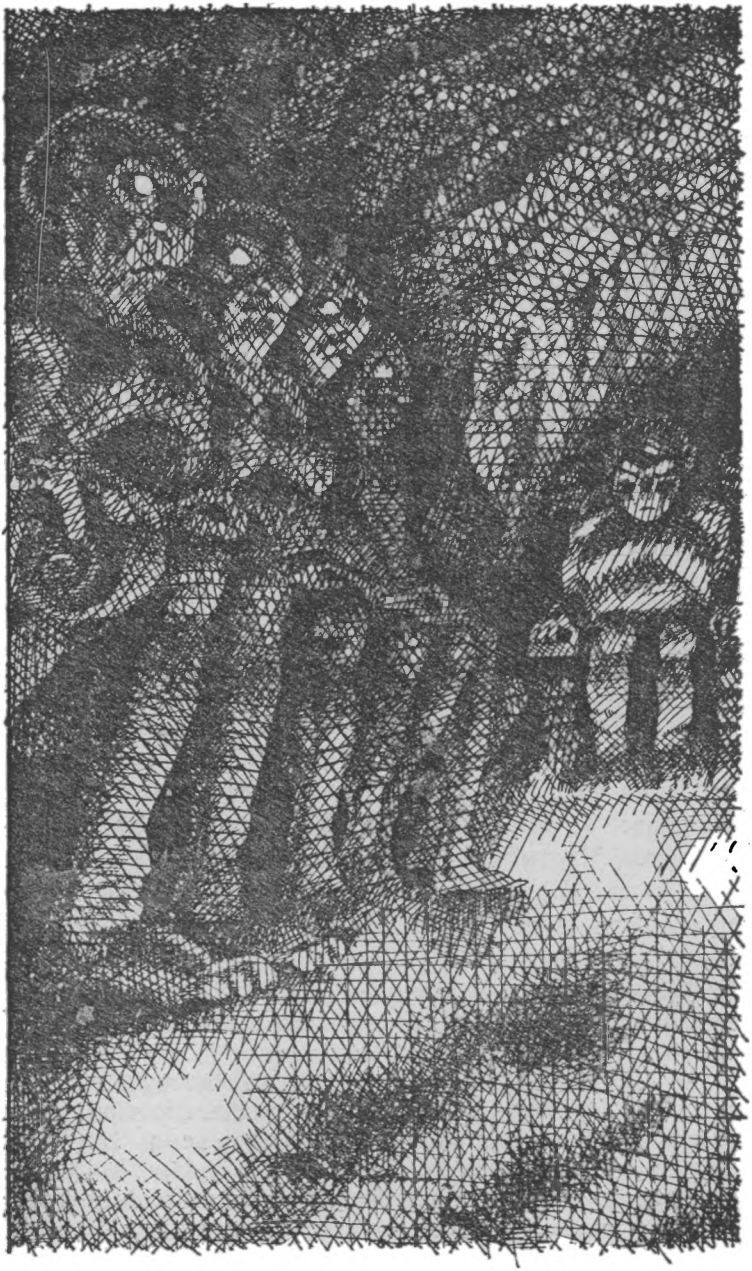
Они дошли до конца длинного коридора.

Бледный свет горящего газа озарил последнюю из сидящих фигур. Интересно, они так и умирали сидя или их приносили сюда потом? Ряды с обеих сторон заканчивались одинаково — два кресла друг напротив друга.

Но в другом конце коридора стояло особняком каменное кресло, повернутое лицом к мрачному громадному коридору, и на нем сидела человекоподобная алебастровая фигура. Каменные руки были тяжело сложены на каменных коленях. Фигура не отличалась от других ничем, кроме живых глаз.

Корины чуть отступили — все, кроме Гелта. Он остался рядом с Тревером, склонив голову, угрюмо и нервно сжав рот и не поднимая глаз. Тревер пристально посмотрел в далекие темные глаза, похожие на два кусочка сердолика на этом алебастровом лице, но они были живыми, чувствующими и полными глубокой чужой печали.

В катакомбах было тихо. Ужасные глаза пристально изучали человека, и ненависть Тревера сменилась странной жалостью; он подумал о том, что обладатель этих глаз многие века погребен в собственном теле и прекрасно понимает безнадежность своего положения.

— Долгая жизнь и долгое умирание. Благословение и проклятие моего народа.

Эти слова возникли в сознании Тревера, хотя уши его не услышали ни звука. Тревер вздрогнул. Вспомнив мучительный миг в каньоне, он хотел повернуться и бежать, но тут же обнаружил, что сила исподволь, вкрадчиво, как скользящая тень, успела войти в него и бежать было запрещено.

— В этом радиусе действия я не нуждаюсь в солнечных камнях, — сказал беззвучный голос внутри Тревера. — Когда-то я в них вообще не нуждался, но теперь я стар.

Тревер смотрел на каменное существо, наблюдавшее за ним, и думал о Джин, о мертвом Хьюго, лежавшем в грязной пыли, и ожесточение вновь загорелось в нем.

— Я вижу, человечек, ненависть твоя так же сильна, как страх? Ты хотел бы уничтожить меня?

Мягкий смех послышался в мозгу Тревера.

— Я наблюдал за многими поколениями людей. Все они умирают очень быстро. А я все еще здесь, как и до их появления.

— Ты не будешь здесь вечно, — огрызнулся Тревер. — Твои сородичи умерли. Умрешь и ты.

— Да. Но это медленное умирание, человечек. Химия твоего тела, как у растений и животных, основана на углероде. Вы быстро растете и быстро увядаете, а мы — другие. Мы как горы, родственные нам. Клетки нашего тела состоят из силикона, как у них. Наша плоть растет медленно, как горы, и твердеет с возрастом. И смерть приходит к нам очень не скоро.

Тревер вдумался в эти слова и почувствовал трепет благодарности за то, что его собственная плоть столь хрупка и недолговечна.

— Я последний, — прошептал беззвучный голос. — Было время, когда я мог мысленно общаться с друзьями, но все они ушли раньше меня. Это случилось очень давно.

Странное видение пронеслось перед глазами Тревера: он увидел погасшее Солнце и холодный Мерку-

рий, медленно падающий во мрак мертвой звезды, унося с собой бесконечные ряды неподвижных алебастровых фигур.

Он силился вернуться к реальности, цепляясь за свою ненависть, как пловец за доску. Хриплым, срывающимся голосом он выкрикнул:

— Да, я уничтожил бы тебя, если бы мог! Чего еще ты можешь ждать от меня?

— Нет, человечек, ты не уничтожишь меня. Ты будешь помогать мне.

Тревер изумился.

— Помогать тебе? Но ты же хотел убить меня?

— Зачем? Еще один мертвец мне не нужен, а живой ты можешь служить мне. Вот поэтому тебя и пощадили.

— Служить тебе, как эти?

Он повернулся, чтобы указать на ожидавших Коринов, но те сами подошли к нему и встали рядом, протягивая руки своему повелителю.

Тревер бросился на них. На мгновение у него мелькнула мысль, как, наверно, дико выглядит его сражение с Коринами в глазах этого каменного истукана.

Но едва появилась эта мысль, как схватка уже кончилась. Повелительная, всезаглушающая команда ударила в его мозг, и он провалился в глубокое забытье.

Глава 5

Тьма. Мрак. Он затерялся во тьме и перестал быть самим собой. Он летел сквозь мрак, окликая нечто исчезнувшее. И голос отвечал ему, голос, которого он не хотел слышать...

Тьма. Сны.

Заря. Он стоит в городе и наблюдает, как свет становится ярким и безжалостным, загорается на вершинах стен и медленно сползает на улицы, загоняя тяжелые тени в открытые двери и окна, так что

дома кажутся черепами с пустыми, бессмысленными глазницами и зияющими ртами.

Здания уже не выглядят такими большими. Он проходит между ними, легко поднимается по ступеням, и карнизы окон оказываются не выше его головы. Он знает эти дома, но внимательно разглядывает каждый из них, называет его и вспоминает давнее, очень давнее.

К нему спускаются с неба соколы, верные слуги с солнечными камнями в головах. Он похлопывает их по склоненным шеям, и соколы тихо шипят от удовольствия. Жалкие, примитивные существа... Он неторопливо проходит по знакомым улицам, всюду безмолвие, ничто не движется...

Весь день от зари до зари в густом мраке ночи — все то же безмолвие, все та же неподвижность. Камням не дано говорить, камням не дано двигаться.

Он не мог больше выносить город. Хотя первые слабые признаки старости коснулись его, но все же его время еще не настало. Однако он спустился в катакомбы и занял свое место рядом с Теми, Кто Ждал. Они еще могли обмениваться мыслями, так что здесь он был не одинок.

Годы проходили, не оставляя следа в неизменном мраке погребального коридора.

Все реже доходили до него мысленные сигналы от своих товарищей, пока наконец не исчезли совсем. К этому времени возраст сковал его члены, и он уже не мог встать, чтобы снова выйти в город, где он когда-то был молодым, самым молодым на Меркурии. Шеннеч, как его звали, Шеннеч Последний...

Он ждал в тягостном одиночестве. Только родственник недвижных молчаливых гор мог вынести это ожидание в мире мертвых.

Затем в громе и пламени в долину упала новая жизнь, человеческая жизнь, слабая, хрупкая, восприимчивая жизнь, разумная, незащищенная, обладающая жестокими, смущавшими человеческое существо страстями.

Очень осторожно, без спешки, мозг Шеннеча дотянулся до них и вобрал в себя.

Некоторые люди были более агрессивны и жестоки, чем другие. Шеннеч воспринимал их эмоции как алые рисунки на темном фоне его сознания. Они уже превратились в хозяев, и множество хрупких, чувствительных мозгов огрубели из-за них. «Я возьму эти для себя, — подумал Шеннеч. — Рисунок их мозга примитивен, но крепок и устойчив. Мне будет интересно повозиться с ними».

На корабле был хирург, но он умер.

Впрочем, для того, что было сделано, хирург и не понадобился. Когда Шеннеч закончил беседу с выбранными им людьми, рассказав им кое-что о солнечном камне, и эти люди с восторгом согласились на его предложение, Шеннеч полностью взял их под контроль. Неуклюжие руки каторжников с удивительной ловкостью управлялись с немалочисленными инструментами покойного хирурга, производя круглые вырезы и аккуратные углубления в лобовой кости.

Кто этот человек? Он так спокойно лежит под хирургическим ножом... Кто те, которые склонились над ним со странными камнями между бровей? Имена. И я знаю их. Ближе, ближе. Я знаю человека, который лежит здесь, и по лицу его стекает кровь...

Тревер закричал. Кто-то хлестнул его по лицу, намеренно жестоко. Все еще ослепленный видением, он снова закричал, начал отбиваться, и голос, которого он так боялся, ласково заговорил с ним:

— Все прошло, Тревер. Все сделано.

Рука снова хлестнула его, и грубый человеческий голос сказал:

— Очнись, черт бы тебя побрал!

Тревер пришел в себя. Он стоял посреди громадной комнаты, в напряженной позе отчаявшегося бойца, вспотевший, хватавший руками пустоту. Видимо, он прибежал сюда в полубессознательном состоянии. Гелт наблюдал за ним.

— Привет, землянин. Ну, каково чувствовать себя хозяином?

Тревер с удивлением воззрился на него.

Яркий поток света падал через высокие окна и освещал солнечный камень между нахмуренными бровями Корина. Взгляд Тревера сосредоточился на этой блестящей точке.

— Ну да, — сказал Гелт. — Это правда.

Вдруг Тревера поразило то, что губы Гелта не двигались.

— Камни дают нам некоторые способности, — продолжал Гелт все так же беззвучно. — Конечно, не такие, как у НЕГО, но мы можем управлять соколами и обмениваться мыслями между собой, если расстояние не слишком велико. Естественно, наш мозг открыт ЕМУ в любое время, когда он пожелает.

— Но мне же не больно, — прошептал Тревер.

Он отчаянно надеялся, что ничего этого вообще не было.

— Голова не болит.

— Конечно, нет. Он заботится об этом.

«Шеннеч! Если этого не было, откуда я знаю его имя? И этот сон, этот бесконечный кошмар в катакомбах...»

Гелт вздрогнул.

— Мы не употребляем это имя. ОН этого не любит.

Он взглянул на Тревера.

— В чем дело, землянин? Почему ты такой бледный? Ты ведь смеялся, помнишь? Куда делось твое чувство юмора?

Он резко схватил Тревера за плечи и повернул лицом к громадному листу полированного стекла, вставленного в стену.

Это было зеркало для гигантов, в котором отражалась вся комната и крошечные фигурки людей — жалких карликов в чуждом им мире.

— Иди, — сказал Гелт.—Он подтолкнул Тревера вперед.— Полюбуйся.

Тревер стряхнул с себя руку Гелта, подошел к зеркалу, положил руки на его холодную поверхность и вгляделся.

Да, это было правдой.

Между его бровями мерцал солнечный камень. Это лицо, знакомое, обычное, не такое уж безобразное, к которому он привык за всю свою жизнь, стало теперь

каким-то чудовищным, неестественным, превратилось в маску гоблина со злобным третьим глазом, сверкающим во лбу.

Промозглый холод вполз в его сердце. Он попятился, его руки слепо потянулись к камню, рот скривился, как у ребенка, и две невольные слезы скатились по впалым щекам.

Пальцы коснулись камня, и на него нахлынула неистовая злоба. Он яростно вонзил ногти в лоб и царапал камень, не думая о том, что может умереть, если вырвет его.

Гелт наблюдал. Губы его улыбались, но глаза были полны ненависти.

Тревер почувствовал, что по щекам его льется кровь. Солнечный камень все еще сидел на месте. Тревер дико застонал и глубже вонзил ногти, и Шеннеч позволил ему это сделать, покуда страшная боль чуть не разломила пополам голову Тревера, едва не свалив его на пол. Он сопротивлялся.

Тогда Шеннеч послал полную силу своего мозга — не в ярости, потому что это чувство было чуждо ему, не из жалости, потому что он был не более жесток, чем его кузены-горы, но просто по необходимости.

Тревер всем существом почувствовал эту холодную мощь, которая прокатилась по нему, как лавина. Он старался достойно встретить ее, по-прежнему отчаянно сопротивляясь, но она сломала его защиту, размолола воздвигнутые им барьеры, превратила в ничто его волю и вошла в бессильную цитадель его мозга.

В этой пошатнувшейся темной крепости все, что, собственно, было Тревером, корчилось, изворачивалось и цеплялось за оружие ярости, за смутное воспоминание о том, как в узком, сжимающемся каньоне это оружие помогло ему отогнать врага и вырваться на свободу. Затем какой-то животный, дикий инстинкт, загнанный в самые глубины подсознания, посоветовал ему не спешить, не торопить события, схоронить и сделать так, чтобы то немно-

гое, чем он еще располагал, осталось нетронутым и, быть может, незамеченным для захватчика.

Тревер вяло опустил руки, и мозг его расслабился, забился в хаотическом бессилии. Холодная черная волна чужеродной силы остановилась, а затем откатилась назад.

Шеннеч сказал:

— Твой мозг крепче, чем у этих выведенных в долине Коринов. Они покорнее соколов, а ты помнишь, что однажды уже противостоял мне. Но тогда контакт был несовершенным. Теперь — другое дело. Не забывай этого, Тревер.

Тревер глубоко вздохнул и прошептал:

— Чего ты от меня хочешь?

— Пойди и посмотри корабль. Твой мозг сказал мне, что он понимает эти вещи. Посмотри, сможет ли корабль взлететь снова.

Этот приказ поверг Тревера в глубокое изумление.

— Корабль? Но зачем...

Шеннеч не привык, чтобы от него требовали объяснений, но тем не менее терпеливо ответил:

— Я проживу еще некоторое время, несколько ваших коротких поколений. Хватит с меня вашей долины и катакомб. Я хочу покинуть их.

Тревер понимал это. В том кошмарном сне он заглянул в мозг Шеннеча, теперь он все понимал. На мгновение он почувствовал острую жалость к этому пойманному в ловушку странному существу, одинокому, единственному во всей Вселенной. Затем он удивился.

— А что ты будешь делать, если уедешь отсюда? Что тебе делать в другом месте?

— Кто знает? У меня осталось только одно: любопытство...

— Ты возьмешь с собой Коринов и соколов?

— Некоторых. Это мои глаза и уши, мои руки и ноги. Тебе это не нравится, Тревер?

— Какое это имеет значение? — горько пожал плечами человек. — Пойду, погляжу на корабль.

— Пойдем вместе, — отозвался Гелт и набрал охапку факелов.

— Я покажу тебе дорогу.

Через гигантскую дверь они вышли на улицу и пересекли бесконечный квартал пустых домов.

Эти улицы и дома Тревер видел во сне.

Он обратил внимание на то, что Гелт повел его на другой конец города, в ту часть долины, где он еще ни разу не был. Затем его мозг повернулся к тому, чего не мог выбить из его сознания даже острый, болезненный шок пробуждения.

Джин.

Его вдруг охватила страшная паника.

Сколько времени прошло с тех пор, как в катакомбах на него упала тьма? Много или мало? За это время могло многое случиться. Ему представилась мертвая Джин, разорванная соколами, похожая на Хьюго с его обнажившимися ребрами, и он шагнул к Гелту, владельцу женщины-рабыни. Но тут в мозгу у него зазвучала речь Шеннеча, к которой Тревер уже начал привыкать.

— Женщина в безопасности. Смотри сам.

Кто-то властно вторгся в сознание Тревера и направил его по совершенно иному руслу. Тревер ощутил странный легкий толчок контакта и вдруг почувствовал, как что-то меняется в его восприятии окружающего мира. Он смотрел на землю из-под облаков и различал внизу загон с многочисленными крошечными фигурками.

Своими собственными глазами он увидел бы их такими, какие они есть, но те глаза, которыми он пользовался сейчас, хоть и были зоркими, как у орлов, но не различали цвета, а видели только черное и белое. В одной из фигур он узнал Джин. Он хотел подойти поближе, как можно ближе, и точка фокусировки, откуда он наблюдал, начала кругами снижаться. Джин взглянула вверх. Тревер увидел прошедшую по ней мрачную тень широких крыльев и понял, что видит глазами сокола-ящерицы. Он потянул сокола вверх, чтобы не пугать девушку, но сначала разглядел ее лицо. Каменное, застывшее выражение исчезло и сменилось оскалом раненой тигрицы.

— Я хочу иметь ее, — сказал он Шеннечу.

— Она принадлежит Гелту. Я не вмешиваюсь.

Гелт пожал плечами.

— Бери, пожалуйста. Но держи ее на цепи. Она теперь слишком опасна и годится только на корм соколам.

Корабль находился недалеко от города.

Он лежал на боку рядом с низким отрогом каменного барьера. Он упал тяжело, и некоторые из ведущих плоскостей прогнулись, но снаружи повреждения не казались непоправимыми. Были бы знания и необходимые инструменты для работы... Триста лет назад его можно было снова заставить летать, но те, у кого имелись необходимые знания, умерли, а каторжники хотели остаться здесь.

Прочный металл внешней оболочки корпуса неплохо продержался все три столетия в жесточайшем меркурианском климате.

Он несколько проржавел, и там, где виднелись пробоины, внутреннюю оболочку проела ржавчина. И все же в целом корпус сохранил сходство с кораблем.

— Будет ли он летать? — нетерпеливо спросил Шеннеч.

— Пока не знаю, — ответил Тревер.

Гелт зажег факел и протянул его Треверу.

— Я останусь тут.

Тревер засмеялся.

— Как ты полетишь над горами?

— Там видно будет, — пробормотал Гелт. — Возьми и остальные факелы. Там темно.

Тревер пролез через зияющий люк внутрь и с большой осторожностью ступил на покатую, рыжую от ржавчины палубу.

Внутри корабль был сильно разрушен.

Все, что могло пригодиться, разрушилось при падении, остались только голые каюты с облупившейся эмалью на стенах и раскиданным повсюду мусором.

В отделении перед воздушным шлюзом Тревер нашел множество скафандров. Материал сгнил, но некоторые шлемы были еще исправны, несколько кислородных баллонов также уцелели.

Шеннеч нетерпеливо понукал Тревера:

— Займись главным, Тревер!

Рубка была не тронута, хотя многослойный глассит на больших экранах подернулся сетью паутинообразных трещин. Тревер осмотрел систему управления.

Он был сугубо планетарным космолетчиком, и его маленькая машина покидала исследуемую планету не далее, чем на плевок. Здесь было несколько приборов, назначение которых было ему неизвестно, но в целом он довольно хорошо представлял себе управление.

— Лететь недалеко, Тревер, только через горы. Из твоего мозга и из мозга тех, кто умер уже после посадки, я знаю, что за горами лежит мертвая каменная долина в двадцать раз больше Кората. Там живут земляне.

— Только часть ее плодородна. Там рудники, уже здорово выработанные землянами. Но некоторые корабли туда еще летают, и кое-кто из землян остался.

— Это лучше. Начинать с малого...

— Что начинать?

— Наперед не скажешь. Ты не понимаешь, Тревер. Сотни лет я точно знал, что буду делать. В незнании есть что-то от нового рождения.

Тревер вздрогнул и пошел обратно изучать приборы. Электропроводка, защищенная несколькими слоями непроницаемой пластиковой изоляции и антикоррозийными трубками, была в отличном состоянии. Помещение для генераторов разрушил взрыв, но надежда восстановить его осталась. Имелись запасные батареи, конечно проржавевшие, но если с ними поработать, они некоторое время смогут продержаться.

— Полетит он?

— Я же сказал, что пока не знаю. Тут куча работы.

— Для этого есть рабы.

— Да, но без горючего все бесполезно.

— Посмотри, есть ли оно.

Некие смутные мысли, блуждавшие в мозгу Тревера, теперь, похоже, начали проясняться. Он не хотел вытаскивать их на свет, не хотел делиться ими с

Шеннечем, и поэтому думал о генераторах, батареях и монтаже.

Он полз в омертвелых потрохах мертвого космического корабля, пробиваясь к хвостовой части. Чадящий факел слабо освещал то, что лежало в опустевших офицерских каютах и разграбленных во время мятежа трюмах. Вход в один из больших отсеков прикрывала дверь с тяжелыми запорами и болтами, выгнувшимися при крушении.

«Вот откуда они вырвались, — подумал Тревер, — как волки из западни».

В нижних трюмах, больше всего пострадавших при падении, имелось множество сельскохозяйственных машин и оборудования для шахт. Все было непоправимо разломано, но тем не менее старинные механизмы, с их ржавыми лезвиями и странной неуклюжей формой, выглядели весьма внушительно.

Они напоминали оружие, и Тревер развил эту мысль, украсив ее мысленным изображением людей, падающих под крутящимися жатками. Шеннеч уловил это.

— Оружие?

— Можно использовать как таковое. Но металл надо очистить.

Он обнаружил бункеры с горючим. Основной запас был израсходован до последней капли, но в запасных терминалах, судя по показателям шкал, кое-что осталось — не много, но может хватить.

Глава 6

В Тревере зашевелилось возбуждение, слишком большое, чтобы его можно было спрятать в глубоком потайном уголке подсознания.

Он выпустил его на свободу, и Шеннеч пробормотал:

— Ты доволен. Корабль полетит, и ты думаешь, что, добравшись до другой долины и очутившись среди себе подобных, ты найдешь средство уничто-

жить меня? Возможно, но мы еще посмотрим, что получится.

Глядя вниз из перекошенного аварией люка, Тревер улыбнулся. Лгать можно не только словами, но и мыслью, а Шеннеч, как ни говори, был всего лишь мыслящим существом.

— Мне нужна помощь. Брось на корабль все силы, которые у тебя имеются.

— Сделаем.

— Потребуется время. Не торопи и не отвлекай меня. Не забывай, что я не меньше тебя хочу перебраться через горы.

Шеннеч мысленно засмеялся.

Тревер взял новую связку факелов и пошел работать в генераторную. Он чувствовал, что Шеннечу сейчас не до него: он занят тем, что сгоняет Коринов и рабов. Однако Тревер не ослабил своей осторожности.

Открытая область его мозга была занята мыслями о мщении по прибытии в другую долину.

Постепенно настойчивая борьба с антикварными, вышедшими из строя механизмами заглушила все посторонние мысли.

Прошел день, ночь и половина второго дня, прежде чем проводка была соединена так, как он хотел. Один генератор с протяжным скрипом заработал в четверть своей нормальной мощности, и батареи были заменены на лучшие, хранившиеся в запасе на складе.

Моргая от света, словно крот, выползший из норы, Тревер вышел из наполненного факельным чадом сумрака в рубку и увидел спавшего там Гелта.

— Он доверяет тебе, — сообщил пробудившийся Корин, — но не слишком.

Тревер нахмурился. Усталость, возбуждение и постоянное ощущение опасности вконец вымотали его. Прочная защитная оболочка создала вокруг мозга маленькую внутреннюю крепость так, что сознание было скрыто даже от самого Тревера. Он почти поверил, что улетит на этом корабле в другую долину и

будет сражаться там с Шеннечем. Так что Тревер не удивился, услышав слова Шеннеча:

— Ты, вероятно, попытаешься улететь один, человечек. Я не хотел бы этого.

— Ты контролируешь меня настолько, — ворчливо заметил Тревер, — что я не смогу и плюнуть, если ты запретишь.

— Я мало что понимаю в ваших машинах. У нас никогда не было механической культуры. Во всяком случае, многие из твоих мыслей, которые я отчетливо читаю, не имеют для меня реального смысла. Я могу управлять тобой, Тревер, но не кораблем.

— Не беспокойся, — отозвался Тревер, — вряд ли я смог бы поднять корабль в воздух, пока его корпус не починен.

Это было правдой.

— Тем не менее, — заявил Шеннеч, — Гелт будет дополнительным стражем у того предмета, который ты называешь приборной доской и который, как мне сообщил твой мозг, является ключом к кораблю. Тебе запрещено касаться ее, пока не настанет время лететь.

Тревер услышал ворчливый смех Шеннеча.

— В твоем мозгу, человечек, таится измена. Но у меня хватит времени. Импульс идет быстро и не может быть прочитан заранее, но между импульсом и его реализацией есть интервал. Пусть он длится долю секунды, мне его хватит, чтобы остановить тебя.

Тревер не спорил. Он дрожал от усилий скрыть жалкие остатки своей индивидуальности. Он провел рукой по лицу и, вздрагивая от прикосновения к чужому, навязанному уродству на своем лбу, угрожающе сказал:

— Трюмы должны быть очищены. Корабль не поднимет еще раз такую тяжесть, да и металл понадобится нам для ремонта.

Он снова настойчиво подумал об оружии.

— Пришли рабов.

— Нет, — твердо сказал Шеннеч, — это сделают Корины. Мы не дадим в руки рабов никакого потенциального оружия.

Тревер пропустил через свой мозг волну разочарования и пожал плечами.

— Ладно. Тогда давай сюда Коринов.

Он стоял у больших экранов и смотрел на равнину, расстилавшуюся перед городом. Рабы были собраны на безопасном расстоянии от корабля и, словно бессловесное стадо, ждали господских приказов. Их охраняло несколько всадников-Коринов и ящерицы-соколы.

Маленькая армия Коринов медленно подошла к кораблю.

Тревер ясно почувствовал их мысли. За всю свою жизнь они ни разу не испачкали собственных рук работой и теперь злились на своего хозяина.

Вонзив ногти в ладони, Тревер пошел к хвостовой части, чтобы показать Коринам, что надо делать. Он не сможет больше хранить то, что с таким трудом скрывал под наслоениями полуправды и хитрости.

Рано или поздно это выйдет наружу, и Шеннеч узнает все.

При свете факелов Корины начали сражаться с ржавыми машинами в задних трюмах.

— Посылай сюда побольше людей, — мысленно приказал Тревер Шеннечу. — Это очень тяжелые вещи.

— Тут все, кроме тех, кто охраняет рабов. Их нельзя забирать.

— Ну что ж, — сказал Тревер, — тогда заставь их работать как следует.

И по наклонившимся палубам и коридорам сначала медленно, а потом все быстрее, он пошел к хвосту корабля, его босые ноги царапались о чешуйки ржавчины, лицо с третьим, сверхъестественно-жутким глазом побелело и странно застыло. Его мозг выталкивал мутные потоки хаотичных мыслей, неопределенных и ничего не значивших, чтобы до последней секунды скрывать то подспудное, что нельзя было знать Шеннечу.

— Тревер!

Шеннеч был встревожен.

Цель вышла на свет. Она вышла, ее уже нельзя было больше прятать. Она вырвалась из укромного места, как яркая вспышка в темноте, и Шеннеч увидел ее и послал на человека всю свою холодную силу.

Тревер пулей влетел в рубку. Первая черная волна ударила его в общем-то неожиданно. Рубка вытянулась в каком-то диком, бредовом измерении. В дальнем ее конце ждал Гелт. За спиной у Гелта находился один маленький ключик, которого нужно было коснуться сейчас же.

Возросшая многократно сила Шеннеча оттолкнула Тревера назад, запрещая ему думать, двигаться, существовать. Но созданные Тревером защитные стены еще держались, в них горел яркий факел решимости.

Было самое время начать сражение, и Тревер выкопал свое скрытое, тщательно оберегаемое оружие ярости.

Он высвободил эту дикую ярость и крикнул чужой силе:

— Я убью тебя когда-нибудь!

Палуба поплыла под его ногами. Облупившиеся переборки колыхались, как клубящийся туман. Тревер не знал, двигается он или нет, но на ногах он держался, в то время как страшная, непереносимая тяжесть обрушилась на его трепещущий мозг, стремясь сгладить, придавить бешеную ярость, которая была его единственным оружием.

Ярость за себя, оскверненного и униженного, ярость за Джин с ее окровавленными рубцами на смуглых плечах, ярость за Хьюго, лежавшего мертвым под отвратительным убийцей, ярость за все поколения высадившихся здесь людей, которые жили и умирали в рабстве для того, чтобы облегчить Шеннечу ожидание смерти.

Перед ним возникла неестественно огромное лицо Гелта, искаженное, потрясенное и испуганное. Тревер оскалился.

— Я убью его когда-нибудь, — выдохнул он, обращаясь к Корину.

На поясе Гелта висел нож, но потомку каторжника не было приказано пользоваться им. Только один

Тревер мог заставить корабль лететь. Гелт протянул дрожащие руки и схватил Тревера, но очень неуверенно. Мозг Корина кричал Шеннечу:

— Ты не можешь его остановить!

Тревер, только частично слитый с Шеннечем, услышал этот крик и засмеялся.

От прикосновения Гелта что-то взорвалось в нем. Теперь его не контролировали, неистовые мысли ушли, остались только два сильных желания, одним из которых было уничтожение поработившего его чудовища.

— Убей его, — неожиданно сказал Шеннеч. — Он безумец, и никто не может управлять сумасшедшим!

Гелт старался выполнить приказ, но руки Тревера уже схватили его горло. Пальцы глубоко погрузились в плоть Корина, и вскоре раздался хруст сломанной кости.

Тревер отбросил обмякшее тело. Он ничего не видел, кроме маленького огонька, мерцавшего в темноте. В центре этой светлой точки находилась красная кнопка. Тревер подскочил к пульту и нажал ее. Таково было второе его желание.

В первый момент ничего не произошло.

Тревер упал поперек тела Гелта. Шеннеч сыпал запоздалыми угрозами. Теперь у оставшегося в живых человека появилась возможность встать и облегченно, торжествующе вздохнуть.

Корабль под ним вздрогнул. Раздался глухой рев, потом все стихло и рев повторился снова: бункеры с остатками горючего заработали. Рубку потрясло несколько мощных ударов, стены ее со страшным скрежетом накренились. Все проходы распахнулись, мир наполнился лязгом и грохотом рвущегося металла. Затем все успокоилось, и наступила тишина.

Тревер прополз по вставшему дыбом полу и через разбитый люк вылез на безжалостный солнечный свет. Теперь он ясно видел, что ему удалось сделать. Сработано было хорошо, запаса горючего хватило.

Задняя часть корпуса исчезла, а с ней и все Корины, копошившиеся в трюмах.

Затем в мозгу Тревера раздался удивленный голос Шеннеча:

— Я и в самом деле состарился! Я недооценил силу молодого, здорового мозга. Рабская покорность Коринов расхолодила меня.

— Ты видишь, что происходит с последними Коринами? — спросил Тревер. — Ты можешь видеть?

Последние Корины, последние невольники Шеннеча, были потрясены крушением их привычного мира. Рабы тут же поднялись против своих ненавистных хозяев. Они ждали очень долго, и теперь Корины и соколы-ящерицы подлежали уничтожению.

— Ты видишь это, Шеннеч?

— Вижу, Тревер. А теперь... они идут на тебя!

Да, обезумев от крови, они спешили расправиться с теми, кто носил солнечный камень. Впереди шагали Джин и Сол.

Тревер знал, что на разговоры ему отпущено не более одной минуты, знал, что Шеннеч с любопытством ожидает финала этой драмы, и потому он сделал шаг вперед и сказал:

— Я дал вам свободу, и вы хотите убить меня за это?

— Ты выдал нас в пещере, — зарычал Сол, — и теперь...

— Я выдал вас, но не намеренно. Здесь есть кое-кто посильнее Коринов, а вы даже не знали об этом. Чего же вы хотите от меня?

Тревер быстро рассказал о Шеннече и о том, как сами Корины попали в рабство.

— Вранье, — отмахнулся Сол.

— Посмотрите сами. Он в подземелье под городом. Только будьте осторожны.

Он смотрел не на Сола, а на Джин. Подумав немного, девушка медленно произнесла:

— Возможно, там и вправду есть Шеннеч. Может, поэтому нам никогда не позволяли входить в город, и Корины могли уверять, что они боги.

— А я говорю, что это вранье.

Джин потянулась к Солу.

— Пойди и посмотри, Сол, а мы его покараулим.

Сол поколебался, но в конце концов он и шестеро других рабов пошли к городу.

Тревер сел на горячую выжженную траву.

Он совсем выбился из сил, а черная тень Шеннеча все еще укрывала его мозг.

Солнце скользнуло за горы, и по нижним склонам поползли тени. Сол со своими товарищами вернулся. Тревер взглянул на их лица и невесело засмеялся.

— Все правда, не так ли?

— Да, — выдохнул Сол и вздрогнул.

— Он говорил с вами?

— Начал, но мы убежали.

Неожиданно Сол закричал, но уже не от ненависти, а от страха:

— Мы не можем убить его. Это его долины. Он запер нас тут! Нам не уйти!

— Уйти отсюда можно, — сказал Тревер.

Глава 7

Сол тяжело и недоверчиво уставился на него.

— Через горы ты не пройдешь. Там нет воздуха.

— Я знаю один способ. На корабле есть все необходимое.

Тревер встал и продолжил с неожиданной резкостью:

— Пусть не для всех и не сразу. Но если пойдут трое или четверо, один сможет выжить и привести сюда людей с кораблями, чтобы забрать остальных...

Он посмотрел на Сола.

— Рискнешь идти со мной?

Тот нахмурился и хрипло ответил:

— Я все еще не доверяю тебе, Тревер, но все-таки уйти от этого...

— Я тоже пойду, — неожиданно сказала Джин. — Я так же сильна, как Сол.

Это было правдой, и Тревер знал это.

Он долго смотрел на нее, но ничего не мог прочесть на ее осунувшемся лице. Сол пожал плечами.

— Идет!

— Но ведь это безумие! — пробормотал чей-то голос. — Вы не сможете дышать там, на гребне. Там нет воздуха!

Тревер, кряхтя, влез в разбитый корабль и вытащил шлемы с кислородными баллонами, словно по заказу уцелевшие при взрыве.

— Мы будем дышать, — сказал он. — Эти...

Он с трудом подыскивал слова.

— Эти контейнеры содержат самую главную часть воздуха. Мы возьмем их с собой.

— А холод?

— У вас же есть продубленные шкуры и клей. Я покажу вам, как делается защитная одежда. Или оставайтесь здесь с Шеннечем.

Сол содрогнулся.

— Нет, уж лучше я попытаюсь.

Все последующие часы, пока женщины мастерили комбинезоны из шкур, а Тревер трудился над неуклюжими шлемами, Шеннеч молчал.

Но он не ушел. Тревер ощущал тень чужого сознания в своем мозге и понимал, что Шеннеч следит за ним. Впрочем, никаких покушений на его разум Шеннеч не делал.

Рабы тоже следили за Тревером. Он видел, что солнечный камень между его бровями наполняет их страхом и ненавистью.

Джин тоже молча наблюдала за ним. По ее лицу он не мог определить ничего. О чем она думала: о Хьюго, о соколах?

Часам к трем дня все было готово.

Трое путников не торопясь вступили на перевал, ведущий за пределы атмосферы. В самодельных комбинезонах, в шлемах, набитых тряпками, которые заменяли герметичный воротник, все они выглядели весьма нелепо.

Концы кислородных трубок пришлось держать во рту.

Из долины потянулись вечерние тени, когда провожавшие спустились обратно, а трое пошли дальше. Сол шел впереди, Тревер — замыкающим.

Шеннеч все еще молчал.

Атмосферный слой остался внизу. Теперь они поднимались в космос — крошечные создания в бесконечности девственных скал, в полной темноте между

сиявшими пиками наверху и яркими молниями вечерней грозы внизу.

Все выше карабкались они по перевалу, помогая друг другу там, где одному подняться было не под силу, в леденящем холоде и обморочной тишине, три неуклюжие фигурки, бредущие под беспредельным небом, в страхе перед этой черной бесконечностью, в которой не было ни звука, ни теплого солнечного луча.

Тревер знал, что они уже близки к вершине: теперь с обеих сторон поднимались такие утесы, которых никогда не касался ни ветер, ни дождь, ни живые корни растений. Он пошатнулся, потому что дорога пошла под уклон, но зато теперь идти стало гораздо легче. Кислород кончился как раз тогда, когда безвоздушное пространство осталось позади. Теперь, спотыкаясь и скользя, они шли вниз, к животворному воздуху, шли по голому каменистому плато, за которым должна была открыться...

И тут наконец Шеннеч засмеялся.

— Очень разумно, — сказал он, — бежать без корабля! Но обратно вы вернетесь с кораблем, и тогда вам придется взять меня на другую сторону мира. Я щедро вознагражу вас.

— Нет, Шеннеч, — мысленно сказал Тревер. — Если мы доберемся туда, я избавлюсь от солнечного камня. Мы вернемся за рабами, но не за тобой!

— Нет, Тревер, — с пугающим равнодушием возразил Шеннеч. — Ты удивил и обманул меня однажды, но второй раз это не удастся. Весь твой мозг открыт мне, и ты не сможешь больше противиться моей воле.

Душу Тревера сковал могильный холод.

Сол и Джин шагали внизу, впереди, спускаясь вдоль усеянного камнями края пропасти к воздуху, звукам и жизни. Он видел, как они сбросили шлемы, и пошел следом, хватая морозный воздух изголодавшимися легкими. Шеннеч спокойно сказал:

— Мы в них больше не нуждаемся. Когда ты доберешься до других людей, они могут быть опасными. Распорядись ими, Тревер.

Тревер ответил яростным отказом, но тут же его воля попала в холодные железные тиски, сознание помутилось и злоба ушла в пустоту.

«Ну конечно, — подумал он, — здесь множество булыжников. Совсем не трудно столкнуть людей в пропасть».

Он шагнул к большому камню.

— Хороший способ, Тревер. Но торопись.

Шеннеч говорил правду: на этот раз он полностью подчинил себе человека, и Тревер это понимал.

— Нет, не буду! — крикнул он себе.

Но этот жалкий крик умирающей души утонул в потоке чужой воли.

— Будешь, Тревер, и немедленно! Они подозревают...

Сол и Джин обернулись. Лицо Тревера, открытое теперь цепенящему холоду, которого он почти не ощущал, видимо, рассказало им обо всем. Они развернулись и пошли навстречу. Идти было недалеко, но они могли опоздать.

Тревер тонко и противно завизжал:

— Берегись... Шеннеч...

Он положил руки на камень, который должен был раздавить людей. Лицо его исказилось.

Но ведь есть и другой способ! Он, Тревер, принадлежит Шеннечу только живым, а значит есть способ избежать нового предательства.

Он собрал последние разрозненные остатки своей воли и покатился к краю пропасти.

Упав с высоты ста футов, человек навечно останется спокойно лежать на камнях.

— Нет, Тревер! Нет!

Мощный приказ Шеннеча остановил Тревера на самом краю обрыва, а затем руки Джин оттащили его.

Он услышал, как тонко и хрипло прозвучал крик Сола:

— Столкни его! Он Корин. Ты видела его лицо!

— Нет! — откликнулась Джин. — Он хотел убить себя ради нас!

— Но им владеет Шеннеч! — снова закричал Сол.

Шеннеч и в самом деле владел сознанием Тревера. Он подавил последнюю искру его возмущенного сопротивления и грубо скомандовал:

— Убей женщину и мужчину!

И Тревер попытался это сделать. Теперь он был в полной и беспрекословной власти Шеннеча, но Джин и Сол крепко держали его.

Вдвоем они были намного сильнее, и он не мог повиноваться последнему Шеннечу, как бы ни жаждал этого.

— Свяжи ему руки! — яростно крикнула Джин. — Мы потащим его на веревке!

Кипящая злоба Шеннеча хлынула через мозг Тревера. Он отбивался, но тщетно: его руки стянули кожаными ремнями и без лишних слов поволокли его вниз.

Затем он почувствовал, что злоба Шеннеча сменилась страшной безнадежностью. К Треверу вернулось собственное сознание, и в темноте своего усталого мозга он услышал отголосок последнего горького восклицания:

— Я слишком стар!

Глава 8

Тревер медленно просыпался, то поднимаясь над черным океаном беспамятства, то погружаясь в него снова, и в короткие интервалы осознавал, что лежит в постели и у него болит голова.

Наконец настало время, когда он поднялся из забвения окончательно. Открыв глаза, он увидел металлический потолок.

— Значит, мы это сделали, — сказал он.

— Да, сделали, — отозвался дружелюбный голос. — Это Солнечный Город. Давненько мы тут торчим.

Тревер повернул непослушную голову к стоявшему у кровати доктору в белом халате, но не увидел ни его, ни комнаты. Он видел только поднос на тумбочке и в нем темно-желтый глаз, загадочный и сияющий.

Солнечный камень.

Рука Тревера слабо потянулась к лицу.

Доктор опередил его:

— Не беспокойтесь. Его извлекли. Деликатная оказалась работа! Некоторое время у вас поболит голова, но любой согласился бы на это ради солнечного камня!

Тревер не ответил. Он долго пытался что-то вспомнить и наконец спросил:

— А Джин и Сол?

— Они здесь. Тоже весьма странный народ. Ни с кем не разговаривают... Все вы — сплошь тайна, знаете ли.

Джин...

Доктор вышел и вскоре вернулся с Джин и Солом. Теперь они были в современной синтетической одежде. На Джин она выглядела так же неуместно, как шелковое платье на леопарде.

Джин увидела улыбку в глазах Тревера и воскликнула:

— Не смейся надо мной... никогда!

Тревер понял, что приобщение Джин к цивилизации дело почти безнадежное. Но это его не огорчало.

Она серьезно оглядела его, а затем сказала:

— Говорят, что завтра ты сможешь встать.

— Это хорошо, — тихо ответил Тревер.

— Но ты еще должен быть осторожен.

— Я буду осторожен.

Больше они не сказали ни слова, но по ее твердому, серьезному взгляду Тревер понял, что Хьюго и соколы-ящерицы прощены ему. Не забыты, но прощены, что Джин и Тревер встретились и больше не расстанутся.

Сол с тревогой вскричал:

— Мы ждем здесь столько дней! Когда же мы вернемся в долину за остальными!

Тревер повернулся к доктору, с любопытством наблюдавшему за происходящим.

— Могу ли я нанять здесь корабль?

— Человек, имеющий солнечный камень, может получить почти все, что захочет, Тревер. Я это устрою.

Зафрахтованный корабль, который вез их обратно в долину, имел минимум команды и двух техников-минеров, нанятых Тревером.

Они высадились за пределами древнего города, и рабы хлынули к ним, наполовину обрадованные, наполовину испуганные неожиданным воплощением древней легенды.

Тревер объяснил Солу, что надо сделать.

В черепах убитых Коринов оставались солнечные камни баснословной ценности.

Надо было отправиться туда с рабами и собрать камни.

— Но эти камни — зло! — закричал Сол.

— В других мирах — нет, — ответил Тревер. — А ведь твоему народу нужно как-то жить.

Когда это было сделано, все собрались на корабле. Тревер кивнул техникам.

— Пора, — сказал он. — Вход в катакомбы там, наверху.

Техники ушли, взяв с собой тяжелый груз, который они несли вдвоем. Вскоре они вернулись, уже налегке.

Тревер достал из кармана свой солнечный камень. Джин вцепилась в его руку.

— Не надо!

— Теперь это не опасно, — сказал Тревер. — У него не хватит времени сделать со мной что-нибудь, а я чувствую, что должен кое-что сказать ему.

Он приложил солнечный камень ко лбу и мысленно закричал:

— Шеннеч!

Мозг его накрыла темная ледяная тень Последнего. Мысли Тревера были прочитаны в один миг.

— Значит, это конец, Тревер?

— Да, — твердо ответил он, — конец.

Он ожидал взрыва злобы, бешеного сопротивления, попытки захватить его сознание, предотвратить гибель, но этого не произошло. Последний радовался. Радовался как ребенок.

— Как? Значит, ты хочешь, чтобы я это сделал?

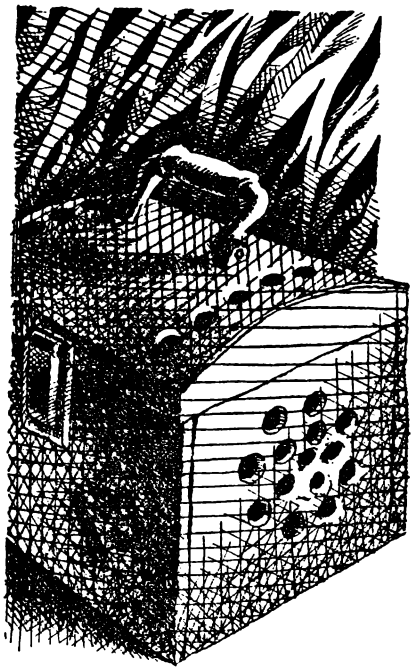
— Да, Тревер! Я подумал, что ждать смерти долгие столетия будет слишком долго и скучно, а это освободит меня сразу.

Вне себя от удивления Тревер махнул рукой, и их корабль, взревев двигателями, взмыл к небу. Еще один взмах — и техники потянулись к кнопке радиодетонатора.

В этот момент Тревер услышал голос Шеннеча, звучавший, точно широко разлившаяся музыка — смесь радостного, ликующего хора освобождения с аккордами космической печали о том, что было и никогда не возвратится, о величайшей древней расе, которой ныне пришел конец.

Кнопку нажали, и огненный столб взметнулся там, где некогда стоял город.

Потом песня Шеннеча смолкла, и в звенящей тишине последнее дитя гор навеки ушло в Ночь.

ТВИННЕР

Из-за угла вывернуло такси и медленно покатило по улице.

— Приехали! — пронзительно завизжали дети.

Белая калитка широко распахнулась.

— Папа! Мама! Дядя Фред приехал!

Мэтт Уинслоу вышел на крыльцо. Через минуту появилась и Люсиль, занимавшаяся чисткой кухни к празднику. Такси остановилось перед домом. Джо и Барби, как расшалившиеся тигрята, с воплями бросились к нему, а с обоих концов улицы бесшумно продвигалась соседняя мелюзга, соображавшая, что мешать Уинслоу сейчас нельзя, но быть поближе очень желательно, ведь сегодня тут можно увидеть такие чудеса!..

— Поглядите-ка!

Мэтт хихикнул.

— Можно подумать, что Фред — Тарзан, Санта-Клаус и Супермен в одном лице.

— Ну и что? — гордо сказала Люсиль. — Не так уж много людей побывало там, где был он.

И она побежала по дорожке. Мэтт пустился следом.

В глубине души он ревновал. Не так чтобы очень, но... Он любил брата Люсиль и уважал его, но дело в том, что Джо и Барби никогда не смотрели на отца такими глазами. Это была тайная ревность, и Мэтт не признавался в ней даже себе самому.

Элегантный и подтянутый, в ладно сшитом мундире, с кадуцеями на петлицах, Фред вышел из машины. Он, возможно, хотел немного пустить пыль в глаза, но от этой затеи тут же пришлось отказаться: нельзя же, не роняя достоинства, делать три вещи сразу — обнимать радостно скачущих ребятишек, и целовать сестру, и пожимать руку Мэтту.

— Я возьму твой багаж. — предложил Мэтт.

Соседские дети смотрели на гостя во все глаза и шепотом передавали друг другу слово «Марс».

— Осторожнее, — сказал Фред. — Вот это, с ручкой наверху, я возьму сам.

И он поднял небольшой сундучок, сделанный из деталей упаковочного ящика, на которых еще сохранились армейские серийные номера. По бокам и на крышке сундучка были проделаны маленькие отверстия. Фред отстранил ребятишек.

— Не толкните его. Тут редкая марсианская ваза. Я привез ее для вашей матери и не хочу разбить. Подарок для вас? Ну что ты скажешь! Начисто забыл! К тому же там мало такого, что пришлось бы вам по душе.

— Даже камешка нет? — спросил Джо.

Фред покачал головой.

— Ни одного голыша.

Мэтт поднял чемодан Фреда.

«Нисколько не изменился, — подумал он. — Похудел немного, морщин прибавилось, но с ребятами он такой же и ведет себя как мальчишка».

Потом он с недоумением взглянул на отверстие в сундучке.

Тут что-то необыкновенное...

— Господи, как жарко! — вздохнул Фред.

Он жмурил глаза, словно они болели от солнца.

— После десяти месяцев на Марсе нелегко переносить земное лето. Барби, не виси на дяде, он уже совсем старик, ему и так тяжело!

Он поглядел на Мэтта и Люсиль, грустно улыбнулся и сделал вид, что у него подгибаются ноги.

— Я завяз в этом воздухе, как муха в клею!

— Сядь на крыльцо, — предложила Люсиль. — Здесь ветерок...

— Через минуту. Но сначала — не хочешь ли взглянуть на подарок?

Он поставил сундучок в тени клена.

— Фред, что там? — подозрительно спросила сестра. — В самом деле марсианская ваза?

— Ну, не совсем так. Это больше похоже на... Я сам открою, а ты, Джо, отойди. Это тебя не касается.

— Ой, дядя Фред! — ныла Барби.

Она подпрыгивала, как кукла на веревочке.

— Открой его, пожалуйста!

Мэтт поставил чемодан за дверь и тоже подошел к сундучку.

Фред открыл крышку и присел на корточки, наблюдая за детскими лицами. Мэтт подумал:

«Он целый год предвкушал это мгновение... Ему бы жениться и своих ребят завести...»

Джо и Барби одновременно вскрикнули и тут же на секунду замолчали.

— Он и вправду живой?

— Можно его погладить?

— Он кусается?

Вдоль изгороди мальчишки и девчонки насаживали тощие животики на колья, стараясь увидеть, что происходит. Мэтт и Люсиль заглянули в сундучок. Там на подстилке из красного песка и сухого лишайника сидело что-то мохнатое размером с крупного кролика, но не похожее на него по очертаниям, с большими круглыми ушами и крапчатой шкуркой той же расцветки, что и ржаво-красный песок и серовато-зеленый лишайник. Существо смотрело на незнакомые лица кротким безразличным взглядом, слегка щурясь от непривычно яркого солнца, и не шевелилось.

— Где же такие водятся? — спросила Люсиль.

— На Земле — нигде, — ответил Фред, — а на Марсе это основная форма жизни... была, пока не появились мы. Это единственное выжившее млекопитающее и почти единственное позвоночное. У него еще нет официального названия. Пройдут годы, прежде чем зоологи решат, как классифицировать его. Наши парни называют их твиннерами.

— Как? — спросила Люсиль.

— Твиннер. Потому что он такой промежуточный. Понимаешь, если тебя спросят, на что он похож, ты скажешь, что он что-то среднее между кроликом и сурком или между обезьяной и белкой. Иди сюда, Барби, вытащи его.

— Минутку, — сказал Мэтт. И отодвинул Барби.

— Подожди, Фред. Ты уверен, что он не опасен? Я не хочу, чтобы ребятишки были искусаны или оцарапаны.

— По сравнению с ним кролик — настоящий хищник, — рассмеялся Фред. — У твиннеров так давно нет естественных врагов, что они разучились защищаться и не испытывают никакого страха перед человеком. Я доставал их из нор голыми руками.

Он бережно вынул зверька из сундука.

— Этот, во всяком случае, был домашним всю свою жизнь. Именно поэтому я и взял его с собой. Он привык к теплу и нормальной земной атмосфере, поскольку жил на Базе, и я подумал, что он легко перенесет переезд.

Он протянул твиннера супругам:

— Ну, возьми его, Мэтт, или ты, Люсиль. И не беспокойтесь.

Мэтт нерешительно принял твиннера на руки. На ощупь это было животное, как и всякое другое, которое можно взять в руки: теплое, очень мохнатое, может быть более легкое и хрупкое, чем казалось на первый взгляд.

Хвоста у зверька не было, задние ноги вовсе не походили на кроличьи, а передние были длиннее, чем думал Мэтт.

Зверек положил на его руку свою лапку — с тремя сильными короткими пальцами и одним побольше — и поднял голову, принюхиваясь. Солнечный свет яркими стрелами пробивался сквозь ветви, и твиннер совсем зажмурился. Мэтт неумело похлопал его, и твиннер вытянул мордочку на его руке. Мэтт вздрогнул.

— Какой мягкий мех, — сказал он. — Щекотно... Хочешь подержать его, Люсиль?

Она строго взглянула на Фреда.

— Никаких микробов?

— Никаких.

— Ну ладно.

Она взяла твиннера под передние лапки, как кошку, посмотрела, как он мягко и терпеливо висит, и наконец улыбнулась.

— Он милый. Я думаю, что он будет любить меня.

Она осторожно поставила зверька на траву.

— Ладно, ребятки. Будьте осторожны, не сделайте ему больно.

Джо и Барби словно онемели. Они легли на землю, трогали, гладили и неотрывно рассматривали твиннера, а бахрома маленьких тел на изгороди незаметно и тихо просочилась внутрь, и скоро весь двор был заполнен ребятишками, так что пришельца с Марса не было видно.

Фред счастливо засмеялся.

— Приятно снова увидеть ребятишек и нормальных людей.

— То есть как — нормальных?

— Я же врач и психиатр. Все долгих десять месяцев я возился с ксенофобами.

— Ксено... чего? — спросила Люсиль.

— Двойное слово, обозначающее людей, которые боятся незнакомого. Когда кое-кто из моих коллег начинал чересчур тревожно вглядываться вдаль, он тотчас попадал ко мне в лапы... Ну да, к чертям это. Дайте мне чего-нибудь холодненького, утопите меня в пиве.

Долгий жаркий день и долгий теплый вечер были целиком посвящены Фреду. Ребятишки, казалось, выросли на десять футов и сияли отраженным светом героя. Соседи то и дело забегали к ним в дом, чтобы поприветствовать необычного гостя и своими глазами взглянуть на человека, посетившего такие края, в существование которых они и верили-то с трудом.

Притихшая орда окрестных малышей расселась вокруг вытащенных в тень стульев.

— Дядя Фред, а Марс, он такой, как его в книжках рисуют, да?

Фред вздохнул и указал на твиннера, возлежавшего на руках Барби.

— Пусть он тебе расскажет. Он это знает лучше меня.

— Конечно, — кивнула Барби. — Джон Картер знает все. Но...

— Кто-кто? — переспросил Фред.

— Джон Картер с Марса.

Фред засмеялся. Здорово! Отличное имя!

Ему вспомнились удивительные романы Эдгара Райса Берроуза — «Владыка Марса», «Меченосцы Марса», «Боги Марса».

— Это точно, — поморщился Мэтт. — Ребята только их и читают. Как же — Джон Картер! Герой с большой буквы!..

Он повернулся к детям.

— Но ведь Джон Картер был землянином, прилетевшим на Марс.

— Ну и что? — сказал Джо, удивляясь нелогичности взрослых. — А он — марсианин, приехавший на Землю. Так что разницы никакой, правда, дядя Фред?

— Ты мог бы сказать, что он, как и тот Джон Картер, гражданин двух миров.

— Да, — согласилась было Барби, — но дело в том, что мы пока не понимаем его языка, так что рассказывать нам о Марсе придется тебе.

— Ну, тут возразить нечего, — подтвердил Фред.

Он начал рассказывать о Марсе, о темных каналах и разрушенных городах, о древних белых башнях, одиноко стоящих под двумя лунами, о прекрасных принцессах, о злых королях и могучих меченосцах. Когда ребятня наконец-то насытилась и убежала играть с Джоном Картером, Мэтт покачал головой и заметил:

— Не стыдно тебе забивать им головы подобным вздором?

Фред ухмыльнулся.

— Успеют еще узнать правду... На их век хватит.

Было уже поздно. Надвигалась ночь.

Соседи приходили и уходили. Посторонние ребятишки исчезли. Стало спокойнее.

Наконец остались только чета Уинслоу и Фред. Мэтт пошел на кухню за новой порцией пива.

Откуда-то из темноты раздался вопль Барби.

Банка с пивом выпала из рук Мэтта и образовала на полу пенный гейзер.

— Неужели малышка...

Не договорив, он выбежал из кухни.

Фред и Люсиль вскочили. Визг Барби несся из того угла, где стоял гараж. Вскоре к ней присоединился

и Джо. Мэтт, задыхаясь несся через лужайки. Люсиль бежала позади, громко окликая детей:

— Барби! Джо! Что случилось?

В тусклом свете, лившемся из кухонных окон, Мэтт увидел маленькую фигурку Джо, отчаянно дергавшего ручку туго закрывшейся двери.

— Помогите! — кричал он. — Дверь, кажется, заклинило!..

Мэтт оттолкнул его. В темном гараже все еще визжала Барби. Мэтт рванул дверь и влетел внутрь.

Там стояла его дочь, раскрыв рот для нового вопля. По ее щекам бежали потоки слез.

Джон Картер был рядом с ней. Он стоял на задних лапках почти прямо, крепко держа Барби за большой палец. Глаза его были широко открыты: ночью земное солнце не досаждало ему.

Они оказались зеленовато-золотыми и очень блестящими. Что-то сжало горло Мэтта.

Он протянул руки, и Барби, вырвав свой палец из лапки Джона Картера, бросилась в объятия отца.

— Ох, папа, здесь было так темно, а Джо не мог открыть дверь...

Джо вошел и поднял на руки Джона Картера.

— Все девчонки — трусихи, — сказал он, полный презрения, ведь опасность уже миновала. — Подумаешь, на несколько минут оказалась закрытой в гараже и уже впала в истерику!

— А что вам тут понадобилось? — спросила Люсиль. Убедившись, что с Барби ничего не случилось, она успокоилась.

— Мы просто играли, — хмуро сказал Джо. — Откуда я знал, что старая дверь не сработает?

— Все о'кей, — заметил Фред. — Она только испугалась.

Люсиль глубоко вздохнула.

— А еще удивляются, почему матери так рано седеют. Ну, ладно, вы оба — марш в постель. Быстро!

Джо направился к дому с Барби и Джоном Картером.

— Э, нет, — сказал Мэтт, — вы не возьмете с собой в кровать эту штуку.

Он взял Джона Картера за загривок и выхватил его из рук сына.

Джо повернулся, уже готовый устроить по этому поводу страшный шум, но Фред мягко сказал:

— Я возьму его.

Он взял животное, куда более нежно, чем Мэтт.

— Твой отец прав, Джо. Домашним животным не место в спальне. Во всяком случае, Джону Картеру там будет не очень-то уютно. Он любит прохладу, он, скорее всего, захочет выкопать себе норку и сделать в ней подходящую комнату.

— Вроде катакомб? — спросила Барби все еще дрожащим голосом.

— Или пещеры? — спросил Джо.

— Точно. Ну, теперь бегите, а мы с вашим отцом устроим его.

— Ладно, — сказал Джо. — Идет.

Он протянул палец, и Джон Картер схватил его. Джо торжественно качнул рукой.

— Спокойной ночи. А если он роется в земле, как лесной сурок, почему у него передние лапы, как у обезьяны?

— Потому, — сказал Фред, — что он не собирался стать землекопом. Он скорее обезьянка, чем сурок. Но там, откуда он родом, уже давно нет никаких деревьев, и, чтобы спастись от жары, он вынужден зарываться в землю. Мы называем это адаптацией.

Он повернулся к Мэтту.

— Как насчет старого погреба? Это было бы для него идеальным местом, если ты не используешь этот погреб для чего-нибудь еще.

— Нет, — хмуро протянул Мэтт. — Я им не пользуюсь.

Он бросил взгляд на Джона Картера, и тот посмотрел на него блестящими нездешними глазами. Затем, чувствуя начинающуюся боль, Мэтт поднес руку к голове.

— Мой синус лягается. Наверное, к дождю. Пожалуй, я пойду к себе, если ты не против.

— Иди, милый, — сказала Люсиль, — я помогу Фреду устроить твиннера.

Мэтт запил пивом две таблетки аспирина, которые ему ничуть не помогли, и забылся тяжелым сном, в который прокрались темные непривычные видения, не желавшие показывать своих лиц.

На следующий день было воскресенье.

Дождя не было, но голова Мэтта разболелась еще сильнее.

— Ты уверен, что это твой синус? — спросила Люсиль.

— Да. Болит вся правая сторона, лоб и верхняя челюсть, даже в зубы отдает.

— Гм, — сказал Фред. — Вот тебе-то точно нечего делать на Марсе. Там синусит — профессиональное заболевание, несмотря на кислородные маски. Разница в давлении творит с земными внутренностями черт знает что. Ну, да ты знаешь...

— Нет, — недовольно ответил Мэтт, — не знаю и знать не хочу. Прибереги свои страшные истории для медицинской конференции.

Фред поморщился.

— Лучше бы ты не упоминал об этом. В такую жару тошно думать о Нью-Йорке. Черт побери, это просто жестокость по отношению к животным.

Он повернулся к Джо и Барби.

— Да, кстати, держите Джона Картера в погребе, пока не спадет жара. Там, по крайней мере, прохладно. Не забывайте, что он создан не для этого климата и не для этой планеты. Дайте ему привыкнуть.

— О, конечно, — радостно сказала Барби. — К тому же он занят, строит себе замок. Ты только погляди, какие стены он возводит.

Работая медленно и часто отдыхая, Джон Картер начал строительство хитроумной норы в мягком земляном полу старого погреба.

Дети время от времени спускались туда и наблюдали, как твиннер насыпает землю и хлопает по ней своими ловкими лапками, придавая ей вид крепостного вала, защищавшего передний вход норы.

— Это чтобы отклонить ветер и песок, — пояснил Фред.

Барби, следя зачарованными глазами за работой твиннера, пробормотала:

— Держу пари, что он мог бы построить все что угодно, если бы был достаточно большим.

— Возможно. Давным-давно, когда жизнь на Марсе была полегче, чем теперь, эти зверьки, наверное, отличались ростом. Но...

— Выше меня? — спросил Джо.

— Возможно. Но, если он и строил тогда что-нибудь, нам не удалось обнаружить это. И вообще никаких построек, конечно, не считая тех городов, о которых я вам рассказывал.

В эту ночь гроза, жуткая и устрашающая, сменила жару.

«Так вот на что жаловалась моя голова», — подумал Мэтт.

Он проснулся от яркой вспышки молнии.

Затем он снова заснул и видел туманные грустные сны, сны расставания и тоски.

Утром его голова все еще болела.

* * *

Фред уехал в Нью-Йорк на конференцию.

Мэтт отправился в свою контору, огорчаясь, что ему трудно сосредоточиться из-за тупо ноющей боли, охватившей половину черепа. Он почему-то стал беспокоиться. Ему казалось, что день никогда не кончится. Он нервничал все больше и больше и, когда пришла пора уходить, поспешил домой с безотчетной тревогой, для которой вроде бы не было никаких оснований.

Вернувшись домой, он спросил Люсиль:

— Все в порядке?

— В порядке? — повторила она. — Конечно, все в порядке. А в чем дело?

— Сам не знаю. А дети?

— Они весь день играют в марсиан. Я никогда не видела, чтобы они чем-нибудь увлекались так же, как сейчас увлечены этой зверюшкой. А он, надо признаться, так мил и терпелив. Зайди-ка на минутку.

Она повела его к двери детской. Джо и Барби, наряженные в пляжные полотенца и старые платья Люсиль, участвовали в сложном ритуале, включавшем

в себя позирование и размахивание деревянными мечами.

В центре комнаты восседал на кресле Джон Картер, обернутый в блестящую ткань и с золотым браслетом на шее. Он сидел абсолютно неподвижно и смотрел на детей полуприкрытыми, как обычно, глазами.

— Тут что-то не так! — резко сказал Мэтт.

— А именно?

— Ни одно обычное животное не будет так сидеть. Ты посмотри, оно сидит, как...

Мэтт тщательно подыскивал сравнение.

— Гравитация, — ответила Люсиль. — Ему вообще тяжело двигаться, бедняге. И, мне кажется, дышать тоже трудно.

Джо и Барби встали на колени по бокам трона и подняли мечи в воздух.

— Куар! — крикнули они Джону Картеру.

Затем Джо встал и произнес какую-то тарабарщину, но почтительно, словно обращался к самому королю.

— Марсиане, — сказала Люсиль и подмигнула мужу.— Иной раз можно поклясться, что они действительно говорят на другом языке. Пойди полежи пока на диване, милый. У тебя усталый вид.

— Я устал.—Мэтт кивнул.

— И я...

— Что?

— Ничего. Так.

Нет, вовсе не ничего. Он лег на диван.

Люсиль отправилась на кухню. Он слышал, как она там возится. Слабо, как бы издалека, до него долетали голоса детей.

Иной раз можно было поклясться, что они действительно говорят на другом языке... Иной раз можно поклясться...

Нет, нельзя. Знаешь, что есть и чего нет. Даже дети знают.

Он задремал, и детские голоса вползли в его сон. Они звучали сквозь пронзительный ледяной ветер, бормотали в пыли, поднимавшейся под порывами ветра, и было совершенно ясно, что говорят они на

языке, знакомом им и понятном. Он звал детей, но они не отвечали ему, их скрывали от него гребни красного песка, текущие и изменчивые, вечно плывущие и не оставляющие ни следов, ни отметин. Он бежал между дюнами, выкрикивая имена детей, и вдруг увидел нагромождение древних камней — остатки умершей горы — и впадину внизу со следами зелени вокруг хилого озерца. Он знал, что дети в этой впадине. Он бросился туда, а ночь сгущалась, на потемневшем небе уже мерцали звезды.

Перед ним выросла неясная фигура и загородила ему дорогу. В правой руке ее был стебель травы — нет, меч. Лицо незнакомца скрывала густая тень, но глаза смотрели на Мэтта, зеленовато-золотые и яркие, каких на Земле не бывает...

— Ради Бога, Мэтт, проснись!

Люсиль трясла его. Он сел, все еще во власти сна, и увидел Джо и Барби в другом конце комнаты. Они были одеты, как обычно, и смеялись.

— Как ты мог увидеть страшный сон средь бела дня? — спросила Барби.

— Да, удивительно, — заметила Люсиль, — но кошмар, похоже, был первоклассным. Пошли, Мэтт, обедать, а то соседи подумают, что я тебя бью.

— Чужие кошмары всегда смешны для других, — проворчал Мэтт. — Где Джон Картер?

— Мы унесли его обратно в погреб, — беззаботно сказал Джо. — Мам, ты дашь нам завтра побольше салата-латук? Он увлекся им.

Пристыженный и с легким головокружением, Мэтт сел обедать. Ел он без удовольствия и плохо спал в эту ночь, несколько раз просыпаясь от страшных снов. На следующий день стало еще жарче. Его головная боль не прекращалась. Мэтт пошел к своему врачу. Тот не нашел никаких признаков инфекции, но на всякий случай сделал ему какой-то укол. Мэтт пришел в контору. Но это был только жест, работать он не мог. К полудню он вернулся домой с двухдневным освобождением по болезни.

Температура воздуха подползла к тридцати двум градусам Цельсия.

— Представляю себе страдания Фреда в Нью-Йорке, — сказала Люсиль. — А бедный Джон Картер! Я не позволила детям вообще вытаскивать его из погреба.

— Ты знаешь, что он сделал, пап? — сказала Барби. — Джо обнаружил это сегодня утром, когда ты ушел.

— Что? — с раздражением спросил Мэтт.

— Дыру, — сказал Джо. — Он, видимо, прорыл туннель прямо под фундаментом. Дыра на лужайке точно напротив погреба. Я думаю, он хотел иметь в своем замке заднюю дверь, но я завалил дыру, хорошо засыпал и сверху положил большой камень.

— Он выкопает другую, — заметил Мэтт с некоторым облегчением.

Барби покачала головой.

— Нет. Я ему сказала, что может случиться. Его может убить большая собака или он заблудится и не найдет дороги домой.

— Бедный зверек, — усмехнулась Люсиль. — Он никогда уже не найдет дороги домой.

— Ах, да черт с ним, — злобно сказал Мэтт. — Если тебе так хочется пожалеть кого-то, обрати внимание на меня. Я чувствую себя до крайности паршиво.

Он поднялся к себе и хотел лечь, но в спальне было душно, как в парной бане. Он метался, стонал и наконец сошел вниз, и Люсиль дала ему ледяного лимонада. Он сел в тени на задней веранде и выпил его. Желудок скрутило от холодной, кисло-сладкой жидкости, и Мэтт встал, чтобы пройтись по лужайке. Жара давила на него, в голове стучало, колени подгибались. Он прошел мимо того места, где Джо завалил туннель, и услышал доносившиеся из окна погреба детские голоса. Он повернулся и пошел к погребу.

— Что вы там делаете? — крикнул он в открытую дверь погреба.

Из темноты внизу голос Барби ответил:

— Мы принесли Джону Картеру немного льда — полизать. Но он не хочет выходить.

И она заговорила с твиннером совсем другим тоном — ласковым, уговаривающим.

— Вылезайте оттуда, пока не простудились, — сказал Мэтт.

— Сейчас, — отозвался Джо.

Мэтт спустился по ступенькам. Дети не включили свет, а маленькое пыльное окошко едва освещало темную пещеру погреба. Мэтт стукнулся о балку и выругался, а Барби нетерпеливо выкрикнула:

— Мы же сказали, что сейчас выйдем.

— В чем дело? — спросил Мэтт.—Он пытался разглядеть хоть что-нибудь.— Мне уже и спускаться сюда нельзя?

— Тсс, — прошептал Джо. — Он как раз выходит. Не спугни его!

Дети сидели на корточках у земляного вала, который с таким трудом выстроил Джон Картер. В середине вала темнело отверстие, и из него очень медленно вылезал Джон Картер. Глаза его сверкали в темноте.

Барби положила перед ним два кубика льда.

Он прижал к ним мордочку и тяжело дышал.

Его бока ходили в частом, мелком и неровном ритме.

— Ты поправишься, — сказал ему Джо.

Он погладил его голову, потом повернулся к Мэтту.

— Ты не понимаешь, как это важно. Нигде в округе нет ребят, у кого жил бы дома самый настоящий марсианин!

— Уходите! — резко сказал Мэтт. — Поднимайтесь наверх!

Дети неохотно встали и прошли мимо него. Джон Картер не шевелился. Он смотрел на Мэтта. Мэтт, вздрагивая от холодного воздуха, поднялся наверх и захлопнул дверь.

Он шел за детьми, но мысленно все еще видел, как Джон Картер лежит за своей стенкой в темноте, страдая от чужого мира, слишком большого, слишком жаркого и слишком тяжелого.

Он лежит за стенкой в темноте и думает.

Нет, животные не думают. Они только чувствуют. Они могут быть растерянными, испуганными, страдающими или еще какими-нибудь, но все это — ощущения, а не мысли. Думают только люди. На Земле.

Мэтт снова вышел во двор. В дальнем конце двора, где вдоль аллеи тянулась изгородь, Мэтт остановился и, крепко держась обеими руками за торчавшие колья, смотрел на соседский забор, на гаражи и мусорные баки, но ничего не видел. Смутная догадка понемногу росла в его голове, с каждой минутой принимая все более ясные очертания, и Мэтт чувствовал, что вскоре он уже не сможет отмахнуться от этой мысли.

— Нет, — сказал он себе. — Неужели Фред не знает об этом? А ученые? Не может быть, чтобы не знали.

Хотя... Откуда им знать? Как измерить возможности другого мира?

Фред сказал, что это единственное млекопитающее и почти единственное позвоночное. Почему именно этот вид выжил, уцелел, когда все остальные погибли? Разве он имел какие-либо преимущества перед остальными?

Предположим, это разумная раса, и разум ее такого рода, что люди, земляне, не могут его постичь.

Раса и умирающий мир. Предположим, раса должна измениться, выродиться, адаптироваться, утратить свои города, изобретения, письменность и так далее, но не разум, только не разум, потому что разум — единственный барьер против уничтожения.

Допустим, раса, физически измененная, лишенная привычного окружения, замыкается в собственных мыслях, в собственном сознании.

Разве это не может высвободить такие душевные силы, о которых землянин и не подозревает? Мы не видим их, потому что судим обо всем с точки зрения своего ограниченного земного опыта. Не станет ли такая раса скрывать свой разум, свое последнее оружие от чужаков, захвативших их мир?

Мэтт вздрогнул и взглянул на небо. Оно стало другим. Оно не было больше твердым панцирем, покрывающим мир. Оно было распахнуто настежь, изборождено и прорвано прожорливыми космическими кораблями, несущими прожорливых людей, которым не хватало того, что они имели. Через эти прорехи проскальзывало чужое, и мир никогда уже не будет

прежним. Никогда не будет знакомой, безопасной Земли, содержащей только то, что принадлежит ей, только то, что люди могут понять.

Хлынул дождь. Мэтт промок до нитки, но не замечал этого.

— Нет, — сказал он снова, — я не хочу верить в такой бред. Я не ребенок, чтобы верить, будто игрушки могут ожить.

Но о игрушках ли шла тут речь?

Он вздрогнул, услышав голос Люсиль, зовущей его. Чувствовалось, что его жена чем-то встревожена. Он зашагал к дому. Она встретила его на полпути и спросила, что он делает под дождем. Он пытался успокоить ее, но она откровенно тревожилась и не хотела слушать никаких объяснений.

— Ложись, — сказала она и, укрыв его пледом, сошла вниз к телефону. Мэтт несколько минут лежал спокойно, пытаясь взять себя в руки, борясь со своими нервами и стыдясь этой неожиданной паники. С него покатился пот, и он отшвырнул плед.

Воздух в комнате был влажным, тяжелым и спертым. Мэтт чувствовал, что страдает, как...

Черт побери, разве можно спать в такой духоте?!

Он встал и пошел вниз.

Люсиль только что отошла от телефона.

— Кому ты звонила? — спросил он.

— Фреду, — ответила жена. — И пристально взглянула на него, как бывало всегда, когда Люсиль твердо решила что-то сделать.— Он сказал, что приедет завтра утром. Пусть он определит, что с тобой.

— Но мой доктор... — раздраженно начал Мэтт.

— Твой доктор не знает тебя так хорошо, как Фред, да и плевать ему на тебя.

Мэтт заворчал, но было уже поздно что-либо предпринимать. Затем он подумал, что у Фреда, возможно, найдется хоть какой-нибудь ответ. Может, если рассказать ему...

О чем?

Правильно: вытащить все это, изложить словами. «Я думаю, что Джон Картер не просто безвредный

зверек. Я думаю, что он разумен. И думаю, что он ненавидит меня, ненавидит Землю, куда его случайно завезли, словно домашнее животное. Я думаю, что он что-то делает с моими детьми».

Сможет ли он сказать все это Фреду?

Люсиль позвала детей ужинать.

— О Господи, опять они в этом сыром погребе! Джо, Барби, выходите сию минуту!

Мэтт обхватил голову руками. Боль разрывала его виски.

* * *

Он спал в эту ночь внизу на диване в гостиной. Он делал так и раньше в жаркое время. Тут вроде бы казалось прохладней.

Он щедро отмерил себе аспирину и на некоторое время погрузился в тяжелый сон, полный темных фигур, преследовавших его на местности, которую он не мог разглядеть, но знал, что она чуждая и угрожающая. Затем в тяжелые часы между полуночью и рассветом он ударился в панику: ему почудилось, что он вот-вот задохнется. Воздух был плотным, как вода, и вес его горой лежал на груди Мэтта, на его плечах, на бедрах.

Он включил свет и начал поднимать и опускать отяжелевшие, непослушные руки. Цепенящий ужас волной прокатился по его телу и укутал его, как мокрый снег облепляет дерево.

Гостиная выглядела чужой, привычные вещи скрывал налет страха, все следы Джо, Барби, Люсиль и его самого вдруг стали резкими и символическими указателями, как на картинах Дали. Библиотечный роман в коричневом переплете, статуэтки на камине смотрят на Мэтта своими неподвижными белыми лицами. Бутылка из-под газировки — нет, две — виновато выглядывают из-за дивана, голубой жакетик с порванным карманом под лампой, куча комиксов, его собственное кресло с продавленным сидением, обои, линолеум, коврик — все окрасилось в какие-то грубые, кричащие цвета. Он нащупал пол ногой. Пол был тонкий, как ледок на луже, он вот-вот треснет, и

Мэтт провалится туда, где лежит чужак, лежит, думает и ждет.

Все они на Марсе лежат под землей и ждут. Они думают ночи напролет и ненавидят людей, которые вытаскивают их из нор, убивают, расчленяют и с любопытством разглядывают их мозг, кости, нервную систему или же берут на поводок, сажают в клетки, но не подумают заглянуть им в глаза и увидеть, что прячется там, в зеленовато-золотой глубине.

Ненависть и ожидание — вот их внутренний мир, ненависть и спокойное, расчетливое подталкивание людей к безумию.

«Вот как меня, например, — думал Мэтт. — Он сам страдает, его давит наша гравитация, он задыхается в этом воздухе, и он заставляет страдать меня. Он знает, что умрет. Как далеко простирается его сила? Он может только заставить меня почувствовать то, что чувствует сам, или может... Допустим, может. Допустим, он знает, что я хочу рассказать Фреду, и он остановит меня. А что дальше? Джо? Барби? Люсиль?»

Мэтт стоял посреди комнаты.

«Он убьет меня, — думал он. — Он знает».

Его качнуло. Комната завертелась перед его глазами. Какой-то странный паралич сковал его мышцы, связал их в узлы.

Но Мэтт повернулся и пошел. Бежать он не мог, но с каждым шагом он шел быстрее, напряженный и задыхавшийся. Он открыл дверь в погреб и спустился вниз, не забыв включить свет.

Джон Картер издал звук, единственный звук, который Мэтт от него слышал, слабый тонкий визг, совершенно животный и абсолютно бездумный.

* * *

С первым утренним поездом приехал Фред.

Все стояли на лужайке у задней изгороди и смотрели вниз. Дети плакали.

— Наверное, его схватила собака, — сказал Мэтт.

Он говорил это и раньше, но его голосу не хватало убедительности, которая происходит от знания и уверенности. Он хотел бы отвести глаза от того, что

лежало на земле у его ног, но не мог. Фред смотрел на него.

— Бедный маленький зверек, — сказала Люсиль. — Наверное, это все-таки собака. Как по-твоему, Фред?

Фред наклонился. Мэтт уставился на свои ноги. Руки в карманах сжались в кулаки.

Он хотел сказать. Искушение, страстное желание рассказать были почти непреодолимы.

Он прикусил зубами кончик языка.

Через минуту Фред сказал:

— Это сделала собака.

Мэтт взглянул на него, но теперь Фред смотрел на свои ноги.

— Надеюсь, что она не мучила его, — сказала Люсиль.

— Думаю, что нет, — ответил Фред.

Жалобно всхлипывая, Джо простонал:

— Я взял самый большой камень, какой мог найти. Я никак не думал, что он сдвинет.

— Что поделаешь? — сказала Люсиль.

Обняв детей, она повела их к дому, оживленно произнося обычную смесь вздора, какую родители призывают на помощь в таких случаях.

Мэтт тоже хотел уйти, но Фред не двигался, и Мэтт понял, что нужно остаться. Он стоял, опустив голову, и чувствовал, что солнечные лучи бьют ему в спину, как молоты по наковальне. Он хотел, чтобы Фред сказал что-нибудь, но тот молчал.

Наконец Мэтт выговорил:

— Спасибо.

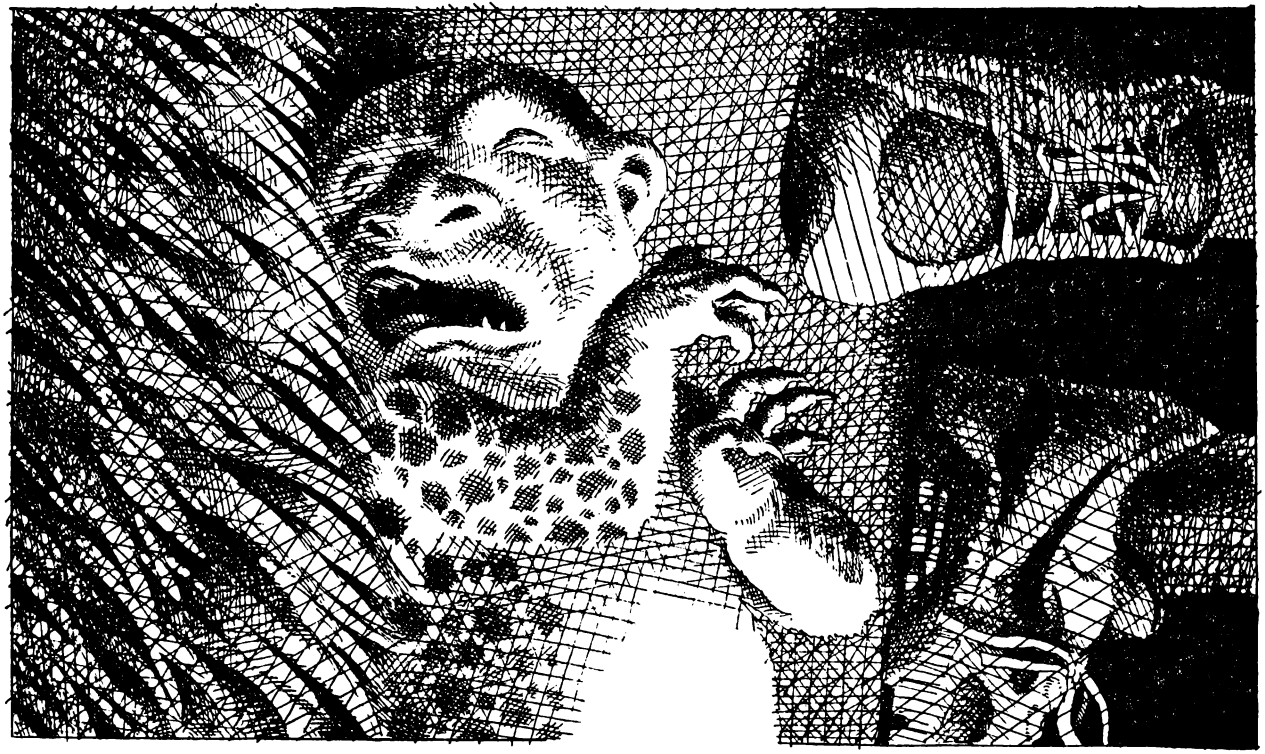
— Я не видел оснований говорить им. Они не поймут.

— А ты понял? — закричал Мэтт. — Я не понял. Зачем я сделал такое? Как я мог сделать такое?

— Это страх. Я, кажется, говорил тебе как-то. Это ксенофобия.

— Нет, вряд ли. Я не понимаю, как ее можно тут приложить.

— Это не только страх к незнакомым местам, но и к незнакомым вещам, ко всему, что странно и непривычно.

Он покачал головой:— Признаться, я не предполагал найти это дома, но мне следовало бы подумать о такой возможности, кое-что вспомнить.

— Я был так уверен, — сказал Мэтт. — Абсолютно все сходилось.

— Человеческое воображение — удивительная вещь. Я знаю, я ведь десять месяцев варился в этом. У тебя, конечно, были симптомы?

— О Боже, да.—Мэтт перечислил их.— В последнюю ночь мне было так плохо, что я подумал...—Он взглянул на маленькое тело у своих ног.— Как только я это сделал, все прошло, даже головная боль. Как это называется? Психо...

— Психосоматическое, да. А у наших парней все начиналось с ангины.

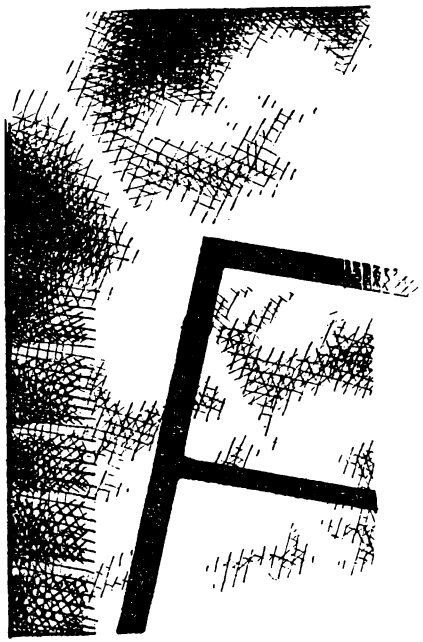
— Мне очень стыдно, — сказал Мэтт. — Я чувствую...

— Ладно, — сказал Фред. — Это всего лишь животное. Вероятно, он и так не прожил бы долго. Не надо было мне привозить его.

Из дома снова вышли Джо и Барби. Джо нес сундучок, а Барби — охапку цветов и лопату. Они прошли мимо того места на лужайке, где большой камень был сдвинут и нора снова открыта — только слегка, снаружи, но Мэтт надеялся, что дети этого не заметили. Он надеялся, что они никогда не узнают.

Он пошел к ним навстречу, встал на колени и обнял их.

— Не горюйте, — сказал он. — Знаете, что мы сделаем? Мы найдем самое лучшее место, где продают щенков. Как вам понравится — иметь собственного замечательного щеночка?

СТРАННЫЕ

Под проливным дождем, неся на руках маленького мальчика, спускался я с Оленьего Рога. Зеленые молнии хлестали по деревьям. Грозы над Оленьим Рогом нередки, но тут было совсем другое дело. Они летели медленно, обшаривая заросли и поросшие кустарником овраги, полные ежевики и ядовитого плюща. Они выходили не из туч, и раскаты грома не сопровождали их. Они чем-то напоминали толстых зеленых голодных змей. Они искали мальчика, с которого все и началось.

Он смотрел на меня, вцепившись, как лемур, в мой плащ, пока я двигался вниз по склону горы. Глаза его были цвета меди. Много видели эти глаза за два с половиной года, прошедшие с тех пор как открылись в этом мире. Теперь они были испуганными, но куда меньше, чем можно было ожидать от ребенка его возраста, испуганными и разумными. Удивительно приятным, тонким голосом он спросил меня:

— Почему они хотят убить нас?

— Не имею понятия, — ответил я.

Я бежал по горному склону, а зеленые молнии преследовали нас.

Меня втравил в это дело док Келлендер, главный врач округа. Я, Хэнк Темпл, владелец, основной репортер и главный подсобный рабочий газеты «Ньюжейл Ньюс», которая обслуживает Ньюжейл и все его окрестности. Док Келлендер, шериф Эд Биггс и я были старыми друзьями и работали сообща, помогая друг другу чем могли. И вот в одно жаркое июльское утро зазвонил мой телефон, и я услышал ошеломленный голос дока.

— Хэнк? Я в госпитале. Не забежишь ли на минутку?

— Кто-то пострадал?

— Никто. Просто у меня есть кое-что для тебя.

Док всегда скрытничал, потому что все, говорившееся в Ньюжейле по телефону, становилось общественным достоянием. Но сейчас он недоговаривал больше, чем обычно, а от его тона у меня просто мурашки по коже побежали. Это было вовсе не похоже на дока.

— Конечно, — ответил я. — Сейчас же приду.

Ньюжейл — центр графства, маленький, крепкий городок. Он расположен в нагорной впадине Аппалачей. Старые кирпичные здания с верандами на тонких деревянных столбах, с дворовыми постройками, когда-то белыми, а теперь серебристо-серыми, окружающими унылые дворы. Очень шумный, широкий ручей разрезает город пополам. Главная промышленность — кожевенная и мукомольная, есть еще несколько рудников поблизости. Над всем этим возвышается величественный бугор горы Олений Рог, зеленый по гребням и темно-синий в складках, по большей части окутанный туманом облаков.

В Ньюжейле нельзя надеяться ни на большие деньги, ни на громкую славу, но у меня были другие причины жить там. Девушка, на которой я хотел жениться, никак не могла их понять, а женщине нелегко объяснить, почему предпочитаешь шесть страниц местной газетенки, которая принадлежит тебе, всему «Нью-Йорк таймс», где ты — лишь один из наемных работников.

Я отказался от попытки втолковать все это своей девушке, и она вышла замуж за серый фланелевый костюм. Каждый раз, когда я беру в руки удочку или охотничье ружье, я радуюсь за нее.

Госпиталь был больше, чем можно было ожидать, потому что он обслуживал большую часть графства. Это было старое здание, к которому пристроили два новых крыла, и располагалось оно на вершине Козьего Холма. Я нашел дока Келлендера в его кабинете. Там был и Босерт, местный врач, молодой парень, который, по старинному выражению, знал больше, чем осел может снести вниз по холму.

Сегодня он выглядел так, словно не был уверен в собственных знаниях.

— Вчера, — сказал док, — одна из дочерей Тейта принесла сюда своего малыша. Меня не было, я уезжал в Пайнкрат, чтобы проверить кое-какие анализы. Но я видел его раньше. Это замечательный ребенок, настоящий красавец.

— Он преждевременно развит, — нервно сказал Джим Босерт, — очень скороспелый для своего возраста. И физически тоже. У него прекрасная координация движений и мускулатура. А цвет волос...

— Какой же? — спросил я.

— Странный. Не знаю. Я заметил это, а потом забыл. Когда его принесли, ребенок выглядел так, словно его пропустили через мясорубку. Мать сказала, что другие дети напали на него и избили. Он болел несколько дней, и она решила принести его сюда. Ей и самой-то не больше девятнадцати. Я сделал несколько рентгеновских снимков.

Босерт взял со стола пару пленок и показал мне.

— Я сам не мог поверить им и решил подождать Келлендера.

Я рассматривал снимки. На них отчетливо белели контуры маленького, хрупкого костяка и смутные пятна внутренних органов. Мне пришлось приглядеться к ним, прежде чем я начал понимать, что здесь есть нечто своеобразное: похоже, слишком мало ребер, сочленения выглядели необычно даже для моих непрофессиональных глаз, а органы были безнадежно перепутаны.

— Кое-какие внутренние органы, — сказал док, — нам вообще непонятны. Мы таких никогда не видели.

— Однако ребенок выглядит нормальным, да к тому же он настоящий красавец, — сказал Босерт. — И вот что замечательно; от побоев, которые он получил, у него должны были остаться серьезные повреждения, но он был просто болен. По-видимому, тело его гибко и прочно, как стальная пружина.

Я положил снимки на стол.

— Разве у вас нет достаточно полной литературы об аномалиях?

— Есть, — отозвался док. — Двойные сердца, вывернутые желудки, лишние руки, ноги, головы, все-

возможные искривления и вариации — все как вам будет угодно, но такого — нет.

Он наклонился и постучал пальцем по снимкам.

— Это не искажение, не аномалия. Это просто другое. И это еще не все.

Он протянул мне слайд, сделанный с помощью микроскопа.

— Это только кровь, Хэнк. Джим пытался определить ее группу. Я тоже. Ничего не получилось. Такой группы не существует.

Я смотрел на них. Лица обоих врачей покраснели, глаза блестели, а сами они дрожали от возбуждения.

Внезапно их волнение передалось и мне.

— Минутку, — произнес я. — Не хотите ли вы сказать...

— Это нам кое-что даст, — перебил меня док Келлендер.

В его глазах светилась мечта.

Я увидел десятифутового Келлендера на пьедестале из медицинских журналов. Я увидел его, вещающего с огромной университетской кафедры, а внизу — затаившую дыхание аудиторию. Те же мечты мелькали и в глазах Босерта.

У меня тоже была своя мечта: «Ньюжейл Ньюс», чье название не сходит с уст миллионов читателей. Перед моими глазами возник некий Хэнк Темпл, скромно, но с достоинством кланяющийся комиссии, которая собралась, чтобы вручить ему пуллитцеровскую премию по журналистике.

— Колоссально! — тихо сказал Босерт. — Мальчик не просто необычный, он — нечто новое, новая порода, вид. Один тип крови...

Кое-что занимало и меня, и я прервал его:

— Послушайте, а вы уверены, что не ошиблись? Как может кровь ребенка так отличаться от материнской?

Я подыскивал подходящее слово.

— Это несовместимость. Он просто не смог бы родиться.

— Тем не менее, — спокойно ответствовал док Келлендер, — он родился. И это при том, что крови такого типа просто не существует. Мы проверили и

так, и этак, вместе и порознь. Уж позволь нам отвечать за свои слова, Хэнк. Кровь мальчика явно должна совмещаться с материнской. Возможно, это улучшенная группа 0 универсальной совместимости. Это единственное, что мы можем сейчас сказать.

Он поднял снимки и еще раз вгляделся в них. В глазах его застыл молитвенный экстаз. Я закурил вторую сигарету.

Теперь руки дрожали и у меня.

— Хорошо, — сказал я. — С чего начнем?

Фургон дома с надписью «Медицинская служба графства» на борту фыркал на поворотах крутой пыльной улицы. Джим Босерт остался в госпитале, а я сел рядом с доком, потея от нетерпения. Дорога поднималась вверх, огибая гребень Танкхеннок.

Направо от нас толстые темные деревья поднимались вверх, налево толстые темные деревья спускались вниз. Олений Рог нависал на севере, как занавес, прикрывающий небо.

— Нам надо быть осторожными, — сказал док. — Я хорошо знаю здешний народ. Если им взбредет в голову, что мы пытаемся что-то вытянуть из них, то мальчишки нам не видать, как своих ушей.

— Ты и веди это дело, — сказал я. — Кстати, никто не упоминал об отце мальчика. Наверное, был все-таки такой?

— Ты что, не знаешь девчонок Тейта?

— Нет. Я как-то проезжал через Поссум Крик, но и только.

— Ты, видно, быстро проехал.

Док засмеялся.

— Ответ: физиологически — да, а юридически — это еще как сказать. Но вообще-то девчонки неплохие. Я тебе большу скажу: мне они нравятся. Две из них даже вышли замуж.

Мы мчались через жаркие зеленые тени.

Великие центры цивилизации вроде Ньюжейла остались далеко позади. Затем мы нырнули в небольшой карман как раз под гребнем и наконец оказались в поселке Поссум Крик.

Вдоль потока было разбросано четыре старинных дома. Один из них именовался «Главным магазином»,

и перед ним стояла бензоколонка. На крыльце сидели два старика. Док не снизил скорости.

— Тейты, — сказал он. — Они живут почти в центре поселка.

Еще два поворота по дороге, которая теперь стала едва ли не двухколейкой, и мы подъехали к сельскому почтовому ящику с надписью «Тейт».

Дом позади него здорово покосился, но в большинстве окон все еще были стекла, а в каминной трубе не хватало всего лишь половины кирпичей. Дом был ржаво-коричневый, кое-где залатанный обрывками грязного толя. Во дворе стоял старый пятнистый оцинкованный бак на подставке. Женщина стирала белье. На островерхой крыше дома возвышалась телевизионная антенна.

Неподалеку от двери в небольшом загончике возлежала свинья, рядом с ней копошился ее выводок, а чуть позади стоял сарай на подпорках, качавшийся, как старая лошадь. Сквозь стволы деревьев виднелась хижина из толя и там же — разбитый трейлер: видимо, это были жилища замужних дочерей. На веранде в древней качалке сидел древний старик и глазел на нас. Древняя собака, лежавшая рядом с креслом-качалкой, тяжело встала и залаяла.

Я знавал множество семей, подобных Тейтам. Зерно им нужно для поросят и для перегонного куба, а для себя хватает и огорода. Молодые люди подрабатывают, служа проводниками заезжим охотникам, а старики торгуют самогоном. Теперь у них есть электричество, и они могут себе позволить иметь радио и даже телевизор.

Городской народ называет их лодырями и бездельниками. В действительности же им так нравится простая жизнь, что у них просто руки не поднимаются осквернить эту радость тяжелой работой.

Док загнал свой фургон во двор и остановился. Откуда ни возьмись, появилась толпа собак, детей и взрослых.

— Он здесь, — сказал мне док, перекрикивая удивленные возгласы, хриплый лай и хлопанье дверей, — тоненький парнишка с рыжими волосами. Вон он спускается с крыльца.

Я взглянул на крыльцо и увидел мальчика. Он действительно был необычным. Все остальное племя Тейтов имело прямые волосы от светло-коричневого до медово-желтого цвета, а у него были пышные локоны, и я понял, что Джим Босерт имел в виду, говоря об их цвете. В рыжем цвете его волос были какие-то трудноразличимые полутона, и один из них при свете солнечных лучей казался серебряным. У Тейтов были голубые глаза, а у этого — медные. Тейты были белокожие и загорелые, и он тоже, но белизна его кожи казалась совсем другой, и загар имел иной оттенок.

Он был маленьким, а дети Тейтов — мускулистыми и ширококостными. Он шел между ними легко, как газель среди молодых коз, и движения его отличались недетской грацией и уверенностью. У него была узкая голова с высоким сводом черепа, глаза серьезные, не по возрасту мудрые и задумчивые. Только рот его казался по-настоящему детским, мягким и застенчивым.

Мы вышли из фургона. Дети — не меньше десятка — все, как по команде, остановились и стали рассматривать свои босые ноги. Женщина отошла от стирального бака, на ходу вытирая руки о юбку. Кое-кто вернулся в дом.

Мальчик остановился неподалеку от крыльца. Теперь его держала за руку крепкая девушка. Если судить по описанию Босерта, она, очевидно, и являлась матерью мальчика. На вид этой мамаше можно было дать не больше девятнадцати: этакая красивая, полногрудая, крутобедрая деревенская девчонка. На ней были туго обтягивающие джинсы и мальчишеская рубашка, босые ноги всунуты в сандалии, копна желтых волос свисала на спину.

Док заговорил со всеми, представив меня как своего друга из города. Тейты были вежливы, но сдержанны.

— Я бы хотел поговорить с Салли, — сказал док.

Мы двинулись к крыльцу.

Я пытался не смотреть на мальчика, чтобы блеск моих любопытствующих глаз не выдал меня. Док же был до отвращения простым и искренним. Когда я

подошел к ребенку, иглы любопытства так и впились мне в кожу. Частью это было обычной журналистской реакцией, частью — результатом осознания того факта, что передо мной стоит существо, не имеющее ничего общего с обычными людьми. На лбу мальчика темнел синяк, и я вспомнил, что его били другие дети. Не это ли отличие лежало в основе их недоброжелательности?

Может быть, они чувствовали его чуждость без анализа крови и без рентгена?

Мутант. Странное слово, удивительное.

Еще удивительнее найти его здесь, в знакомых с детства холмах. Ребенок взглянул в мои глаза, и, несмотря на палящее июльское солнце, у меня прошел мороз по коже.

Док разговаривал с Салли, и она улыбалась честной, дружелюбной улыбкой. У нее был большой пухлый рот — откровенно чувственный, но без кокетства, большие голубые глаза, загорелые, налитые здоровьем щеки.

Она казалась такой же несложной, теплой и влекущей к себе, как летний луг. Хотел бы я знать, какой генетический фокус сделал ее родоначальницей абсолютно новой расы.

— Это тот самый мальчик, которого вы приносили в госпиталь? — спросил док.

— Да, но теперь ему лучше.

Док наклонился и заговорил с ребенком.

— Ну и как же тебя зовут, молодой человек?

— Билли Тейт, — сказал мальчик.

В его голосе слышались перезвоны далеких колокольчиков.

Женщина, прекратившая стирку, сказала с нескрываемой неприязнью:

— Кто бы он там ни был, но он не Тейт.

Ее представили нам как миссис Тейт, и она явно была матерью и бабушкой этого многочисленного семейства. Она давно потеряла большую часть зубов, ее полуседые волосы торчали из головы, как щетина из видавшей виды щетки. Док не обратил внимания на ее слова.

— Как живешь, Билли Тейт? — спросил он. — Где ты взял такие замечательные рыжие волосы?

— От своего папеньки, — фыркнула миссис Тейт. — И свою змеиную походку он взял там же, и желтые, как у больной собаки, глаза. Доктор, если вы увидите человека с такими глазами, как у этого ребенка, то скажите ему, пусть вернется и заберет свое имущество!

Банальным, но очень подходящим к ее словам контрапунктом явился удар грома, прокатившийся по покрытому тучами Оленьему Рогу, как зловещий смех бога.

Салли схватила мальчика на руки.

Гром утонул в жарком неподвижном воздухе. Мы с доктором переглянулись, а Салли Тейт крикнула матери:

— Держи свой поганый рот подальше от малыша!

— Нельзя так разговаривать с матерью, — сказала ей одна из старших сестер. — К тому же она права.

— А, вот как, — сказала Салли, — ты так думаешь?

Она повернулась к доку. Щеки ее побелели, глаза засверкали.

— Они натравливают своих ребят на моего малыша, доктор, и знаете почему? Они завидуют. У них живот болит от зависти, потому что сами-то они только на то и способны, что приваживать к себе неуклюжих толстозадых мужиков, которые обращаются с ними как со свиньями, да рожать от этих мужиков неуклюжих толстозадых карапузов, которые ни о чем, кроме жратвы, не думают.

Она так быстро дошла до пика своей ярости, что было очевидно: все это зрело в ней давно, вероятно с самого рождения ребенка, а может и раньше, если судить по ее последним словам.

— Завидуете, — повторила она и хищно усмехнулась.

— Все вы выплясывали перед ним и так, и этак, а он позвал на сеновал меня! И если он когда-нибудь вернется, он снова будет иметь меня — где угодно и

когда угодно. И я не желаю слышать плохое ни о нем, ни о малыше!

Я выслушал все это и понял, но лишь частью мозга. Основная его часть работала над другим, и это другое никак не увязывалось с услышанным, боязливо прячась от меня.

Док облек эту мысль в слова.

— Вы хотите сказать, что мальчик очень похож на отца? — спросил он, не обращаясь ни к кому в отдельности.

— Вылитый, — нежно сказала Салли.

И она ласково поцеловала рыжие локоны со странным серебряным отблеском.

— Я очень хотела бы увидеть того мужчину снова, и мне плевать на то, что тут скажут. Он прямо красавец, доктор!

— Красив-то он красив, — согласилась миссис Тейт, — но добрым его не назовешь, я увидела это с первого взгляда.

— Брось, мать, — встрял мистер Тейт. — У него такие приятные манеры, что ты ела из его рук.

Он засмеялся и повернулся к доку.

— Она сама бы пошла с ним на сеновал, если бы он ее повел, это факт. Верно, Гарри?

Гарри подтвердил, и все захохотали.

Миссис Тейт злобно прошипела:

— Вы бы, мужики, чем зубоскалить перед посторонними, лучше бы разыскали его отца и вытрясли из него какую-нибудь помощь своему отродью.

— По-моему, ты первая начала, — заметил мистер Тейт. — Нечего было перемывать наше грязное белье перед людьми, которых это не касается.

Затем он вежливо обратился к доку:

— У вас, наверное, была причина приехать сюда. Не могу ли я вам чем-нибудь помочь?

— Ну... — неопределенно протянул док.

Он взглянул на мальчика.

— Значит, вы говорите, он копия отца?

«Если это так, — подумал я, — то как он может быть мутантом? Мутант — это нечто совершенно новое, отличное от родителей. Если внешне он — точная

копия, значит, строение и цвет волос — врожденные, и значит, тип крови и внутренние органы...»

Над Оленьим Рогом снова прогремел гром.

«Итак, его отец — тоже мутант», — подумал я.

Но док спросил:

— А кто этот мужчина, Салли? В этих холмах я знаю каждого, но никогда не видел никого, кто соответствовал бы такому описанию.

— Его зовут Билл, — ответила она, — как и малыша. Билл Джонс. По крайней мере, он так назвался.

— Вранье, — не утерпела миссис Тейт. — Он такой же Джонс, как и я. Мы узнали.

— А как он очутился тут? — спросил док. — Он говорил, откуда он?

— Он вел грузовик, — ответила миссис Тейт, — для какого-то магазина приборов, кажется Гроверса, в Ньюжейле. Он сказал, что по новым местам будут проверять телевизоры, и предложил посмотреть наш. Он провозился с ним чуть ли не час и не взял с меня ни цента. С тех пор телевизор работает очень хорошо. Тут бы и конец делу, но Салли все время вертелась под ногами и понравилась ему. Ворон они считать не стали, и вот сами видите, что получилось.

— Но в Ньюжейле нет никакого магазина Гроверса, — сказал я, — и никогда не было.

— Мы узнавали, — кивнула миссис Тейт. — Когда стало ясно, что должен родиться ребенок, мы стали искать мистера Джонса, но он, похоже, навешал нам лапши на уши.

— Он говорил мне, — задумчиво сказала Салли, — откуда он.

— Откуда? — жадно повернулся к ней док.

Изогнув рот, чтобы изобразить незнакомые звуки, Салли ответила:

— Хрилльянну.

Док вытаращил глаза.

— Что за черт? Где это?

— Нет такого места, — вмешалась миссис Тейт. — Даже школьный учитель не смог найти его в атласе. Еще одно вранье.

— Хрилльянну, — снова пробормотала Салли. — Он говорил о нем, как о самом прекрасном месте в мире.

Туча над Оленьим Рогом увеличилась, и ее края закрыли солнце. Блеснули молнии, прокатился гром.

— Нельзя ли взглянуть на ваш телевизор? — спросил я.

— Я так и знала, — сказала миссис Тейт. — Ладно, только не сбейте его настройку. Чего бы он там ни сделал, но телевизор работает просто замечательно.

— Не собью, — заверил ее я.

Я пошел по скрипучим ступеням, через веранду, мимо старика и жирного старого пса и попал в неопрятную и захламленную гостиную, где из софы вылезали пружины, а в углу на старой медной кровати спали шестеро ребятишек.

Телевизору, вероятно, стукнуло лет пять, но он был лучше и больше тех, которые выпускали в нынешнем году. Он стоял в конце комнаты, как святыня, и был покрыт куском красной ткани.

Я снял заднюю стенку и заглянул внутрь.

Не знаю, что я надеялся увидеть, но мне казалось странным, что человек наплел о себе какой-то чепухи и возился с телевизором просто так. Впрочем, похоже, не просто так. Я не понял того, что увидел, но даже для моих непросвещенных глаз было ясно, что мистер Джонс сделал с внутренней проводкой нечто совершенно необычное.

На стенке ящика крепилась абсолютно незнакомая деталь — маленький приборчик, немногим больше двух моих ногтей.

Я поставил заднюю стенку обратно и включил телевизор. Как и говорила миссис Тейт, работал он отлично, лучше, чем всякий другой. У меня появилось странное подозрение, что мистер Джонс так отремонтировал его, чтобы других мастеров не приглашали как можно дольше. Еще я подозревал, что эта деталь была чем-то очень важным для мистера Джонса.

Интересно, много ли таких деталей поставлено в телевизоры этого района и зачем они?

Я выключил телевизор и вышел.

Док все еще разговаривал с Салли.

— ...хотел сделать еще несколько анализов, — услышал я. — Я могу отвезти вас и Билли прямо сейчас.

Салли хотела что-то сказать, но решение было принято без нас.

— Нет! — дико закричал мальчик.

С яростной силой молодого животного он вырвался из рук матери, упал на землю и так быстро улизнул в кусты, что никто и опомниться не успел.

Салли улыбнулась.

— Его напугали ваши блестящие машины и странный запах в госпитале, вот он и не хочет ехать туда снова. Но ведь с ним все в порядке? Тот доктор сказал, что ничего страшного нет.

— Не совсем, — неохотно протянул доктор. — Как раз по поводу рентгена он хотел кое-что уточнить. В дальнейшем это может оказаться важным. Давайте решим так, Салли: вы уговорите мальчика, а я через день-два приеду снова.

— Ладно, — ответила она, — идет.

Док поколебался, а затем сказал:

— Вы не хотите, чтобы я поговорил с шерифом насчет того, чтобы найти этого человека? Если это его ребенок, он должен что-то давать на его содержание.

В глазах ее появилась грусть.

— Я всегда думала, что если бы он знал о малыше...

Миссис Тейт не дала ей договорить.

— Да, конечно, — сказала она, — поговорите с шерифом. Давно пора кому-то что-то сделать, пока это отродье не выросло само собой.

— Хорошо.—Док кивнул.— Попытаемся.

Он бросил последний взгляд на кустарник, в котором исчез малыш, мы распрощались со всеми, сели в фургон и поехали восвояси.

Небо сильно потемнело, в воздухе пахло дождем.

— Ну, что ты об этом думаешь? — спросил я.

Док покачал головой.

— Будь я проклят, если хоть что-нибудь понимаю. По-видимому, внешние характеристики унаследованы точно. Если и внутренние тоже...

— Значит, отец тоже мутант. Мы продвинулись еще на одно поколение.

— Это простейшее объяснение.

— А есть и другие?

Док не ответил. Мы проехали Поссум Крик, и начался дождь.

— Так что там с телевизором?

Я рассказал.

— Ты бы послал туда Джуда или кого-нибудь из ребят «Ньюжейл Приборы», пусть посмотрят и скажут, что это такое, — добавил я.

— Подозрительно пахнет это дело, — сказал док. — Прямо воняет!

Молния пронеслась так быстро и ударила так близко, что я не осознал ничего, кроме страшной ярко-зеленой вспышки. Док вскрикнул. На скользкой дороге, покрытой теперь тонкой пленкой грязи, фургон занесло, и я увидел, что деревья устремились к нам. Их вершины наклонились от внезапного порыва ветра. Грома не было, это я почему-то запомнил.

Фургон опрокинулся и ударился о стволы деревьев. Раздался сухой треск вперемешку с металлическим визгом и скрежетом. Дверца распахнулась, и я вылетел в кучу мокрых ветвей, а потом рухнул вниз на покатую землю. Я катился по склону, пока глубокая рытвина не остановила меня. Я лежал в ней и ошалело пялился на фургон, висевший над моей головой. Из открытой дверцы торчали ноги дока. Он не пострадал и сам выбрался на землю. И тут молния появилась снова.

Она мгновенно окутала фургон, деревья и дока шаром зеленого огня. Когда она исчезла, деревья были обожжены, краска на искалеченном фургоне вспучилась пузырями, а док катился по грязному склону так медленно, словно устал и не желал торопиться. Футах в трех от меня он все же решил затормозить. Волосы и одежда его тлели, но это его не тревожило. Грома не было и на этот раз.

Дождь тяжелыми струями лился на дока и гасил тлевший огонь.

Джим Босерт, больной и смертельно усталый, только что привез тело дока Келлендера в больницу. Я подвинул Джиму бутылку. Он глотнул из нее, закурил и продолжал сидеть, время от времени вздрагивая.

— Это молния. Вне всяких сомнений.

— Хэнк настаивает, — сказал Эд Биггс, — что там было что-то ненормальное.

Босерт покачал головой.

— Молния.

— Или мощный электрический разряд, — сказал я. — Это ведь одно и то же, не так ли?

— Но ты сказал, что она ударила, Хэнк.

— Дважды, — ответил я.

Мы сидели в кабинете Босерта в госпитале. Вечерело. Я снова потянулся за бутылкой, а Эд быстро сказал:

— Видишь ли, молния выделывает такие штуки.

— В первый раз она промахнулась, — сказал я. — Это точно. А второй раз — нет. Если бы меня не выкинуло от удара, я тоже был бы покойником. И не было никакого грома.

— Ты был оглушен, — сказал Босерт. — Первый удар ошеломил тебя.

— Она была зеленая, — твердил я. — Шаровые молнии часто бывают зелеными?

— Да.

— Но обычная не бывает.

— Капризы атмосферы, — развел руками Эд.

Он повернулся к Босерту.

— Дай-ка ему что-нибудь и отправь домой.

Босерт кивнул и встал, но я заявил:

— Мне ничего не надо. Я должен написать статью о доке для завтрашней газеты.

Разговаривать дальше не имело никакого смысла.

Я вышел, сел в свою машину и, чувствуя себя не в своей тарелке, поехал домой, в город.

Пустота, холод, пелена над мозгом не давали мне ни ясно рассмотреть окружающее, ни ясно думать. Пришлось остановиться у магазина и взять еще одну бутылку на ночь.

Я чувствовал в себе холодную злость и думал о зеленой бесшумной молнии, о маленьких приборчиках, не входящих в комплект телевизоров, о серьезном мудром лице ребенка, который был не вполне человеком. Потом это лицо поплыло и стало лицом мужчины из Хрилльянну.

Я приехал домой, в старый дом, где не жил никто, кроме меня, написал статью о доке, и к этому времени стало уже совсем темно, а бутылка наполовину опустела. Пришла пора ложиться спать.

Мне снилось, что док Келлендер позвонил мне и сказал:

— Я нашел его, но ты поторопись.

Я ответил:

— Но ты же умер. Не звони мне, док, пожалуйста.

Но телефон все звонил и звонил, и через какое-то время я проснулся и понял, что он и в самом деле звонит.

Было два сорок девять ночи. Звонил Эд Биггс.

— В госпитале пожар, Хэнк. Я подумал, что тебе это будет интересно. Южное крыло. Пожарники уже едут.

Он повесил трубку, а я начал напяливать одежду на свинцовый манекен, в каковой превратилось мое несчастное, усталое тело.

«Южное крыло, — думал я, и сирены выли, поднимаясь к Козьему Холму, — Южное Крыло. Там, где рентгеновская установка, где хранятся снимки внутренних органов мальчика. Интересное совпадение».

Вслед за сиренами сквозь чистую прохладу ночи я ехал к Козьему Холму. Лунный свет серебрил гребни гор. Олений Рог, спокойный, невозмутимый и безмятежный, был занят своими собственными возвышенными мыслями, которые, наверное, свойственны горам.

Южное крыло госпиталя ярко пылало в ночи красивым оранжевым светом.

Я свернул с дороги, остановил машину в стороне от суетящейся толпы и решил пройти остаток пути пешком.

Из главного здания больные были эвакуированы. Вытаскивали различные вещи.

Пожарники кричали, орудуя шлангами, потоки воды крутыми дугами выгибались над пламенем. Я подумал, что вряд ли им удастся спасти южное крыло больницы, но сам госпиталь, возможно, уцелеет.

Позади меня с грохотом и воем сирен мчалась вторая бригада пожарных. Я подался в сторону, глядя себе под ноги, чтобы не оступиться. И тут мое внимание привлек смутный призрак, мелькнувший футах в десяти ниже по склону.

В отсветах пламени я увидел девушку.

Она скользила между деревьями легко, как газель.

Короткие курчавые волосы, плотно прилегавшие к голове, казались темными, но я знал, что на солнце они будут рыжими с серебряным блеском. Она либо увидела, либо услышала меня и на секунду остановилась, испуганно оглядываясь. На бледном лице медным блеском сверкнули глаза.

Потом повернулась и побежала.

Я бросился за ней. Она бежала быстро, а я был в паршивой форме, но я думал о доке, и я поймал ее, чуть не поскользнувшись на мокрой траве.

Кругом под деревьями было темно, но полянку, на которой мы очутились, освещали луна и отблески пожара. Девушка не вырывалась, не дрожала, она только повернулась ко мне лицом, стараясь отодвинуться подальше, в то время как я крепко сжимал ее руки выше локтей.

— Чего вы от меня хотите? — спросила она почти беззвучно с нежным, каким-то птичьим акцентом. — Отпустите меня.

— Какое отношение вы имеете к мальчику? — задыхаясь, спросил я.

Это ее испугало. Глаза ее расширились, затем она повернула голову и посмотрела в темноту.

— Пожалуйста, отпустите меня, — сказала она.

Мне показалось, что не только я внушил ей такой страх.

Я встряхнул ее. Мне хотелось сломать эти маленькие хрупкие руки, причинить ей боль, отомстить за дока.

— Как был убит док? — грубо спросил я. — Кто это сделал и как?

Девушка уставилась на меня.

— Док? Я не понимаю.

Вдруг она стала вырываться.

— Пустите меня! Вы делаете мне больно!

— Сегодня утром зеленая молния убила человека, — бросил я, — моего друга. Рассказывайте все, что вы об этом знаете.

— Убит? — прошептала она. — Нет, никто не был убит.

— А вы подожгли госпиталь, не так ли? Выходит, те снимки являются угрозой для вас? Кто вы? Где...

— Тише. Слышите?

Я прислушался. Тихий, осторожный шорох приближался к нам по склону холма.

— За мной следят, — шепнула она. — Пожалуйста, отпустите меня. Я ничего не знаю о вашем друге, а пожар... Это необходимость. Я не хочу никому вредить, но если вас обнаружат...

Я оттащил ее назад, в тень. Там рос громадный раскидистый старый клен с искривленным сучковатым стволом. Мы спрятались за ним.

Теперь я одной рукой держал ее за талию, так что затылок девушки прижался к моему плечу, а другой рукой закрывал ей рот.

— Откуда вы явились? — прошептал я ей на ухо. — Где этот Хрилльянну?

Ее тело напряглось. Это было ладное тело, в некотором смысле похожее на мальчишечье, изящное, но крепкое, с великолепной координацией движений. Но на этом сходство с мальчиком кончалось. Я считал ее врагом, но просто невозможно было не думать о ней, как о женщине.

Ее губы прошептали под моей рукой:

— Где вы слышали это название?

— Неважно. Отвечайте.

Она не ответила.

— Где вы живете сейчас? Где-нибудь поблизости?

Она попыталась вырваться.

— Ладно, — сказал я, — пошли обратно к госпиталю. Шериф будет рад повидаться с вами.

Я хотел потянуть ее назад к холму, но на освещенную поляну вышли двое мужчин.

Один был стройный и кудрявый — к такому типу внешности я уже начал привыкать. Он выглядел радостным и возбужденным, как будто собирался заняться интересной игрой. В глазах его, отливавших медью, плясали блики огня.

Другой мужчина был самым обычным: смуглый, высокий, довольно грузный, брюхо его нависало над брюками цвета хаки. Лицо этого человека не выражало ни возбуждения, ни интереса.

Все происходящее вовсе не казалось ему игрой. Он нес тяжелый автомат, и я подумал, что этот громила отлично умеет пользоваться им.

Мне стало страшно.

— ...посылать даму, — донеслось с его стороны.

— Это говорят твои предрассудки, — отвечал кудрявый. — Именно ее и надо было посылать.

Он показал на пламя.

— Как ты можешь сомневаться?

— Ее захватили.

— Только не Веди.

И молодой человек окликнул:

— Веди! Веди!

Губы девушки шевельнулись под моей рукой. Я наклонился, и она сказала чуть слышно:

— Если вы хотите остаться в живых, отпустите меня к ним.

Смуглый угрюмо произнес:

— Ее захватили. Надо что-то предпринять, и побыстрее.

Он пошел через поляну.

Губы девушки шепнули:

— Прошу вас!

Сжимая свое оружие, смуглый тяжело двигался вперед, кудрявый шагал чуть сзади, ступая на цыпочках, мягко, как крадущийся кот. Если я потяну

девушку назад, они услышат. Если я останусь на месте, они выйдут прямо на меня. В любом случае мне оставалось одно: отправиться вслед за доком под мраморную плиту.

И я выпустил девушку.

Она побежала к ним. Я напряженно стоял за кленом и ждал, когда она обернется и скажет слово, которое выдаст меня.

Она не обернулась и не сказала этого слова. Кудрявый обнял ее, и они с полминуты быстро о чем-то говорили. Потом я услышал, как она объясняет смуглому причину своей отлучки: она просто хотела убедиться, что пожар не погасят слишком быстро. Затем все трое повернулись и скрылись среди деревьев.

Я постоял с минуту, тяжело дыша и пытаясь обдумать происшедшее, а затем отправился искать шерифа.

Когда я нашел Эда Биггса, было, конечно, уже поздно, но он все равно послал кар.

На той дороге, которую я указал, никого не нашли.

— Не обижайся, Хэнк, но ты уверен, что и в самом деле видел этих людей?

— Уверен, — сказал я.

Закрыв глаза, я еще мог почувствовать упругое тело девушки в своих руках.

— Ее зовут Веди. А теперь я хочу поговорить с Крофтом.

Крофт был начальником пожарных. Я смотрел, как парни льют воду на остатки южного крыла, от которого ничего не осталось, кроме кучи золы и нескольких кусков стены.

К нам подошел Джим Босерт, угрюмый и измученный. Он так устал, что даже не смог ругаться, а только слабо пожаловался, что погибло все его замечательное рентгеновское оборудование, все снимки.

— Я встретил девушку, которая это сделала, — сказал я. — А вот Эд не верит мне.

— Девушку? — ошеломленно спросил Босерт.

— Девушку. Видимо, она эксперт в такого рода делах.

Про себя я подумал: «Интересно, кем ей приходится тот кудрявый?», а вслух спросил:

— Никто не пострадал?

— Слава Богу, нет, — ответил Босерт.

— Как это началось?

— Не знаю. Я неожиданно проснулся и увидел, что из всех окон южного крыла хлещет пламя.

Я глянул на Эда. Тот пожал плечами.

— Может, в этих высоковольтных приборах произошло короткое замыкание?

— Что за девушка? Помешанная? — спросил Босерт.

— Еще одна, похожая на маленького Тейта. С ней мужчина, очевидно, отец мальчика. Третий был самым обычным человеком, ублюдок с автоматом. Она сказала, что пожар был необходим.

— Только затем, чтобы уничтожить несколько снимков?

— Видимо, для них это очень важно, — предположил я. — Они уже убили дока и пытались прикончить меня, так что, подумаешь, важность — пожар!

Эд Биггс выругался. Он не мог поверить моим россказням, но что-то заставило его быть настороже.

Тут подошел Крофт, и Эд спросил его:

— Отчего произошел пожар?

Крофт покачал головой.

— Еще рано что-либо говорить. Подождем, пока все остынет. Но я мог бы поспорить на что хотите, что причина всему — химикаты.

— Преднамеренно.

— Возможно, — сказал Крофт и снова отошел.

Я посмотрел на небо. Близился рассвет. Самое прекрасное время, когда небо не темное и не светлое, а горы кажутся плоскими, вырезанными из черного картона.

— Я поеду к Тейтам, — сказал я. — Мне почему-то страшно за мальчика.

— Идет, — быстро отозвался Эд. — Я поеду с тобой. В моей машине. В городе остановимся и захватим Джуда. Пусть он посмотрит на тот телевизор!

— К дьяволу Джуда! — махнул я рукой.

Кажется, пришло время поспешить. Я вдруг страшно испугался за этого мальчишку с серьезным лицом,

который явно был ключом к тайне, настолько важной, что в глазах тех, кто хотел сохранить ее, она оправдывала и поджог, и убийство.

Эд буквально затолкал меня в свою машину. На дверце ее было написано: «ШЕРИФ ГРАФСТВА». Я подумал о фургоне дока с надписью: «МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА ГРАФСТВА», и это показалось мне дурным предзнаменованием. Но с этим, как и с вынужденной остановкой, ничего нельзя было поделать. Эд отправился вытаскивать из постели Джуда и прихватил с собой ключи от машины. Я сидел, курил и смотрел на горы.

Наконец появился недовольно ворчавший Джуд, худощавый молодой парень в синем комбинезоне с красной эмблемой Компании Электроприборов Нью-жейла на кармане, и плюхнулся на заднее сиденье. Его маленькая жена выглядывала из дверей дома, придерживая полы розового халата.

Мы поехали. Над госпиталем все еще висел черный дым, а над Оленьим Рогом небо было чистое и яркое.

Салли Тейт и ее мальчика мы не нашли.

Миссис Тейт рассказала нам о случившемся, пока мы сидели на дырявой софе в гостиной, а жирный старый пес сперва следил за нами из-за деревьев, а потом осмелел и перебрался через порог. Сестры Салли, по крайней мере некоторые из них, подслушивали из кухни.

— Ничему я так не удивлялась за всю свою жизнь, — повествовала миссис Тейт. — Па пошел в коровник с Гарри и Дж. П. Это мужья старших дочерей. Я с девочками мыла посуду после завтрака и вдруг услышала, что во двор въезжает машина, похоже, его. Я выскочила на крыльцо.

— Какая машина? — спросил шериф.

— Тот же грузовик, который он водил раньше, только название фирмы было закрашено синей краской. «Ну, — сказала я ему, — я и не надеялась увидеть здесь ваше лицо». А он говорит...

Если сократить ее рассказ до разумных объемов, то вышло, что человек сказал, будто он всегда имел намерение вернуться за Салли и если бы он знал о

ребенке, то приехал бы раньше. Он был в деловой поездке, а вернувшись, услышал, что Салли приходила в госпиталь с ребенком, и понял, что ребенок этот, похоже, от него.

Он вошел в дом, сияющая Салли бросилась к нему в объятия, и они вместе пошли к ребенку. Билл Джонс был ласков с мальчиком, называл его сыночком, а мальчишка смотрел на него сонным, совершенно равнодушным взглядом.

— Они поговорили между собой, — рассказывала миссис Тейт, — а затем Салли вышла и сказала, что он увезет ее, женится и узаконит ребенка, и попросила чтобы я помогла собрать ей вещи. Я это сделала, и они уехали втроем.

Она покачала головой, приглаживая волосы узловатыми пальцами.

— Просто не знаю... — сказала она.

— Что не знаете? — спросил я. — Вас что-то насторожило?

Я-то знал, в чем тут дело, но хотел услышать это от нее.

— Да как вам сказать... Руками этого не пощупать... — ответила она. — Салли была так счастлива. Она прямо лопалась от радости. И он был по-настоящему любезен, по-настоящему вежлив с нами. Мы спросили, зачем он нам тогда наврал, а он ответил, что собирался открыть в Ньюжейле магазин, но заболел, и его планы рухнули. Он сказал, что его зовут Билл Джонс, и показал нам в доказательство какие-то бумаги. Он сказал, что назвал Салли место, откуда он родом, но она плохо поняла, потому что он дал его в старинном испанском произношении.

— А он сказал, как это место называется теперь? — спросил Эд.

На ее лице появилось удивленное выражение.

— Нет, по-моему, не сказал.

— А где он собирается жить с Салли?

— Он еще не устроился. Он высказал два или три предположения, все в разных местах. Она была так счастлива. Да и мне остается только радоваться, потому что, видит Бог, как часто я молилась, чтобы

он приехал и забрал свое чахлое отродье, да и Салли в придачу, если она не против. Но я вовсе не радуюсь и сама не знаю почему.

— Это естественная реакция, — сочувственно сказал Эд. — Вы скучаете по дочери, а может и по внуку тоже, больше, чем думаете.

— Я и раньше выдавала дочерей замуж. Есть в этом человеке что-то...

Миссис Тейт долго мялась, подыскивая выражение.

— Странный он, — сказала она наконец, — неправильный какой-то, как тот мальчик, только еще необычнее. У мальчика есть что-то от Салли, а этот...

Она махнула рукой.

— Ох, наверное, я сама себе придумываю беспокойства.

— Я тоже так думаю, миссис Тейт, — заявил Эд. — А теперь разрешите этому молодому человеку посмотреть на ваш телевизор.

Джуд, напряженно сидевший во время разговора, вскочил и, без лишних слов, кинулся на телевизор. Миссис Тейт хотела протестовать, но Эд твердо сказал:

— Это может оказаться важным, миссис Тейт. Джуд хороший мастер, он ничего не испортит.

— Надеюсь, — глубокомысленно кивнула миссис Тейт. — Телевизор работает прекрасно.

Джуд включил телевизор и с минуту смотрел в экран.

— Да, работает отлично, да еще в этой местности!

Он снял заднюю стенку, заглянул туда и через минуту тихо присвистнул.

— Что там? — спросил Эд, подходя ближе.

— Черт знает что! — сказал Джуд. — Вы только взгляните на проводку! Он исковеркал всю схему, и тут еще пара ламп, каких я отроду не видел.

Он возбужденно взмахнул руками.

— Я бы выдрал все внутренности, чтобы посмотреть, что же, в сущности, он сделал. Но он каким-то образом повысил напряжение и чувствительность. Этот парень прямо клоун.

Миссис Тейт ринулась к нему:

— Вы ничего не вырвете, молодой человек! Вы оставите все, как есть!

— А это что за штуковина на стенке? — спросил я.

— Откровенно говоря, — почесал Джуд в затылке, — это и меня ставит в тупик. К ней идут провода, но не похоже, чтобы они где-нибудь присоединялись к телевизору.

Он развернул телевизор и начал осторожно ощупывать корпус.

— Видите, эта тоненькая проволочка идет вниз и тянется под всем шасси. Она врубается здесь в шнур и получает энергию независимо от того, включен телевизор или нет. Но я не понимаю, какое отношение она имеет к работе телевизора.

— Ну, так сними ее, — посоветовал Эд. — Возьмем ее в магазин и посмотрим что к чему.

— О'кей, — согласился Джуд.

Игнорируя протесты миссис Тейт, он протянул руку и в первый раз дотронулся до загадочного прибора, пытаясь определить, чем прикреплен он к стенке ящика.

Раздался резкий хлопок, яркая вспышка ослепила нас, и Джуд с воем отскочил. Он сунул обожженные пальцы в рот, и на глазах его выступили слезы. Миссис Тейт закричала:

— Все-таки вы добились своего, испортили мой телевизор!

В комнате пахло горелым. Девушки выскочили из кухни. Старый пес залаял и начал царапать дверь.

— Что случилось? — спросила одна из девушек.

— Не знаю, — ответил Джуд. — Проклятая штуковина взорвалась, как бомба, когда я до нее дотронулся.

Остался холмик чего-то серого — не то пыли, не то пепла, вот и все. Даже проволочка расплавилась.

— Похоже, мистер Джонс не хотел, чтобы кто-нибудь видел его технические достижения, — сказал я.

Эд выглядел ошеломленным и растерянным.

— Аппарат пострадал? — спросил он.

— Ни черта с ним не случилось, — ответил Джуд и включил телевизор.

Тот работал так же прекрасно, как и раньше.

— Ну, — сказала миссис Тейт, — слава Господу!

— Да-а-а, — протянул Эд. — В таком случае больше вопросов не имею. Как ты считаешь, Хэнк? Можем мы ехать?

Я кивнул. Мы сели в машину Эда и поехали обратно по Гребню.

Джуд все еще сосал пальцы и вслух размышлял, взорвались бы или нет те диковинные лампы в телевизоре, если бы он до них дотронулся. Я сказал:

— Вероятно.

Эд не сказал ничего. Он глубоко задумался. Я спросил его, о чем он думает.

— Я пытаюсь оценить наше положение, — ответил он. — Что Билл Джонс имел от этого? Чего он добивался? Я имею в виду телевизор. Обычно люди хотят платы за такую работу.

Джуд высказал предположение, что этот парень — псих.

— Чокнутые типы в фильмах всегда изобретают штучки, которые потом приносят неприятности. Но я очень хотел бы знать, что он сделал с этим телевизором.

— Ну, — пожал плечами Эд, — кажется, наши полномочия тут кончаются. Он же вернулся за девушкой, да и вообще не нарушал никаких законов.

— Не нарушал? — переспросил я.

Мы проезжали как раз над тем местом, где был убит док.

От сегодняшней грозы не осталось и следа.

Все было яркое, безмятежное и мирное.

Но меня не покидало ощущение слежки. Кто-то знал обо мне, следил, куда я еду и что делаю, и решал, послать ли зеленую молнию, чтобы убить меня или пока подождать. Я осознал это внезапно, подобно тому, как юноша вдруг начинает понимать, что Бог следит за каждым его шагом. Меня затрясло. Мне хотелось уползти под сиденье и затаиться там.

Но я остался на месте, подавил свой ужас и принялся поглядывать на небо, однако ничего достойного внимания там не обнаружил.

Эд Биггс помалкивал и все прибавлял да прибавлял газу, так что я подумал, что скоро нам не потребуется никакой зеленой молнии. Он не снижал скорости, пока мы не въехали в долину. Я думал, что он рад избавиться от такого беспокойного типа, как я, но он привез меня обратно на Козий Холм, туда, где стояла моя машина.

Там он высадил меня и грубовато сказал:

— Я не намерен слушать тебя, пока ты не проспишь по крайней мере двенадцать часов. Да и самому мне требуется то же самое. Так что — до скорого.

Я поехал домой, но не спать. Я сказал моему помощнику и правой руке Джо Стрикфузу, что газета сегодня целиком на нем, а затем засел за телефон. Вскоре телефонная станция готова была проклясть меня, но к пяти часам дня я имел всю необходимую мне информацию.

Я начал с карты района, лежащей на моем столе, на которой был изображен не только Ньюжейл, но и все его окрестности, а посередине темнело бесформенное пятно Оленьего Рога. К пяти часам карта была покрыта красными чернильными точками.

Связанные общей линией, они составляли расползающийся круг, непрерывное кольцо вокруг Оленьего Рога, каждая точка которого находилась на равном расстоянии от горного пика.

Каждая красная точка обозначала телевизор, который за последние три года обслуживал, причем бесплатно, рыжеволосый мужчина. Я долго смотрел на карту, затем вышел во двор и посмотрел на Олений Рог.

Он показался мне очень высоким, выше, чем я помнил. По бокам он зарос лесом. Зимой там охотились на медведей и оленей, и я знал, что на его нижних склонах есть несколько охотничьих хижин.

Летом охотники ими не пользовались, потому что никому не хотелось лезть по почти перпендикулярному, обрывистому склону, повисая на деревьях вместо лестницы, только затем, чтобы оказаться в самом брюхе грозовой тучи.

Тучи окружали вершину и сейчас. Олений Рог, казалось, натягивает их на голову, как плащ с ка-

пюшоном, пока их серые края не покроют его почти до подножия. Я вздрогнул, вошел в дом, плотно прикрыл за собой дверь, вычистил свой автоматический пистолет и полностью зарядил обойму. Потом я сделал себе сандвич и допил то, что оставалось в бутылке, оставшейся с ночи, снял обувь, грубые местные штаны и рубашку хаки, завел будильник и лег в постель. Дневной свет еще не угас.

Будильник разбудил меня в половине двенадцатого ночи. Я не стал зажигать свет, — сам не знаю почему. Возможно, у меня все еще оставалось ощущение слежки.

Мне вполне хватало света от перемещавшихся вспышек в небе. На западе тихо рокотал гром. Я сунул пистолет в наплечную кобуру под рубашку — не потому, что хотел его спрятать, просто так было удобнее. Одевшись, я вышел через заднюю дверь, открывавшуюся в гараж.

Все было тихо, как всегда в маленьком городке ночью, слышно было, как бежит по камням ручей, тихие песни кузнечиков и клокотанье лягушек звучали сейчас почти пронзительно.

Затем все стало затихать. Сначала замолчали лягушки, потом сверчки и кузнечики.

Я тоже остановился в темноте у клумбы рододендронов, которыми моя мать всегда так гордилась. По моей спине пробежал холодок, и волосы на затылке ощетинились. Я услышал тихие шаги и еще более тихое дыхание.

Два человека перебрались через ручей и вошли в мой двор.

При вспышке молнии я разглядел их.

Они стояли на траве и смотрели на неосвещенный дом.

Одним человеком была Веди, сжимавшая что-то в руках, другим — тяжеловесный смуглый человек с автоматом.

— Все в порядке, — сказал смуглый. — Он спит. Принимайся за дело.

Я достал пистолет и раскрыл было рот, чтобы возмутиться во весь голос, но услышал ее слова.

— Ты не дашь ему возможности убежать?

По ее тону было ясно, что вопрос задается не в первый раз и ответ на него она знает. Он ядовито ответил:

— Ну, конечно, а потом зови шерифа и объясняй, зачем ты сожгла дом и госпиталь. О Господи, я же говорил Эрнику, чтобы он не доверял тебе! —Он грубо толкнул ее.— Давай.

Веди осторожно отошла от него на несколько шагов и быстро бросила в двух направлениях то, что было у нее в руках. Я услышал, как два предмета упали в траву и кусты, где их не скоро найдешь даже при дневном свете. Затем она повернулась и сказала вызывающе:

— Ну, что ты теперь будешь делать?

Наступила минута абсолютной тишины, настолько полной ожиданием убийства, что казалось, будто далекие зарницы побледнели из сострадания. Затем смуглый сказал:

— Ладно, пошли отсюда.

Веди направилась к нему. Он ждал, пока она подойдет совсем близко, и тогда ударил ее. Она слабо вскрикнула и упала. Он начал бить ее ногами. Я быстро выскочил из укрытия и ударил его в ухо рукояткой пистолета. От удара он развернулся и упал.

Веди приподнялась на колени и взглянула на меня, чуть слышно всхлипывая от злости и боли. Из уголка ее рта текла струйка крови. Я забрал у громилы автомат и зашвырнул его в ручей, а затем наклонился над девушкой.

— Возьмите-ка мой носовой платок.

Она взяла платок и приложила его к губам.

— Вы появились как нельзя более кстати, — сказала она почти злобно.

— Так уж получилось. Я обязан поблагодарить вас за свою жизнь и за свой дом. К госпиталю вы отнеслись не так снисходительно.

— Там никто не погиб. Я проверила. Здание всегда можно отстроить, а жизнь — дело другое.

Она посмотрела на лежавшего без сознания мужчину. Глаза ее горели, как у кошки.

— Вот его бы я с удовольствием убила.

— Кто он?

— Партнер моего брата.

Она бросила быстрый взгляд на Олений Рог, и свет в ее глазах погас, а голова склонилась.

— Ваш брат послал вас расправиться со мной?

— Он не говорил...

— Но вы знали?

— Поняла, когда Мартин пошел со мной.

— Вы специализируетесь на поджогах?

— Поджоги? А, установка огня. Нет. Я химик. Я хочу...

Она резко одернула себя и не докончила фразу.

— Значит, те штуки — подслушивающие устройства, — сказал я.

Она спросила, что я имею в виду.

— Маленькие приборчики, которые ваш брат поставил в телевизоры, — сказал я. — Я догадывался, что это такое, когда увидел, как они размещены. Ряд караульных постов вокруг оперативного центра, уши, чтобы улавливать каждое слово, потому что если кто-то из жителей что-нибудь заподозрит, то будет болтать об этом и тем самым даст предупреждение. Он слышал мои телефонные разговоры сегодня вечером, не так ли? Вот почему он и послал вас. Он слышал и дока, а потому...

С неожиданной скоростью метнувшись в сторону, она бросилась бежать. Все повторялось; она быстро бежала, я нагонял.

Веди шлепала через поток, обдавая брызгами мое лицо и одежду. На другом берегу я опять поймал ее. Но на этот раз она стала отбиваться.

— Отпустите меня! —Она шипела, молотя меня кулаками.— Знаете ли вы, что я сделала ради вас? Я сама напросилась на нож. Отпустите меня, неуклюжий дурак!..

Я прижал ее крепче. Шелковистые волосы девушки касались моей щеки. Ее гибкое тело боролось, и оно было не мягким, а возбуждающе упругим.

— Пока я не пожалела об этом, — докончила она.

Я поцеловал ее, и тут случилось странное.

Я целовал девушек, которые не хотели этого, я целовал девушек, которым не особенно нравился, целовал недотрог, которые визжат от любого прикосновения, и бывало, получал по морде, но я никогда не видел девушку, которая была бы так отстранена от меня, как эта. Она даже не шевельнулась. Она вообще прекратила всякое движение. Мои руки обнимали ее, мои губы прижимались к ее губам, а от нее исходил такой холод, такое неприятие, что я даже не мог рассердиться.

Я был ошеломлен и растерян. Но ведь нельзя же сердиться на вещь за то, что она не твоя. Тут было что-то гораздо более глубокое. Я вдруг вспомнил о мальчике.

— Разное племя, — сказал я, — разные миры. Не правда ли?

— Да, — спокойно ответила она. — Разные миры.

Холод пробежал по моей коже. Теплой ночью я стоял на берегу ручья, где стоял тысячу раз и мальчиком, и мужчиной, видел страшный блеск ее глаз, и мне было не только холодно, но и страшно. Я немного отодвинулся, но все еще держал ее, хотя уже по-другому.

— Но между вашим братом и Салли Тейт было не так.

Эта статуя соизволила разжать губы:

— Мой брат Эрник — развратник.

— Веди, где находится Хрилльянну?

Статуя посмотрела через мое плечо и произнесла:

— Мартин убегает.

Я оглянулся. Так и было. Видно, его голова была крепче, чем я думал. Направляясь к улице, он неуклюже бежал вдоль стены моего дома.

— Что ж, — констатировал я, — теперь он ушел. Вы, наверное, приехали в машине?

Она кивнула.

— Это хорошо, — сказал я. — Часовые окликнут ее не так скоро, как мою. На ней мы и поедем.

— Куда? — спросила она, задохнувшись.

— Туда, куда я собирался, когда вы остановили меня. На Олений Рог.

— Ох, нет! Вы не можете, вы не должны...

Теперь она стала человеком, и человеком испуганным.

— Я спасла вам жизнь. Вам этого мало? Вы не поднимете живым на Олений Рог, и я тоже, если...

— А Салли и мальчик поднялись живыми? — спросил я.—Она кивнула.— Тогда вы увидите, что мы сделаем.

— Только не сегодня! — закричала Веди.—Она была в панике.— Не в эту ночь!

— А чем эта ночь отличается от всех прочих? —Она не ответила, и я встряхнул ее.— Что там происходит?

Вместо ответа она выкрикнула:

— Ладно, поезжайте, лезьте на Олений Рог, а когда будете умирать, вспомните, что я пыталась остановить вас.

Она замолчала и, не протестуя больше, повела меня к машине, припаркованной на пыльной улице. Это был грузовик. Днем он был грязно-синим.

— Он собирается убить их? — спросил я. — Он убил дока. Вы признали, что он хотел убить и меня. Как спасти Салли и ребенка?

— Вы мучаете меня, — ответила Веди. — Это мир мучений. Поезжайте, и будь что будет.

Я завел грузовик. Как и телевизор, он работал куда лучше всякого другого. С непостижимой скоростью и силой он летел по пыльным дорогам Оленьего Рога, мягко, как облако, пружинивший на ухабах, беззвучный, как призрак.

— Печальный факт, — заметил я, — но ваш брат — гений.

Она горько рассмеялась.

— Он не смог перейти на второй год технического обучения. Вот поэтому он здесь.

Она смотрела на Олений Рог так, словно ненавидела его, а Олений Рог, невидимый за грозовой завесой, отвечал ей угрюмым проклятием громовых раскатов.

Я остановился у последней бензоколонки, вытащил хозяина из постели и наказал ему сообщить шерифу Эду Биггсу, куда я поехал. Я не решился звонить сам, боясь, как бы Веди не удрала.

Хозяин был очень недоволен тем, что его разбудили. Я надеялся, что его недовольство не дойдет до того, что он забудет позвонить, но добавил:

— Вы находитесь очень близко к Оленьему Рогу и, возможно, спасете этим звонком и собственную шкуру, и бензоколонку.

Я оставил его переваривать сказанное и заторопился к горе, ведя эту проклятую диковинную машину, в которой я чувствовал себя, как в брюхе чудовища. А рядом со мной сидела эта проклятая, диковинная, жутковатая девица, и никто не мог поручиться за то, что она — человек.

Дорога шла вверх. Мы поднимались к подножью горы. Веди указывала, где мне поворачивать. Вскоре дорога стала тропой и уперлась в толстые стволы деревьев, за которыми скрывалась покосившаяся хижина размером с рояль и гараж. Гараж только снаружи выглядел хилым: фары показали, что внутри он совсем новый, выстроенный из прочного леса.

Я выключил мотор и фары и потянулся к ручному тормозу. Веди, наверное, ожидала этого момента. Я услышал ее движение и затем щелчок, как будто она выдернула что-то из-под приборной доски.

Дверца с ее стороны распахнулась.

Я заорал и выпрыгнул из грузовика следом за ней.

Она уже выбежала из гаража и поджидала меня. Стоило мне показаться в дверях, как я увидел рядом с рукой Веди маленькую зеленую молнию.

Она тянулась ко мне. Я смутно разглядел Веди и догадался, что она вызвала молнию из той штуки, которую держала в руке. Затем молния ударила меня, и все кончилось.

Придя в себя, я обнаружил, что еще жив, но Веди исчезла.

Я долго ползал кругами и наконец ухитрился встать. Чувствовал я себя отяжелевшим и развинтившимся. Руки и ноги не слушались меня, будто координационное управление перегорело. Укрываясь от дождя, я стоял в гараже, растирал онемевшие суставы и думал.

Весь пар из меня вышел. Я уже не хотел взбираться на Олений Рог. Отсюда он казался слишком черным, слишком зловещим, и один только Господь бог знал, что пряталось там под завесой плотных, свинцовых туч. Вспышки настоящих небесных молний освещали тянувшуюся вверх полосу деревьев, ветер яростно раскачивал их верхушки, а от ударов грома трещали мои барабанные перепонки. Дождь хлестал, и я подумал, что подниматься одному — безумие.

Затем я вспомнил о Салли Тейт и о маленьком рыжеволосом пацане, подумал о том, что Эд Биггс, наверное, уже пробирается между этими деревьями и разыскивает меня. Я не знал, долго ли я пролежал тут без сознания.

Я проверил, со мной ли еще мой пистолет. Он оказался на месте. Я пожалел, что нет выпивки, но об этом нечего было и думать. Итак, я вышел из гаража, но не пошел прямо на гору. Мне казалось, что девушка, по всей вероятности, уже добралась до своего братца, предупредила его, и теперь он может следить за мной. Я свернул к востоку, в сторону оврага, который мог послужить мне неплохим убежищем. Мне и раньше приходилось подниматься на Олений Рог, но это было днем, шел снег, со мной шли двое моих друзей, и ничего более зловещего, чем медведь, встретиться нам не могло.

Я лез по крутому склону горы, ползком продираясь между деревьями и густыми кустами. Я промок насквозь. Гром оглушил меня, молнии походили на гигантские факелы, которые кто-то расшвыривал в разные стороны, так что иной раз видны были прожилки на листьях, а иногда наваливалась мрачная темнота, словно солнце и звезды еще не были изобретены. Я потерял овраг. Я осознавал только, что все еще поднимаюсь наверх, в этом не было никаких сомнений. Через какое-то время дождь ослабел и почти прекратился.

В интервалах между раскатистыми ударами грома я услышал голоса. Они были приглушенными и отдаленными. Я попытался определить, откуда они доносятся, и, когда мне показалось, что я их засек, я двинулся в том направлении.

Толстый слой почвы под моими ногами сполз в головокружительную пропасть, и я почти влетел в длинную впадину, темную и густо заросшую. То, что творилось здесь, могла бы увидеть лишь птица, пролетавшая над этим оврагом. Я спустился и осторожно пошел вперед, надеясь, что гроза скроет шум моих шагов.

Голоса стали громче, и теперь к ним примешивался другой звук — скрежет и звон металла.

Я очутился на поляне раньше, чем понял это. Поляна была не больше десяти футов в поперечине. Неподалеку от меня стояли две палатки, так хитро замаскированные между деревьями, что заметить их можно было, лишь подойдя к ним вплотную.

Из одной доносился сонный плач ребенка.

На поляне Веди и Эрник следили за металлической мачтой, медленно тянущейся из глубокой шахты. Вершина ее уже скрывалась в тумане и была значительно выше самых высоких деревьев. На земле рядом с шахтой стояла лампа.

Лица Веди и ее брата были злые, напряженные и упрямые. Похоже, эта взаимная злость сделала их менее людьми или более нелюдьми, чем обычно: она подчеркнула особую структуру скул и челюстей, удлинила голову, ощетинила рыжие с серебром волосы, придала медным глазам зеленый кошачий блеск. Они ссорились, но говорили не по-английски. Эрник шипел и трещал, как гремучая змея.

Веди, как мне показалось, была испугана. Она поглядывала на палатки, и через минуту из одной из них вышел человек — Мартин. Голова его была перевязана, он выглядел усталым, промокшим и крайне раздраженным. Видимо, ему нелегко было добраться до базы.

Он шел прямо к Веди и грубо ругал ее за то, что она сделала.

Эрник сказал по-английски:

— Я не просил сестру ехать сюда и сегодня же отошлю ее домой.

— Вот и прекрасно, — проворчал Мартин. — А базу все равно придется перенести в другое место.

— Может быть, и нет, — ответил Эрник.

Он следил за гибкой мачтой, которая по-прежнему, мягко пощелкивая своими соединениями, тянулась вверх.

— Ты дурак, — сказал Мартин холодно и презрительно. — Из-за тебя все у нас пошло кувырком. Надо было тебе играть с этой девчонкой и сделать пацана всем напоказ! А с парнями в фургоне ты отколол только половину трюка — одного убил, а другого нет. А она испохабила единственный шанс, который у нас оставался. Ты знаешь, каких трудов нам будет стоить найти место наполовину такое же хорошее, как это? Ты знаешь, что я должен был сделать?

Эрник ответил резко, но не очень уверенно:

— Да ладно, хватит собачиться, займись сканнерами. Час-два — и они дадут сигнал. Здесь же полно гор!

— Горы-то есть, — махнул рукой Мартин.

Он снова взглянул на Веди.

— Как ты думаешь, долго ли она будет держать пасть закрытой на вашем конце?

Он повернулся и пошел в палатку.

Эрник неуверенно посмотрел на Веди, а затем снова сосредоточился на мачте. Лицо Веди побелело. Она шагнула было к палатке, но Эрник грубо схватил ее, прошипел что-то, и девушка осталась.

Я неслышно проскользнул к той палатке, где находился Мартин. Оттуда слышалось жужжание и противный скрип. Я опустился на мокрую землю и осторожно пополз ко входу в эту палатку.

Мачта выдвинула свой последний сустав, остановилась в росте, а Эрник и Веди склонились над тем, что показалось мне закопанной в землю контрольной панелью. Я положился на удачу и отодвинул полог палатки.

Изнутри она была заполнена чем-то вроде электронного оборудования. Мартин сидел, сгорбившись перед большой панелью с десятком маленьких экранов, похожих на миниатюрные телевизионные мониторы. Экраны, пока я на них смотрел, показывали широкий ассортимент видов Оленьего Рога и его

окрестностей, и Мартин, видимо, с помощью дистанционного управления, включал один за другим далекие передатчики, которые посылали изображения на мерцавшие экраны. Наводка, как видимо, была исключительно точной, потому что помехи почти не искажали изображения. Теперь я понял, чьи глаза следили за мной и домом на Гребне.

Я еще не знал, каким образом появились молнии, но был совершенно уверен, что если машина Эда Биггса появится на одном из этих экранов, то наш шериф непременно познакомится с действием этого таинственного оружия. Бедняга Эд разделит судьбу старого дока, но никто не увидит здесь ничего странного: ведь нынче летом страшные грозы!

Мартин оглянулся, увидел, что вошел не Эрник, и вскочил быстрее, чем я мог предполагать. Он схватил легкий стул, на котором только что сидел, резко швырнул его в меня, а сам тут же нырнул в угол. За ту секунду, в течение которой я уворачивался от стула, он успел схватить автомат.

Воспользоваться им Мартин не успел: я первый дал по нему два выстрела. Он упал — не знаю, раненый или мертвый. Я вышиб ногой автомат из его рук и отпрыгнул к брезентовой стенке рядом с передним полотнищем, не прижимаясь к ней. Палатка была высокая, а маленькие лампы над контрольной панелью не отбрасывали тени.

Эрник не появлялся. Через одну-две секунды меня начала бить нервная дрожь. Я слышал, как он кричит:

— Мартин! Мартин!

Я забежал в узкое пространство за приборами, стараясь ни до чего не дотрагиваться. Никаких проводов я не видел.

Тут меня осенило, что металлический стержень в виде мачты вышел из шахты в земле и что генератор должен быть здесь, внизу. Пол в палатке был сделан не из брезента, и приборы были прикреплены к нему.

Я достал свой нож и прорезал брезент в тыльной части палатки. Внезапно вся палатка наполнилась зеленым огнем. Он брызнул из всех металлических

предметов, встряхнул пистолет в моей руке и чуть не сбил меня с ног. К счастью, приборы заслонили меня от полной мощи разряда. Я протиснулся сквозь разрез, а затем наугад три или четыре раза выстрелил в оборудование — просто так, на всякий случай.

Затем я обежал палатку и схватил Эрника как раз в тот момент, когда он решал, входить ли ему в палатку. В руках он сжимал маленький прибор — такой же, как тот, что использовала против меня Веди. Я выдохнул:

— Бросай оружие!

Он замешкался, глядя на меня с опаской и откровенной злобой.

— Бросай! — повторил я.

Он бросил.

— Теперь ступай назад, — сказал я. — Иди к своей сестре, и шагай медленно, один шаг в секунду.

Он подчинился. Я поднял его оружие и усмехнулся:

— Вот и хорошо. Теперь можно расслабиться. — Потом я окликнул Салли Тейт, говоря ей, что теперь она спокойно может выйти.

Все это время Веди стояла, прижав руки ко рту, и смотрела в туман.

Салли Тейт выбралась из другой палатки, держа мальчика на руках. Лица обоих были бледные, распухшие и заплаканные.

— Теперь все в порядке, — сказал я. — Можете идти...

Я хотел сказать «домой», но с неба послышался звук — не ветра, не грома, а чего-то, напоминающего громкий вздох. Воздух навалился на меня, ветви деревьев согнулись. Туман кружился, кипел, рвался в клочья, рассыпался в пыль.

Что-то село на верхушку мачты. Эрник побежал к Веди, и я не остановил его. Я подошел к Салли Тейт, которая вытаращила глаза и раскрыла рот.

Мачта стала сокращаться, неся с собой предмет.

Полагаю, что я уже тогда понял, что это за штука. Понял, но не поверил сам себе. Это был узкий цилиндр футов пятьдесят в высоту. Никаких крыльев, никаких двигателей. Он медленно и плавно спускался

к земле, удерживаемый на острие мачты магнитными захватами. Суставчатая мачта действовала как автоматический гид или стабилизатор, опуская корабль в просвет между высокими деревьями, такой узкий, что вся эта картина напоминала погружение ломтика хлеба в отверстие тостера.

Тяжелый, непреодолимый страх сковал меня. Разрозненные кусочки мозаики встали на свое место, и я понял, что уже давно знаю ответ, но просто отказывался видеть его.

В боку корабля открылась дверь, и последние сомнения исчезли. Я почувствовал, что родное, всегда защищавшее меня небо рвется на части, как рвется под порывами бури пелена серых, нависших над землей облаков. Небо лопнуло, и в черные бреши на меня хлынул межзвездный холод, а вслед за ним — жесткое космическое излучение. Я был никем и ничем, бесконечно малая пылинка в огромном, безбрежном космосе.

Звезды подошли совсем близко. Мне хотелось упасть и завыть по-собачьи.

Ничего удивительного в том, что Эрник, Веди и мальчик были такими странными. Они не были мутантами, они даже не были землянами.

Они пришли из другого мира.

Из двери сам собой опустился трап. По нему быстро спустился какой-то мужчина и заговорил с Эрником. Он очень походил на Эрника, только одет был во что-то вроде плотно облегающего комбинезона. Эрник быстро ответил ему и указал на меня. Человек обернулся и внимательно оглядел мою персону. Тело его сильно напряглось. Я чувствовал себя глупым мальчишкой, а оружие, сжатое в моих руках, показалось мне грубо выструганной рогаткой. Если же выражаться более красиво, — я был одиноким спартанцем, преградившим эти космические Фермопилы, вставшим на пути мощной, многочисленной армии..

Пока Эрник и незнакомец разговаривали, события продолжали разворачиваться.

Открылся люк в корме, и из обоих проемов начал поспешно выходить народ: очень похожие на землян

мужчины и женщины. Несколько необычные, может чуть странные, но все же люди.

Они были разных типов, разного цвета кожи, разного роста и телосложения, но все они походили на нас. Прибывшие выглядели возбужденно и немного испуганно, их заметно смущало место, в котором они оказались, женщины даже вскрикивали.

Их было всего человек двадцать.

Вот тут-то я наконец понял, что затеяли Эрник и Мартин, и эта затея показалась мне столь неуместно банальной, что я засмеялся.

— Бетбека*, — сказал я, — вот кто вы. Контрабандная рабочая сила!

Потом, когда я как следует подумал, эта мысль уже не показалась мне такой смешной. Незнакомец повернулся и выкрикнул приказ. Все прибывшие остановились, даже те, кто не успел слезть с трапа.

Кто-то закричал. Затем те, кто стоял на трапе, подались в стороны, пропуская выскочивших из корабля восьмерых вооруженных в униформе.

Салли Тейт дико завизжала. Ребенок выпал из ее рук. Он сел на мокрую землю, ветер хлестал его, а он не мог даже кричать, ослепленный и потрясенный ужасом.

Салли тряслась мелкой дрожью. Ее крупное, сильное, здоровое тело как-то опустилось и обвисло, каждый мускул безвольно обмяк. Она повернулась, заковыляла к палатке, упала в проходе и поползла дальше, как пришибленная собака. Так она и осталась лежать там, и над ее головой хлопало полотнище.

Я не порицал ее. Я и сейчас не знаю, какая непонятная сила удержала меня и почему я не последовал ее примеру.

Из этих восьмерых пятеро не были людьми. У двоих не было даже отдаленного сходства с землянами.

Я не могу описать их, не могу отчетливо вспомнить, на что же они были похожи.

---

* Бетбека — сельскохозяйственные рабочие, незаконно проникшие или доставленные из Мексики в США.

Если честно, я и не хочу вспоминать.

Полагаю, что, если привыкнуть к такого рода существам и общаться с ними всю жизнь, — это дело другое.

А я не привык и вряд ли когда-нибудь привыкну, даже если мы сами завтра осуществим космические полеты. Я уже слишком стар, слишком закостенел в привычном образе существования. Возможно, другие более эластичны. Дай им Бог!

Я поднял мальчика и побежал.

Снова начался дождь. Я спустился по Оленьему Рогу и нес мальчика на руках.

Зеленые молнии летели за нами вдоль крутого склона.

Мальчик наконец отдышался. Он спросил, почему нас хотят убить. Я ответил, что не имею об этом никакого понятия, и прибавил ходу.

Мы кубарем скатились на дно глубокой рытвины и залегли там в мокром кустарнике на скользкой глине, наблюдая, как молнии прорезают черное небо над нами.

Через некоторое время они исчезли. Я снова взял мальчика и тихо пополз по рытвине, а затем вниз по склону.

Рядом раздался выстрел Эда Биггса и осторожный шорох поднимавшегося в гору полицейского отряда.

Один из людей принял ребенка из моих рук.

Я повис на Эде и бессмысленно твердил:

— Они высадили шайку бетбеков.

— Наверху?

— Там их корабль, — сказал я. — Это иноземцы, Эд, понимаешь, ино-земцы!..

Я снова засмеялся, хотя и не хотел этого. Просто в тот момент игра слов показалась мне такой блестящей, что я не смог удержаться.

Внезапно над нами вспыхнуло пламя.

Секундой позже до нас, сотрясая воздух, долетел грохот взрыва.

— Видимо, они разрушают свои установки, снимаются. Мартин говорил, что они это сделают. О Господи, а Салли все еще там!

Я снова бросился вверх по горе, продираясь между стволами деревьев, как медведь.

Остальные следовали за мной.

Раздался еще один взрыв. Я как раз вышел на край поляны. Эд был тут же, за моей спиной. Не думаю, чтобы кто-то увидел нас. Все вокруг заволок густой, удушливый дым. Палатки исчезли.

Обугленные деревья медленно клонились к краям большого кратера в глинистой земле.

От приборов, которые раньше стояли в палатке, не осталось и следа.

Корабль был еще здесь. Команда — человекообразные и нелюди — заталкивали в корабль последних пассажиров. Веди обнимала одной рукой Салли Тейт. Она явно пыталась провести ее на борт. Я подумал: «Так вот почему Салли и ее ребенок остались в живых. Вероятно, Веди настаивала, чтобы ее брат отправил их туда, где они не будут представлять для него опасности, а у него не хватило духу перечить ей». Теперь он растерянно стоял рядом, а раздраженный офицер пытался преградить путь Веди. Сама Салли, казалось, пребывала в состоянии столбняка.

Наконец Веди оттолкнула офицера и повела девушку на борт. Салли шла за ней добровольно.

Хочу надеяться, что с ней все будет в порядке. Она моложе и проще меня, она привыкнет. И потом, я думаю, что она любит Билла Джонса — Эрника — достаточно сильно, чтобы, потеряв ребенка, семью и свой мир, быть все-таки счастливой с ним.

Мы с Эдом бросились через поляну. Эд не вымолвил ни слова, но его лицо кое-что выражало.

Они увидели нас, но даже не потрудились стрелять. Похоже, у них просто не оставалось на это времени.

Веди закричала что-то — уверен, что по-английски, но я не расслышал ее слов. Она скрылась в корабле, за ней последовал Эрник, а затем офицеры

и члены экипажа. Трап взлетел вверх, и люки закрылись.

Якорная мачта стала подниматься, унося на своей верхушке корабль, и деревья склонялись от этого подъема.

Тут я понял, о чем меня предупреждала Веди. Я схватил Эда поперек талии и поволок назад. Кораблю необязательно подниматься очень высоко, достаточно подняться над деревьями. Я оттащил Эда так далеко, как подсказывал мне мой инстинкт, а затем заорал:

— Ложись!

Я обращался ко всем, кто находился на расстоянии крика, и яростно размахивал руками.

Все это заняло секунд тридцать. До Эда дошло. Мы лежали и плотно вжимались в глину.

Мачта взорвалась. Земля, камни, куски дерева посыпались вокруг нас. Ударная волна заложила нам уши. Через несколько секунд по небосводу пронесся протяжный свистящий вой, затем он ослабел и исчез совсем.

Через некоторое время мы встали, собрали грязный испуганный отряд и пошли посмотреть, что осталось от поляны. Там не осталось ничего. Салли Тейт исчезла, будто вовсе не существовала. Не сохранилось ни щепки, ни обломка в доказательство того, что мы с Эдом видели собственными глазами.

Мы сочинили историю о громадном вертолете и иностранной ракете. Она была не так уж хороша, но все же лучше, чем правда.

Потом, несколько успокоившись, мы с Эдом попытались объяснить происшедшее для себя, понять, как это было сделано и зачем.

Как — это довольно просто, если учесть их возможности. Необходимая технология у них есть. Найти удаленное, но не чрезмерно недоступное место, вроде вершины Оленьего Рога. Сделать там тайную базу, простую, настолько компактную и тщательно укрытую, чтобы охотники случайно не натолкнулись на нее. По ночам, в благоприятных условиях, иначе говоря, когда возможность наблюдения близка к

нулю, можно привезти и высадить груз. Понятно, что корабль, который мы видели, не настолько велик, чтобы везти издалека такую большую группу. Видимо, это был только посадочный аппарат, переправлявший пассажиров с более мощного корабля, находившегося на орбите.

Звездный корабль. Звучит невероятно, но мы видели членов его команды. Теперь чуть ли не каждый знает, что на других планетах нашей Солнечной системы нет разумной жизни земного типа. Значит, они пришли издалека.

Зачем? Это решить труднее. Мы могли только догадываться.

— Там, наверное, чертовски высокоразвитая цивилизация, — сказал Эд, — если строят такие корабли и путешествуют в них. Там явно знают о нас.

Это была неприятная мысль.

— Почему же они ничего не рассказали нам о себе? — недоумевал Эд. — Ввели бы нас в курс дела.

— Дело, наверное, в том, — сказал я, — что они ждут, пока мы сами не разовьем космические полеты. Может, это было вроде проверки, прежде чем допустить нас к своей цивилизации. А может, они думают, что мы так отстали с нашими вечными войнами, что им не хочется иметь ничего общего с нами.

— Ладно, — сказал Эд, — но зачем куча ихнего народа свалилась на нас? И как сюда впутался Мартин, один из наших, земных?

— Та куча, как ты говоришь, народу, — ответил я, — наверное, выехала оттуда нелегально. Помнишь, Мартин сказал насчет Веди: «Долго ли она будет держать пасть закрытой на вашем конце?» Я думаю, ее брат обанкротился у себя дома и впутался в грязный рэкет, а она пыталась спасти его от этого. Наверное, есть и другие миры вроде Земли, иначе рэкет не был бы финансово оправдан. Не было бы достаточного размаха.

— А бетбеки? — не унимался Эд. — Они тоже потерпели неудачу, не смогли обосноваться в своем обществе? Как ты думаешь, много ли их уже явилось к нам?

Я сам об этом задумывался.

Много ли чужаков знают Мартина и ему подобных, которые принимают их со звездных кораблей, одевают, инструктируют, снабжают фальшивыми документами в обмен на то ценное, что имеют эти бедняги?

Много ли вокруг людей, которые выглядят чуточку необычно, и иной раз думаешь, что они и на людей-то не похожи, странных людей, которых заметишь, а потом забудешь? Много ли их, этих нелюдей, в том смысле, какой мы вкладываем в это слово?

Семья Салли Тейт ничуть не мечтала получить мальчика обратно, так что я был назначен его законным опекуном и нам хорошо вместе.

Он отличный парнишка. Отец его, возможно, и неудачник в своем мире, но в нашем его сын-полукровка имеет такой коэффициент умственного развития, что прямо страшно делается.

Он добрый парень. Я думаю, он похож на свою тетку.

Я стал подумывать о женитьбе, чтобы устроить лучший дом для мальчишки и заполнить вакуум в собственной жизни, но пока не тороплюсь с этим. Вдруг Веди приедет обратно и спустится с Оленьего Рога?

Я не думаю, что это возможно, но все-таки полностью изгнать эту мысль не могу. Я вспоминаю холодное отчуждение, возникшее тогда между нами, а потом думаю, что это чувство могло бы и пройти со временем.

Досадно, что Веди испортила мне обычный подход к женщинам.

Хотел бы я знать, как ей живется на Хрилльянну и где это. В морозные ночи, когда небо прозрачное и чистое и Млечный Путь сверкает, как распахнутые ворота в ад, я смотрю на звезды и гадаю, которая из них — ее родина, а старый

Олений Рог стоит черный и молчаливый. Глубокие раны на его плечах залечиваются и становятся травяными рубцами. Он угрюмо молчит, и даже гром теперь звучит глуше.

Но, как сказал Эрник, гор здесь полно.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Два писателя, живущие и работающие вместе, даже если не сотрудничают, все равно неизбежно влияют на работу друг друга. Вы пишете одному только вам известным способом, поскольку дело это сугубо личное и одиночное. Но если вам постоянно показывают другой, часть его перенимается волей-неволей.

Эд всегда знал последнюю строку своего рассказа, нацеливаясь на нее как в мишень, даже не найдя первой. Я пользовалась противоположным методом. Наметить участок — все равно что убить его для меня. Я начинала, и рассказ складывался как бы сам по себе. Но если этого не получалось, я оказывалась в закрытом каньоне, из которого невозможно выбраться, а прекрасная идея уходила пылиться в папки.

Поняв в конце концов, что этот метод отнюдь не артистическая добродетель, а то, что я им пользуюсь, означает лишь то, что я не умею построить рассказ, как это делает Эд, со временем я узнала от него целую кучу всего насчет искусства композиции.

Однако я никогда не затруднялась с построением загадочных рассказов. Для меня это было чем-то вроде уравнения: даешь определенные события, за ними неизбежно следуют другие, а варианты ограничиваются пространством и временем. В научной фантастике все наоборот — там пространственно-временные рамки задают возможные варианты событий. Тема, к примеру, загадочного убийства, конечно же, имеет свои особые прелести, но научная фантастика для меня куда интереснее.

Упоминание Эда о приключениях с ремонтом нашей древней развалюхи принесло мне множество воспоминаний. Все-таки, чтобы получить то, что у нас сейчас есть, было потрачено двадцать шесть лет. На этом зеленом и плодородном Юго-Западе мне недоставало только одного — океана. Он был естественным окружением моей жизни в течение многих лет, и бухта, где находился наш домик, была удивительным местом для подростка. Теперь песок там почти пропал, отступив перед натиском сплошного ряда жилых домов, и я никогда не поеду больше туда. Но в те далекие дни там было лишь несколько маленьких домишек, ослепительно яркие солнце и небо, а в небе чайки, и я любила все это.

Зимой там бывали штормы, каких не увидишь нигде больше, и такие плотные туманы, что их можно было кусать и чувствовать привкус соли на губах. Это было место, где мне хорошо было быть одной. Я проходила по длинному молу и усаживалась на балку, свесив ноги в океан. Я чувствовала его дыхание, смотрела, как он несет свои волны по краю мира, и мечтала. Но самое главное, я

познала, что значит быть самим собой. Я никогда не понимала людей, которые говорят, что не знают, кто они на самом деле. Может быть, они никогда не были достаточно долго наедине с собой, чтобы обнаружить это.

Моя работа в Голливуде была не совсем обычна. Она то начиналась, то обрывалась. Наверное, из-за того, что я наполовину шотландка и склонна работать не торопясь, я рассматривала статьи контракта как оплачиваемое путешествие, которое в конце пути делает меня Рокфеллером младшего ранга. Однако на третий год из семи положенных оплата растворилась в налогах, а вместе с ней и я, так и не добравшаяся до своего первого миллиона. Затем я сделала два сценария для другой фирмы. Один имел успех, а второй провалился, и я заодно с ним. Не думаю, что он был так уж плох. Он был необычен, а они там не любят ничего необычного, но работы не было вообще, и мне пришлось забыть о кинематографической карьере.

Начиная с 1959 года я написала кучу сценариев для кино и телевидения, однако никогда особенно не рассчитывала только на это. Приходится все время ждать, пока тебя попросят что-то сделать, в то время как рассказы можно писать когда и как пожелаешь. И если ты умеешь это делать, то можешь быть уверен, что где-нибудь их пристроишь. Наверное, потому мне никогда не хотелось променять свою свободу выбора на сказочное богатство, которое сулит Голливуд. Оно, разумеется, не помешало бы, но если его нет, я предпочитаю мою рабочую комнату в Кинсмене.

К тому же мне нравится писать фантастику. Кроме радости от любимой работы, она дала мне нечто большее, чем деньги: замечательных друзей и семью, известную на весь мир, а наша совместная с Эдом жизнь продолжается почти тридцать лет. И никакие сказочные богатства не заменят этого.

Ли Брэкетт.
Кинсмен. Огайо
3 июля, 1976 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы о многих мирах. *Э. Гамильтон* . . 5
ДРАГОЦЕННОСТЬ БАСА 13
ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ВЕНЕРИАНЦЕВ 75
ВУАЛЬ АСТЕЛЛАРА 115
ИСЧЕЗНУВШАЯ ЛУНА 153
ВЕНЕРИАНСКАЯ КОЛДУНЬЯ 211
ЖЕНЩИНА С АЛЬТАИРА 293
ШЕННЕЧ ПОСЛЕДНИЙ 337
ТВИННЕР 401
СТРАННЫЕ 425
Послесловие. *Ли Брэкетт* 475

Литературно-художественное издание

Ли Брэкетт

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЛУНА

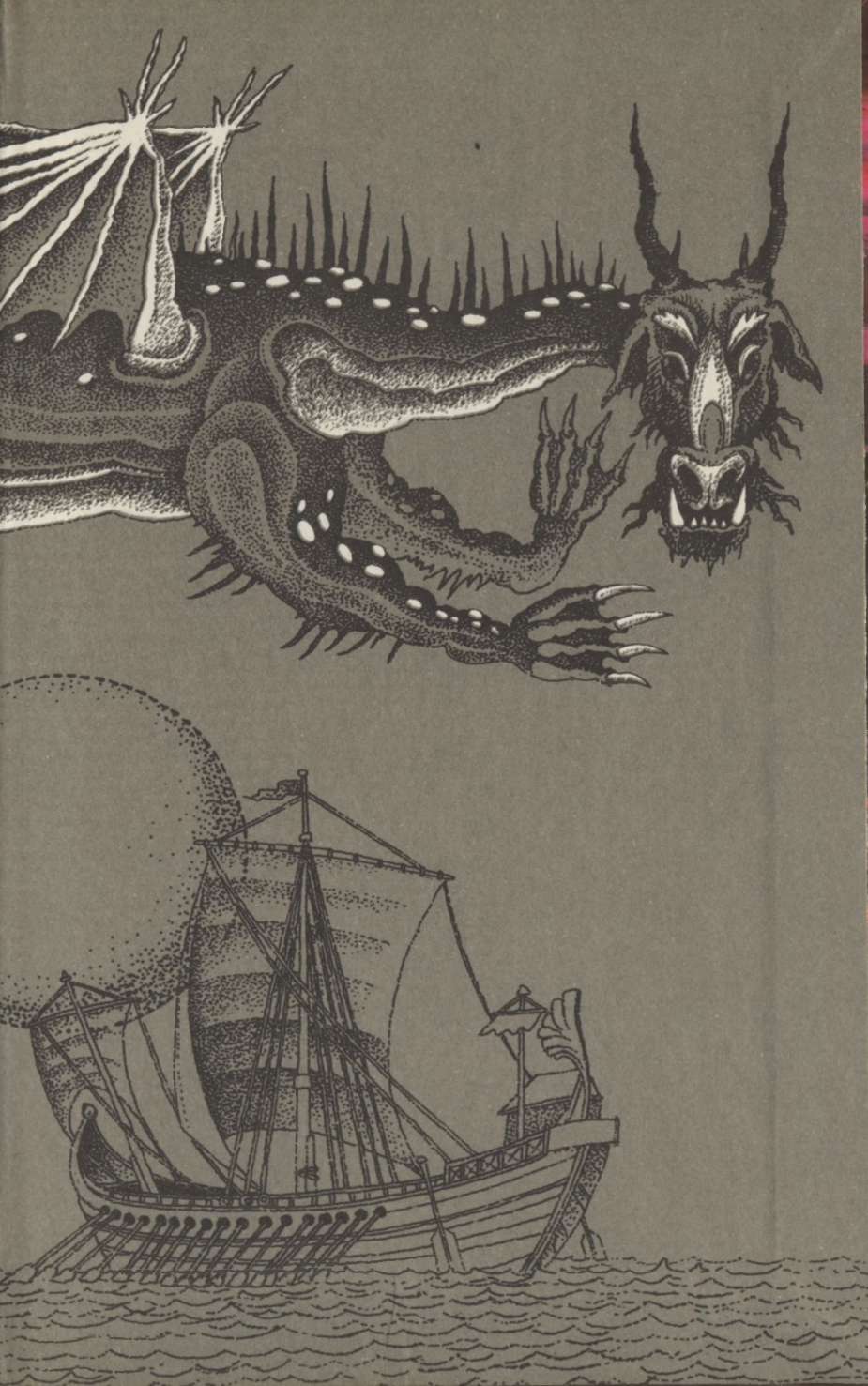
Зав. редакцией *Геннадий Белов*
Редакторы *Наталья Стандровская*
Алексей Бакулин
Художник *Сергей Лемехов*
Художественный редактор *Виктор Меньшиков*
Технический редактор *Татьяна Раткевич*
Корректоры *Галина Горянова, Нина Богачева,*
Виктория Листова
Верстка *Антонины Помазовой*

Подписано к печати с оригинал-макета 15.07.93.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 50 000 экз. Изд. № 253. Заказ 428.

Издательство «Северо-Запад»
191187, Санкт-Петербург, Шпалерная ул., 18

Отпечатано с оригинал-макета
в ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург.
Чкаловский пр., 15

·Северо-Запад·®